

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»
Кафедра государственного управления и уголовно-правовых дисциплин
Факультет экономики и права
Совет молодых учёных учреждения образования «Барановичский
государственный университет»
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Сборник материалов
II Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 12—13 мая 2016 года)

Под научной редакцией
кандидата юридических наук, доцента М. В. Андрияшко

Барановичи
БарГУ
2016

Рассматривается генезис и пути совершенствования уголовной политики Республики Беларусь; проведён анализ конституционных основ уголовной политики, а также таких направлений, как административно-правовые и социально-гуманитарные аспекты уголовной политики; определены актуальные тенденции уголовно-исполнительной политики; освещены современные проблемы эффективной борьбы с преступностью в аспекте уголовно-процессуального законодательства; исследованы основы обеспечения безопасности человека, общества и государства в юридическом и экономическом аспектах.

Изложены результаты собственных исследований авторов, а также внесены предложения, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь в области уголовной политики.

Адресуется специалистам органов государственного управления, обучающимся (студентам, магистрантам, аспирантам), преподавателям учреждений высшего образования, а также всем заинтересованным лицам.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» Т. С. Таранова,
доктор исторических наук, профессор, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» В. А. Ананич

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	6
------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Абрамчик Л. Я. Налоговый контроль как разновидность налоговых процедур и метод налогового администрирования	7
Апаров А. Н. Правовые механизмы обеспечения безопасности жизни и здоровья человека как потребителя в хозяйственных отношениях в Украине	9
Василевич Г. А. Беларусь на пути к отмене смертной казни: возможные варианты решения	11
Васильева Л. А. К вопросу об управлении миграционными рисками: межконфессиональный аспект	13
Кмита Н. А. Административно-правовые аспекты применения части второй статьи 9.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях	15
Лосев В. В. Проблемы криминализации преступлений против интересов службы и воинских должностных преступлений	18
Марисюк К. Б. Уголовно-правовая политика в сфере имущественных наказаний в системе правовой политики Украины	21
Пилипенко А. А. Отдельные аспекты обеспечения экономической безопасности в контексте проведения мониторинга	23
Хилюта В. В. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности	25
Чирко И. П. Повышение культуры судебной деятельности в аспекте организации судебных процессов с участием адвоката	28

КОНСТИТУЦИОННЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Ельцов Н. С. Участие профессиональных юридических общественных объединений России в реализации отдельных положений уголовной политики	31
Желудков М. А. Особенности реализации в России социально-правового института защиты права собственности от корыстной преступности	33
Жук К. А. Разрешение на временное проживание лиц, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь: правовой анализ	35
Ильяшенко А. В. Государственное управление в сфере интеллектуальной собственности в аспекте уголовно-правовой защиты нарушенных прав	37
Кисель А. А. Экологически безопасное развитие окружающей среды как фактор обеспечения основных прав человека	39
Мороз Д. Г. О реализации принципа системности при построении уголовного закона	41
Ольшевский В. Г. Государственное управление обеспечением национальной безопасности в контексте уголовной политики	43
Пилипенко А. А. Применение повышающих коэффициентов в системе налогообложения и их корреспонденция с мерами административной ответственности	45
Сакович А. М. Совершенствование законодательства о предоставлении статуса беженца в Республике Беларусь	47
Семашко И. И. Нотариус как субъект, осуществляющий правоохранительную деятельность	49
Скорход И. Г. Конституционно-правовые аспекты института помилования в Республике Беларусь	51
Станкевич О. Г. Конституционные основы государственного управления в сфере экономики	53
Шахновская И. В. Уголовно-правовая охрана национальной чести и достоинства	55

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Бородулькина Е. С. Проблемные аспекты практики применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, освобождаемым от наказания в связи с психическим расстройством (заболеванием)	58
Василевич С. Г. Сбалансированность норм уголовного и административного законодательства — важный показатель качества нормотворчества	60
Глухова О. В. Понятие «лицо, совершившее преступление» в составе заранее не обещанного укрывательства преступлений	62
Ескендиров А. А. Несовершеннолетние в обществе: проблемы воспитания и социализации	64
Железная Л. И. Ограничение свободы как элемент механизма уголовно-правовой охраны	66
Каплич Я. В. Правовое регулирование исполнения наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа	68
Ключко Р. Н. Бездействие должностного лица: признаки и проблемы уголовно-правовой оценки	70

Кольцов М. И. Система уголовных наказаний: пути совершенствования	73
Коротич Е. А. Торговля людьми: проблемные аспекты содержания противоправности преступления (часть первая статьи 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь)	75
Лосев И. В. Проблемы криминализации причинения имущественного ущерба без признаков хищения	77
Махарадзе А. А. Грузинская реальность в отношении обратной силы уголовного закона	79
Новик О. О. К вопросу об определении признаков и уголовно-правового значения института множественности преступлений	82
Осмонова Н. Н. Особенности применения средств исправления и ресоциализации осуждённых в современных условиях	84
Острогляд А. В. Соотношение индивидуализации уголовной ответственности как составляющей метода уголовной политики и принципа равенства перед уголовным законом	86
Прокуда О. Ю. Проблемы повышения эффективности уголовного наказания несовершеннолетних	88
Резюк В. И. Профессиональная трудоспособность как объект уголовно-правовой охраны	90
Римша А. Ю. Современная практика реализации института превентивного надзора	92
Русак А. Н. Проблемы уголовно-правовой оценки не оказания медицинской помощи больному лицу	95
Сагитдинова З. И. Отдельные вопросы регламентации давности преступления по законодательству ряда зарубежных стран	97
Сманалиева А. К. Проблемы организации контроля за освобождёнными от отбывания наказания в Кыргызской Республике	99
Сулайманова Н. Н. Вопросы ответственности юридических лиц по проекту нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики	101
Ткачева С. В. Проблемы назначения наказания в виде ограничения свободы по материалам судебной практики Калининградской области	103
Торговченков В. И. Уголовно-правовая политика России в сфере ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма	105
Шевцов Ю. Л. Уголовная политика Республики Беларусь в контексте реализации мер уголовной ответственности	107
Шипук С. Н. Пенитенциарная система Республики Беларусь: актуальное состояние и тенденции развития	110
Шуленкова И. В. Проблемные аспекты легализации наркотических средств	112

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Белохвостик А. А. К вопросу о заключении досудебного соглашения	114
Василевский А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в законодательстве стран СНГ	116
Денисюк Е. В. Периодизация становления и развития криминалистических учётов	118
Ельцов В. Н. Дознание в сокращённой форме: оправдались ли надежды законодателей	120
Завацкая К. Н. Значение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет	122
Куланбаева З. А. Проблемы уголовно-процессуального познания в стадии возбуждения уголовного дела	124
Луцевич Ж. А. Таможенные органы Республики Беларусь как субъекты оперативно-розыскной деятельности	126
Мукашова С. А. Сравнительно-правовой анализ пересмотра судебных решений по уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики и некоторых постсоветских государств	128
Пивнюк Ю. Н. Нетрадиционные методы изобличения во лжи при допросе	130
Скок О. И. Теоретико-процессуальные аспекты криминалистической экспертизы	132
Трафимчик И. В. Понятие и сущность восстановительного правосудия по уголовным делам	134
Шамурзаев Т. Т. Актуальные проблемы защиты прав свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства в рамках противодействия организованной преступной деятельности	136

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Бучко В. Б. Інститут примірэння ў крмінальным працэсе Украіны: юрыдычныя і псіхалагічныя аспекты	139
Войтешук Е. И. Молодёжная преступность в Германии и Беларуси: криминологический анализ	141
Гулевич Д. О. Влияние виртуальной зависимости на противоправное поведение несовершеннолетних	143
Жунушова Г. Б. Криминологическое обеспечение национальной безопасности Кыргызской Республики	145
Лещинская Д. А. Влияние употребления энергетических напитков на противоправное поведение несовершеннолетних	147
Мельник П. В. Криминализация деяний против окружающей среды в Украине и Республике Беларусь	149
Романюк Е. В. Разграничение терминов «причины» и «условия» применительно к детерминантам употребления наркотиков	151
Русакевич Н. М. Конфискация имущества как средство борьбы с коррупцией: криминологический аспект	153
Сергиевич И. Ф. К вопросу о снижении возраста уголовной ответственности	155

Храмов С. М. Виктимологический мониторинг населения как средство борьбы с латентной преступностью	157
Шуняева В. А. Глобализация как криминогенный фактор преступности несовершеннолетних	159

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ЮРИДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Андрияшко М. В. Перспективы государственного патернализма как модели социально-обеспечительных отношений	162
Береговцова Д. С. Реализация прав граждан при применении современных репродуктивных технологий в контексте обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь	164
Гуркова А. В. Уголовно-правовая политика в сфере торговли людьми	166
Иванчина О. Н. Проблема религиозной безопасности в современном мире	168
Крутько Р. В. Обеспечение безопасности человека, общества и государства в аспекте государственной регистрации религиозных организаций	170
Пилипенко Е. В. Алкогольная политика в Республике Беларусь на современном этапе: социальный и нормативный аспекты	172
Пилипенко Е. В. Социальная профилактика: нормативное и научное понимание	173
Попова Е. А. Влияние незаконной миграции на внутреннюю безопасность государства	175
Резник О. Н. Государственная финансовая инспекция как субъект обеспечения финансово-экономической безопасности государства	177
Рудоманенко И. А. Правосудие в Международном уголовном суде	179
Серета В. В. Старение населения как угроза демографической безопасности Республики Беларусь	181
Серета Е. Л. К вопросу об ответственности за нарушение водного законодательства Республики Беларусь	183
Турчак И. А. Применение гражданско-правовой ответственности вследствие декриминализации отдельных видов преступлений	185
Ченкалиди Е. П. О поиске новых подходов к противодействию террористическим уголовным правонарушениям в современных условиях	187
Черняк Ю. В. Деятельность военных трибуналов и судов в годы Великой Отечественной войны	189

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Безуглая В. А. Монетарная политика как инструмент обеспечения финансовой безопасности страны	192
Горбач Ю. Е. Совершенствование методики экспресс-анализа финансового состояния предприятия в целях повышения экономической безопасности	194
Житкевич Г. Я. Участие граждан в виртуальных финансовых сделках с использованием криптовалют и их правовые и финансовые последствия	196
Климук В. В. Экономическая безопасность государства: инструментальный концепт и апробация	198
Кременевская В. Н. Безопасность международного туризма как фактор его эффективного развития	201
Лабейко О. А. Мониторинг уровня смертности населения трудоспособного возраста как способ оценки демографической угрозы социально-экономическому развитию	203
Познякевич В. Н. Профессиональное суждение бухгалтера как инструмент формирования достоверной финансовой отчетности	205
Трус Е. Н. Роль органов государственного управления в обеспечении безопасности в сфере туризма	207
Хитрова И. А. Использование опыта применения Международных стандартов финансовой отчетности как фактора, повышающего качество и достоверность бухгалтерской информации	209

К ЧИТАТЕЛЮ

В 2016 г. кафедра государственного управления и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права учреждения образования «Барановичский государственный университет» завершает финальный этап разработки научно-исследовательской темы «Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования».

Венцом проделанной работы и наиболее значимым её результатом представляется настоящее издание, подготовленное при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, отражающее широкую географию авторов и их аргументированные позиции по вопросам проблемного поля II Международной научно-практической конференции «Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования».

В целях противодействия негативным тенденциям в развитии криминогенной обстановки, своевременного реагирования на вызовы и угрозы, влияющие на её состояние, представителями суда, прокуратуры, адвокатуры, службы исполнения наказаний, научно-исследовательских институтов, учреждений высшего образования из различных государств (Грузии, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Польша, Украины, Российской Федерации и Республики Башкортостан) высказаны мнения о необходимости выработки и реализации дальнейших эффективных мер по ликвидации либо нейтрализации причин и условий, способствующих совершению общественно опасных деяний, связанных с экстремизмом, терроризмом, коррупцией, незаконным оборотом оружия, наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, торговлей людьми, незаконной миграцией. Авторами сформулированы выводы теоретического характера, внесены предложения, способствующие совершенствованию законодательства в части разработки и реализации правовых, организационно-управленческих мер по противодействию преступности и осуществлению комплекса мероприятий, направленных на достижение социально приемлемого уровня преступности, минимизацию последствий, наступающих после совершения преступлений.

Перечисленные позиции, а также результаты тесно связанных с ними смежных направлений исследований нашли отражение в настоящем издании. В частности, в условиях продолжающихся процессов демократических преобразований в Республике Беларусь важное значение имеет как комплексное обеспечение национальной безопасности в целом, так и гарантированное обеспечение устойчивого состояния демографической и экономической безопасности нашей страны. Показательно, что доклады участников конференции затрагивают как проблематику устоявшейся тематики, так и проблемные вопросы обеспечения религиозной и миграционной безопасности, кибербезопасности (безопасности в сети Интернет), экологической безопасности и др.

Украшает настоящее издание плеяда выдающихся современников учёных-юристов, уже внёсших вклад в развитие юридической мысли и формирование основных направлений государственной политики. Полезным, направленным на популяризацию научного мышления и открывающим новые горизонты представляется участие в работе конференции представителей молодёжного научного сообщества (студентов, магистрантов, аспирантов, молодых учёных) наряду с признанными профессионалами.

Уголовная политика, сформированная на базовых принципах уголовного закона, является иммунитетом, вырабатываемым государством в целях устранения преступности как барьера, затрудняющего создание условий для эффективного социально-экономического развития. Внесённые авторами конкретные предложения, направленные на совершенствование уголовного закона, а также сформулированные выводы теоретического характера свидетельствуют не только об интересе авторов к проблематике, но также вдохновляют и дают основание предположить перспективную динамику уголовного законодательства.

Слова искренней благодарности за интерес к мероприятию и личный вклад в его проведение, а также пожелания больших научных свершений адресуются каждому участнику II Международной научно-практической конференции «Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования».

М. В. Андрияшко

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 347.7

Л. Я. Абрамчик,
кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ НАЛОГОВЫХ ПРОЦЕДУР И МЕТОД НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Введение. Налоговое администрирование является одним из основных элементов эффективного функционирования налоговой системы и экономики государства в целом. Эффективность налоговой системы обусловлена полнотой выявления источников доходов в целях обложения их налогами и минимизацией расходов по их мобилизации и обязанности уплате.

Основная часть. Целью государственного управления является достижение в обществе правового порядка, деятельности, строящейся в строгом соответствии с требованиями закона, которая закрепляется в нормативных правовых актах, а также исполнение налоговой политики государства, которая проводится в отношении всех участников правоотношений, регулируемых налоговым законодательством.

Для реализации поставленных целей используются определённые механизмы и методы налогового администрирования. По мнению К. С. Бельского, государственные органы, осуществляя налоговое администрирование, используют следующие методы: 1) метод налогового администрирования, обуславливающий добровольное исполнение налогоплательщиком обязанности по уплате налога; 2) принудительное исполнение по уплате налога; 3) налоговый контроль [1, с. 35].

Для нормального функционирования общества требуется чёткая система мер контроля, необходимая для урегулирования финансовых отношений. Такой системой можно назвать финансовый контроль, который состоит из нескольких составных частей, одной из которых является налоговый контроль.

Характеризуя налоговый контроль, можно сказать, что это установленная нормативными актами совокупность приёмов и способов по обеспечению соблюдения налогового законодательства и налогового производства.

По мнению О. А. Ногиной, налоговый контроль можно определить как составную часть формируемого государством организационно-правового механизма управления, представляющую собой особый вид деятельности специально уполномоченных государственных органов, в результате которой обеспечивается установленное нормами налогового права исполнение обязанностей лиц в сфере налогообложения, исследование и выявление оснований для осуществления принудительных налоговых изъятий (недоимок и пеней) в бюджетную систему, а также установление оснований для применения мер ответственности за совершение налоговых правонарушений [2, с. 144].

Другой точки зрения придерживается Е. Ф. Киреева, которая определяет налоговый контроль как контроль правильности и своевременности уплаты налогов и сборов, установленных действующими законодательными актами [3, с. 13].

Более широкое толкование налогового контроля даёт А. А. Пилипенко, который понимает под налоговым контролем регламентированную законодательством деятельность уполномоченных на то государством органов, которая обеспечивает учёт субъектов и объектов (предметов) налогообложения, правильность исчисления, своевременность и полноту внесения налогов и обязательных неналоговых платежей в централизованные денежные фонды государства [4, с. 65].

В соответствии со статьёй 64 Налогового кодекса Республики Беларусь налоговым контролем признаётся система мер по контролю за исполнением налогового законодательства, осуществляемая должностными лицами налоговых органов в пределах их полномочий посредством учёта плательщиков (иных обязанных лиц), проверок, опроса плательщиков и других лиц, проверки данных учёта и отчётности, осмотр движимого и недвижимого имущества, помещений и территорий, где могут находиться объекты, подлежащие налогообложению или используемые для извлечения дохода (прибыли), и в других формах, предусмотренных налоговыми органами [5].

Сущность налогового контроля состоит в выполнении ими следующих задач: 1) контроль за соблюдением налогового законодательства, правильным исчислением, полнотой и своевременной уплатой в бюджет налогов, пеней; 2) контроль за соблюдением иного законодательства в пределах своей компетенции; 3) осуществление контроля за полнотой и своевременностью поступления в доход бюджета

денежных средств от реализации имущества, обращённого в доход государства; 4) выявление, пресечение и предотвращение правонарушений в сфере своей компетенции и привлечение к ответственности лиц, виновных в нарушениях законодательства; 5) выявление неиспользуемых резервов повышения эффективности экономической деятельности плательщика (иного обязанного лица) в целях увеличения поступления налогов в бюджет, совершенствования налогового законодательства и организации работы налоговых органов; 6) принятие мер по обеспечению взыскания в бюджет налогов, пеней, налоговых административных штрафов, доначисленных в ходе проверок; 7) наблюдение за подконтрольными объектами; 8) прогнозирование, планирование, учёт и анализ тенденций в налоговой сфере [6, с. 107].

Целью налогового контроля является достижение соблюдения законности и правопорядка, однако подобный подход не отражает всех аспектов финансового контроля, ограничивает его социальное назначение, поскольку обеспечение законности является не конечной целью правового регулирования, а условием достижения стабильности, урегулированности правом различных общественных отношений.

Посредством налогового контроля обеспечивается своевременное и полное поступление в пользу государства доходов. Для того чтобы деятельность налоговых органов при осуществлении контроля была правомерной, необходимо руководствоваться принципами, регламентированными в Указе Президента Республики Беларусь № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (Указ № 510) [7].

Организация контрольной деятельности в целом предполагает организационное единство ряда контрольных процедур, являющихся совокупностью действий, объединённых определённой целью, которые представляют собой не что иное, как конкретное мероприятие налогового контроля. В соответствии с законодательством в настоящее время налоговый контроль проводится в следующих формах: учёт налогоплательщиков и объектов, подлежащих налогообложению; проведение налоговых проверок и принятие решений по ним; принятие правоустанавливающих решений по вопросам налогового права; опрос налогоплательщиков и других лиц; проверки данных учёта и отчётности; осмотр помещений и территорий.

Одним из основных методов налогового контроля выступает налоговая проверка. Проведение проверок, механизм назначения плановых проверок и их периодичность, а также процесс планирования и проведения проверок регламентируется Указом № 510. В этих целях составляется координационный план контрольной (надзорной) деятельности, в который входят проверяемые субъекты. В координационный план включаются субъекты хозяйствования на основании их отнесения к группам риска в соответствии с исчерпывающим перечнем критериев, определённых Указом № 510.

Содержание контрольной деятельности определяется приёмами, применяемыми уполномоченными контролирующими органами, т. е. форма неразрывно существует с методами контрольной деятельности.

По результатам осуществления контрольной деятельности налоговых органов принимаются процессуальные документы. Данные документы выступают итогом реализации функций должностными лицами налоговых органов, которые направлены на предупреждение и пресечение налоговых правонарушений, и представляют собой индивидуальные налоговые акты.

Индивидуальные налоговые правовые акты — это официальные документы налоговых органов, принятые в результате деятельности должностных лиц на основе законодательных актов, не содержащих норм права, однако ориентированы на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей для определённого лица или круга лиц, направленные на разовое или ограниченное применение. Таковым выступает акт или справка проверки по форме, установленной законодательством. По фактам выявленных нарушений должностным лицом налогового органа в пределах его компетенции может быть составлен протокол об административном правонарушении и (или) вынесено постановление по делу об административном правонарушении. Данные акты носят официальный характер и должны быть облечены в письменную форму. Немаловажным является вопрос и о содержании данных документов, так как несоблюдение письменной формы или наличие ошибок в содержании лишает их юридической силы.

Стоит отметить, что существуют определённые проблемы в содержании индивидуальных налоговых актов. В акте проверки должна быть соблюдена ясность и точность изложения выявленных фактов. В акт проверки не допускается включение различного рода не подтверждённых документально фактов и данных о деятельности проверяемого субъекта плательщика (иного обязанного лица). Данные, содержащиеся в акте, должны быть достоверными. Акт налоговой проверки должен быть составлен в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь на основе исследованных данных проверяемого субъекта только в пределах тех вопросов, которые указаны в перечне вопросов к предписанию на проведение проверки. Впоследствии выявленные правонарушения по вопросам, которые будут исследованы, но не включены в перечень предписания на проведение проверки, могут быть обжалованы плательщиком, и ответственность, применяемая по данным вопросам, не будет иметь места. На основе анализа судебной практики причинами признания решений налоговых органов недействительными зачастую являлось неправильное толкование норм действующего законодательства, применение актов, не зарегистрированных в установленном порядке, несоблюдение ими правил проведения проверок.

Заключение. Налоговый контроль призван урегулировать налоговые отношения для нормального функционирования экономики государства и общества. Налоговый контроль является составной

частью финансового контроля, однако в настоящее время налоговый контроль постепенно обособляется в качестве самостоятельного правового явления. По результатам осуществления контрольной деятельности налоговых органов принимаются процессуальные документы. Данные документы выступают итогом реализации функций должностными лицами налоговых органов, которые направлены на предупреждение и пресечение налоговых правонарушений, и представляют собой индивидуальные налоговые акты.

Список цитируемых источников

1. Бельский К. С. Основы налогового права // Гражданин и право. 2006. № 1. С. 35.
2. Ногина О. А. Налоговые процедуры как составляющие налогового процесса // Правоведение. 2009. № 3. С. 102—114.
3. Налоговый контроль : учеб. пособие / Е. Ф. Киреева [и др.] ; под ред. Е. Ф. Киреевой, И. А. Лукьяновой. Минск : БГЭУ, 2008. С. 153.
4. Пилипенко А. А. Краткий курс лекций по дисциплине «Налоговое право». Минск : Амалфея, 2011. 104 с.
5. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : текст по состоянию на 1 янв. 2015 г. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
6. Данина Е. Принципы налогового контроля // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. 2006. № 6. С. 106—115.
7. О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 8 янв. 2013 г. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

УДК 346.548

А. Н. Апаров,

*доктор юридических наук, доцент
Киевская государственная академия водного транспорта
имени гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, Киев, Украина*

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ПОТРЕБИТЕЛЯ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В УКРАИНЕ

Введение. Тематика обеспечения безопасности жизни и здоровья человека во всех без исключения сферах общественной жизни, несомненно, является актуальной и требует отдельного внимания. Не является исключением в этом вопросе и сфера экономики, основная задача которой состоит в обеспечении населения товарами, работами и услугами. При этом следует отметить, что актуальность рассматриваемого вопроса в значительной степени усиливается противоречивыми условиями самой экономики, которая, с одной стороны, основывается на свободной конкуренции, а с другой — монополизирована в отдельных отраслях; в которой основной мотив каждого продавца — дороже продать и дешевле купить — постоянно наталкивается на зеркально противоположный мотив каждого покупателя; в которой идёт процесс глобальной трансформации природных и других ресурсов, однако не всегда учитывается фактор ограниченности и исчерпаемости таких ресурсов.

Указанные факторы обостряют проблему обеспечения реализации и защиты прав и законных интересов участников экономических отношений, ведь зачастую их интересы противоречивы между собой, что приводит к отклонению поведения отдельных субъектов от положений законодательства и совершению правонарушений.

Соответственно, одной из основных функций законодательства есть не что иное, как конструирование механизма сбалансирования частных и публичных интересов в сфере хозяйствования, ключевым из которых выступает безопасность жизни и здоровья человека.

В связи с указанным прослеживается объективная необходимость в исследовании и анализе правовых механизмов обеспечения безопасности жизни и здоровья человека в сфере экономических отношений в Украине.

Основная часть. Хозяйственная деятельность является публично-частной, что обусловлено сбалансированным сочетанием как частных интересов субъектов хозяйствования (получение прибыли или других преимуществ), так и публичных интересов различных слоёв социума (получение государством и местной общиной налогов и иных платежей, удовлетворение потребностей населения в продукции и т. п.).

В свою очередь, необходимость разработки механизма согласования указанных интересов в сфере экономики обуславливает объективную необходимость в надлежащем урегулировании отрасли хозяйственных отношений в целом.

Ключевым видом публичного интереса в сфере экономики являются интересы потребителей, которые (интересы) состоят в необходимости обеспечения системного и безопасного удовлетворения их потребностей.

В законодательстве различных стран в вопросе защиты прав потребителей основное внимание отводится урегулированию отношений по обеспечению надлежащего качества и безопасности товаров, работ и услуг. При этом уместно отметить, что такая тенденция имеет место на протяжении всего исторического развития института защиты прав потребителей. В частности, ещё в XX в. Президентом США Дж. Кеннеди в Конгрессе США 15 марта 1961 г. были сформулированы основные права потребителей, среди которых, наряду с правом на информацию, правом быть услышанным и правом на безопасную окружающую среду, ведущее место было отведено праву на безопасность [1, с. 2—3].

Украина в этом вопросе не является исключением, а право потребителей на защиту нашло своё нормативное закрепление. В частности, согласно статье 42 Конституции Украины государство защищает права потребителей, осуществляя при этом контроль за качеством и безопасностью продукции, услуг и работ [2].

В то же время специальным законом, регулирующим отношения между потребителями и производителями (продавцами, исполнителями) в Украине, является Закон Украины от 12 мая 1991 г. № 1023-ХІІ «О защите прав потребителей», в котором определены права потребителей и механизмы их защиты [3]. При этом следует отметить, что основными правами потребителя являются: право на защиту в суде и других уполномоченных органах; надлежащее качество и безопасность продукции и обслуживания; право на достаточную и достоверную информацию о продукции; право возмещения причинённого вреда и др.

Также уместно вспомнить, что в рамках Содружества Независимых Государств принято «Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств — членов Содружества Независимых Государств в сфере защиты прав потребителей» от 25 января 2000 г. [4].

Кроме того, законодательство о защите прав потребителей Украины включает и ряд других нормативно-правовых актов международного, законодательного (в том числе Гражданский кодекс Украины [5] и Хозяйственный кодекс Украины [6]) и подзаконного уровня, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что потребитель как физическое лицо, которое приобретает, заказывает, использует или намеревается приобрести или заказать продукцию для личных нужд, имеет право на надлежащее качество и безопасность продукции.

Таким образом, безопасность жизни и здоровья потребителя рассматривается в законодательстве Украины как субъективное право человека.

Наряду с этим в целях реализации права потребителей на надлежащее качество и безопасность продукции был создан целостный механизм обеспечения соответствующего вопроса на разных уровнях, ключевым элементом которого служат так называемые средства государственного регулирования хозяйственной деятельности, а также институт ответственности в сфере защиты прав потребителей.

Такие средства являются нормативными и финансово-экономическими инструментами хозяйственного регулирования, сущность которого в данном случае сводится к обеспечению комплексного процесса властного воздействия уполномоченных органов в сфере экономики для обеспечения реализации, охраны и защиты публичных интересов соответствующих субъектов.

В то же время основное значение в вопросе обеспечения качества и безопасности продукции имеют созданные в Украине системы технического регулирования (стандартизация, метрология, сертификация), лицензирования и разрешительных механизмов, которые направлены на защиту экономических и социальных интересов общества и отдельных потребителей, в том числе и обеспечение охраны жизни и здоровья человека.

Сущность указанных средств государственного регулирования заключается в установлении государством определённых императивных требований к процессу хозяйственной деятельности юридических лиц и физических лиц-предпринимателей, а также к самой продукции.

Выражаясь утверждениями учёных о разрешительных механизмах, зафиксируем то, что соответствующие средства государственного регулирования, с одной стороны, позволяют государству оказывать влияние на субъектов хозяйствования, а с другой — сводятся к установлению государством специальных требований, необходимых для осуществления соответствующего вида деятельности [7, с. 281].

Стоит отметить, что поскольку государство гарантирует права потребителей и осуществляет контроль в этой отрасли, то соответствующим образом были созданы специальные структуры власти разных уровней, а также предусматривается функционирование общественных организаций потребителей. Кроме этого, потребителям гарантируется судебная защита.

Заключение. Правовые механизмы обеспечения прав потребителей являются важной составляющей законодательства большинства стран мира, и Украина в этом вопросе не является исключением. В частности, предусматриваются отдельные средства защиты прав потребителей. Кроме того, обеспечению безопасности жизни и здоровья потребителя способствуют созданные в Украине системы стандартизации, сертификации, метрологии, лицензирования и разрешительной системы. Наряду с этим предусматривается ответственность за нарушение прав потребителя.

Основной задачей соответствующих механизмов является надлежащее урегулирование отношений между производителями (продавцами, исполнителями) и потребителями, а основной функцией — гарантия потребителям реализации их интересов, в том числе и в вопросе обеспечения надлежащего качества и безопасности продукции, а следовательно, обеспечения безопасности жизни и здоровья человека и общества в целом.

Вместе с тем вопросы правового регулирования в Украине отношений по защите прав потребителей и, соответственно, по обеспечению безопасности их жизни и здоровья требуют пересмотра в части унификации ныне действующего на её территории законодательства. Кроме того, необходимо совершенствование и законодательства об ответственности за правонарушения в сфере защиты прав потребителей.

Список цитируемых источников

1. Еналеева И. Д. Защита прав потребителей: часто задаваемые вопросы, образцы документов. М., 2004. 332 с.
2. Конституция Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 15.03.2016).
3. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Украины, 12 мая 1991 г., № 1023-XII. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1023-12> (дата обращения: 15.03.2016).
4. Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств — членов Содружества Независимых Государств в сфере защиты прав потребителей от 25 января 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/997_534 (дата обращения: 15.03.2016).
5. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон Украины, 16 янв. 2003 г., № 435-IV. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата обращения: 15.03.2016).
6. Хозяйственный кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон Украины, 16 янв. 2003 г., № 436-IV. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/436-15> (дата обращения: 15.03.2016).
7. Вавженчук С. Я. Правовое регулирование фондового рынка : учеб. пособие. Нежин : Аспект-Полиграф, 2013. 582 с.

УДК 343.25

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор
Белорусский государственный университет, Минск

БЕЛАРУСЬ НА ПУТИ К ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ: ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ

Введение. Упоминание в Конституции Республики Беларусь смертной казни как вида уголовного наказания было обусловлено, прежде всего, криминогенной ситуацией, складывающейся на момент её подготовки и принятия. В проекте Конституции, подготовленном рабочей группой, по состоянию на сентябрь 1991 г. вопрос о смертной казни фиксировался следующим образом: гражданин Белорусской ССР (на тот момент ещё не был принят закон о переименовании нашего государства в Республику Беларусь) имеет право на жизнь. Никто не может быть лишён жизни иначе как по приговору суда в качестве исключительной меры наказания в случаях, прямо предусмотренных законом (статья 57 проекта) [1, с. 65], т. е. предполагалась широкая формулировка, отдающая на усмотрение законодателя определение «случаев», в связи с которыми могло быть установлено лишение жизни по приговору суда. В редакциях проекта, рассмотренном на заседании конституционной комиссии 30 сентября 1991 г. [2], в проекте, одобренном в первом чтении 11 ноября 1991 г. [3], а также в последующих проектах от 6 апреля 1992 г. [4] и от 8 октября 1992 г. [5] соответствующие нормы (статьи 24, 25) звучали следующим образом: неотъемлемым правом каждого человека является право на жизнь. Республика защищает от незаконных посягательств на жизнь и здоровье человека. Такая редакция свидетельствовала о желании уйти от какого-либо упоминания о смертной казни (лишении жизни по приговору суда). Однако сама формулировка «республика защищает от незаконных посягательств на жизнь и здоровье человека» могла быть истолкована ещё шире, нежели это было в самом первом проекте, подготовленном к сентябрю 1991 г.

Основная часть. В конечном варианте Конституции появилась та редакция части третьей статьи 24, которая и есть сейчас в Конституции: смертная казнь до её отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда. Данное положение не подвергалось изменениям на референдуме 1996 г. Считаем эту редакцию оптимальной, учитывающей все возможные нюансы развития правовой системы и представляющей собой правовой императив для органов государственной власти, которые обязаны принимать меры по её исключению среди мер уголовной ответственности. Отмена смертной казни — это ещё

и свидетельство успешности выполнения государством правоохранительной функции. В настоящее время, полагаем, наше государство приблизилось к решению данного вопроса.

Если обратиться к статистике убийств, которые наиболее точно отражают и общее состояние дел в криминогенной сфере, то она свидетельствует о постоянном нарастании в конце XX ст. таких преступлений. В некоторые годы советского периода их количество не превышало 300 (1961—1969 гг., исключая 1963-й, когда было совершено 313 убийств). Затем шло нарастание этих преступлений. Так, с 1980 по 1984 г. ежегодно совершалось более 500 убийств. Введение в действие в середине 1985 г. так называемого антиалкогольного законодательства позволило по итогам 1986 г. снизить количество убийств до 339, в 1987 г. их было ещё меньше — 335. С началом «перестройки» стал очевидным постоянный и существенный рост такого рода особо тяжких преступлений: с 567 в 1989 г. до 952 в 1994 г., т. е. в год, когда была принята Конституция уже независимой Республики Беларусь (в 1993 г. было совершено 885 убийств). На этом фоне разработчики проекта Конституции другую редакцию статьи 24 не могли предложить гражданам. Необходимо отметить, что особых возражений против смертной казни ни в рабочей группе, ни в конституционной комиссии не было.

Руководству нашей республики понадобилось много лет, чтобы обуздать преступность, в том числе такие её крайние проявления, как убийства: в период 1995—2006 гг. число ежегодно совершаемых убийств значительно превышало тысячу либо в отдельные годы было на грани этого показателя. В 1998 г. наблюдался «пиковый» (наивысший) показатель — 1 228 убийств. В 2003—2004 гг., т. е. в период, который предшествовал принятию Конституционным Судом Республики Беларусь 11 марта 2004 г. заключения № 3-171/2004 «О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни», было совершено 1 057 и 989 убийств соответственно.

Как же развивалась криминогенная ситуация в дальнейшем, после принятия данного заключения? Не сразу, но постепенно ситуация стала меняться к лучшему. В течение 2007 г. было совершено 791 убийство. В течение четырёх последующих лет, в период работы автора статьи в системе прокуратуры (2008—2011 гг.), их количество снизилось почти вдвое (на 49%) и составило 404. Правда в последние годы отмечается незначительный рост этих преступлений: в 2013—2015 гг. совершено 410, 434, 422 убийства соответственно. Если обратиться к наказанию за указанные преступления, то показатели за последние пять лет следующие: 2011 г. — 3 приговора к смертной казни, 4 — к пожизненному заключению, 2012 г. — 0 и 4, 2013 г. — 2 и 2, 2014 г. — 2 и 0, 2015 г. — 2 приговора к смертной казни (один к моменту подготовки данного анализа не вступил в силу) и 0 соответственно. На март 2016 г. вынесено два приговора к смертной казни (оба пока не вступили в силу). Кстати, то обстоятельство, что в 2012 г. не было вынесено ни одного приговора о смертной казни, отрицательно не сказалось в целом на преступности.

Вариантов решения данного вопроса может быть несколько: от радикальных до «пошаговых». Все они вписываются в конституционные рамки и не требуют корректировки Основного Закона, т. е. задержки по этой причине быть не может. Главное здесь — политическая воля руководства государства (Президента Республики Беларусь). Учитывая, что по форме правления наша республика является президентской, выбор вариантов и времени принятия решения — за Главой государства.

На его рассмотрение может быть предложен радикальный вариант — полная отмена смертной казни посредством изъятия этого наказания из Уголовного кодекса. Исключение можно пока сохранить для преступлений террористической направленности, повлёкших гибель людей. При приёме в Совет Европы тем более потребуются это сделать, исходя из действующих здесь решений. Однако и без вступления в Совет Европы можно развивать наше законодательство с учётом лучших и приемлемых для нас стандартов.

Второй вариант — её сохранение, но принятие решения в виде закона или декрета на приостановление исполнения вынесенных приговоров о смертной казни. Это, конечно, создаёт дополнительные «испытания» для осуждённых в связи с ожиданием исполнения приговора (хотя отметим, что в США есть примеры, когда осуждённые ждут исполнения смертного приговора десятилетиями). В то же время у таких лиц появляется надежда на сохранение жизни. Этот вариант позволяет отреагировать в будущем на развитие криминогенной ситуации, сохраняя возможность использования этой исключительной меры наказания как по отношению к тем, кому уже вынесены такие приговоры, так и к тем, кто совершил деяние, предусматривающее соответствующую санкцию.

Третий вариант — принятие закона о временном приостановлении применения норм Уголовного кодекса, предусматривающих смертную казнь. Причём возможны две версии концепции этого закона. Первая — принимается закон о временном приостановлении применения норм о смертной казни до принятия окончательного решения (без указания срока его действия). На наш взгляд, неприемлемо решение такого важно вопроса на уровне Пленума Верховного Суда Республики Беларусь с рекомендацией судам не применять данный вид наказания. Вторая — принимается закон, отменяющий смертную казнь на определённый период, например, до 31 декабря 2016 г. или 31 декабря (1 июля) 2017 г. В преддверии указанной даты государство может принять решение о пролонгации

такого решения (закона) либо, исходя из складывающейся ситуации, его не продлевать, и тогда закон автоматически утрачивает юридическую силу, а смертная казнь восстанавливается. Однако она не может быть применена к лицам, совершившим деяние в период моратория, за которое ранее была предусмотрена смертная казнь.

Не исключаем и другие варианты решения данного вопроса. Например, решения Главы государства по помилованию приговорённых к смертной казни. Однако, видимо, этот вариант менее возможный. Иногда ссылаются на решение (единичное) о помиловании осуждённого к смертной казни Президентом Республики Беларусь. На наш взгляд, этому способствовали некоторые формальные моменты, связанные с выдачей этого лица государством, в котором смертная казнь не применяется.

Как показывает опыт зарубежных государств, отмена смертной казни может сопровождаться изменением полномочий и практики выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел. Если сопоставить практику задержания предполагаемых преступников у нас и в США, Западной Европе, то можно увидеть большую свободу действий полицейских за рубежом. Они чаще используют огнестрельное оружие на поражение лица, от которого исходит угроза жизни и здоровью полицейского. При сопоставлении цифр, свидетельствующих о смертной казни (у нас) и гибели людей при задержании, то в данной ситуации Беларусь выглядит лучше. Например, как свидетельствуют открытые источники, в 2013 г. жертвами сотрудников правоохранительных органов США стал 461 человек. Однако американские эксперты, работающие в области уголовного правосудия, говорят о том, что реальная цифра гораздо выше, поскольку не каждое отделение полиции в США предоставляет данные в Федеральное бюро расследований [6].

Заключение. Опыт не только стран западной европейской демократии, но и бывших республик СССР свидетельствует, что смертная казнь в современных условиях утрачивает своё значение, всё большее количество государств её отменяет. Страны, входящие в Содружество Независимых Государств, Союзное государство, Евразийский экономический союз на конституционном уровне отменили смертную казнь. Такое решение принято уже много лет назад в России, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Монголии и др.

На наш взгляд, европейский стандарт, предполагающий отказ от применения смертной казни, Беларуси как европейской стране приемлем. Полезно делать дальнейшие шаги в этом направлении, формируя соответствующим образом правоприменительную практику, повышая правовое сознание граждан, воздействуя на криминогенную ситуацию в целях сокращения преступности, прежде всего тяжких и особо тяжких преступлений. Совет Европы, высказывая требование об отмене нашей республикой смертной казни и ставя это в качестве одного из условий приёма в состав данной международной организации, по нашему мнению, должен учитывать практику приёма других государств, которым устанавливался переходный период для приведения законодательства в соответствие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Решение вопроса об отмене смертной казни в нашей республике — за Главой государства и Парламентом Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Василевич Г. А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990—1994 гг.). Минск : Право и экономика, 2014. 308 с.
2. Там же. С. 88.
3. Там же. С. 116.
4. Там же. С. 142.
5. Там же. С. 165.
6. СМИ: в США число жертв полицейских достигло рекордной отметки [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20141112/1033038577.html#ixzz3RW1TJgAu> (дата обращения: 15.12.2015).

УДК 325.1

Л. А. Васильева,

кандидат юридических наук, доцент

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ РИСКАМИ: МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Введение. Религиозная структура населения представляет собой разделение его на группы согласно своей религиозной принадлежности. Точное количество приверженцев той или иной религии не назовёт никто, поскольку по этому признаку персональный учёт населения, особенно её мигрирующей части,

во многих странах не ведётся. Этот фактор серьёзно затрудняет управление незаконными миграционными процессами. Кроме того, факт религиозной принадлежности конкретного лица часто определяет характер рисков как в отношении него самого, так и в отношении других лиц, которые вступают с ним в социальный контакт. К примеру, в последнее время крайне деструктивное влияние на общественные отношения оказывают приверженцы радикального ислама.

Рассмотрим отдельные аспекты управления рисками в миграционной межконфессиональной сфере общественных отношений.

Основная часть. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, особое место занимает проблема опасностей (вызовов, угроз и рисков). Отметим, что с научной точки зрения понятия «вызов», «угроза», «опасность», «риск» недостаточно разработаны, однако выделены три концепции понимания риска: как грозящей опасности, действия под угрозой опасности, психологического процесса выбора варианта поведения в альтернативно развивающейся ситуации с сознательным недопущением неблагоприятных последствий.

Восприятие в единстве этих концепций в процессе управления неконтролируемыми миграционными процессами даёт нам, с одной стороны, осознание возможности наступления рискованных ситуаций как для мигрантов, так и субъектов управляющего воздействия. С другой стороны, подчёркивает необходимость комплексного усовершенствованного подхода к управлению рисками с учётом некоторых специфических особенностей: религиозной или этнической принадлежности мигрантов и коренного населения.

Выработка конкретных управленческих решений, направленных на реализацию практических мероприятий по минимизации миграционных рисков — это снижение отрицательного эффекта, вызываемого в случае реализации миграционных рисков. Минимизировать последствия межконфессиональных миграционных рисков возможно двумя путями.

Во-первых, необходимо оценить опасности, которые угрожают легальной самоидентификации верующих, и выработать социальные факторы в сфере межконфессиональных отношений, которые повлияют на защищённость таких отношений. Оценка опасностей и выработка защитных факторов — задача глобальная. В её решение должны быть включены государственные органы общей и специальной компетенции, религиозные конфессии, учёные, население в процессе исследований. Эмпирический, статистический материал, научные исследования в данной сфере общественных отношений могут дать ценнейшую объективную информацию для решения этой задачи. К примеру, в 1997—2008 гг. в Беларуси проводилось изучение процессов появления культов (в том числе клиентурных) и сект на территории страны. Был взят период с 1983 по 2003 г. Исследователи пришли к выводу, что процесс миграции радикально меняет соотношение между сектами, культурами и клиентурными культурами в сторону десятикратного увеличения присутствия сект и культов. Миграция не только нарушает существующий баланс между новыми религиозными движениями, но и изменяет домиграционное соотношение между разными их типами. В три раза увеличилась доля восточных, спиритических, языческих, политических, синкретических, утопических новых религиозных движений [1].

Здесь же прослеживается ещё одна социальная проблема, которая в нашей стране не изучена, а потому не учитывается при разработке концепции управления миграциями и предупреждения рискованных ситуаций среди коренного населения и иммигрантов. Опыт европейских стран по обеспечению национальной безопасности показывает, насколько эта проблема актуальна. В её основе лежит такое понятие, как «этническая дистанция». Она характеризует взаимоотношения в обществе с позиции, которая показывает, насколько близки или далеки представители разных народов во всём, что определяется национальной культурой: от религиозных воззрений, влияющих на психологию даже самых убеждённых атеистов, до самых незначительных бытовых привычек [2].

Второй путь минимизации последствий рассматриваемых рисков — управление ими. Управление рисками (риск-менеджмент) — процесс принятия и выполнения управленческих решений, направленных на прогнозирование наступления рискованного события и принятие различных мер к снижению степени риска. Управленческие решения могут носить как разовый, так и перспективный характер. Участие в реализации государственной политики в области гражданства, миграции и регистра населения является задачей сотрудников органов внутренних дел [3]. При решении этой и других задач сотрудникам невозможно избежать рискованных ситуаций, поэтому определение рисков и управление ими являются обязательными и важными в управленческой деятельности. Прогнозирование миграционных рисков, связанных с въездом и пребыванием иностранцев, и их влияние на складывающуюся криминогенную обстановку предполагают определение конкретных рисков обострения криминогенной обстановки и степени вероятности отрицательной реализации риска — возникновение ущерба.

Под возникновением ущерба в результате реализации миграционных рисков следует понимать, прежде всего, рост количества преступлений и правонарушений, совершённых иностранцами за определённый период времени.

В Республике Беларусь сформирована качественная правовая основа управления миграцией, осуществляется эффективный контроль над пребыванием иностранцев на территории республики.

Не допускается противоправных деяний со стороны иностранцев на религиозной почве. Это свидетельствует об эффективности управляющего воздействия на миграционную ситуацию. До недавних пор в Республике Беларусь не отмечалось крупных конфликтов межконфессионального характера. Однако военные конфликты на религиозной почве в отдельных регионах мира оказывают влияние на ситуацию и в нашей стране.

В конце ноября 2014 г. спецподразделения Республики Беларусь задержали группу салафитов, которая сформировалась под влиянием религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир». В неё входило 5 иностранных граждан и 15 граждан Беларуси. Последние должны были проводить миссионерскую незаконную деятельность среди мусульман на территории Минской, Гродненской, Могилёвской областей. Задержанные иностранцы были депортированы из нашей страны.

Основные идеи радикального ваххабизма и салафизма (салафы — праведные предки): 1) выступление против неверных (немусульман); 2) выступление против всевозможных новшеств или нововведений, где под нововведения попадают и наши татары, которые являются суннитами-ханафитами и представляют более позднее течение ислама, т. е. радикалы воюют не только против немусульман, но и против мусульман, которых они считают «вероотступниками»; 3) выступление против законов, которые не были преподнесены пророком (нельзя подчиняться иным законам, кроме законов шариата).

Таким образом, угроза радикализма для нашей страны вполне реальна, и в первую очередь риски коснутся местных татар-мусульман, которые исповедуют на территории нашей страны мирный ислам.

В рассматриваемом аспекте управления миграционными процессами при наличии организационного механизма и инструментария необходимо привлечение к сотрудничеству специалистов-религиоведов, способных квалифицированно разрабатывать рискованные ситуации для включения их в конкретное управленческое решение.

Заключение. Современная миграция несёт в себе не только положительные факторы, но и различные риски, в том числе обусловленные религиозной принадлежностью иммигрантов. Научный подход к определению риска, его содержания, выработка наиболее оптимальных методов диагностики, создание эффективных инструментов управления рисками является основой эффективности управляющего воздействия на современные вызовы и угрозы в сфере миграционных межконфессиональных отношений.

Список цитируемых источников

1. Мартинович В. А. Влияние миграции новых религиозных движений на формирование конфессионального пространства Беларуси // Религия и общество-4 : сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова». Могилёв : Издат. центр МГУ, 2009. С. 153—154.
2. Васильева Л. А. Некоторые аспекты миграции населения в современный период // Ислам и глоб. проблемы цивилизации : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29—30 июля 1999 г. : в 2 ч. / Всемирн. орг. «Ислам. миссия», Мусульм. религиоз. объедин. в Респ. Беларусь, Белорус. община татар-мусульман «Аль-Китаб». Минск, 2000. Ч. 2. С. 12—17.
3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

УДК 342.922:343.615.1

Н. А. Кмита

Суд Барановичского района и г. Барановичи, Барановичи

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 9.1 КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Введение. Актуальность и распространённость дел об административных правонарушениях, связанных с проявлениями насилия в семье, привели к изменению законодательства, что в свою очередь обусловило необходимость изучения и обобщения судебной практики.

Основная часть. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 64-З с 28 августа 2013 г. вступили в силу изменения и дополнения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП).

Согласно части второй статьи 9.1 КоАП нанесение побоев, не повлёкшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершённых в отношении близкого родственника либо члена семьи (если в этих действиях нет состава преступления), влекут наложение штрафа в размере до десяти базовых величин или административный арест [1].

Более двух лет действуют данные изменения. Это достаточное время для изучения и обобщения судебной практики в целях установления эффективности принятых изменений законодательства и их совершенствования.

На наш взгляд, изменение подхода в противостоянии насилию в семье принесло как положительные, так и отрицательные явления.

Вспомним немного историю. Насилие в семье (домашнее насилие) во всём мире всегда являлось и является распространённым явлением и вызывает повышенное внимание со стороны правоохранительных органов и общественности, так как несёт в себе угрозу для будущих поколений. Безопасность и личная неприкосновенность являются неотъемлемым правом любого человека. Статьи 1 и 5 Всеобщей декларации прав человека, которая была принята Организацией Объединённых Наций в 1948 г., гласят, что все люди имеют право на жизнь без насилия: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах»; «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию» [2].

Не оспаривается, что одной из эффективных мер противодействия домашнему насилию является привлечение виновных лиц к административной ответственности.

До внесения указанных изменений в законодательство самым распространённым административным воздействием к семейным правонарушителям было привлечение их к административной ответственности за мелкое хулиганство. В этой практике было много недостатков, главный из которых — установление умысла виновного. Абсолютное большинство отмен судебных постановлений было вызвано неправильным ограничением хулиганства от умышленного причинения телесных повреждений из личных неприязненных отношений.

Действие части первой статьи 9.1 КоАП [3], предусматривающей административную ответственность за умышленное причинение телесного повреждения, не повлёкшего за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, не изменило подхода правоохранительных органов и судебной практики к искоренению насилия в семье. Вызвано это было, в первую очередь, необходимостью проведения по заявлениям потерпевших медицинского освидетельствования в целях установления степени тяжести причинённых телесных повреждений. У работников органов внутренних дел желания в проведении этой процедуры было мало, как и у самих потерпевших, поэтому в суды по-прежнему поступали протоколы за мелкое хулиганство. В случаях, когда семейные противостояния происходили в присутствии несовершеннолетних детей или других граждан, виновные лица привлекались к административной ответственности за мелкое хулиганство, так как эти действия были сопряжены с заведомым для виновного нарушением общественного порядка и выражением неуважения к обществу. В остальных случаях дела прекращались за отсутствием состава административного правонарушения.

Такое положение дел долго продолжаться не могло, так как домашнее насилие продолжало порождать рост числа разводов и неполных семей, детскую беспризорность и преступность несовершеннолетних. Осознание широты масштабов домашнего насилия привело к пониманию необходимости внесения изменений в действующее законодательство.

Действительно, после 8 августа 2013 г. количественный состав административных правонарушений, предусмотренных статьёй 17.1 КоАП, резко пошёл на спад, а количество административных правонарушений, предусмотренных частью второй статьи 9.1 КоАП, неуклонно стало расти.

Так, Судом Барановичского района и г. Барановичи в 2015 г. рассмотрено 2 990 дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью второй статьи 9.1 КоАП (30% от всех дел об административных правонарушениях) [4]. Завершены вынесением постановления о наложении административного взыскания 62% дел, прекращено производство по 25,1% дел, освобождены от административной ответственности 1,1% лиц, совершивших данное административное правонарушение.

Анализ показал, что качество рассмотрения судом дел об административных правонарушениях зависит от правильности оформления первичных документов, в первую очередь протокола об административном правонарушении. Требования к форме и содержанию протокола об административном правонарушении содержатся в статье 10.2 ПИКоАП [5]. Однако практика свидетельствует о том, что протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью второй статьи 9.1 КоАП, не всегда соответствуют требованиям закона и не содержат всех сведений, необходимых для вынесения судьёй законного и обоснованного постановления по делу, что влечёт возврат дела об административном правонарушении судом для устранения недостатков в соответствии со статьёй 11.3 ПИКоАП [6, с. 65].

В связи с некачественной подготовкой материалов об административных правонарушениях, предусмотренных частью второй статьи 9.1 КоАП, Судом Барановичского района и г. Барановичи в 2015 г. органам внутренних дел для устранения недостатков было возвращено 203 дела. К сожалению, некачественная подготовка административных дел данной категории продолжается и в 2016 г. Отсутствие отчётности в органах внутренних дел о возврате судом дел об административном правонарушении влечёт отсутствие анализа допускаемых ошибок, снижение эффективности реагирования на факты семейного насилия, оперативного применения к правонарушителям мер административной ответственности, создаёт дополнительную нагрузку в ходе судебного разбирательства.

В силу статьи 4.5 КоАП деяние, содержащее признаки административного правонарушения, предусмотренного частью второй статьи 9.1 КоАП, влечёт административную ответственность лишь при наличии выраженного в установленном ПИКоАП порядке требования потерпевшего либо законного представителя привлечь лицо, совершившее административное правонарушение, к административной ответственности. Данное требование оформляется заявлением (часть первая статьи 9.4 ПИКоАП) и может быть письменным либо устным, занесённым в протокол (часть первая и вторая статьи 9.2 ПИКоАП) [7].

Обобщение показало, что в большинстве изученных дел отсутствовали какие-либо документы, подтверждающие родственные отношения между потерпевшим и лицом, в отношении которого ведётся административный процесс. Близкое родство устанавливалось сотрудниками органов внутренних дел, как правило, со слов лиц, в отношении которых ведётся административный процесс, и потерпевших. Редко выяснялось, ведёт ли потерпевший совместное хозяйство с лицом, совершившим правонарушение, проживают ли они совместно.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью второй статьи 9.1 КоАП, имеют специфику не только в отношении субъекта правонарушения и потерпевшего, но и в характеристике объективной стороны административного правонарушения, которая выражена в форме альтернативных действий: нанесение побоев, умышленное причинение боли, умышленное причинение физических страданий, умышленное причинение психических страданий.

К сожалению, данные понятия не имеют законодательно закреплённых определений, что влечёт ошибки при квалификации противоправных действий виновных лиц.

Если с нанесением побоев, умышленным причинением боли и физических страданий сложилась судебная практика, то умышленное причинение психических страданий явилось самой сложной оценочной категорией в части второй статьи 9.1 КоАП [8].

Как измерить в судебном заседании глубину переживания потерпевшим униженности, оскорблённости, страха и иных подобных чувств? Ведь практически в каждой семье происходят ссоры, и виновных здесь найти тяжело, особенно если ни одна из сторон конфликта не злоупотребляет спиртными напитками. В этой связи представляется правильным на данном этапе направление судебной практики на применение в случаях незначительных семейных конфликтов при отсутствии желания у сторон к примирению положений статьи 8.2 КоАП об освобождении от административной ответственности лиц, совершивших административное правонарушение, по малозначительности, признавая причинённый вред охраняемым законом правам и интересам незначительным.

В силу части второй и четвёртой статьи 26 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [9] суд в пятидневный срок направляет в органы внутренних дел вступившие в законную силу постановления о наложении административного взыскания за правонарушение, предусмотренное статьями 9.1, 9.3, 17.1 КоАП [10], совершённое по отношению к члену семьи виновного. Направление таких постановлений служит основанием для объявления виновным лицам официального предупреждения, постановки их на профилактический учёт, что в свою очередь является необходимым условием для вынесения им защитного предписания — установление гражданину, совершившему насилие в семье, ограничений на совершение определённых действий.

Обобщение показало, что большое количество дел об административных правонарушениях прекращалось на основании пункта 7 части первой статьи 9.6 ПИКоАП в связи с примирением потерпевшего с физическим лицом, в отношении которого ведётся административный процесс (72% от общего числа прекращённых дел) [11]. В целом, это положительная цифра, так как примирение должно способствовать разрешению конфликтных ситуаций в семье и снятию напряжённости между близкими людьми, налаживанию семейных отношений. Вместе с тем следует проверять добровольность заявления о примирении, не было ли оно сделано потерпевшим по принуждению, под давлением со стороны виновного или иных лиц.

В соответствии с частью первой статьи 9.4 ПИКоАП в случае совершения деяний, предусмотренных статьёй 9.1 КоАП, административный процесс может быть начат прокурором при отсутствии требования потерпевшего и не подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего либо законного представителя с лицом, в отношении которого ведётся административный процесс.

По инициативе Барановичского РОВД и Барановичского ГОВД в 2015 г. по данному основанию Барановичским межрайонным прокурором был начат административный процесс по 40 делам, по которым потерпевшими признавались лица, не способные самостоятельно защищать свои права и законные интересы в силу возраста, физических или психических недостатков, опасения реализации различных угроз в отношении себя или близких.

Заключение. Практика свидетельствует о том, что, сохраняя индивидуальный подход к противодействию насилию в семье, не следует допускать послабления в отношении лиц, неоднократно привлекаемых к ответственности за домашнее и семейное насилие в любых его проявлениях, а также в отношении лиц, чьи правонарушения по своему характеру находятся фактически на грани уголовных преступлений.

Список цитируемых источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.
4. Там же.
5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
6. Практика рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с проявлением насилия в быту (ч. 2 ст. 9.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) // Суд. вестн. 2015. № 2. С. 64—71.
7. Там же. С. 65.
8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.
9. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
10. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.
11. Практика рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с проявлением насилия в быту (ч. 2 ст. 9.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях). С. 69.

УДК 343.35

В. В. Лосев,

*кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», Брест*

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ И ВОИНСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение. Постоянное внесение корректив в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) вызывается не только социально-экономическими изменениями и другими объективными причинами, но также не всегда последовательным отношением к криминализации и декриминализации деяний. Возникают затруднения в толковании уголовного закона и его применении на практике, что требует продолжения совершенствования уголовного закона с опорой на законы логики и законодательной техники, а также правила русского языка.

Основная часть. Названия статей 424 и 426 УК Республики Беларусь соответственно «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» и «Превышение власти или служебных полномочий» критике не подвергаются. С 1999 г. эти термины устоялись в юридической литературе и стали привычными для практиков (хотя некоторые до сих пор ошибочно употребляют формулировку «злоупотребление служебным положением»). Вместе с тем эти определения могут быть подвергнуты сомнению, если проанализировать их с учётом законов логики, правил русского языка и законодательной техники.

В соответствии с законами логики понятие должно определяться только через основные существенные признаки. Основные признаки — это признаки, достаточные для того, чтобы отличать определяемое явление от других; существенные признаки — это необходимые, устойчивые, повторяющиеся признаки. При этом определение понятия должно быть не пространным, а компактным, включающим только необходимые и достаточные признаки. К правилам законодательной техники формулирования уголовно-правовых норм, наряду с иными, относятся стройность нормы, внутренняя согласованность, единообразие использования технических приёмов построения, максимальная компактность изложения, строгость стиля, ясность языка, определённость терминологии и др.

Власть и служебные полномочия — это устойчивое словосочетание в современной теории уголовного права и уголовном законодательстве, когда идёт речь о преступлениях против интересов службы. Вместе с тем упоминание о власти в названиях статей 424 и 426 УК Республики Беларусь вряд ли необходимо. Структура служебных полномочий законодательно определена при формулировании понятия должностного лица путём перечисления признаков этого специального субъекта в части четвёртой статьи 4 УК Республики Беларусь. В состав служебных полномочий должностных лиц входят: 1) властные полномочия (представителей власти); 2) организационно-распорядительные полномочия; 3) административно-хозяйственные полномочия; 4) полномочия на совершение юридически значимых действий. Обладание каждым из этих полномочий достаточно для признания работника должностным

лицом. Тем самым власть, или властные полномочия, — это служебные полномочия одной из категорий должностных лиц — представителей власти. Власть и служебные полномочия — это не понятия одного уровня, которые исключают друг друга и поэтому могут перечисляться в одном ряду как равнозначные, а часть и целое, где целым является понятие «служебные полномочия».

Кроме того, понятие «власть» ошибочно может трактоваться в практике правоприменения широко с включением в него не только властных полномочий, определённых законодательством, но и авторитета власти, в том числе авторитета должности представителя власти. Однако в настоящее время использование авторитета власти (авторитета должности) уже не может признаваться злоупотреблением служебными полномочиями или их превышением.

Для сравнения, в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ), устанавливающих ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ) и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 УК РФ), уже не упоминается власть, а говорится только о должностных полномочиях: злоупотребление должностными полномочиями (статья 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ), злоупотребление лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, полномочиями (статья 201 УК РФ), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (статья 202 УК РФ), превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (статья 203 УК РФ).

Превышение власти или служебных полномочий законодательно определяется в частях первой и третьей статьи 426 УК Республики Беларусь как умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе. По нашему мнению, упоминание о правах в этой дефиниции является излишним.

В юридической литературе в понятие «полномочия» наряду с правами включают ещё и обязанности. Понимание полномочий как совокупности прав и обязанностей, очевидно, вытекает из содержания правового статуса должностного лица, который включает такие элементы, как права, свободы, обязанности, ограничения, запреты, ответственность, поощрения. Вместе с тем в русском языке полномочие определяется как официально предоставленное кому-либо право какой-нибудь деятельности, ведения дел, а слова «права» и «полномочия» считаются синонимами.

Важное практическое значение для квалификации преступлений имеет чёткое разграничение того, что было вправе совершить должностное лицо и что обязано. Для юридической оценки активного поведения должностного лица (в форме злоупотребления властью или служебными полномочиями либо их превышения) имеют значение не обязанности, а предоставленные права и установленные запреты.

С учётом приведённого понимания «полномочия» в русском языке можно определить служебное полномочие как право, предоставленное должностному лицу для выполнения своих обязанностей (осуществления своих функций). А поскольку права и полномочия — синонимы, термин «права» можно исключить из текста статьи 426 УК Республики Беларусь, определяющей понятие превышения служебных полномочий.

Для сравнения, в части первой статьи 286 УК РФ при определении понятия превышения должностных полномочий права не упоминаются.

В статье 455 УК Республики Беларусь объединены три самостоятельных состава умышленных воинских должностных преступлений: злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение власти или служебных полномочий и бездействие власти. До 2009 г. часть первая статьи 455 УК Республики Беларусь предусматривала уголовную ответственность за эти деяния, если они совершались систематически, либо из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, либо по мотивам расовой или национальной вражды или розни, либо повлекли причинение ущерба в крупном размере или иного существенного вреда. В отличие от общих должностных преступлений с материальным составом (статьи 424—426 УК Республики Беларусь) воинские злоупотребление, превышение и бездействие в зависимости от наличия того или иного обязательного признака могли иметь как формальный, так и материальный состав.

Обязательными признаками состава являлись перечисленные в диспозиции альтернативно: 1) систематичность (т. е. совершение этих деяний три раза и более); 2) мотивы (корыстная или иная личная заинтересованность); 3) мотивы расовой либо национальной вражды или розни; 4) причинение ущерба в крупном размере; 5) причинение иного существенного вреда. Таким образом, для военнослужащих был криминализован более широкий круг деяний: в отличие от должностных лиц, не являющихся военнослужащими, совершённые военнослужащими-начальниками или должностными лицами систематическое злоупотребление, превышение или бездействие даже в случае отсутствия вредных последствий признавались преступлениями.

Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-3 были внесены существенные изменения в статьи 424, 425 и 455 УК Республики Беларусь. В частности, часть первая статьи 455 УК Республики Беларусь была сформулирована следующим образом: «Злоупотребление начальника или

должностного лица властью или служебными полномочиями, превышение власти или служебных полномочий, умышленное бездействие власти, совершённые из корыстной или иной личной заинтересованности, повлёкшие причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам» [1]. Так, одинаковыми обязательными признаками основных составов воинских злоупотребления, превышения и бездействия стали альтернативные мотивы: корыстная или иная личная заинтересованность, общественно опасные последствия. Произошла частичная декриминализация: даже систематические умышленные воинские должностные правонарушения, которые были совершены из корыстной или иной личной заинтересованности, но не повлекли ущерб в крупном размере или существенный вред, а также если повлекли указанные вредные последствия, но были совершены по иным мотивам, перестали признаваться преступными.

Если до 2009 г. в более привилегированном положении находились должностные лица, не являющиеся военнослужащими, поскольку их должностные правонарушения, не повлёкшие названные вредные последствия, являлись должностными проступками, а не преступлениями, то после 2009 г. ситуация поменялась, так как изменения, внесённые в статьи 424 и 425 УК Республики Беларусь, не коснулись статьи 426 УК Республики Беларусь. Превышение власти или служебных полномочий по-прежнему признаётся преступлением при наступлении вредных последствий независимо от мотивов (часть первая статьи 426 УК Республики Беларусь), а корыстная или иная личная заинтересованность имеет характер квалифицирующего признака (часть вторая статьи 426 УК Республики Беларусь). Для воинского же превышения власти или служебных полномочий эти мотивы стали обязательными признаками основного состава (часть первая статьи 455 УК Республики Беларусь). Теперь военнослужащие-начальники и должностные лица, совершившие превышение по иным мотивам (к примеру, из ложно понятых интересов службы), даже при наступлении вредных последствий уголовной ответственности не подлежат (за исключением превышения власти или служебных полномочий, сопряжённого с насилием либо совершённого с применением оружия — часть вторая статьи 455 УК Республики Беларусь).

В части третьей статей 424—426 УК Республики Беларусь предусмотрен такой квалифицирующий признак злоупотребления, бездействия и превышения, как совершение этих преступлений против интересов службы лицом, занимающим ответственное положение. В перечень этих должностных лиц (часть пятая статьи 4 УК Республики Беларусь) включены и военнослужащие. Это, в частности, отдельные начальники органов дознания и их заместители (пункт 6 части пятой статьи 4 УК Республики Беларусь). Органами дознания в соответствии с пунктом 3 части первой статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в Вооружённых Силах и транспортных войсках Республики Беларусь являются военные коменданты военных комендатур, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учебных заведений, организаций Вооружённых Сил и гарнизонов, а в других войсках и воинских формированиях — командиры воинских частей, соединений, начальники органов пограничной службы, начальники военных учреждений. В соответствии с пунктом 7 части пятой статьи 4 УК Республики Беларусь лицами, занимающими ответственное положение, являются, кроме того, руководители органов государственной безопасности и органов пограничной службы, а также их заместители.

Все они — военнослужащие, поэтому за умышленные воинские должностные преступления подлежат ответственности по статье 455 УК Республики Беларусь, а не по общим статьям 424—426 УК Республики Беларусь. Вместе с тем в части третьей статьи 455 УК Республики Беларусь не предусмотрен такой квалифицирующий признак, как совершение воинских злоупотреблений бездействием или превышением лицом, занимающим ответственное положение.

Заключение. Предлагается сформулировать названия статей 424 и 426 УК Республики Беларусь как «Злоупотребление служебными полномочиями» и «Превышение служебных полномочий» соответственно, а из понятия превышения служебных полномочий (часть первая и третья статьи 426 УК Республики Беларусь) исключить упоминание о «правах» и тем самым привести их в соответствие с законами логики, законодательной техники и правилами русского языка.

Для всех должностных лиц, независимо от нахождения на военной службе, должны быть одинаковые основания и пределы уголовной ответственности за преступления против интересов службы. В целях обеспечения соблюдения такого принципа уголовного закона и уголовной ответственности, как равенство перед законом (часть третья статьи 4 УК Республики Беларусь), представляется необходимым, во-первых, изменить редакцию части первой статьи 455 УК Республики Беларусь, исключив мотивы «корыстная или иная личная заинтересованность» из числа обязательных признаков основного состава превышения служебных полномочий, во-вторых, дополнить часть третья статьи 455 УК Республики Беларусь квалифицирующим признаком «деяние, совершённое лицом, занимающим ответственное положение».

Системный подход к криминализации преступлений против интересов службы позволит обеспечить соответствие между формой закона (текстом) и его сущностью (замыслом законодателя) и тем самым правильное понимание закона на практике, соблюдение принципа законности при привлечении должностных лиц за нарушения по службе к уголовной и иным видам ответственности.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛЮН».

УДК 343.241 (477)

К. Б. Марисюк,

*доктор юридических наук, доцент
Институт права и психологии Национального университета
«Львовская политехника», Львов, Украина*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ НАКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

Введение. Несмотря на то, что имущественные наказания (а к ним в полной мере мы можем отнести лишь штраф и конфискацию имущества) — одни из наиболее давних в правовой системе, традиционно предусматривались в уголовно-правовых актах и применялись на практике, они до сих пор остаются (особенно штраф) часто назначаемыми судами (например, судами Украины в 2011 г. штраф как основное наказание был назначен в 14,1%, а в 2012 г. — в 14,5% приговоров), однако их чёткого уголовно-правового регулирования до сих пор нет, как и нет чёткой уголовно-правовой политики в этой сфере.

Важным является изучение последней в связи с гуманизацией уголовно-правовой политики, в связи с чем на первый план выходят виды наказаний, не связанные с лишением свободы, что коренным образом изменяет практику назначения наказаний, а имущественные наказания и практика их назначения приобретают чрезвычайную актуальность.

Именно на определение места уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний в системе правовой политики Украины и ориентирована эта публикация.

Основная часть. Термин «политика» употребляется в научной литературе в различных значениях: этическом, субстанциональном, конституционном, деятельностном и др.

Некоторые учёные не разделяют этот подход и включают деятельностные, институционные и другие принципы в признаки политики, утверждая, что политика содержит в себе динамический элемент (проявляется как политическая деятельность, совокупность рациональных деяний, направленных на удовлетворение политических потребностей и интересов социальных субъектов) и институционный элемент (отношения, совокупность теорий, идей, взглядов, концепций, точек зрения, которые имеют политический характер).

А. Малько и К. Шундилов утверждают, что политика — это сфера деятельности, связанная с реализацией потребностей и интересов разных групп населения, стержнем которой является завоевание, удержание и использование государственной власти [1, с. 197].

Видов государственной политики чрезвычайно много. Можно выделить, например, социальную, культурную, экономическую, национальную и др. Правовая политика также является частью и видом государственной политики.

Понятие «правовая политика» не имеет унифицированного понимания в научной литературе и, по верному утверждению Ю. Шемшученко, находится на уровне *de lege ferenda*. Проблемным остаётся само понятие правовой политики, её содержание, место в системе других видов политики и т. п. [2, с. 38].

Е. Левченкова считает, что под правовой политикой нужно понимать управление обществом с помощью права в рамках установленных правом процедур [3, с. 12].

Л. Удовика утверждает, что современная правовая политика — это организаторская, регуляторная и контрольная деятельность, которая имеет государственно-властный характер и направлена на создание эффективно действующего механизма правового регулирования общественных отношений, наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепления дисциплины, законности, правопорядка, формирования правового сознания и правовой культуры населения и т. д. [4, с. 67].

Главным заданием правовой политики можно считать правовое обеспечение всего спектра социальных реформ, стабильности и правопорядка в государстве или, по мнению Е. Левченковой, установление общезначимых правил поведения, которые в совокупности образуют правовую систему современности; обеспечивают функционирование этой системы, решение с помощью права спорных ситуаций и привлечение к ответственности за нарушение норм права [5].

Среди разновидностей правовой политики можно выделить нормотворческую, судебную, уголовную, следственную, наблюдательную, правоохранительную и др.

Подобную мысль высказывает и Е. Минькович-Слободяник, которая считает, что правовая политика возникает и существует в сфере права и в зависимости от отрасли права она может быть уголовной, административной, конституционной, экологической, трудовой, банковской и т. п. [6, с. 21].

Из вышеприведённого перечня отдельно нужно выделить так называемую уголовную политику, которую ещё в науке называют политикой в сфере борьбы с преступностью.

Учитывая тот факт, что до сих пор не определено единое (или хотя бы базовое) понимание этого понятия, попробуем объединить основные, на наш взгляд, подходы и предложить собственную дефиницию понятия «уголовно-правовая политика». Уголовно-правовая политика — это целеустремлённая деятельность государства, направленная на разработку и реализацию уголовно-правовых средств борьбы с преступностью.

Одной из составляющих уголовно-правовой политики является уголовно-правовая политика в сфере уголовных наказаний. Поскольку до сих пор дефиницию этого явления не предлагал ни один учёный, попробуем определить его, руководствуясь общим пониманием уголовно-правовой политики, о котором шла речь выше. Следовательно, под уголовно-правовой политикой в сфере уголовных наказаний предлагается понимать целеустремлённую деятельность государства, направленную на разработку и реализацию уголовно-правовых средств борьбы с преступностью путём применения к виновным уголовных наказаний. На основании приведённого определения можно сформулировать авторскую дефиницию одного из её структурных элементов, а именно уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний, изложив её следующим образом: уголовно-правовая политика в сфере имущественных наказаний — это целеустремлённая деятельность государства, направленная на разработку и реализацию уголовно-правовых средств борьбы с преступностью путём применения к виновным имущественных наказаний.

Важным для изучения сущности уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний является чёткое определение её форм. Поскольку они до сих пор не были предметом научных исследований, попробуем впервые их выделить, базируясь на существующих в науке подходах к формам уголовно-правовой политики.

Так, например, В. Тацій считает, что государственная правовая политика имеет четыре основных направления: 1) законотворчество; 2) политика в сфере правоприменительной деятельности и надзора за исполнением законов и иных нормативных правовых актов; 3) политика в сфере правового воспитания; 4) политика в сфере кадрового обеспечения правовых реформ и, в первую очередь, правоохранительных органов, юстиции, всех структур судебной власти [7, с. 8].

Учитывая специфику уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний, а также то, что не все предложенные учёными формы уголовно-правовой политики можно реализовать в исследуемой нами сфере, наиболее удачным подходом является подход, представленный Н. Лопашенко, которая утверждает, что лишь и только правотворчество и правоприменительная деятельность — это те формы, в которых реализуется уголовно-правовая политика [8, с. 48].

Следовательно, по нашему мнению, формами уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний нужно считать: 1) законотворческую деятельность, направленную на фиксацию имущественных наказаний, которая, по верному утверждению Н. Лопашенко, выступает в качестве концентрированного выражения её (политики) принципов и сущности [9]; 2) правоприменительную деятельность компетентных органов государства и других государственных институций в сфере эффективного применения нормативно-правовых предписаний в исследуемой сфере. Характеризуя важность этой формы, А. Бриллиантов отмечает, что сами по себе законы не способны противодействовать преступности, если они не подкреплены деятельностью правоохранительных и судебных органов, которые обеспечивают реализацию уголовной политики, выраженной в законе [10, с. 38].

Заключение. Подытоживая изложенный выше материал, можно констатировать, что в вопросе изучения уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний сейчас сделаны лишь первые шаги. Не претендуя на окончательное решение всех важных проблем в этой сфере, всё же хочется надеяться, что предложенная публикация станет определённой почвой для дальнейших научных разведок.

Список цитируемых источников

1. Малько А., Шундилов К. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов : СГАП, 2003. 293 с.
2. Шемшученко Ю. С. Правова політика // Юрид. енцикл. : в 6 т. Київ : Україн. енцикл., 2001. Т. 5 : П—С. 736 с.
3. Левченкова Е. А. Правовая политика государства и её приоритеты в сфере правоохранительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 234 с.
4. Удовика Л. Правова політика України в умовах глобалізації // Порівнял.-аналіт. право. 2013. № 2. С. 65—70.
5. Левченкова Е. А. Правовая политика государства и её приоритеты в сфере правоохранительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект). С. 12.
6. Минькович-Слободяник О. Види правової політики України // Часоп. Київ. ун-ту права. 2012. № 2. С. 21—24.
7. Тацій В. Новий Кримінальний кодекс України // Право України. 2001. № 7. С. 3—9.
8. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
9. Там же. С. 49.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. Бриллиантова. М. : Проспект, 2011. 1232 с.

А. А. Пилипенко,
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ МОНИТОРИНГА

Введение. В целях построения оптимальной модели взаимодействия контролирующих органов и субъектов предпринимательской деятельности с 1 января 2010 г. в нашей стране вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее — Указ № 510) [1]. Однако построение вышеуказанной модели, обусловленное в том числе и экономическими трудностями, на практике столкнулось с многочисленными проблемами, что потребовало корректировки Указа № 510. Указом Президента Республики Беларусь от 26 июля 2012 г. № 322 «О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» [2], внесшим изменения и дополнения в Указ № 510, с 1 октября 2012 г. предусмотрена новая форма контроля — мониторинг, организационно-правовые аспекты осуществления которого закреплены в Положении о порядке проведения мониторинга (далее — Положение о мониторинге).

Основная часть. Пункт 1 Положения о мониторинге дефинирует мониторинг как форму контроля (надзора), заключающегося в наблюдении, анализе, оценке, установлении причинно-следственных связей, применяемую контролируемыми (надзорными) органами в целях оперативной оценки фактического состояния объектов и условий деятельности субъекта мониторинга на предмет соответствия требованиям законодательства, выявления и предотвращения причин и условий, способствующих совершению нарушений, без использования полномочий, предоставленных контролирующим (надзорным) органам и их должностным лицам для проведения проверок.

Одним из важнейших атрибутивных признаков данного определения, позволяющего отграничить мониторинг от проверки, является запрет на использование полномочий, которыми наделены должностные лица контролирующих органов при проведении проверки. В настоящее время данные полномочия закреплены в пункте 4 Положения о порядке организации и проведении проверок, утверждённого Указом № 510 (далее — Положение № 510). Хотелось бы обратить внимание на расширительное конструирование вышеуказанных полномочий, опосредованное абзацем 20 пункта 4 Положения № 510, предусматривающим контролирующим органам и проверяющим использовать иные полномочия, предусмотренные законодательными актами. К иным полномочиям можно отнести, например, предусмотренные статьёй 81 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. [3] права налоговых органов и их должностных лиц, которые также не являются исчерпывающими, так как пункт 4 вышеуказанной статьи определяет, что налоговые органы имеют также и другие права, установленные законодательством. Если экстраполировать вышеуказанную правовую конструкцию на остальные контролирующие органы, то можно сделать однозначный вывод о наличии у них и их должностных лиц, наряду с предусмотренными соответствующими правовыми актами, иных прав, предоставленных им в соответствии с законодательством, в том числе и в ходе осуществления проверочных мероприятий.

В данной ситуации возникает вопрос о тех полномочиях, которые используются контролирующим органом при проведении мониторинга и являются, исходя из легального определения рассматриваемого нами правового явления, отличными от проверочных, которые при этом не подпадают под понятийную конструкцию «иные полномочия, предоставленные законодательством». Более того, в настоящее время наблюдается юридическая принадлежность одних и тех же полномочий как при проведении мониторинга, так и проверки. Например, в соответствии с пунктом 3 Положения о мониторинге при проведении мониторинга должностные лица контролирующих (надзорных) органов вправе войти на территорию и (или) объекты субъекта, являющиеся общедоступными, а абзац второй пункта 4 Положения № 510 даёт проверяющим право свободно входить в служебные, производственные и иные помещения (объекты), территории проверяемого субъекта для проведения проверки.

Таким образом, пока законодатель не установит исключительный и чёткий перечень полномочий, которыми наделяются проверяющие при проведении мониторинга, их деятельность нельзя считать отличной от проверочной.

Также вызывает большие сомнения правомерность и нормативная логичность корреспонденции не определённых Положением о мониторинге полномочий должностных лиц контролирующих органов и отдельных нарушений, которые выявляются в ходе мониторинга. Так, пункт 7 Положения о мониторинге предусматривает, что при обнаружении в ходе мониторинга нарушений законодательства, создающих угрозу национальной безопасности, причинения вреда жизни и здоровью населения, окружающей среде, должностным лицом контролирующего (надзорного) органа выносится требование

(предписание) о приостановлении (запрете) деятельности субъекта, цехов (производственных участков), оборудования, производства и (или) реализации товаров (работ, услуг), эксплуатации транспортных средств. В данном случае возникает разумный вопрос о реальной возможности у проверяющих выявить в ходе мониторинга, который заключается лишь в наблюдении, анализе, оценке, установлении причинно-следственных связей, без использования полномочий, предоставленных им для проведения проверки, нарушений, создающих угрозу такому фундаментальному общественному явлению, как национальная безопасность. Более того, вышеуказанное требование осуществляется в соответствии с пунктом 74 Положения № 510, который регламентирует порядок организации и проведения проверок, а не мониторинга. Также хотелось бы обратить внимание, что в соответствии с частью первой пункта 5 Положения № 510 требование (предписание) о приостановлении (запрете) деятельности субъекта, цехов (производственных участков), оборудования, производства и (или) реализации товаров (работ, услуг), эксплуатации транспортных средств могут применяться контролирующим (надзорным) органом только в случае, когда такие полномочия контролирующего (надзорного) органа прямо установлены Положением № 510 или иными законодательными актами, т. е. актами, регламентирующими проверочные мероприятия.

Учитывая, что мониторинг проводится, как правило, в сфере оказания бытовых услуг, общественного питания и торговли, а данные виды деятельности ни в коей мере не соотносятся с предусмотренными пунктом 27 Концепции национальной безопасности, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, основными потенциальными либо реально существующими угрозами национальной безопасности. Видится сомнительным градация нарушений, выявленных в ходе мониторинга, в контексте их такой концептуальной характеристики, как отрицательное влияние на национальную безопасность.

Если в ходе мониторинга обнаружены нарушения (недостатки), не создающие угрозу национальной безопасности, причинения вреда жизни и здоровью населения, окружающей среде, то в соответствии с пунктом 5 Положения о мониторинге, в системной взаимосвязи с пунктом 6 Положения о мониторинге, должностным лицом контролирующего (надзорного) органа, проводящим мониторинг, субъекту вручаются рекомендации контролирующего (надзорного) органа по устранению выявленных в ходе мониторинга нарушений (недостатков), которые субъект предпринимательской деятельности вправе добровольно устранить и проинформировать об этом контролирующей (надзорной) орган в установленный им срок. Добровольность устранения нарушений (недостатков) для субъекта предпринимательской деятельности обусловлена двумя обстоятельствами:

1) в случае добровольного устранения выявленных в ходе мониторинга нарушений (недостатков) контролирующим (надзорным) органом к нему не применяются меры ответственности, за исключением случаев повторного выявления нарушений (недостатков), обнаруженных этим контролирующим (надзорным) органом при проведении предыдущего мониторинга;

2) в случае неустранения субъектом предпринимательской деятельности выявленных в ходе мониторинга нарушений в отношении него может быть назначена внеплановая проверка в соответствии с подпунктом 9.1 пункта 9 Указа № 510. В контексте правильного легального соотношения субъектов и оснований назначения внеплановых проверок такую проверку может назначать только руководитель (его заместитель) контролирующего (надзорного) органа (кроме территориального органа, структурного подразделения, подчинённой организации).

На основании части первой пункта 8 Положения о мониторинге формализация итогов мониторинга производится должностным лицом контролирующего (надзорного) органа в виде аналитической (информационной) записки, на основании которой руководитель (его заместитель) этого контролирующего (надзорного) органа вправе принять одно из следующих решений: 1) учесть результаты мониторинга, не выявившего несоответствия требованиям законодательства в деятельности субъекта; 2) направить в адрес субъекта рекомендации по устранению выявленных нарушений (недостатков), если такие нарушения (недостатки) обнаружены, но рекомендации по их устранению не выносились; 3) применить в установленном законодательством порядке меры ответственности в отношении субъекта и (или) его должностных лиц в случае невыполнения субъектом рекомендаций об устранении выявленных в ходе мониторинга нарушений (недостатков) либо повторного выявления нарушений (недостатков), установленных в ходе предыдущего мониторинга.

Хотелось бы обратить внимание, что применение мер административной ответственности осуществляется за выявленное в ходе мониторинга нарушение (в данном случае необходимо вести речь именно о нарушении законодательства, а не о недостатках), которое послужило основанием для вручения субъекту рекомендаций, а не за отказ последнего выполнять указанные рекомендации. Как известно, по результатам проверки в соответствии с пунктом 59 Положения № 510, в ходе которой выявлены нарушения актов законодательства, составляется акт проверки. По фактам выявленных нарушений проверяющим в пределах его компетенции может быть составлен протокол об административном правонарушении и (или) вынесено постановление по делу об административном правонарушении. Таким образом, наблюдается статусная идентичность применения мер административной ответственности как при проведении проверки, так и при проведении мониторинга (в данном случае

потенциальный временной лаг несколько больше, чем при проведении проверки), что вызывает сомнения в разграничении вышеуказанных форм контрольной деятельности. А учитывая, что процессуальным документом, в котором фиксируются нарушения законодательства, является акт проверки, вызывает также обоснованные сомнения законность применения мер административной ответственности по итогам мониторинга на основании аналитической (информационной) записки.

Ведя речь о применении мер административной ответственности по итогам мониторинга, важное значение имеет определение его предметного поля, т. е. определения того, что выявляется в ходе мониторинга. Ведь исходя из легального атрибутивного признака данной формы контрольной деятельности, который отражён в пункте 2 Положения о мониторинге, он направлен на выявление и предотвращение причин и условий, способствующих совершению нарушений, т. е. выявляются причины и условия, способствующие нарушению, которые не могут быть основанием применения мер административной ответственности, а не сами нарушения. Давая определение мониторинга, законодатель поступил абсолютно верно, так как определяя мониторинг через выявление именно нарушений, он идентифицировал бы его как проверку, под которой в соответствии с абзацем 11 пункта 2 Положения № 510 понимается форма контроля (надзора), в ходе которого контролирующий (надзорный) орган проверяет соответствие деятельности, осуществляемой проверяемыми субъектами, требованиям законодательства и при выявлении нарушений законодательства применяет полномочия, предоставленные законодательными актами в целях пресечения нарушений и устранения их вредных последствий.

Однако отходя от дефинирования мониторинга и переходя к процессуальным аспектам его осуществления, посредством которых активно постулируется совершение противоправных действий (речь уже не идёт о выявлении и предотвращении причин и условий, способствующих совершению нарушений, а об обнаружении нарушений), законодатель использует двойной термин, придавая ему синонимичный характер, — нарушения (недостатки). Следуя правилам правовой интерпретации, обратим внимание, что на недостатки указывают, а нарушения выявляются. В связи с этим попытка законодателя использовать термин «недостатки» является абсолютно верной в контексте придания мониторингу его истинного предназначения как предупредительной, профилактической и экономически стимулирующей формы контрольной деятельности. В то же время данная попытка является, к сожалению, безуспешной в контексте прикладного понимания контролирующими (надзорными) органами своей деятельности как направленной лишь на выявление нарушений. Использование термина «нарушение» не только по статусу, но и в системной взаимосвязи с процессуальными аспектами проведения мониторинга отождествляет его с проверкой.

Заключение. Правовая регламентация проведения мониторинга отождествляет его с проверкой, что обуславливает либо отмену данной формы контрольной деятельности, либо серьёзную нормативную корректировку.

Список цитируемых источников

1. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : в ред. Указа Респ. Беларусь от 8 февр. 2016 г., № 35. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
2. О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июля 2012 г., № 322. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (общая часть) : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г., № 343-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

УДК 343.7

В. В. Хилюта,

*кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение. Выделение в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) [1] главы, посвящённой преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности, почти на 60% состоящей из новых видов общественно опасных деяний (или качественным образом модифицированных),

безусловно, явилось одним из главных достижений разработчиков уголовного закона. Прежнее уголовное законодательство не могло обеспечить должным образом охрану новых социально-экономических отношений, что и заставило законодателя ввести главу 25 в УК.

Однако прошедшие годы с момента введения УК в действие позволили подойти к осмыслению содержащихся в нём уголовно-правовых норм основательно, с учётом анализа практики их применения. При этом общая положительная оценка качества уголовного законодательства, посвящённого преступным деяниям против порядка осуществления экономической деятельности, осталась практически непоколебимой, несмотря на внесённые многочисленные изменения в уголовный закон. В то же время правоприменительная практика отчётливо выявила некоторые недостатки и просчёты в законодательном урегулировании базисных экономических отношений. Современные представления об общих экономических закономерностях, о содержании и отличительных особенностях различных типов экономических порядков помогают по-новому осмыслить проблемы ответственности за преступления, совершаемые в экономической системе.

Основная часть. Проводимая реформа объекта, предмета и системы норм о преступлениях против собственности и порядка осуществления экономической деятельности должна иметь своей главной задачей детальную разработку конкретных уголовно-правовых норм в целях создания действенного межотраслевого механизма правового регулирования, обеспечивающего эффективное функционирование экономических институтов и соблюдения правопорядка при осуществлении имущественного оборота объектов гражданских прав. С учётом произошедших изменений в экономике должны трансформироваться и существующие в УК составы преступлений.

В существующем уголовном законе разделение преступлений против собственности и преступлений против порядка осуществления экономической деятельности носит весьма условный, скорее искусственный характер. Интерес субъектов состоит не только в охране принадлежности материальных ценностей, но и в их надлежащем обороте. С этой точки зрения действующая модель преступлений в сфере экономической деятельности схоластично объединяет в себе две составляющие: 1) преступления против установленного порядка осуществления экономической деятельности; 2) преступления против имущественных интересов субъектов, осуществляющих свою деятельность в экономическом обороте.

Уголовный закон должен системно подходить к охране отношений в данной области от преступных посягательств. Нельзя при отсутствии целостной системы включать в одну главу различные составы преступлений, мало-мальски объединённые между собой по неизвестному критерию. Сегодня же получается так, что глава 25 УК включает в себя деяния, по сути, не имеющие никакого отношения к экономической деятельности и представляющие собой преступления против порядка управления и иных охраняемых объектов.

Поэтому преступления в сфере экономической деятельности в нынешнем понимании должны быть разбиты на две группы. Первая часть преступных посягательств должна отойти к группе имущественных (в широком смысле), т. е. тех, которые посягают на имущественные интересы субъектов, осуществляющих свою деятельность в экономическом обороте. В этой связи нельзя собственность отделять от оборота материальных и нематериальных ценностей, вещных и обязательственных правоотношений. Вторая часть преступных посягательств должна иметь своим объектом установленный порядок осуществления экономической (хозяйственной) деятельности, т. е. уголовно-правовой охране должен подлежать именно установленный государством правопорядок совершения операций в сфере экономической деятельности. В последнем случае именно государство регулирует правила поведения субъектов в экономике и устанавливает уголовно-правовые запреты (эти запреты не связаны со статикой и динамикой оборота объектов гражданских прав).

В этом отношении в качестве одного из способов модернизации уголовного законодательства в экономической сфере можно рассматривать оптимизацию внутренней структуры главы 25 УК, вследствие чего изучению и широкому обсуждению подлежит вопрос о выделении составов преступлений имущественной направленности (главным образом, посягающих на оборот имущественных благ) из группы преступлений в сфере экономической деятельности, потому как ряд норм, расположенных сегодня в данной главе УК, лежит не в плоскости обеспечения установленного порядка ведения экономической деятельности, а в сфере имущественных отношений его субъектов по обороту материальных и нематериальных благ (посягают на вещные и обязательственные отношения участников имущественного оборота объектов гражданских прав).

Преступления против установленного порядка осуществления экономической деятельности посягают на основное звено в механизме регулирования общественных отношений в экономике — экономическую деятельность. В данной области государство устанавливает особые правила поведения субъектов и регулирует этот процесс посредством предписаний императивного характера.

Глава о преступлениях против установленного порядка осуществления экономической деятельности должна содержать лишь те составы преступлений, которые устанавливают запрет противоправного поведения субъектов, осуществляющих различные действия или экономические операции, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Такая деятельность не содержит в себе элемент получения прямой имущественной выгоды за счёт другого лица и его

имущественных благ, она (выгода) если и может быть получена, то лишь косвенным путём, в результате получения преференций и иных благ неимущественного характера, совершения действий, не нарушающих вещные и обязательственные правоотношения участников имущественного оборота товаров и услуг. В дальнейшем в этом ключе необходимо будет чётко обозначить границы такого поведения (которые нарушают установленные предписания в экономике) и разработать признаки, на основании которых следовало бы криминализировать общественно опасное поведение субъектов, осуществляющих экономическую деятельность.

В отличие от преступлений против собственности (в большей части хищений) и оборота объектов гражданских прав, которым присущ специфический способ причинения ущерба экономическим отношениям — завладение чужим имуществом либо извлечение имущественной выгоды путём противоправного пользования, приобретения, отчуждения объектов гражданских прав, уклонения от исполнения обязательств (т. е. где происходит посягательство на собственность и на действия участников оборота объектов гражданских прав), преступления против порядка осуществления экономической деятельности (в узком смысле) отличает нарушение особых правил, установленных государством в экономике. Здесь не происходит как такового завладения чужим имуществом и не совершаются различные действия с вещными и обязательственными правоотношениями участников гражданского оборота. Наоборот, нарушается порядок ведения операций, установленный государством. Этот порядок не связан с нарушением вещных и обязательственных правоотношений субъектом экономической деятельности. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности не связаны и с перемещением имущественных благ, они лишь сопутствуют экономическому обороту.

Следует констатировать, что экономическая преступность вполне влияет на национальную безопасность государства, поэтому в настоящее время сохраняется доминирование уголовно-правовых запретов над гражданско-правовыми регуляторами, публичного усмотрения над частным интересом. С этих позиций необходимо решить ряд проблем и противоречий, существующих в механизме реализации норм уголовного закона о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности на практике.

Во-первых, следует признать, что реформирование уголовного законодательства в сторону расширения криминализации общественных отношений в экономике является бессмысленным, если вновь вводимые составы преступлений в УК не применяются (примером являются такие нормы, как незаконное использование либо разглашение сведений, внесённых в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг (статья 226-1 УК); незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями (статья 226-2 УК); манипулирование рынком ценных бумаг (статья 226-3 УК); незаконное распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах субъекта хозяйствования (статья 234-1 УК).

Во-вторых, значительное количество уголовно-правовых запретов в действующей главе УК о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности неэффективны (поскольку эти статьи не применяются на практике), имеют неопределённый характер, в результате чего возникает вопрос об их ненужности (ссылки на опережение или гипотетическое предупреждение преступности не могут быть приняты) и бесполезности для общества в деле борьбы с преступностью.

В-третьих, криминализация ряда деяний (а в целом криминализация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности превалировала над декриминализацией), описанных в главе 25 УК, проведена некачественно и безосновательно, что не позволяет применять эти нормы на практике, а лишь порождает ненужную конкуренцию уголовно-правовых норм.

В-четвёртых, описание составов преступлений и признание их преступными на основании такого криминообразующего признака, как получение дохода или причинение ущерба, проведено хаотично и бессистемно (например, не понятно, по каким причинам законодатель признаёт преступлением невозвращение из-за границы валюты (статья 225 УК) в особо крупном размере (в две тысячи базовых величин), а незаконное распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах субъекта хозяйствования (статья 234-1 УК) в крупном размере (в тысячу базовых величин); по каким критериям установлено, что контрабанда (статья 228 УК) и уклонение от уплаты таможенных платежей (статья 231 УК) являются преступными при наличии крупного размера (две тысячи базовых величин), а уклонение от погашения кредиторской задолженности (статья 242 УК) является преступным на сумму в двести пятьдесят базовых величин; почему уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК) является преступлением при причинении ущерба в тысячу базовых величин, а сокрытие экономической несостоятельности (банкротства) (статья 239 УК), преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство) (статья 240 УК), препятствование возмещению убытков кредиторам (кредиторам) (статья 241 УК) тоже является преступлением, но уже при наличии двухсот пятидесяти базовых величин; по каким признакам минимальный доход от незаконной предпринимательской деятельности (статья 233 УК) варьируется от двухсот пятидесяти до тысячи базовых величин, а при лжепредпринимательстве (статья 234 УК) минимальный размер причинённого ущерба составляет двести пятьдесят базовых величин; почему вообще в одних случаях деяние признаётся преступлением при наличии причинённого ущерба (статьи 226-1, 226-2, 226-3, 232, 255 УК), а в других случаях такой

ущерб не имеет никакого значения (статьи 223, 224, 230, 235, 236, 237, 238, 248, 251 УК). Законодатель испытывает значительные трудности при определении последствий экономических преступлений, требующих взвешивания причинённого ущерба и полученных выгод.

В-пятых, конструирование норм о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности должно быть развёрнуто в сторону криминализации такого поведения, которое направлено на получение имущественных выгод (извлечение дохода), а не на причинение кому-либо имущественного ущерба.

Заключение. Принятие решения о криминализации того или иного поведения субъекта в экономической деятельности должно основываться только после уяснения того, насколько серьёзно данное противоправное поведение (деяние) угрожает установленному правопорядку и насколько позитивные правовые нормы исчерпали свои внутренние ресурсы, чтобы не допустить тех неблагоприятных последствий, которые влечёт рассматриваемое деяние.

Общественная опасность преступлений против порядка осуществления экономической деятельности должна демонстрироваться характеристикой объекта преступного посягательства, преступными последствиями и способом совершения преступления. Поэтому основными признаками отнесения противоправных деяний к разряду преступлений против порядка осуществления экономической деятельности могут являться: 1) размер (масштаб) правонарушающей экономической деятельности в совокупности с характером причинённого последствия; 2) направленность (корыстная) осуществляемой деятельности на получение выгоды; 3) осуществление противоправных действий специфическими способами (фальсификация, сговор, обман и т. д.).

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

УДК 347.965

И. П. Чирко

Юридическая консультация Барановичского района и г. Барановичи, Барановичи

ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ С УЧАСТИЕМ АДВОКАТА

Введение. Со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее — Закон об адвокатуре) оказание юридической помощи стало возможным в рамках новой организационно-правовой формы юридического лица — адвокатского бюро (пункт 2 статьи 29, часть первая статьи 31) [1].

Основная часть. Под адвокатской деятельностью, согласно абзацу третьему статьи 1 Закона об адвокатуре, понимается юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе адвокатами физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, а также государству в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [2].

Адвокат — защитник, представитель интересов. Любой человек, попавший в беду или в затруднительное положение, возлагает свои надежды на действенную помощь адвоката, с помощью которого он найдёт выход из сложной жизненной ситуации, так как по справедливому замечанию коллег, «профессия адвоката — это призвание помогать людям, адвокат в своей деятельности должен грамотно и правильно найти подход к каждому человеку, понять ситуацию и найти нужные варианты решения проблемы» [3, с. 19].

Согласно статье 4 Закона об адвокатуре организация адвокатуры и адвокатской деятельности основывается на принципах: 1) обеспечения гарантированного Конституцией Республики Беларусь [4] права на юридическую помощь; 2) законности; 3) доступности юридической помощи; 4) независимости адвокатов при осуществлении своей профессиональной деятельности; 5) адвокатской тайны; 6) использования всех не запрещённых законодательством средств и способов защиты, свобод и интересов; 7) обеспечения качества юридической помощи; 8) недопустимости вмешательства в профессиональную деятельность адвокатов со стороны органов, ведущих уголовный процесс, других государственных органов, иных организаций и должностных лиц.

В практической деятельности зачастую складываются ситуации, когда перечисленные принципы носят лишь декларативный характер, притом что вне зависимости от ситуации при осуществлении адвокатской деятельности адвокату вменено в обязанность руководствоваться действующим законодательством и принципами, отражёнными в содержании статьи 4 Закона об адвокатуре.

Вместе с тем адвокат изначально не только поставлен в неравное положение в сравнении с другими участниками процесса, но и противопоставлен правоохранительной системе государства, в частности, при осуществлении адвокатской деятельности в административном и уголовном процессах. Начиная с момента возбуждения уголовного дела или составления протокола об административном правонарушении, адвокат является препятствием практически для всех служб и структурных подразделений Министерства внутренних дел Республики Беларусь (МВД).

Очевидно, что службы и структурные подразделения МВД должны руководствоваться Уголовным кодексом Республики Беларусь [5], Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь [6], Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях [7], Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях [8], ведомственными приказами, инструкциями.

Однако на практике обязанность уполномоченных органов руководствоваться актами законодательства и законодательными актами вступает в конфликт с ведомственной заинтересованностью в повышении эффективности и показателей своей работы в раскрытии преступлений, избличении преступников, выявлении правонарушений. На первый взгляд, заинтересованность личного состава органов правоохранительной системы является похвальной и соответствует законодательству. Однако специфика деятельности правоохранительной системы основана на статистике таких показателей, как «борьба с преступностью в той или иной сфере», «выявление преступлений, правонарушений», «изобличение» и др. Существенную роль играет и мотивация личного состава (человеческий фактор) при улучшении показателей в работе: повышение по служебной лестнице, премирование, получение званий и классов.

Не требует доказательств тот факт, что общая заинтересованность в выявлении и раскрытии преступлений, привлечении к ответственности, осуждении законопослушных граждан объединяет все органы правоохранительной системы в целях искоренения преступности. Постановка указанной цели влечёт активизацию всех силовых структур: МВД, Следственного комитета, прокуратуры, судов. Перечисленные органы действуют взаимосвязанно и объединены в своей деятельности общей целью. Указанное, с одной стороны, может быть залогом успеха, а с другой — постановка задач по достижению высоких показателей эффективности работы личного состава органов правоохранительной системы не гарантирует защиту от злоупотреблений должностными лицами своими полномочиями, от необоснованных привлечений к ответственности и незаконного осуждения, нарушений прав человека, а также не позволяет избежать судебных ошибок.

Представляется, своевременное исправление ошибок в правоприменительной деятельности, устранение последствий их совершения, мониторинг причин их совершения призваны способствовать восстановлению справедливости, в частности, с применением механизма компенсации причинённого незаконным осуждением вреда.

В качестве примера можно привести случай из судебной практики. Гражданин П. в 2006 г. был осуждён Судом Столбцовского района Минской области по части третьей статьи 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества. В 2010 г. гражданин П. был оправдан. Следует отметить, что с 2006 г. по 2010 г. адвокаты доказывали фальсификацию доказательств и нарушение норм Уголовного кодекса Республики Беларусь и Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» [9]. За годы, проведённые в тюрьме, жизнь гражданина П. была непоправимо разрушена: потеряна семья, ухудшено состояние его здоровья, здоровья родителей. Компенсация морального вреда, выплаченная гражданину П. государством, составила 27 млн белорус. р. за четыре года жизни, за унижения, нравственные и физические страдания. При этом должностные лица, причастные к фальсификации доказательств по делу гражданина П., получили повышение по службе.

Совершенно определённо сложилась тенденция к ужесточению наказания и иных карательных мер. С каждым годом уменьшается количество оправдательных приговоров, что свидетельствует о курсе, направленном на осуждение с преобладанием обвинительного уклона. Достаточно сказать, что в 2015 г. на 400 обвинительных приговоров постановлен только один оправдательный приговор по незначительному обвинению, оказавшемуся эпизодом гражданско-правовых отношений.

В Суде Барановичского района и г. Барановичи в течение 2015 г. не постановлено ни одного оправдательного приговора. Более того, ни разу не применена статья 70 Уголовного кодекса Республики Беларусь — назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Из указанного следует, что все доказательства по рассмотренным делам были бесспорны, достаточны и допустимы. Однако по каждому делу работал адвокат, который опровергал доказательства вины, приводил весомые аргументы, но не был услышан.

В последние годы всё труднее найти примеры того, что доводы адвоката приняты во внимание. Представляется, что указанная ситуация складывается не в связи с пассивной или недостаточно

аргументированной позицией адвоката, а в связи с принятием заранее согласованного решения по делу до начала процесса по нему (поступление уголовного дела в суд влечёт безоговорочную реализацию осуждения). Принципы равенства сторон в процессе, состязательности, индивидуализация наказания становятся нежизнеспособными, что подтверждается данными сложившейся судебной практики.

Поддержание обвинения в судебном процессе представителем государственного обвинения также является исключительной формальностью, поскольку обвинительный результат заведомо predetermined, так как все ключевые решения по уголовному делу, равно как и санкционирование оперативно-следственных мероприятий, осуществляются под контролем прокурора.

Деятельность силовых структур согласована во всех инстанциях и на всех этапах как в период следственной проверки, так и в процессе расследования и рассмотрения дела в суде. Признание своих действий незаконными даже частично и согласие с оправдательным приговором ставят под сомнение деятельность правоохранительной системы. Поэтому заявлять о состязательности сторон в процессе и их равенстве представляется лукавством. Какие бы убедительные доводы и аргументы не приводила сторона защиты, они не могут быть приняты во внимание именно в силу ведомственной заинтересованности всех силовых структур в реализации их совместных усилий по выявлению, раскрытию преступлений и изобличению виновных.

Декларативный характер принципов при осуществлении адвокатской деятельности также обнаруживает себя в пункте первом постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре», согласно которому следует обратить внимание судов, что приговор, являясь важнейшим актом правосудия по уголовному делу, должен быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым, постановленным в строгом соответствии с принципами презумпции невиновности, состязательности и равенства сторон в уголовном процессе [10]. Согласно пункту второму указанного постановления обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (часть первая статьи 356 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). Сомнения в обоснованности предъявленного обвинения толкуются в пользу обвиняемого как в отношении обвинения в целом, так и в части его отдельных эпизодов, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления [11].

Заключение. Индивидуальность каждого факта по каждому уголовному делу, уникальность человеческой природы, разнообразие проявлений эмоций и поступков, стечение различных обстоятельств не могут обусловить исключительно обвинительный характер приговоров. С учётом указанного видится обоснованной рекомендация при отправлении правосудия руководствоваться содержанием постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 14 «О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов» [12].

Список цитируемых источников

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 дек. 2012 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН» ; Клепча В. Договорные отношения между адвокатским бюро и клиентом // Юстиция Беларуси. 2015. № 7. С. 69.
2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь.
3. Адвокаты — защитники прав и свобод граждан // Юстиция Беларуси. 2015. № 8. С. 19.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 11-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. 64 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
8. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
9. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
10. О приговоре [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2001 г., № 9 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 марта 2015 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
11. Там же.
12. О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 14 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 2 июня 2011 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

КОНСТИТУЦИОННЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 340

Н. С. Ельцов,
кандидат юридических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация

УЧАСТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РОССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Введение. Повышение роли общественных организаций во всех сферах деятельности, в том числе и в реализации отдельных направлений правовой политики государства, связано с усложнением решаемых задач и новыми социально-экономическими, геополитическими вызовами российскому обществу, которые требуют совершенствования форм сотрудничества государства с другими субъектами политической и правовой системы.

Особое место в системе общественных некоммерческих организаций занимают профессиональные юридические объединения, построенные по принципу корпоративности интересов. Профессиональное юридическое общественное объединение — это объединение, созданное на неправительственной (негосударственной) основе исходя из общих интересов, целей, задач и состоящее из представителей юридических профессий, имеющих юридическое образование. В Российской Федерации к профессиональным юридическим общественным объединениям относятся общероссийские организации (Ассоциация юристов России, Российский союз юристов, Гильдия российских адвокатов), региональные, т. е. деятельность которых осуществляется в пределах территории одного субъекта Российской Федерации (Липецкая региональная общественная организация «Союз юристов Липецкой области», Общественная организация «Союз юристов Крыма», Общественная организация «Союз юристов Москвы» и др.).

В деятельности практически всех профессиональных юридических общественных объединений мы можем выделить такие базовые направления, как оказание бесплатной юридической помощи и осуществление правового просвещения, общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов, противодействие коррупции, содействие кадровому отбору в институтах публичной власти.

Основная часть. Во многих странах мира активно действуют ассоциации и союзы юристов, которые обладают большим общественным и политическим авторитетом, оказывают значительное влияние на формирование государственной политики и правовой культуры граждан [1, с. 65]. Не согласимся с мнением С. В. Иванова о том, что «субъектами уголовной политики... могут выступать только институциональные носители государственной власти, которые определяют идеологию отношения, принципы и способы реакции на преступность, т. е. применительно к Российской Федерации субъектами уголовной политики, устанавливающими стратегию влияния на преступность, являются высшие должностные лица государства и государственные органы, имеющие возможность формировать идеологический компонент отечественной уголовной политики» [2, с. 11—12]. Полагаем, что возможностью формировать идеологический компонент уголовной политики обладают и негосударственные компоненты политической системы, в частности профессиональные общественные объединения юристов.

Наша позиция основана на мнении Г. Ю. Лесникова о том, что на современном этапе развития общества и государства уголовная политика должна включать «элементы общегосударственной политики в сфере борьбы с преступностью, принципиальные позиции субъектов гражданского общества по проблемам правопорядка, законности и безопасности, а также нормы закона и практику его применения...» [3, с. 3]. Действительно, в современных реалиях государству необходимо учитывать всё разнообразие интересов различных социальных групп, потому и субъекты гражданского общества должны оказывать всё большее влияние на жизнь общества и политику государства, включая уголовную политику.

По мнению А. Ю. Епихина, основными направлениями уголовной политики современного российского государства являются: 1) криминализация; 2) декриминализация; 3) гуманизация; 4) либерализация [4, с. 142]. Безусловно, профессиональные юридические общественные объединения не могут

участвовать в реализации всех направлений уголовной политики, это не входит в их полномочия и задачи, predetermined законом.

Полагаем, участие профессиональных юридических общественных объединений в реализации уголовной политики государства выражается в двух формах: во-первых, форма сотрудничества профессиональных общественных объединений с государственными органами, когда деятельность общественного объединения осуществляется в соответствии с его уставными целями и при этом дополняет работу специально уполномоченных органов и лиц, формирующих и реализующих направления уголовной политики; во-вторых, делегированная форма, сущность которой заключается в участии в реализации уголовной политики государства профессиональных юридических общественных объединений, организационно-правовые виды и полномочия по осуществлению определённых направлений правовой политики устанавливаются государством. Это относится, прежде всего, к адвокатским, нотариальным образованиям.

Так, например, в форме сотрудничества в процессе реализации уголовной политики участвует Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», которая занимается развитием российской криминологической научной школы и формирует правовую идеологию в сфере борьбы с преступностью. В ряду направлений деятельности в её уставе указано, что члены организации осуществляют деятельность по созданию системы научно обоснованного изучения и функционирования общественного мнения о преступности, её причинах, организации борьбы с ней, концентрации усилий своих членов на разработке приоритетных направлений, координации научных исследований в борьбе с преступностью, по выработке научно обоснованной политики в области борьбы с преступностью и др. [5].

Отметим особую роль крупнейшей в России общественной организации юристов, консолидирующей юристов различных профессий — Ассоциации юристов России, которая активно работает по следующим направлениям, реализация которых способствует формированию и осуществлению уголовной политики России: общественная экспертиза законопроектов, в том числе антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов; оказание бесплатной юридической помощи населению; организация и проведение научных и практических конференций разных уровней, включая международный; правовое просвещение и пропаганда права, в том числе в средствах массовой информации и др.

Участие отдельных юридических корпораций в осуществлении правовой политики государства предусмотрено на законодательном уровне. Например, адвокатура в соответствии с частью первой статьи 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления [6]. Очевидно, что адвокатские объединения как вид профессиональных объединений юристов участвуют в делегированной форме в реализации уголовной политики государства, воздействуют на неё, формируют идеологический компонент. Адвокатские палаты выполняют ряд публичных функций и выступают одновременно в качестве субъекта государственного управления. Сегодня перед адвокатурой поставлены задачи содействия охране прав и законных интересов физических и юридических лиц, осуществлению правосудия, соблюдению и укреплению законности. Конечной целью уголовной политики и деятельности субъектов её реализации является обеспечение как безопасности индивида, так и установление баланса между интересами сторон криминального конфликта и потребностями государства, выраженными в уголовном и ином законодательстве.

На наш взгляд, это является подтверждением того, что полномочия данной организации основаны на делегировании государством ряда полномочий, указанных в специальном законе об адвокатуре, а значит данное профессиональное объединение юристов участвует в реализации уголовной политики.

Заключение. Деятельность профессиональных юридических общественных объединений показывает, что на современном этапе развития российского государства есть все признаки их участия в процессе реализации уголовной политики государства. Являясь полноправными участниками процесса реализации как правовой политики в целом, так и уголовной политики государства в частности, данные объединения осуществляют направления уголовной политики в двух формах: в форме сотрудничества и в делегированной форме. Эти формы отражают одновременно многоаспектность и фрагментарность участия профессиональных общественных юридических объединений в реализации уголовной политики государства. Кроме того, это показывает перспективы и потенциал участия рассматриваемых организаций в общественной жизни, значение их научно-практической деятельности в вопросах совершенствования законодательной и правоприменительной практики, которая способствует совершенствованию механизмов реализации уголовной политики в частности и правовой политики государства в целом.

Список цитируемых источников

1. Грудцына Л. Ю. Сотрудничество государства и профессиональных юридических сообществ // Экономика и право. XXI век. 2013. № 2. С. 63—78.

2. Иванов С. В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминол. и уголовно-прав. аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2006. 27 с.
3. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2005. 48 с.
4. Елихин А. Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестн. Удмурт. ун-та. Экономика и право. 2012. № 2—3. С. 140—145.
5. Устав Общероссийской общественной организации «Российская криминологическая ассоциация» [Электронный ресурс]. URL: http://crimas.ru/?page_id=32 (дата обращения: 18.12.2015).
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федер. закон Российской Федерации, 31 мая 2002 г., № 63-ФЗ : в ред. от 2 июля 2013 г. // Собр. законодательства РФ. 2002. № 23.

УДК 343.375

М. А. Желудков,

доктор юридических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ОТ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Введение. Эффективность предупреждения корыстной преступности в России зависит от многих аспектов, среди которых особое место занимают защитные меры, создающие действенные препятствия для преступников. Обращая внимание на защищённость объектов собственности, можно отметить, что их защита является связующим элементом в системной структуре «собственник—общество—государство». Защита права собственности одной личности неизбежно отражается в системе защитных отношений государства в целом. И наоборот, отсутствие государственной концепции защитных мероприятий влечёт за собой увеличение затрат на защиту собственности и фиксирование постоянно высокого уровня корыстных посягательств.

Основная часть. По статистике около половины всех преступлений (46,0%), зарегистрированных в России в январе—декабре 2015 г., составляют хищения чужого имущества, совершённые путём кражи — 996,5 тыс. (+11,7%), грабежа — 71,1 тыс. (-6,7%), разбоя — 13,4 тыс. (-5,2%). Каждая 4-я кража (25,1%), каждый 22-й грабёж (4,6%) и каждое 13-е разбойное нападение (7,9%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое 32-е зарегистрированное преступление (3,2%) — квартирная кража [1]. И хотя количество подобных деяний, кроме краж, постоянно сокращается по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в масштабах всего общества состояние корыстной преступности продолжает быть одним из центральных источников опасности для общественных отношений собственности.

Данная статистика перекликается и с детерминантами, указывающими на необходимость комплексного системного подхода к проблеме защиты: 1) в общественных отношениях по поводу собственности действенность мер защиты напрямую зависит от того, каким образом элементы системы структурированы и взаимосвязаны между собой; 2) существуют специфические стороны обеспечительных мер защиты собственности; 3) технические и правовые требования распределяются по индивидуальным объектам защиты; 4) отсутствует алгоритм полномочий субъектов защиты в условиях потенциальных и реальных корыстных угроз.

В центре изучения находится далёкая от разрешения проблема — создание вокруг непосредственного объекта собственности системной основы криминологической защиты от корыстной преступности, где упорядочен приоритет и иерархия целей, их соподчинённость, распределение сил, способов и средств реализации.

В литературе отмечалось, что «идея системного подхода в том и состоит, что соответствующее действие в одном элементе системы координируется с действиями в других составляющих её элементах» [2, с. 309].

Однако решение поставленной задачи не возможно без обращения к научным знаниям теории систем (общей теории систем), представляющей собой специально-научную и логико-методологическую концепцию исследования совокупности сильно связанных объектов.

Необходимость применения подобной теории для изучения закономерностей объективных законов развития объектов живой и неживой природы была обоснована российским учёным А. А. Богдановым в работе 1912 г. «Всеобщая организационная наука (тектология)» [3]. Но его произведение не получило широкого обсуждения, и поэтому в науке основоположником данной теории

считают Л. фон Берталанфи, который идеи о системном анализе довёл до международной научной общественности в 1937 г. на семинаре по философии в Чикагском университете [4, с. 22—82].

Были изучены различные виды и типы систем, предложены основные принципы и закономерности возникновения, функционирования, развития и поведения системных элементов. Резюмировалось, что каждая наука в широком смысле является моделью, особой понятийной структурой, имеющей целью отразить определённые аспекты реальности, поэтому различные научные подходы представляют данные аспекты и не должны рассматриваться как монополярные.

Продолжилось развитие этой теории и другими учёными, среди которых Р. Акофф, С. Бир, Л. Заде, Р. Калман, Дж. Клир, Э. Ласло, Г. П. Мельников, М. Месарович, А. И. Уёмов, Ю. А. Урманцев, Г. П. Щедровицкий [5] и др. В их концепциях предложены новые логико-концептуальные и математические подходы к вопросам системного исследования. Например, Г. Н. Щедровицкий обосновал приоритет деятельного подхода над натуралистическим и предложил особую логико-методологическую программу в аспекте общей теории мышления и теории деятельности [6]. По мнению Ю. А. Урманцева, общая теория систем должна быть истинной, правильно построенной и способной к обобщениям, предсказаниям, объяснениям, постановке новых вопросов, связям с важнейшими научными теориями и принципами [7].

Если отвлечься от отдельных частных случаев, то в своей основе общая теория систем была призвана дать ответы на вопросы: «Каким образом должна строиться любая система?», «Почему она возникает и из каких объектов (элементов) состоит?», «На какой результат она направлена?». Система в современном понимании содержит множество взаимосвязанных объектов, объединённых в процессе организации в единое целое, с возможностями ресурсного обеспечения и противопоставления внешней среде. Любой внешне неэлементарный объект может быть изучен как подсистема целого, как имеющий свои отдельные части, взаимодействующие между собой с помощью определённых функций.

С учётом подобных положений в криминологической защите объектов от корыстной преступности была взята установка на согласованность исследуемых элементов: наличие объектов защиты, их полнота, непротиворечивость и взаимосвязь с целевой направленностью. Затрагивались лишь общие начала теории систем, отбрасывалось множество возникающих по ходу вопросов, и не рассматривались линии математических построений и компоновок систем. Однако именно отражение основных логических компонентов данной теории позволило яснее представить содержание системы криминологической защиты путём её структурного построения в виде социально-правового института защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности.

Предлагаемый институт пока ещё не имеет своих фиксированных границ и отличается от любого другого комплексным характером наполняемости элементов, где защитные меры регламентируются не только нормами различных отраслей права (конституционным, гражданским, уголовным, административным, финансовым, жилищным), но и социальными нормами. В нём проявляется содержание и характер отраслей права по той функции, которую она выполняет в организации (упорядочении) соответствующих отношений собственности и корыстного преступления. Ни одна из существующих отраслей права всестороннюю защиту права собственности без воздействия других отраслевых и социальных систем сегодня не обеспечивает.

Например, в уголовном праве Российской Федерации отражены следующие задачи по защите собственности от преступных посягательств: 1) выделение уголовно-правовых норм, определяющих юридические основания защиты права собственности при его нарушении соответствующим общественно-опасным деянием; 2) квалификация действий виновного лица, посягающего на право собственности, привлечение его к уголовной ответственности и назначение наказания; 3) возможности собственника по применению самозащиты права при обстоятельствах, исключающих в его действиях признаки преступления; 4) возмещение причинённого вреда собственнику за счёт виновного лица с помощью ареста имущества.

Вместе с тем очевидно, что уголовное право в отдельности, без использования норм других отраслей права, без учёта интересов собственника не сможет создать безопасного состояния права собственности при совершении указанных преступлений. Всю группу защитных мер в одной юридической норме или отрасли, пусть даже самой современной, прописать нельзя. Системность правовых и социальных норм в межотраслевом социально-правовом институте должна выражаться в виде общности содержания, совпадения целей, принципов и мероприятий деятельности.

Создавая определённое единство, проведём трансформацию отдельных свойств в единое целое, где сохраняются численные значения этих свойств и нет препятствий их количественным и качественным изменениям. Специальная координация субъектов защиты осуществляется на основе правовых, социальных норм и правил, где каждый объект защиты индивидуален, но в используемых мерах находят применение системно-образующие связи, строится своеобразная модель взаимодействия всех субъектов.

Обосновывая необходимость создания социально-правового института защиты права собственности от корыстных преступлений, можно спрогнозировать ожидаемые конечные результаты его деятельности: 1) политика в сфере защищённости права собственности от корыстных угроз становится

государственной целью; 2) системная основа криминологической защиты права собственности от корыстных преступлений позволяет объекту защиты успешно функционировать в нестабильных условиях внешней и внутренней среды; 3) налаживается координация и взаимодействие субъектов защиты; 4) достигается высокая степень обеспеченности объектов защиты эффективными информационными и техническими средствами; 5) повышается уровень доверия населения к субъектам защиты; 6) в обществе получают развитие идеалы и ценности уважения чужой собственности; 7) создана система мониторинга сведений о корыстных угрозах и способах защиты от них; 8) формируются информационные базы защиты; 9) налаживается нормативное и методическое обеспечение деятельности конкретных собственников по защите имущественного объекта; 10) создаётся институт гарантий для самозащиты субъектов и восстановления права собственности или компенсации причинённого вреда от совершённого корыстного преступления; 11) повышается функциональность, оперативность и качество управления системой криминологической защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности.

Заключение. По причине небольшого объёма статьи, не раскрывая полностью механизм защиты, тем не менее считаем, что использование системного подхода сообразуется не как панацея для абсолютной защиты права собственности, а как полезное теоретико-методологическое средство, способное упростить процедуру защиты объектов, создать структурную модель взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, определить сущность, функционирование и развитие нового социально-правового института защиты права собственности от корыстных преступлений.

Список цитируемых источников

1. Данные статистики МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru/reports/item/3294242/> (дата обращения 15.01.2016).
2. Преступное насилие. Преступность в городах / сост. и вступ. ст. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. М., 2007.
3. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука : в 2 кн. М., 1989.
4. Бергаланфи Л. Общая теория систем — критический обзор // Исслед. по общ. теории систем : сб. пер. / под общ. ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М., 1969. С. 23—82.
5. Акофф Р. Л. Планирование в больших экономических системах. М., 1972 ; Бир С. Мозг фирмы. 3-е изд. М., 2009 ; Заде Л., Дезоер Ч. Теория линейных систем (Метод пространства состояний). М., 1970 ; Калман Р., Фалб П., Арбиб М. Очерки по математической теории систем. 4-е изд. М., 2010 ; Кларк Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач / пер. с англ. М. А. Зуева ; под ред. А. И. Горлина. М., 1990 ; Ласло Э. Рождение слова — науки — эпохи // Полис (Полит. исслед.). 1993. № 2 ; Мельников Г. П. Азбука математической логики. М., 1967 ; Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы / пер. с англ. Э. Л. Наппельбаума ; под ред. В. С. Емельянова. М., 1978 ; Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978 ; Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964 ; Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974
6. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования.
7. Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии. С. 31.

УДК 325.254.4:314.745.22

К. А. Жук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РАЗРЕШЕНИЕ НА ВРЕМЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ ЛИЦ, ХОДАТАЙСТВУЮЩИХ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СТАТУСА БЕЖЕНЦА ИЛИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Введение. Проблема вынужденной миграции возникла практически вместе с зарождением человеческой цивилизации. Во все эпохи люди покидали свою родину, спасаясь от преследований, войн, межэтнических конфликтов, религиозной истерии, тирании, насилия и иных угроз жизни или здоровью. Проблема вынужденной миграции является одной из острейших проблем современности. Вынужденная миграция превратилась в масштабное мировое явление, оказывающее огромное влияние на политику, социально-экономическую обстановку и национальную безопасность большого числа государств мира [1, с. 3].

Основная часть. В соответствии со статьёй 12 Конституции Республики Беларусь, Республика Беларусь может предоставлять право убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадлежность [2].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 23 января 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной

и временной защиты в Республике Беларусь» (Закон № 354-3) вынужденная миграция представляет собой перемещение людей из государства гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства вследствие опасений стать жертвами преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений либо из государства гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства, где существует угроза смертной казни, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, либо перемещение по причине насилия в условиях вооружённого конфликта международного или немеждународного характера [3].

Согласно пункту 4 части первой статьи 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (Закон № 105-3) временно пребывающий в Республике Беларусь иностранец — это лицо, прибывшее в Республику Беларусь на срок не более девяноста суток в календарном году со дня первого въезда в Республику Беларусь на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и не имеющее разрешения на временное проживание в Республике Беларусь или разрешения на постоянное проживание [4].

Согласно статье 48 Закона № 105-3 разрешение на временное проживание выдаётся иностранцам:

1) если они прибыли в Республику Беларусь для получения или получают на территории Республики Беларусь профессионально-техническое, среднее специальное, высшее, послевузовское образование, дополнительное образование взрослых при освоении содержания образовательной программы повышения квалификации руководящих работников и специалистов, образовательной программы повышения квалификации рабочих (служащих), образовательной программы переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, образовательной программы переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих среднее специальное образование, образовательной программы переподготовки рабочих (служащих) — на срок получения образования, но не более одного года;

2) если они являются супругами, близкими родственниками граждан Республики Беларусь, иностранцев, постоянно проживающих в Республике Беларусь, — на срок пребывания, но не более одного года;

3) если они прибыли в Республику Беларусь для занятия или занимаются трудовой, предпринимательской и (или) иной деятельностью на территории Республики Беларусь в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, — на срок пребывания, но не более одного года;

4) в отношении которых установлена опека (попечительство) гражданами Республики Беларусь, а также иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь, — на срок установления опеки (попечительства), но не более одного года;

5) если они являются этническими белорусами или их кровными родственниками по прямой нисходящей линии: детьми, внуками, правнуками, родившимися за пределами современной территории Республики Беларусь, — на срок пребывания, но не более одного года;

6) если они имеют основания для приобретения гражданства Республики Беларусь в порядке регистрации — на срок пребывания, но не более одного года;

7) если они ранее состояли в гражданстве Республики Беларусь — на срок пребывания, но не более одного года;

8) если у них имеется на праве собственности жилое помещение в Республике Беларусь — на срок пребывания, но не более одного года;

9) если они в порядке, установленном законодательными актами Республики Беларусь, обратились с ходатайством о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты либо убежища в Республике Беларусь — на срок рассмотрения ходатайства;

10) если им предоставлен статус беженца в Республике Беларусь — на срок не более одного года для получения разрешения на постоянное проживание;

11) если им предоставлена дополнительная защита в Республике Беларусь — на срок предоставления дополнительной защиты, но не более одного года;

12) если они в соответствии с законодательством Республики Беларусь не могут быть возвращены или высланы против их воли на территорию государства, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений либо где им угрожают пытки, или если отсутствует государство, которое согласилось их принять, — на срок, в течение которого невозможно возвращение или высылка, но не более одного года;

13) если они получают медицинскую помощь в стационарных условиях в организациях здравоохранения Республики Беларусь — на срок лечения, но не более одного года;

14) по иным основаниям, предусмотренным законодательством Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь [5].

Порядок предоставления статуса беженца, дополнительной или временной защиты происходит в рамках единой процедуры.

Согласно статье 31 Закона № 354-З рассмотрение ходатайства о защите включает в себя следующие стадии: 1) идентификацию личности иностранца, ходатайствующего о защите, не имеющего документа для выезда за границу либо предъявившего подложный или поддельный документ для выезда за границу (идентификация личности осуществляется в течение одного месяца); 2) учёт иностранцев, ходатайствующих о защите; 3) распределение иностранцев, ходатайствующих о защите, по территории Республики Беларусь; 4) регистрация ходатайства о защите и выдача свидетельства о регистрации ходатайства; 5) прохождение иностранцем, ходатайствующим о защите, обязательной государственной дактилоскопической регистрации и обязательного медицинского освидетельствования; 6) рассмотрение ходатайства о защите в подразделении по гражданству и миграции и подготовка заключения; 7) рассмотрение ходатайства о защите в департаменте и принятие решения; 8) уведомление о принятых решениях; 9) постановка на учёт иностранца, которому предоставлен статус беженца или дополнительная защита [6].

Заключение. Анализ оснований выдачи разрешения на временное проживание в Республике Беларусь в отношении лиц, ходатайствующих о получении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь, показал, что иностранец получает разрешение на временное проживание в Республике Беларусь только после регистрации ходатайства о защите. Из этого можно сделать вывод о том, что согласно Закону № 354-З лицо, ходатайствующее о защите в процессе таких стадий, как идентификация личности, учёт иностранцев, ходатайствующих о защите, распределение иностранцев, ходатайствующих о защите, по территории Республики Беларусь, не имеет разрешения на временное проживание на территории Республики Беларусь. Однако согласно пункту 10 статьи 48 Закона № 105-З разрешение на временное проживание выдаётся иностранцам, если они обратились с ходатайством о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты либо убежища в Республике Беларусь, на срок рассмотрения ходатайства. По нашему мнению, срок рассмотрения ходатайства распространяется на такие стадии, как идентификация личности, учёт иностранцев, ходатайствующих о защите, распределение иностранцев, ходатайствующих о защите, по территории Республики Беларусь, и предполагается выдавать разрешение на временное проживание в Республике Беларусь до стадии идентификации личности.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным внести изменения и дополнения в действующее законодательство Республики Беларусь, в частности, исключить часть шестую из статьи 34 Закона № 354-З.

Список цитируемых источников

1. Федорако А. И. Правовое регулирование вынужденной миграции в Республике Беларусь // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2013. № 2. С. 3.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
3. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 1 янв. 2015 г., № 232-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2015 г., № 103-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Там же.
6. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс].

УДК 351.82:343.2(477)

А. В. Ильяшенко,
кандидат наук по государственному управлению
Сумский государственный университет, Сумы, Украина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В АСПЕКТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ПРАВ

Введение. Движущей силой развития современного общества в целом, а также каждого отдельного государства являются инновации, научно-технический и технологический прогресс. Все достижения нынешней науки, возникновение новых технологий возможны благодаря интеллектуальной деятельности человека, результаты которой становятся объектами интеллектуальной собственности.

Значение этого вида собственности для экономического развития государства, обеспечение необходимого уровня её охраны и защиты на государственном уровне — одна из задач государственного управления в этой сфере.

Основная часть. Интеллектуальная собственность рассматривается учёными как результат инновационной деятельности, основанной на существующих знаниях, результат творческого усовершенствования того, что успешно использовалось в прошлом, или результат применения новых творческих форм выражения разных идей и концепций [1, с. 100]. Всемирная организация интеллектуальной собственности провозгласила всеобщую ценность интеллектуальной собственности, её свойственность всем народам, временам и культурам, содействие прогрессу общества [2]. Это обуславливает задачу государства обеспечить максимально благоприятные условия для реализации интеллектуального потенциала, творческой деятельности граждан и надёжную защиту прав на творческие результаты, а также обеспечение интеллектуальной безопасности [3, с. 5].

Действующая сегодня в Украине государственная стратегия стабильного развития «Украина-2020» одним из важнейших векторов безопасности определяет реформу защиты интеллектуальной собственности [4]. Специфика этого вида собственности состоит в том, что творческий потенциал и его результаты — это неисчерпаемый ресурс, который в постиндустриальной системе хозяйствования является нематериальным активом, входит в состав уставного капитала предприятия, определяет его конкурентоспособность и положение на рынке.

На уровне государства необходимым условием эффективного функционирования сферы интеллектуальной собственности является государственная система правовой охраны интеллектуальной деятельности и собственности. Нарушение прав интеллектуальной собственности может привести к наступлению гражданской, административной, уголовной ответственности, а также повлечь штрафные санкции, что требует комплексного анализа нарушений в этой сфере.

Рассматривая вопрос правовой охраны интеллектуальной собственности, обратим внимание, что в большинстве государств мирового сообщества существует система государственной регистрации объектов интеллектуальной собственности, выдачи правоохранительных документов (патентов и свидетельств), разработанная на основании положений основных международных нормативных правовых актов, таких как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Парижская конвенция об охране промышленной собственности и др., в которых определено, что защита нарушенных прав интеллектуальной собственности находится на уровне национального законодательства каждой отдельной страны. Привлечение к ответственности и установление санкций за правонарушения и преступления в сфере интеллектуальной собственности основано на соответствующих нормах административного, уголовного и гражданского права. Закрепление криминальной ответственности за самые общественно опасные правонарушения в сфере интеллектуальной собственности доказывает важность и значимость этой сферы деятельности для общества.

Уголовный кодекс Украины (далее — УК) содержит ряд статей, посвящённых защите прав интеллектуальной собственности. Статья 176 УК Украины регламентирует условия привлечения виновного лица за нарушение авторского права и смежных прав. Эта статья содержит такие составы правонарушения авторского права и смежных прав: 1) незаконное воспроизведение, распространение произведений науки, литературы и искусства, компьютерных программ и баз данных; 2) незаконное воспроизведение, распространение исполнений, фонограмм, видеограмм и программ вещания, их незаконное тиражирование и распространение на разных носителях информации; 3) иное умышленное нарушение авторского права и смежных прав [5].

Статья 177 УК Украины содержит нормы о нарушении права на объекты промышленной собственности. Она предусматривает такие составы преступлений в сфере промышленной собственности, как незаконное использование изобретения (нарушение прав на изобретение), полезной модели, промышленного образца, топографии интегральной микросхемы, сорта растений, рационализаторского предложения, присвоение авторства на них или иное умышленное нарушение права на эти объекты.

Уголовная ответственность за указанные правонарушения наступает только в случае наличия материального ущерба в крупном или особо крупном размере. Размер ущерба определяется по тем же правилам, что и при нарушении авторского права и смежных прав. К ответственности привлекаются лица, осуществляющие незаконное использование изобретения, полезной модели, промышленного образца, топографии интегральной микросхемы, сорта растений, рационализаторского предложения, присвоение авторства на них или другое умышленное нарушение права на эти объекты, если это причинило материальный ущерб в значительном размере.

Согласно статье 229 УК Украины предметом преступления являются такие объекты интеллектуальной собственности, как знак для товаров и услуг, фирменное наименование и квалифицированное указание происхождения товара, а именно их незаконное использование или другое умышленное нарушение права на эти объекты, если это причинило материальный ущерб в значительном размере.

Использование знака для товаров и услуг признаётся: 1) нанесение его на любой товар, упаковку, в которой содержится товар, вывеску, связанную с ним, этикетку, нашивку, бирку или другой

прикреплённый к товару предмет, хранение такого товара с указанным нанесением знака в целях предложения для продажи, продажа, импорт и экспорт; 2) применение знака во время предложения и предоставления любой услуги; 3) применение его в деловой документации или в рекламе, а также в сети Интернет.

Признание значимости интеллектуальной собственности для экономической безопасности предприятий и всего государства проявляется также в том, что УК Украины содержит статью, которая предусматривает ответственность за умышленные действия, направленные на получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, в целях разглашения или иного использования этих сведений, а также незаконное использование таких сведений, если это повлекло существенный вред субъекту хозяйственной деятельности.

Сбор, распространение или использование неправомерно полученной коммерческой тайны являются нарушением как уголовного, так и гражданского, хозяйственного и антимонопольного законодательства. В то же время правомерным является использование хозяйствующим субъектом самостоятельно созданной, правомерно полученной им производственной, технологической, научной или иной подобной информации даже в случае, когда другим субъектом хозяйствования такая информация отнесена к сведениям, составляющим его коммерческую тайну. Однако несмотря на уголовно-правовой характер правонарушения, учёные отмечают, что привлечение к уголовной ответственности конкретных виновников преступления не исключает заявление пострадавшими гражданско-правовых требований о возмещении причинённых убытков (существенный вред). Существенный вред, наносимый юридическому лицу или предпринимателю (владельцу коммерческой или банковской тайны), имеет оценочный характер. Вопрос о наличии или отсутствии существенного вреда решается в каждом конкретном случае с учётом денежного размера причинённого вреда и имущественного положения владельца соответствующих сведений [6, с. 69].

Закрепление уголовной ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности — самый важный способ защиты нарушенных прав собственников, что является действенным правовым механизмом государственного управления в этой сфере. Однако главным препятствием реальной эффективности этого механизма является размер ущерба, причинённого правонарушением, в результате чего наступает уголовная ответственность. Сумма такого ущерба зачастую не позволяет привлечь правонарушителей к криминальной ответственности. Одним из путей решения этой проблемы, как показывает мировой опыт, является снижение размера ущерба в статьях относительно сферы интеллектуальной собственности.

Заключение. Государственное управление в сфере интеллектуальной собственности признано в Украине одним из важнейших векторов национальной безопасности. Нормативно-правовое закрепление уголовной ответственности за правонарушения в этой сфере доказывает общественную значимость интеллектуальной собственности для жизни общества.

Список цитируемых источников

1. Палладий Н. Организационные основы государственного управления сферой интеллектуальной собственности // Гос. упр. и мест. самоупр. 2012. № 3. С. 98—106.
2. WIPO IntellectualPropertyHandbook: Policy, LawandUse [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/export/sites/www/about-ip/en/iprm/pdf/ch1.pdf> (дата обращения: 17.12.2015).
3. Мосов С. П., Жаринова А. Г. Интеллектуальная безопасность Украины в контексте её вхождения в ВОТ // Интеллек. собственность. 2008. № 6. С. 4—9.
4. О стратегии стабильного развития «Украина-2020» [Электронный ресурс] : Указ Президента Украины, 12 янв. 2015 г., № 5/2015. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5/2015> (дата обращения: 25.12.2015).
5. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/134-yku.html> (дата обращения: 15.11.2015).
6. Кульчинская Ю. А. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности // Юрид. наука. 2013. № 9. С. 69—79.

УДК 349.6

А. А. Кисель

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЭКОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Введение. Человек является творением и одновременно создателем своей окружающей среды, которая обеспечивает его физическое существование и предоставляет ему возможности для интеллектуального, нравственного, социального и духовного развития. В ходе долгой и мучительной эволюции человечества на нашей планете была достигнута такая стадия, на которой в результате

ускоренного развития науки и техники человек приобрёл способность преобразовывать многочисленными путями и в невиданных до сих пор масштабах свою окружающую среду [1]. В 1972 г. мировое сообщество, рассмотрев необходимость выработки и определения единого вектора развития и общих принципов по сохранению естественной и созданной человеком окружающей среды, на Конференции Организации Объединённых Наций по проблемам окружающей человека среды задекларировало важность сохранения и улучшения её качества как задачу, требующую разрешения и значимую для осуществления основных прав человека.

Основная часть. Являясь движущей силой социального прогресса, люди создают благосостояние общества, развивают науку и технику и своим упорным трудом постоянно преобразуют окружающую человека среду [2]. Понимая развитие как переход из одного состояния в другое, более совершенное, а также как переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему [3], мы принимаем данное явление как поступательное движение. При этом сегодня налицо противоречие между программой природы как системного целого и программой человека как её части. Парадокс заключается в том, что устойчивость биосферы основана на круговороте веществ в природе, а существование человеческого общества подчинено закону необратимого поступательного движения [4, с. 3]. При этом, улучшая отдельные элементы, человек должен помнить о том, что среда представляет собой их совокупность, а изменение одного влечёт изменение иных. Увлекаясь прогрессом в одной области, не следует игнорировать его негативные последствия в другой.

Обеспечение экологической безопасности определено как система действий по предотвращению возникновения и развития экологически опасных ситуаций и ликвидации их последствий, в том числе отдалённых [5]. Индивид, направляя свою активность на предметы, использует их потребительские свойства, и существенным обстоятельством для недопущения причинения вреда и защиты от опасности является выявление и понимание всех качественных характеристик объектов, что обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, а также иных природных и природно-антропогенных объектов и требует их актуального нормативного регулирования.

Таким образом, экологически безопасное развитие окружающей среды видится как процесс, допускающий минимальное негативное воздействие на составляющие элементы среды, включая самого человека, что возможно при реализации права координации деятельности участников правоотношений.

Субъектами, как правило, являются физические и юридические лица, а также государство и его административно-территориальные единицы. При этом важным и определяющим признаком является наличие экологической правоспособности, под которой понимается способность являться носителем экологических прав и обязанностей.

Для физических и юридических лиц моментом её возникновения принято считать момент возникновения гражданской правоспособности. Для юридических лиц факт государственной регистрации не даёт прав в отдельных областях экологических правоотношений, связанных с необходимостью получения лицензии. Позиция Б. В. Ерофеева, подразделяющего субъекты экологических правоотношений на две группы (управомоченные лица и обязанные лица) [6], позволяет рассматривать общественность как совокупность индивидов, осуществляющих защиту своих прав, включая право на благоприятную окружающую среду, в качестве особого субъекта.

Конвенцией о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, указано на общественность как на носителя прав и обязанностей, а решением Конституционного Суда Республики Беларусь общественность признана важнейшим субъектом экологических правоотношений [7]. При этом в Республике Беларусь законодательное закрепление понятия общественности как субъекта с чётким указанием правового статуса отсутствует, что служит основой не только для дискуссий, но и для междисциплинарных исследований как попытки реализации принципа правовой определённости. Данный принцип предполагает ясность, точность, непротиворечивость, логическую согласованность правовых норм, его соблюдение упреждает неоднозначное понимание, а следовательно, и неправомерное применение юридических норм, которое может повлечь нарушение прав и свобод граждан [8].

При наличии различных подходов к вопросу понимания перечня и содержания основных прав человека на современном этапе видится целесообразной их идентификация с конституционными правами, определёнными в соответствии с международными принципами, поскольку демократические и правовые государства, не являясь исключением и Республика Беларусь, признают приоритет общепризнанных принципов международного права и гарантируют права и свободы граждан. По своему существу права человека нормативно формулируют те условия и способы жизнедеятельности людей, которые объективно необходимы для обеспечения нормального функционирования индивида, общества, государства. Право на жизнь, свободу, достоинство, неприкосновенность личности, свободу мнений, убеждений, автономию личной жизни, а также право на участие в политических процессах являются необходимыми условиями устройства жизни человека в цивилизованном обществе [9, с. 217]. Поскольку совокупность людей образует общество, потребность в правовом обеспечении экологически безопасного развития окружающей среды корреспондирует к анализу соотношения индивидуальных

и коллективных прав человека, обеспечение которых возможно при однозначном понимании субъектов как участников общественных отношений и определении момента возникновения их правоспособности и дееспособности.

Выработку оптимальных механизмов, поиск инструментов для регламентации поведения индивидов целесообразно осуществлять с учётом понимания права как первоисточника. При этом право потеряло бы всякий смысл, если бы не проявляло себя как активное творческое начало, не формировало и не изменяло общественную среду, не определяло направление и формы поведения участников общественных отношений [10]. Существование человека как части окружающей среды и как источника влияния на неё указывает на то, что обеспечение основных прав индивида напрямую зависит от развития окружающей среды, состояние которой вынуждает человека корректировать своё поведение, что отражается в нормах права, в связи с чем экологически безопасное развитие окружающей среды позволит минимизировать негативное влияние на человека, а значит будет способствовать обеспечению его основных прав.

Заключение. Права человека являются нормативной формой взаимодействия людей, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, предотвращения противоречий, противоборства, конфликтов [11]. Поскольку окружающая среда представляет собой совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов [12], экологически безопасное её развитие представляется как процесс изменения веществ, предметов и иных её составляющих и допущения минимального негативного воздействия индивида и на индивида. Принцип Декларации Конференции Организации Объединённых Наций по проблемам окружающей человека среды, такой как право человека на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, позволяющей вести достойную и процветающую жизнь [13], видится жизнеспособным при условии обеспечения экологически безопасного развития окружающей среды.

Список цитируемых источников

1. Декларация Конференции Организации Объединённых Наций по проблемам окружающей человека среды [Электронный ресурс] : принята в Стокгольме 16 июня 1972 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
2. Там же.
3. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/29145.shtml>.by (дата обращения: 04.02.2016).
4. Маврищев В. В., Сачек Г. С. Основы экологии и энергосбережения. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. 224 с.
5. Модельный Экологический кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 ноября 2006 г., № 27-8 (Общая часть) [Электронный ресурс] : принят Межпарламент. Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
6. Нецветаев А. Г. Экологическое право [Электронный ресурс]. URL: <http://uristinfo.net/ekologicheskoe-pravo/229-ekologicheskoe-pravo-ag-netsvetaev/5771-ekologicheskie-pravootnosheniya.html?start=2> (дата обращения: 25.02.2016).
7. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам охраны окружающей среды и участия общественности в принятии экологически значимых решений» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2015 г., № Р-1007/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
8. Там же.
9. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц [и др.] ; под ред. В. С. Нерсесянца. М. : НОРМА, 2002. 832 с.
10. Там же. С. 414.
11. Там же. С. 217.
12. Модельный Экологический кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 ноября 2006 г., № 27-8 (Общая часть).
13. Декларация Конференции Организации Объединённых Наций по проблемам окружающей человека среды.

УДК 343.21

Д. Г. Мороз,

кандидат юридических наук

Белорусский государственный университет, Минск

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СИСТЕМНОСТИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Введение. Одним из основных принципов уголовной политики государства является принцип социальной и научной обоснованности уголовного закона [1, с. 42—45].

Уголовный закон, его содержание и система являются отражением тех исторических, политических, социальных, экономических и культурных процессов, которые обуславливают развитие общества

и государства. Без учёта данного обстоятельства не возможно существование уголовного права, которое адекватно обеспечивало бы выполнение тех задач, которые перед ним стоят.

Осознание исторической, политической, социальной, экономической и культурной обусловленности уголовного закона не может в полной мере обеспечить его оптимальное функционирование при отсутствии научно обоснованных подходов к его формированию.

Основная часть. Системный подход — направление философии и методологии науки, специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем. Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта уголовно-правовой охраны и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведения их в единую теоретическую картину.

Исторически системный подход пришёл на смену распространённым до XIX в. концепциям механицизма и по своим задачам противостоит им. Исходя из этого подхода, основное внимание уделяется рассмотрению разнообразия связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его отношениях с внешним окружением, средой. Системный подход отказывается от односторонне-аналитических, линейно-причинных методов исследования и основной акцент делает на анализе целостных интегративных свойств объекта, выявлении его различных связей и структуры. Системный подход воплощает в себе идею всеобщей связи явлений, взаимодействия и взаимовлияния различных процессов, что находит своё отражение в общей теории систем.

Как и всякая научная концепция, общая теория систем и системного подхода базируется на результатах предыдущих исследований. Историческими предпосылками возникновения общей теории систем послужили работы известного российского, а затем советского учёного А. А. Богданова [2]. Предприимчивая А. А. Богдановым попытка найти общеорганизационные законы, проявления которых прослеживаются на неорганическом, органическом, психическом, социальном, культурном и прочих уровнях, привела к весьма значительным методологическим обобщениям, проложившим путь к важнейшим открытиям в области философии, медицины, экономики, социологии и права.

Имеются основания полагать, что методология, выработанная в рамках общей теории систем, может быть применена и при построении системы объектов уголовно-правовой охраны, которая имеет важнейшее значение для системы уголовного права в целом.

Рассмотрение системы объектов уголовно-правовой охраны должно осуществляться сквозь призму общесистемных интегративных принципов: а) единства; б) организационной формы (целостности); в) иерархичности; г) последовательности расположения; д) преемственности.

Принцип единства в Уголовном кодексе Республики Беларусь системы объектов уголовно-правовой охраны — это не произвольно установленный законодателем перечень таких объектов и соответствующих им уголовно наказуемых деяний, а, наоборот, целостное образование, обладающее внутренним единством, в основе которого находится единство системы объектов уголовно-правовой охраны: человек, общество, государство. Кроме того, единство уголовно-правовой охраны достигается интегративным функционированием всех составляющих её компонентов: запрещающая различные варианты противоправного поведения, уголовный закон гарантирует тем самым охрану как конкретного вида социального блага или общественных отношений, так и всей системы подлежащих уголовно-правовой охране социальных благ или общественных отношений.

Тесным образом с принципом единства в Уголовном кодексе Республики Беларусь системы объектов уголовно-правовой охраны связан принцип организационной формы (целостности). Принцип целостности означает относительную независимость системы от среды, а также зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функции внутри целого [3, с. 16].

Система объектов уголовно-правовой охраны, прежде всего, есть целостность, выражающаяся в том, что объединение соответствующих объектов в рамках единой структурированной системы уголовного закона носит необходимый характер, причём осуществляется не только по формальным, но и по сущностно-содержательным признакам, что обуславливается единством задач и целей уголовно-правовой охраны, органической связью и взаимодействием объектов уголовно-правовой охраны в процессе функционирования уголовного закона. Характерной особенностью организационной формы объектов уголовно-правовой охраны является то, что объединение родовых и видовых объектов уголовно-правовой охраны происходит под эгидой общего объекта уголовно-правовой охраны, под которым понимается вся совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Несмотря на то, что части образуют целое, именно целое, объединяя свои части, определяет их сущность, содержание и формы, функциональное назначение и роль в составе целостной системы, формы и способы их взаимодействия.

Объединение видовых и родовых объектов уголовно-правовой охраны по сущностно-содержательным признакам в единую целостность, с одной стороны, и соединение их по формальным признакам во внутренне организованную структуру — с другой, образуют то качество системы объектов уголовно-правовой охраны, которую можно определить как интегративность. Именно благодаря этому качеству система объектов уголовно-правовой охраны приобретает способность к полноценному функционированию.

Системный подход к определению объектов уголовно-правовой охраны с неизбежностью порождает необходимость реализации принципа иерархичности объектов уголовно-правовой охраны.

Иерархичность подразумевает наличие множества объектов уголовно-правовой охраны, расположенных в Уголовном кодексе на основе подчинения видовых объектов уголовно-правовой охраны родовым объектам, а родовых объектов — общему объекту уголовно-правовой охраны.

Любой объект уголовно-правовой охраны включён в качестве элемента или подсистемы в систему иного, более значимого по своему социальному содержанию объекта уголовно-правовой охраны, и, наоборот, каждый объект уголовно-правовой охраны может рассматриваться как подсистема, обладающая во многих случаях относительной самостоятельностью. В конкретном анализе этот подход реализуется как посредством расчленения родового объекта уголовно-правовой охраны на видовые объекты уголовно-правовой охраны и анализа каждого из видовых объектов сквозь призму родового объекта, так и посредством рассмотрения родового объекта уголовно-правовой охраны в качестве одной из структурных единиц общего объекта уголовно-правовой охраны в целом.

Принцип иерархичности связан с принципом последовательного расположения объектов уголовно-правовой охраны в системе глав Особенной части Уголовного кодекса. В научной литературе подчёркивается необходимость обоснованного внутрисистемного расположения преступлений в зависимости от характера и тяжести причиняемого вреда объектам уголовно-правовой охраны. Советский учёный М. Д. Шаргородский полагал, что при внутрисистемном расположении преступлений целесообразно использовать либо переход от более тяжких составов к менее тяжким, либо, наоборот, от менее тяжких к более тяжким составам [4, с. 74—75].

Однако следует отметить, что реализация принципа последовательного расположения объектов уголовно-правовой охраны не всегда может быть подчинена данному критерию. С точки зрения односложных объектов, например, жизнь человека или здоровье человека, действительно применяется рациональный способ последовательного расположения внутрисистемной организованности объектов уголовно-правовой охраны. В то же время данный принцип трудно реализуем в тех случаях, когда объект уголовно-правовой охраны носит сложный, многовариантный характер. В качестве примера такого объекта уголовно-правовой охраны может выступать личная свобода, которая выражается во множестве различных форм. Представляется, что в данном случае последовательность расположения объектов уголовно-правовой охраны может быть достигнута выделением внутри глав нескольких классификационных групп уголовно наказуемых деяний и применения данного принципа в отношении не отдельных деяний, а в отношении таких классификационных групп.

Принцип преемственности означает, что содержательный состав объектов уголовно-правовой охраны в уголовном законе должен обладать определённой устойчивостью и традиционностью. Это позволяет сохранить стабильность правоприменительной практики, выработанной на протяжении многих поколений правоведов. Вместе с тем нельзя утверждать, что предусмотренная в законе система объектов уголовно-правовой охраны является застывшим нормативным образованием. Изменение исторических, политических и экономических условий развития социума влечёт за собой и изменение приоритетов уголовно-правовой охраны.

Заключение. Системный подход при построении уголовного закона воплощает в себе идею всеобщей связи явлений, взаимодействия и взаимовлияния различных процессов, определяющих социальную и научную обоснованность уголовного закона. Исследование системы уголовного закона предполагает выявление механизма функционирования и развития этой системы в целом, а также закономерностей её развития.

Список цитируемых источников

1. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : ВолтерсКлувер, 2009. 608 с.
2. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука : в 2 кн. М. : Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
3. Антанович Н. А. Теория политических систем: учеб. пособие. Минск : ТерраСистемс, 2008. 208 с.
4. Шаргородский М. Д. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 434 с.

УДК 342+343.2

В. Г. Ольшевский,

кандидат экономических наук, доцент

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Введение. В действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в том числе и в новой её редакции, утверждённой президентом В. В. Путиным 31 декабря 2015 г., отмечается рост глобальной и региональной

нестабильности в современном мире, возрастающее влияние политических факторов на экономические процессы, рост уязвимости всех членов международного сообщества перед лицом разнообразных вызовов и угроз [1]. Усложнение социально-экономической ситуации в дружественных странах под влиянием обострения международной обстановки, антироссийских санкций и ответных действий Российской Федерации требует более активных и целенаправленных мер государственных структур, направленных на устранение дисбалансов в экономике, поддержание социальной стабильности, в том числе и по пресечению деятельности преступных организаций и группировок, коррупции, преступных посягательств против личности, собственности, государственной власти, общественной, экономической безопасности. Ситуация требует существенных подвижек в государственном управлении обеспечением национальной безопасности в целом.

Основная часть. Государственное управление — это опирающееся на власть практическое, организующее и регулирующее воздействие государства через систему своих структур на общественную и частную жизнедеятельность людей в целях её упорядочения, сохранения и преобразования. В широком смысле это деятельность государства по руководству всеми сферами общественной жизни, основным содержанием которой является обеспечение безопасного функционирования и развития социума в национальных, региональных и глобальных системах координат. Хотя главной целью государственного управления в социально ориентированных обществах, в том числе в Беларуси и России, провозглашено создание условий, обеспечивающих достойную жизнь граждан, именно безопасность всех участников общественных действий является условием и предпосылкой удовлетворения всех других их потребностей. Поэтому безопасность — и ключевое понятие, и основная цель государственного управления.

В течение многих столетий основным средством обеспечения безопасности была военная сила. В условиях, когда национальные интересы формировались исходя исключительно из позиции защиты государственной территории, населения и природных ресурсов, она выступала как главный атрибут государственной власти. Длительное время обеспечение национальной безопасности имело только внешнюю направленность, его главными составляющими были внешнеполитическая стратегия, дипломатическая практика и военно-силовое обеспечение.

Цивилизационные перемены в мировом сообществе на рубеже XX—XXI вв. обусловили значительные сдвиги в современном понимании национальной безопасности, перемещение преимущественных акцентов в её анализе и обеспечении с военных на личностные аспекты и составляющие невоенно-технического характера. В научном сообществе всё больше утверждается важности так называемой гуманитарной основы национальной безопасности. В научный оборот вошли такие понятия, как гуманитарная, духовная, идеологическая, интеллектуальная безопасность. В качестве значимых факторов безопасности стали рассматриваться культура, культурная политика, идеология, духовная сфера в целом. Повысилось внимание к проблемам инновационного развития: к информационной сфере, науке и образованию как факторам повышения технологической конкурентоспособности и развития человека. Очевидно, что на первый план обеспечения национальной безопасности выдвинулись проблемы общесистемного характера. Показательным в этом отношении является ранжирование в концептуально-стратегических документах Республики Беларусь и Российской Федерации таких составных элементов национальной безопасности, как политическая (государственная и общественная), экономическая, продовольственная, энергетическая, научно-технологическая (национальная безопасность в сфере науки, технологий и образования), социальная (национальная безопасность в области повышения качества жизни), демографическая (национальная безопасность в сфере здравоохранения и здоровья нации), национальная безопасность в сфере культуры, информационная, военная, экологическая безопасность. Разумеется, такое ранжирование не означает, что военная составляющая стала периферией государственного управления обеспечением национальной безопасности, оно указывает на комплексную обусловленность военной, как и других компонентов национальной безопасности, состоянием общества в целом.

В концептуально-стратегических документах государств постсоветского пространства отсутствует понятие правовой безопасности, хотя в научной юридической литературе она и её компоненты (юридическая, криминологическая, пенитенциарная безопасность) анализируются уже более двадцати лет [2]. С точки зрения Б. В. Дрейшева, правовая безопасность имеет два аспекта. Первый состоит в обеспечении защищённости самой системы права и направлен на её совершенствование и дальнейшее развитие. Второй заключается в том, что в рамках правовой системы посредством правового регулирования общественных отношений осуществляются меры безопасности в различных сферах: экономической, социальной, информационной, военной и т. д. Правовая безопасность призвана обеспечить защищённость национальных интересов, опосредовать все виды безопасности [3]. Целью правовой безопасности закона и правоприменения считают защищённость законодательства, закона и правоприменения от опасностей, возникающих в законе, его официальных толкованиях, порождаемых юридической правоприменительной деятельностью. Эти опасности называют юридико-правовыми (юридическими по формам возникновения, существования и формально-правовыми по содержанию) дефектами позитивного права и правоприменения.

По мнению А. Ф. Галузина, правовую безопасность следует рассматривать в широком и узком смыслах слова [4]. В широком смысле она включает в себя защищённость правовой системы, системы права, законодательства в целом от юридико-правовых опасностей и угроз, правовые средства обеспечения всех видов безопасности, в узком смысле — это устранение юридико-правовых опасностей и угроз как в процессе создания закона, правовой нормы, так и правоприменения. В числе юридико-правовых опасностей и угроз правотворчества называют несоответствие законов реальной социально-экономической ситуации, целям и задачам, сформулированным в конституциях и иных основополагающих законодательных актах, противоречия между законодательными актами, неполноту, незавершённость правового регулирования тех или иных общественных отношений, ограничения прав человека и др. К юридико-правовым опасностям и угрозам толкования закона, правоприменения относят нарушение таких основных правовых принципов, как гуманизм, справедливость, законность и др., правовой нигилизм, несоблюдение основных прав и свобод граждан, правовых гарантий, злоупотребление правом и т. д. Подобные явления создают почву для недовольства значительных слоёв населения, порождают явное или скрытое стремление обойти законы и другие правовые нормы, в этом смысле криминогенны, попадают в сферу уголовной политики как части социальной политики государства в борьбе с преступностью.

Содержание уголовной политики составляет использование в этой сфере деятельности комплекса экономических, правовых, социальных, организационных и иных мер, определение стратегических задач по совершенствованию и эффективному применению законодательства, а также предупреждение преступлений. В трактовке А. И. Бойко «уголовная политика есть особый угол зрения на криминальную действительность, самая высокая смотровая площадка: здесь располагается государственно-правовая идеология; здесь внешне понятные и ожидаемые решения поверяются стратегическими пластами народной жизни; здесь искусно маскируется истинный интерес элиты; здесь многочисленные политические искушения упираются в стену общественной необходимости и грозят социальными возмущениями» [5, с. 4—5].

Заключение. Уголовная политика — это часть общей политики государства, в первую очередь экономической. Именно экономика формирует реальную среду жизнедеятельности отдельных людей, общества, государства и его правоохранительных органов. Как показал советский опыт, она, в конечном счёте, проверяет реальность любых мировоззренческих систем и программ преобразований. В современных условиях экономика снова становится важнейшей сферой обеспечения национальной безопасности, разработки и реализации уголовной политики в широком смысле.

Список цитируемых источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575. URL: <http://www.mod.mil.by/koncept.html> (дата обращения: 20.12.2015) ; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 31 дек. 2015 г., № 683. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html> (дата обращения: 16.01.2016).
2. Дрейшев Б. В. Правовая безопасность и проблемы её обеспечения // Правоведение. 1998. № 2. С. 11—19 ; Юридическая безопасность человека в России. Угрозы и вызовы в сфере юриспруденции : сб. науч. тр. / науч. ред. А. А. Тер-Акопов. М. : Изд-во МНЭПУ, 2001. 252 с. ; Толкаченко А. А. Пенитенциарная безопасность в системе юридической безопасности человека // Всерос. совещание по проблемам соблюдения законности и прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполн. системы М-ва юстиции России : сб. материалов. М., 2003. С. 52—55 ; Галузин А. Ф. Правовая безопасность как самостоятельный вид безопасности // Право и политика. 2007. № 12. С. 117—125 ; 2008. № 2. С. 275—284.
3. Дрейшев Б. В. Правовая безопасность и проблемы её обеспечения. С. 11.
4. Галузин А. Ф. Правовая безопасность как самостоятельный вид безопасности.
5. Бойко А. И. Уголовная политика: учеб. пособие. Ростов н/Д : Рост. гос. экон. ун-т, 2008. 192 с.

УДК 347.4/5

А. А. Пилипенко,
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск

ПРИМЕНЕНИЕ ПОВЫШАЮЩИХ КОЭФФИЦИЕНТОВ В СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ИХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ С МЕРАМИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Введение. На протяжении долгого периода времени одной из форм определённой конфронтации между государством и физическими лицами является осуществление гражданами предпринимательской деятельности без государственной регистрации и соответствующего выявления таких фактов

государственными органами с применением к нарушителям законодательства мер государственного принуждения.

Основная часть. Часть вторая статьи 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (ГК) определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную деятельность юридических и физических лиц, осуществляемую ими в гражданском обороте от своего имени на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведённых, переработанных или приобретённых указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления [1].

В случае выявления фактов осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации физическое лицо привлекается к административной ответственности на основании части 1-1 статьи 12.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. (далее — КоАП) [2]. Чтобы разрешить вопрос о наличии в действиях физического лица состава административного правонарушения в виде осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации, должностными лицами контролирующего органа определяются признаки вышеуказанной деятельности и, в первую очередь, направленность на систематическое получение прибыли (в отношении физических лиц правильным является использование термина «доход»).

Применительно к установлению признака систематичности получения физическим лицом дохода правоприменительная деятельность контролирующих органов демонстрирует вариативность действий их должностных лиц. Если в ходе внеплановой тематической оперативной проверки должностными лицами налоговых органов выявляются факты осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации, физические лица письменно предупреждаются о недопустимости осуществления такой деятельности и о применении в отношении них мер административной ответственности в случае повторного совершения таких действий. Данный алгоритм действий используется в случае отсутствия доказательств систематичности осуществления физическим лицом деятельности, направленной на получение дохода.

Однако отрицательный финансовый результат вышеуказанного алгоритма, не предполагающий пополнение бюджета, моделирует прикладную реальность в иной плоскости, которая, в свою очередь, характеризуется определённой вариативностью. С одной стороны, на практике всё чаще встречаются случаи, когда должностные лица контролирующих органов, игнорируя необходимость установления фактов систематичного (т. е. два и более раза) осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации, составляют протокол об административном правонарушении по части 1-1 статьи 12.7 КоАП в отношении физического лица, которое впервые осуществляло вышеуказанную деятельность.

С другой стороны, для установления факта систематичности осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации стал использоваться иной, отличный от наличия в распоряжении должностных лиц налогового органа сведений о вынесении в отношении физического лица письменного предупреждения о недопустимости осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации, инструментарий доказательств для привлечения к административной ответственности.

Прикладное игнорирование налоговыми органами тонкой грани между понятиями «направленность на систематическое получение дохода» и «систематическое получение дохода» в совокупности с получением письменных пояснений физических лиц, в которых они указывают на неоднократный характер осуществления деятельности, связанной с получением дохода, постулирует привлечение последних к административной ответственности.

Однако граждане всё чаще стали требовать от должностных лиц налоговых органов действовать в соответствии с законодательством в случае первичного факта выявления деятельности без государственной регистрации (которая в данном случае не является предпринимательской), выносить в отношении них предупреждение о недопустимости осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации, которое не несёт для физического лица никаких отрицательных последствий.

С финансовой точки зрения для государства ситуация также усугубляется фактом наличия по части четвёртой статьи 1 ГК Республики Беларусь видов деятельности, которые не относятся к предпринимательской и, соответственно, при осуществлении которых физическое лицо невозможно привлечь к административной ответственности по части 1-1 статьи 12.7 КоАП. В развитие вышеуказанной правовой конструкции следует также отметить наличие предусмотренного абзацами 2—14 пункта 1 статьи 295 Налогового кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. (далее — НК) [3] перечня видов деятельности, при осуществлении которых физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, уплачивают единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц (далее — единый налог). В данном случае для законного оказания услуг физическому лицу не требуется регистрация в качестве индивидуального предпринимателя.

Государство посчитало необходимым компенсировать свои финансовые потери, вытекающие из правомерных действий физических лиц и установленных им самим условий налогообложения в контексте определения видов деятельности, по которым физические лица не осуществляют предпринимательскую деятельность, но уплачивают единый налог, параллельно повысив уровень отрицательных претерпеваний также для физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность с государственной регистрацией. Так, с 1 января 2015 г. при выявлении фактов осуществления деятельности, предусмотренных пунктом 1 статьи 295 НК, по которым физическое лицо является плательщиком единого налога, оно уплачивает пятикратную сумму данного налога вне зависимости от количества обнаружения таких фактов, а также штраф, предусмотренный частью шестой или восьмой статьи 13.6 КоАП; по видам деятельности, поименованным в пункте 1 статьи 296 НК, — пятикратную сумму единого налога даже при разовом занятии физическим лицом незарегистрированной предпринимательской деятельностью, а также к нему применяются меры административной ответственности, предусмотренные частью 1-1 статьи 12.7 КоАП.

Вводя в вышеуказанных случаях пятикратный коэффициент по единому налогу, законодатель исходил не из сути правового явления, а из его наименования, детерминированного ошибочным представлением об установлении новых условий налогообложения. Данные условия устанавливаются только в случае выявления фактов осуществления видов деятельности, поименованных в статьях 295 и 296 НК. Следует констатировать, что сентенция законодателя, предусмотренная пунктом 2-1 статьи 299 НК «при выявлении фактов осуществления видов деятельности...», свидетельствует о выявлении фактов нарушения законодательства, за которые должны быть предусмотрены меры административной ответственности, указанные нами ранее.

Включая в правовую конструкцию единого налога повышающий коэффициент, законодатель ошибочно полагает, что он определил отдельные условия налогообложения применительно к одному из поименованных в пункте 5 статьи 6 НК обязательному элементу налога, в данном случае — порядок исчисления налога. Многочисленные ситуации на практике, широко освещаемые в средствах массовой информации, когда налоговые органы, устанавливая факты неуплаты единого налога или незарегистрированной деятельности, предъявляют к уплате пятикратную сумму единого налога, свидетельствуют об отличном от налоговой правовой природы повышающем коэффициенте.

Введение условий налогообложения ни в коей мере не должно корреспондироваться с выявлением фактов нарушений законодательства и с последующим применением к нарушителям законодательства мер юридической ответственности, что и продемонстрировал законодатель в рассматриваемом нами случае, выходя за рамки общественных отношений, определённых пунктом 1 статьи 1 НК.

Заключение. На основании вышеизложенного следует констатировать, что повышающий коэффициент по единому налогу по своей правовой природе является мерой административной ответственности, который должен быть отменён по причине предусмотренных КоАП административных взысканий за нарушение налогового законодательства, в том числе и за неуплату единого налога.

Список цитируемых источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г., № 343-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г., № 343-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

УДК 325.254.4

А. М. Сакович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СТАТУСА БЕЖЕНЦА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. Глобальная проблема беженцев и лиц, перемещённых внутри страны, — это один из самых сложных вопросов, стоящих перед мировым сообществом, который является предметом активного обсуждения в Организации Объединённых Наций (далее — ООН), которая продолжает поиск более эффективных средств защиты этих весьма уязвимых групп населения и оказания им помощи.

Вопросы, связанные с предоставлением убежища, в последние годы постоянно находились в поле зрения европейских политиков, законодателей, правоохранительных служб, органов международных структур. Это вполне объяснимо на фоне весьма бурных миграционных процессов, в эпицентре которых на рубеже XX—XXI вв. оказалась Европа. Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что каждый человек имеет право на гражданство. Тем самым гражданство создаёт взаимные права и обязанности для граждан и государства. Именно с гражданством связан объём прав, обязанностей и ответственности государства и гражданина [1].

Однако ежегодно сотни тысяч человек вынуждены покидать свои дома, спасаясь от преследований, военных конфликтов, антропогенных катастроф и стихийных бедствий. Оставление обычного места жительства, выезд из своей страны и опасность преследования в случае возвращения в неё, отсутствие правовой защиты со стороны государства гражданской принадлежности, источников дохода и средств к существованию — все эти факторы определяют особо уязвимое положение людей, именуемых беженцами.

Актуальность данной темы бесспорна, так как число беженцев постоянно растёт. Поскольку беженцы не имеют доступа к средствам правовой и социальной защиты, которую, как предполагается, должно предоставить своим гражданам любое функционирующее правительство, международным сообществом предпринимаются специальные меры для облегчения их особенно бедственного положения.

По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, за 2015 г. статус беженца предоставлен 7 иностранным гражданам, а дополнительная защита предоставлена 877 иностранцам (804 гражданина Украины, 50 — Сирии) [2].

Основная часть. Определение понятия «беженец», содержащееся в статье 1 Конвенции о статусе беженцев (1951) (далее — Конвенция 1951 г.), ратифицированной Республикой Беларусь в 2001 г., стало общепринятым в международном праве. Более 140 государств, присоединившихся к Конвенции 1951 г. и Протоколу к ней 1967 г., используют это определение в своём законодательстве и практике по обеспечению международной защиты.

В приведённом определении понятия «беженец» выделяются следующие критерии: 1) нахождение вне страны происхождения (гражданства или прежнего постоянного местожительства); 2) вполне обоснованные опасения; 3) преследования, признаками которых являются раса, вероисповедание, гражданство (национальность), принадлежность к определённой социальной группе и политические убеждения; 4) отсутствие защиты страны происхождения.

Только наличие всей совокупности данных критериев позволяет определить то или иное лицо в качестве беженца. Отсутствие одного из данных элементов при анализе теоретической задачи или практического дела означает невозможность вывода о применимости международно-правового понятия «беженец» к рассматриваемому случаю или индивидуальному делу.

Помимо этого, существуют категории лиц, которым не может быть предоставлено убежище.

Положения Конвенции 1951 г. не распространяются на лиц, в отношении которых имеются серьёзные основания предполагать, что они: 1) совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений; 2) совершили тяжкое преступление не политического характера вне страны, давшей им убежище, и до того, как они были допущены в эту страну в качестве беженцев; 3) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам ООН [3].

Такое же положение закреплено в статье 3 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» при дополнении Конвенции 1951 г. следующими положениями: 1) за которыми компетентные органы государства их постоянного проживания, не являющегося государством их гражданской принадлежности, признают права и обязанности, связанные с гражданством этого государства; 2) которые пользуются защитой либо помощью органов или учреждений ООН, кроме Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев [4].

Данные положения являются особенностью законодательства Республики Беларусь по сравнению с международным законодательством.

Иностранец, признанный беженцем, и прибывшие с ним члены его семьи обязаны соблюдать законодательство Республики Беларусь, а при самостоятельном поселении в течение трёх рабочих дней после получения удостоверения стать на учёт в территориальном органе по миграции и зарегистрироваться в органе внутренних дел по месту пребывания; после получения в территориальном органе по миграции направления на временное поселение в течение трёх суток убыть в указанный населённый пункт и по прибытии в течение трёх рабочих дней зарегистрироваться в местном органе внутренних дел; сообщить в течение семи дней в территориальный орган по миграции и при необходимости в соответствующий орган внутренних дел сведения об изменении фамилии, имени, состава семьи, семейного положения, о приобретении гражданства Республики Беларусь или гражданства другого государства либо о получении разрешения на постоянное жительство на территории Республики

Беларусь; сообщать в территориальные органы по миграции о намерении переменить место пребывания на территории Республики Беларусь либо выехать на местожительство за пределы территории Республики Беларусь; проходить ежегодную регистрацию в сроки, устанавливаемые территориальными органами по миграции.

Иностранец утрачивает статус беженца после получения разрешения на постоянное жительство на территории Республики Беларусь либо при приобретении гражданства Республики Беларусь [5].

Лицо лишается статуса беженца, если оно сообщило заведомо ложные сведения либо предъявило поддельные документы, послужившие основанием для признания его беженцем, создаёт угрозу национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения Республики Беларусь. Решение об утрате иностранцем статуса беженца или о лишении иностранца статуса беженца принимается республиканским органом государственного управления по миграции. Иностранец, утративший статус беженца или лишённый статуса беженца, обязан покинуть территорию Республики Беларусь совместно с членами его семьи по истечении месячного срока со дня получения уведомления об утрате статуса беженца или о лишении статуса беженца [6, с. 163].

Система защиты беженцев в Республике Беларусь является одной из лучших среди стран — членов Содружества Независимых Государств, а дальнейшее её совершенствование необходимо направить на адаптацию беженцев.

Заключение. В связи с ратификацией Конвенции 1951 г. отпала необходимость столь детального закрепления положений, исключающих возможность получения статуса беженца в Республике Беларусь. В связи с изложенным выше считаем целесообразным исключить абзацы первый—третий из статьи 3 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» и изложить статью 3 в новой редакции следующего содержания: «В Республике Беларусь статус беженца, дополнительная и временная защита не могут быть предоставлены иностранцам: 1) которые лишены данного права в соответствии с нормами Конвенции 1951 г.; 2) за которыми компетентные органы государства их постоянного проживания, не являющегося государством их гражданской принадлежности, признают права и обязанности, связанные с гражданством этого государства; 3) которые пользуются защитой либо помощью органов или учреждений ООН, кроме Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев».

Список цитируемых источников

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Орг. Объед. Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 28.10.2015).
2. Сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=69883/> (дата обращения: 20.02.2016).
3. Конвенция Организации Объединённых Наций о статусе беженцев : принята в 28 июля 1951 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
4. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 1 янв. 2015 г., № 232-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Кивель В. Н. Права и обязанности беженцев и лиц, которым предоставлена дополнительная защита в Республике Беларусь // Труд. Профсоюзы. Общество. 2012. № 2. С. 58—61.
6. Сарашевский Ю. Л., Селиванов А. В. Сборник международно-правовых документов и национальных законодательных актов по вопросам беженцев. Минск : Тесей, 2000. 464 с.

УДК 347.97

И. И. Семашко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

НОТАРИУС КАК СУБЪЕКТ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Введение. В связи с изменением с 1 января 2014 г. правового статуса нотариуса и правил осуществления нотариальной деятельности актуальным является определение правовой природы деятельности, осуществляемой нотариусом.

Основная часть. В Республике Беларусь основным нормативным правовым актом, регламентирующим порядок осуществления нотариальной деятельности, является Закон Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее — Закон № 305-З) [1].

В нём отражены положения Указа Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь», впервые закрепившего единый статус нотариуса и новые принципы осуществления нотариальной деятельности.

Согласно статье 10 Закона № 305-3 нотариусом может быть гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее трёх лет, прошедший в случаях, установленных законом, профессиональную стажировку в качестве стажёра, сдавший квалификационный экзамен, получивший свидетельство на осуществление нотариальной деятельности, отвечающий иным требованиям законодательства.

Согласно статье 4 Закона № 305-3 задачами нотариальной деятельности являются: 1) обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путём совершения нотариальных действий; 2) нотариальное удостоверение сделок, беспспорных прав и фактов в целях придания им юридической достоверности и обеспечения стабильности гражданского оборота; 3) оказание юридической помощи в порядке, установленном законодательством; 4) формирование уважительного отношения к закону.

Согласно статье 5 Закона № 305-3 основными принципами нотариальной деятельности являются принципы законности, беспристрастности, независимости, обеспечения нотариальной тайны.

Нотариус наделён следующими полномочиями:

1) совершать нотариальные действия;

2) истребовать от государственных органов и иных организаций, в том числе из автоматизированных информационных систем в установленном законодательными актами порядке, сведения и (или) документы, необходимые для совершения нотариальных действий (за исключением сведений и (или) документов, для выдачи которых требуется вынесение судебного постановления), а также без письменного согласия физического лица информацию, предусмотренную законом;

3) при представлении интересов лиц (лица), обратившихся за совершением нотариального действия, вправе в порядке, установленном законодательством о государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, подписать заявление о государственной регистрации, подавать это заявление и иные документы, необходимые для совершения регистрационных действий, в организацию по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, получить свидетельство (удостоверение) о государственной регистрации и (или) иные документы, а также обжаловать действия (бездействие) регистратора;

4) для совершения нотариальных действий с электронными документами, передачи или истребования в электронном виде сведений и документов из автоматизированных информационных систем использовать электронную цифровую подпись, созданную в порядке, установленном законодательством.

Нотариус обязан: 1) быть членом Белорусской нотариальной палаты; 2) заключить договор страхования гражданской ответственности на случай причинения им вреда третьим лицам в результате неправильно совершённого нотариального действия; 3) соблюдать установленные законодательством требования к осуществлению нотариальной деятельности; 4) честно и добросовестно обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путём совершения нотариальных действий; 5) разъяснять гражданам и юридическим лицам, обратившимся за совершением нотариального действия, их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемого нотариального действия; 6) исполнять другие обязанности, установленные законодательством, Уставом Белорусской нотариальной палаты.

Нотариус имеет печать с изображением Государственного герба Республики Беларусь, указанием своего статуса (нотариус), фамилии, собственного имени, отчества (если таковое имеется), нотариального округа, а также может иметь штампы удостоверительных надписей и бланки нотариуса.

Документом, подтверждающим статус нотариуса и его членство в Белорусской нотариальной палате, является удостоверение нотариуса.

Органом нотариального самоуправления является Белорусская нотариальная палата, которая является некоммерческой организацией.

Министерство юстиции Республики Беларусь осуществляет регулирование нотариальной деятельности и руководство нотариатом в Республике Беларусь, а также контроль за соблюдением нотариусами, Белорусской нотариальной палатой, её организационными структурами законодательства о нотариате.

Анализируя содержание правил осуществления нотариальной деятельности, мы поддерживаем точку зрения И. Кирвель, которая, характеризуя нотариат латинского типа, указывает на то, что требования, которые предъявляются к нотариусам в странах с латинским типом нотариата, закреплены в нашем законодательстве и реализуются в правоприменительной практике [2, с. 72]. Действительно, общими чертами, которые характерны для национальных нотариатов латинского типа, являются следующие: 1) нотариус наделяется публичными полномочиями и осуществляет их от имени государства и под его контролем; 2) нотариус самостоятельно организует свою работу на условиях самоуправления и самофинансирования, несёт полную имущественную ответственность за убытки, причинённые

в результате совершения нотариальных действий; 3) нотариус придаёт соглашениям сторон характер особой доказательственной и исполнительной силы, защищает публичный интерес; 4) нотариусы объединяются в нотариальные палаты, членство в которых обязательно, нотариальные палаты выполняют административные и контрольные функции [3, с. 350—351].

Ценность института нотариата латинского типа заключается в том, что он позволяет обеспечивать правоохранительные функции, законность юридических действий участников гражданского оборота без затрат со стороны государства [4, с. 26].

Как справедливо отмечает И. Кирвель, нотариат в Республике Беларусь на современном этапе играет важную роль в обеспечении защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц. Государство с учётом того, что нотариусы выполняют публичную функцию, совершая нотариальные действия от имени Республики Беларусь, оставило за собой функцию регулирования нотариальной деятельности, руководства нотариатом. Подобный шаг стал возможным только потому, что нотариальное сообщество достигло определённой степени профессионализма, показало свою приверженность духу закона и способность проявить организационную самостоятельность, сохраняя при этом конституционную гарантию права каждого на юридическую помощь, которую ежедневно оказывают нотариусы заинтересованным лицам [5].

На основании изложенного выделим основные признаки нотариальной деятельности.

Во-первых, нотариальная деятельность осуществляется в соответствии с законом. Во-вторых, основным содержанием деятельности является обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путём совершения нотариальных действий, а также обеспечение стабильности гражданского оборота. В-третьих, нотариальные действия совершаются нотариусом от имени Республики Беларусь. В-четвёртых, организационными формами нотариальной деятельности являются нотариальные конторы и нотариальные бюро, не являющиеся юридическими лицами. В-пятых, деятельность нотариуса способствует выполнению правоохранительными и судебными органами своих функций.

На наш взгляд, указанные признаки характеризуют нотариальную деятельность как правоохранительную. При этом следует отметить, что в юридической литературе отсутствует единая точка зрения о системе органов и учреждений, осуществляющих правоохранительную деятельность. Одни учёные считают, что правоохранительную деятельность осуществляют правоохранительные органы государства [6], другие учёные относят к правоохранительным органам как государственные органы (суд, прокуратуру, органы предварительного расследования, органы юстиции), так и негосударственные образования (нотариат, адвокатуру, правовую службу) [7, с. 13].

Заключение. Изучение правил совершения нотариальной деятельности, выделение их характерных признаков позволяют считать нотариальную деятельность правоохранительной, а нотариуса — субъектом, осуществляющим правоохранительную деятельность.

Список цитируемых источников

1. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2016 г., № 355-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Кирвель И. Нотариат латинского типа // Юстиция Беларуси. 2014. № 11. С. 70—72.
3. Нотариальное право России : учеб. для юрид. вузов и фак. / Б. М. Гангалю [др.]. М. : Волтере Клувер, 2003. 393 с.
4. Нотариат : учеб. пособие / Л. В. Щербачева и [др.]. 4-е изд., пераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010. 447 с.
5. Кирвель И. Нотариат латинского типа. С. 72.
6. Борико С. В. Судебное устройство и прокурорский надзор (правоохранительные органы). Минск : Фонд развития и поддержки независимых науки и высш. шк., 1998. С. 10 ; Хурсевич А., Асаёнок Б. Понятие и содержание правоохранительной деятельности прокуратуры в Республике Беларусь // Законность и правопорядок. 2014. № 1 (29). С. 55.
7. Судебное устройство : учеб. / А. А. Данилевич [и др.] ; под ред. А. А. Данилевича, И. И. Мартинович. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Амалфея, 2010. 464 с.

УДК 342.723

И. Г. Скороход

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ПОМИЛОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. Конституция белорусского государства, принятая Верховным Советом Республики Беларусь 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), закрепила построение в Беларуси демократического, социального, правового государства. При этом

на вершину пирамиды общества и государства поставлен человек, его права, свободы и гарантии их реализации [1]. Вне всякого сомнения, данные конституционные положения являются бесценным результатом длительного исторического, порой трагического пути нашего общества к демократии в контексте мирового конституционного процесса. А одним из прав человека является право осуждённого на обращение с просьбой о помиловании.

Основная часть. Конституция Республики Беларусь закрепляет право осуждённого (гражданина Беларуси, иностранного гражданина, лица без гражданства) направлять личные обращения в государственные органы. Такое право вытекает из Преамбулы Основного Закона Беларуси, где говорится о приверженности народа Республики Беларусь общечеловеческим ценностям. Согласно статье 40 государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определённый законом срок. В соответствии с пунктом 19 статьи 84 Конституции Президент Республики Беларусь осуществляет помилование, поэтому осуждённый вправе обратиться с личным ходатайством о помиловании к Главе государства как гаранту прав и свобод человека и гражданина. Следовательно, институту помилования свойственен не только уголовно-правовой, но, в первую очередь, конституционно-правовой характер, что обусловлено его закреплением в Основном Законе Республики Беларусь, имеющем высшую юридическую силу.

Важнейшим элементом института помилования является гуманизм, означающий прощение государством и обществом конкретного лица, совершившего преступление и осуждённого по приговору суда Республики Беларусь, а также судами иностранных государств, вступившему в законную силу, и отбывающего наказание на территории Беларуси в соответствии с международными договорами либо на основе принципа взаимности. Человечность в деятельности общества и государства находит своё отражение в идеях, основанных на общечеловеческих ценностях уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, которые отражают закономерности исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности. В соответствии со статьёй 6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осуждённых перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности, рационального применения мер принуждения и средств исправления осуждённых, стимулирования их правоупотребительного поведения, сочетания принудительных мер с воспитательным воздействием [2]. Принцип гуманизма находит своё отражение в целях и задачах уголовно-исполнительного законодательства: исправления осуждённых и восстановлении социальной справедливости, а также в недопущении причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства (часть седьмая статьи 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [3]. Кроме этого, в соответствии с частью первой статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. А в части шестой статьи 14 данного Пакта говорится о дарованном помиловании [4]. В свою очередь признание Республикой Беларусь приоритета общепризнанных принципов международного права закрепляется в части первой статьи 8 Конституции Республики Беларусь.

Вместе с конституционно-правовой моделью института помилования связаны различные его уголовно-правовые формы, закреплённые в статье 96 Уголовного кодекса Республики Беларусь: безусловное помилование (освобождение от отбывания наказания), дифференцирующее помилование (сокращение срока или меры наказания), альтернативное помилование (замена наказания более мягким видом), помилование, устраняющее последствия осуждения (снятие судимости).

Помилование осуществляется Президентом Республики Беларусь на основании ходатайства осуждённого, которое предварительно рассматривается в Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Беларусь (далее — Комиссия). Комиссия утверждается Главой государства на срок его полномочий в составе председателя, двух заместителей председателя и членов Комиссии. Комиссия может приглашать на свои заседания представителей государственных органов, общественных объединений, а также средств массовой информации в целях освещения общественности о работе Комиссии и решениях Главы государства о помиловании осуждённых [5]. Решения о помиловании или об отклонении ходатайств о помиловании осуждённых к смертной казни, а также помиловании осуждённых к пожизненному заключению, лишению свободы или другому более мягкому наказанию принимаются в форме указов Президента Республики Беларусь. Отсюда следует делиберативный характер принятия решения о помиловании, поскольку в Республике Беларусь присутствует предварительное обсуждение просьбы о помиловании совещательным органом (комиссией). Институт помилования характеризуется также определённым демократизмом: заседание Комиссии считается правомочным, если в нём участвует более половины её состава, а решения Комиссии по рассмотрению ходатайств о помиловании принимаются простым большинством голосов присутствующих её членов, вносятся в протокол и подписываются ими.

Таким образом, институт помилования можно рассматривать как комплексное правовое явление. В Конституции закреплёно право осуждённого быть помилованным, а в нормах уголовного,

уголовно-исполнительного и других отраслей права устанавливается обязанность для государственных органов и их должностных лиц как юридическая гарантия реализации конституционного права осуждённого быть прощённым.

Заключение. Характерной особенностью института помилования в Республике Беларусь является его конституционно-правовая модель в связи с закреплением в Основном Законе государства и конституционализацией национального правопорядка, основанного на главном демократическом атрибуте конституционного строя — человеке, его правах и свободах. Установленному порядку осуществления помилования присущ публичный характер, обеспечивающий объективность, способствующий гуманизации исполнения уголовных наказаний. Поэтому позитивной оценки заслуживают делиберативный и демократический методы принятия решения о помиловании, а также наличие в Республике Беларусь единого нормативного правового акта (Положение о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осуждённых, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений), комплексно регулирующего порядок реализации права осуждённого за преступление просить о помиловании. Вместе с тем представляется необходимым и перспективным развитие института помилования не только в уголовно-правовой сфере, но и в административно-деликтной, налоговой и др.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят в 16 дек. 1966 г. // Мир права. URL: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=106600002 (дата обращения: 17.07.2015).
5. Положение о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осуждённых, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 дек. 1994 г., № 250 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 11 янв. 2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

УДК 340.13:338.2(476)

О. Г. Станкевич,

кандидат юридических наук

Частное учреждение образования «БИП — Институт правоведения», Минск

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Введение. Становление Республики Беларусь как нового суверенного государства в период 90-х гг. XX в. сопровождалось реформированием системы управления экономикой на основе принципиально новой правовой базы.

С принятием Конституции Республики Беларусь 1994 г. на самом высоком законодательном уровне было закреплено изменение роли государства в экономике, признание за всеми равных прав для осуществления хозяйственной деятельности, равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещённой законом экономической деятельности. При этом было установлено, что государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях.

Конституция провозгласила таким образом экономические и социальные ценности, которые, с одной стороны, порождены историческим опытом и имеют всеобщее признание, с другой — представляют серьёзную проблему для целей правового регулирования, обусловленную, прежде всего, противоречивостью экономических отношений.

Основная часть. Нормы конституций обладают первостепенной значимостью и являются исходным пунктом на любых этапах деятельности государства. Однако следование конституционным идеалам и реализация конституционных принципов государственного регулирования экономических отношений — трудноразрешимые задачи.

Исторически доказано, что конфликт провозглашённых на конституционном уровне социальных и экономических ценностей практически неразрешим. Однако государство в силу своего предназначения обязано осуществлять непрерывный поиск экономико-правовых способов достижения максимального баланса социальных и экономических интересов.

Представляется, что в данном процессе цели социального характера должны достигаться с соблюдением объективно существующих, а также объективированных в конституционных нормах границ правового регулирования экономических отношений, т. е. государство, управляя экономикой, должно осознавать, что возможности использования различных правовых средств (стимулирующего либо ограничительного характера) ограничены. Выход за объективно существующие пределы правового воздействия чреват негативными последствиями как экономического, так и социального характера. Нарушение же конституционных норм и принципов регулирования экономических отношений подрывает правовые устои общества и государства, может привести к политическому отчуждению последнего.

Нельзя отрицать, что в 90-е гг. XX в. нахождение эффективных путей формирования принципиально новой экономической системы было затруднено противоречиями и трудностями переходного периода, неразвитостью, а в ряде случаев и отсутствием необходимых правовых институтов для адекватного регулирования экономических отношений. Наличие же структурных диспропорций и дисбалансов, характеризующих экономическую систему современной Беларуси, является, прежде всего, следствием неэффективного государственного управления.

Следует отметить, что проблема недостаточной эффективности государственного управления в сфере экономики признаётся актуальной на официальном уровне в различных документах программного характера. Так, к примеру, в Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011—2015 гг. в качестве ключевых проблем были названы такие, как структурная деформированность экономики, преобладание материало- и энергоёмких производств; недостаточная эффективность национальной инновационной системы, в том числе законодательства, инфраструктуры трансфера технологий из науки в производство, системы финансирования инноваций; низкая эффективность инвестиций и недостаточные объёмы привлечения в экономику прямых иностранных инвестиций на чистой основе вследствие неблагоприятного инвестиционного климата; неразвитость рыночных институтов и экономических инструментов государственного регулирования, недостаточное развитие малого предпринимательства, форм самоорганизации и саморегулирования бизнеса и общества, сохранение высокого уровня рисков ведения предпринимательской деятельности; несбалансированность внешнеторговых операций, критическое превышение параметра экономической безопасности по сальдо внешней торговли, нарастание валового внешнего долга и др. [1]. С учётом данных проблем были определены и соответствующие цели и задачи деятельности Правительства Республики Беларусь.

Однако различные меры по реализации данной Программы (как и предыдущих программных документов) не позволили предотвратить целый ряд негативных явлений и тенденций в белорусской экономике. По данным, опубликованным Национальным банком [2], на 1 октября 2015 г. государственный долг Республики Беларусь составил 303,4 трлн белорус. р. (35,7% валового внутреннего продукта) и увеличился по сравнению с началом 2015 г. на 105,9 трлн белорус. р. (53,6%). Возрастающие расходы по обслуживанию долговых обязательств создают серьёзную нагрузку для экономики. Усугубляются проблемы недостаточной эффективности реализуемых организациям реального сектора инвестиционных проектов и значительных неликвидных остатков готовой продукции на складах. Объём запасов готовой продукции на складах промышленных предприятий на 1 ноября 2015 г. в денежном выражении составил 34,6 трлн белорус. р. (против 32,7 трлн белорус. р. на 1 января 2015 г.). По отношению к среднемесячному объёму производства величина складских запасов составила 71,7%.

Негативной тенденцией является снижение платёжеспособности организаций. Значительная доля организаций имеет просроченную задолженность. При этом задолженность по кредитам банков на 1 октября 2015 г. по сравнению с 1 января 2015 г. увеличилась на 36,9%. Вместе с тем Национальный банк в своих аналитических материалах отмечает увеличение коэффициента закредитованности с 268,9% на 1 января 2015 г. до 337,6% на 1 октября 2015 г. Такая ситуация складывается в условиях расширения практики директивного кредитования.

Важно учитывать, что указанные выше негативные тенденции фиксируются на фоне ежегодно увеличивающихся объёмов оказания государственной поддержки организациям реального сектора путём предоставления индивидуальных преимуществ, включая возможность пользоваться средствами бюджета (прямо или косвенно). При этом «...потери, которые несёт бюджет в связи с предоставлением такой поддержки, зачастую не окупаются достижением соответствующих эффектов от роста производства» [3, с. 160]. Это так называемая проблема «мягких бюджетных ограничений», характерная для многих организаций реального сектора [4, с. 19].

Прежде всего необходимо отметить, что применение различных правовых способов стимулирующего характера в индивидуальном порядке не соответствует конституционному принципу равенства субъектов хозяйственной деятельности. Кроме того, регулярная индивидуальная государственная

поддержка нерентабельных и низкорентабельных организаций за счёт бюджета как метод финансовой деятельности государства в определённом смысле нарушает принцип эффективности использования бюджетных средств, который означает, что при составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении бюджетов все участники бюджетного процесса должны исходить из необходимости достижения заданных целей с использованием минимального объёма бюджетных средств или достижения максимального результата с использованием определённого бюджетом объёма средств.

К тому же широкое использование данного метода в отношении убыточных организаций в перспективе способно породить серьёзные негативные последствия в социально-экономической сфере. А. Тихонов, специально исследуя данную проблему, в качестве таких последствий называет: 1) отвлечение трудовых, материальных и других ресурсов в недостаточно эффективные виды деятельности; 2) потребление организациями, действующими в условиях мягких бюджетных ограничений, энергии, сырья и промежуточной продукции, значительная доля которой приходится на импорт; 3) работники этих организаций получают вполне реальную заработную плату и предъявляют спрос на конечную, часто импортную продукцию; 4) рост скрытой безработицы (речь идёт не только о вынужденных отпусках, простоях, неполной занятости, но и о трудовой деятельности, не имеющей должной общественной отдачи, когда работник в форме заработной платы фактически получает пособие по безработице) [5]. К данному перечню проблем можно добавить то, что использование подобных методов финансовой деятельности порождает иждивенческие настроения у субъектов хозяйствования, снижает стимулы к развитию предпринимательской инициативы, не способствует укреплению финансовой дисциплины и формированию финансовой культуры.

Таким образом, определённые негативные явления и тенденции в белорусской экономике не только свидетельствуют о низкой эффективности отдельных методов государственного управления в сфере экономики (индивидуальная государственная поддержка, директивное кредитование и др.), но и актуализируют вопрос о границах их использования. Очевидно, государственные органы и их должностные лица в процессе регулирования экономических отношений не всегда чётко осознают юридический и социально-экономический смысл своей компетенции, а также ответственность за свои действия.

Заключение. Практика правового регулирования экономических отношений в Республике Беларусь свидетельствует о том, что существующие конституционные основы государственного управления в сфере экономики носят в основном декларативный характер.

Решение государством актуальных и перспективных экономических и социальных задач требует повышения роли конституционно-правового регулирования экономических отношений, разработки конкретных правовых механизмов реализации конституционных принципов в экономической сфере. Представляется необходимым дополнить конституционные нормы более конкретными и развёрнутыми положениями о принципах государственной деятельности в сфере экономики (включая финансовую деятельность) с учётом современного зарубежного опыта конституционно-правового регулирования.

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011—2015 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 18 февр. 2011 г., № 216 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 9 июля 2015 г., № 573. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Аналитическое обозрение «Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbrb.by/publications/ЕсTendencies/rep_2015_10_ot.pdf (дата обращения: 25.12.2015).
3. Дрозд Д. Границы эффективности и критерии выбора видов государственной поддержки промышленности // Проблемы упр. 2008. № 1 (26). С. 160—163.
4. Тихонов А. Актуальные проблемы денежно-кредитной политики и трансформации экономической структуры // Банк. вестн. 2015. № 10. С. 18—24.
5. Там же.

УДК 342

И. В. Шахновская

Белорусский государственный университет, Минск

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

Введение. Право на защиту национальной чести и достоинства является неотъемлемым конституционным правом представителей всех национальных общностей, проживающих на территории Республики Беларусь. Данное право закреплено и в международных документах.

Мы ставим задачу проанализировать законодательное регулирование вопросов уголовно-правовой охраны данного права, а также изучить сложившуюся правоприменительную практику в данной сфере.

Основная часть. Под уголовной политикой понимается деятельность государства по защите граждан и общества от преступных посягательств и преступлений. Актуальным представляются вопросы, связанные с проведением уголовной политики в отношении национальных общностей либо представителей отдельных национальных меньшинств.

Согласно части первой статьи 14 Конституции Республики Беларусь «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов» [1]. Одним из основных и неотъемлемых прав представителей различных национальных общностей либо всей общности в целом является «право на национальную честь и достоинство». В соответствии с частью второй статьи 50 Конституции «оскорбление национального достоинства преследуется согласно закону» [2]. Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК) данное право взято под уголовно-правовую охрану.

Так, в соответствии со статьёй 130 УК под разжиганием расовой, национальной или религиозной вражды или розни понимаются умышленные действия, направленные на унижение национальной чести и достоинства [3]. Авторы комментария к УК отмечают, что под унижением национальной чести и достоинства понимается выражение дискриминационного отношения к определённой нации, издевательство над её культурой, традициями, историей [4, с. 123].

Законом Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» (Закон о национальных меньшинствах) также закрепляется привлечение к ответственности за дискриминацию по национальным признакам [5]. Кроме того, Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» деятельность, направленную на унижение национальной чести и достоинства, относит к экстремистской деятельности [6].

В действительности правоприменительная практика показывает, что не всегда деяния, явно направленные на унижение национальной чести и достоинства, были справедливо квалифицированы. К примеру, по данным средств массовой информации, в 2009 г. на здании еврейской общины в Слуцке была нарисована свастика и угрозы в адрес евреев. Проявления экстремистской деятельности отмечались и в отношении мемориалов памяти жертв Холокоста в Витебске и Минске. Например, в лесном массиве Степянка, на бывшей даче Л. Цанавы, было написано «Убить Михоэлса», а также была изображена свастика.

Отметим, что совершённые действия правоохранительными органами рассматривались не как преступления, направленные на унижение национальной чести и достоинства согласно статье 130 УК, а были квалифицированы по большей части как «хулиганство» по статье 339 УК. Меры уголовно-правовой ответственности по статье 339 являются более «мягкими» по отношению к статье 130 УК. К примеру, максимальный срок лишения свободы по составу «Хулиганство» — 3 года, а по составу «Разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни» — 5 лет [7].

Такая деятельность правоохранительных органов «ставит под сомнение» направленность государственной политики на защиту и уважение прав представителей всех национальных общностей, проживающих на территории Республики Беларусь.

Здесь можно поставить вопрос о необходимости разработки и принятия постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Схожее постановление принято в Российской Федерации [8]. В данном постановлении отмечено, что квалификация преступлений экстремистской направленности исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим статьям, предусматривающим иной мотив (например, из хулиганских побуждений). Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» [9] действия, описанные нами выше, не приводятся в качестве примеров деяний, совершённых их хулиганских побуждений. Мотив из хулиганских побуждений выражается в явном неуважении ко всему обществу, а мотив из экстремистской направленности связан с неуважением и пренебрежением отдельной национальной общности. В этом состоит принципиальное различие при квалификации содеянного.

Международная судебная практика показывает, что не всегда уголовная политика и в зарубежных государствах была направлена на соблюдение принципа равенства при защите и уважении прав представителей всех национальных общностей. В качестве примера можно привести дела, рассмотренные Европейским судом по правам человека: «Бекос и Кутропулос против Греции», «Хасан Красники против Чехии» и др. Это свидетельствует о том, что проблема носит международный характер.

Возможно, причиной можно также назвать и проведение недостаточного надзора за исполнением законодательства в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания со стороны органов прокуратуры. Однако «обвинять» органы прокуратуры представляется неверным.

На наш взгляд, можно указать на неактивность гражданского общества в Республике Беларусь по защите своих прав. В связи с этим хочется обратить внимание на один возможный способ такой защиты.

Так, согласно статье 7 Закона о национальных меньшинствах «при местных Советах могут создаваться и действовать на общественных началах совещательные органы из представителей национальных меньшинств» [10]. Отметим, что с момента принятия данного Закона такие органы так и не были созданы, причём белорусское законодательство не препятствует представителям национальных меньшинств проявлять инициативу в создании. Согласно этой же статье 7 «порядок создания этих органов определяется соответствующими Советами» [11].

Представляется, что в случае образования совещательных органов из представителей национальных меньшинств будет эффективна реализация их конституционного права на обращение в государственные органы. В данном случае речь идёт об органах прокуратуры. В обращении следует указать на сложившуюся проблему при квалификации деяний со стороны правоохранительных органов. Коллективные обращения, на наш взгляд, могли бы привлечь к себе внимания, поскольку в них была бы затронута проблема нарушения чести и достоинства национальной общности в целом. Кроме того, подача обращения от совещательного органа обращает на себя больше внимания, чем, например, от двух-трёх человек. Вместе с тем отдельные коллективные обращения, подписанные тридцатью и более лицами, подлежат особому порядку рассмотрения — с выездом на место [12].

Г. А. Василевич ещё в 2011 г., проводя анализ работы органов прокуратуры, писал, что основное количество жалоб (45%) касается вопросов дознания и следствия, из которых почти каждая третья признана обоснованной [13, с. 4]. Данные свидетельствуют об эффективности взаимодействия граждан с органами прокуратуры.

Заключение. Действующее законодательство Республики Беларусь в области охраны права на национальную честь и достоинство является полным и достаточным. Изучение правоприменительной практики позволило выявить случаи неверной, на наш взгляд, уголовно-правовой квалификации содеянного со стороны правоохранительных органов, что неизбежно привело к нарушению прав национальных меньшинств.

В целях осуществления контроля за работой правоохранительных органов предложен механизм взаимодействия граждан (представителей национальных меньшинств) с органами прокуратуры в рамках имеющихся правовых норм.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101> (дата обращения: 29.01.2016).
2. Там же.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275> (дата обращения: 29.01.2016).
4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. Минск : Тесей, 2003. 1200 с.
5. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 11 нояб. 1992 г., № 1926-ХІІ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г., № 203-З. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H10700203> (дата обращения: 29.01.2016).
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь.
8. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г., № 11. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=203743> (дата обращения: 29.01.2016).
9. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь от 24 марта 2005 г., № 1. URL: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/vspup/b2f810ff88bc1743.html (дата обращения: 29.01.2016).
10. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь.
11. Там же.
12. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/1852> (дата обращения: 13.01.2016).
13. Василевич Г. А. Основные задачи и направления повышения эффективности прокурорского надзора // Законность и правопорядок, 2011. № 1 (17). С. 3—9.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 343.2

Е. С. Бородулькина

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, Минск*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ К ЛИЦАМ, ОСВОБОЖДАЕМЫМ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ (ЗАБОЛЕВАНИЕМ)

Введение. В целях реализации уголовной политики по эффективному противодействию преступности наряду с наказанием как одним из видов правовых последствий совершённого преступления необходимо учитывать также иные меры уголовно-правового воздействия, к числу которых относятся принудительные меры безопасности и лечения. Как показал анализ правоприменительной практики, существует ряд проблемных аспектов применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, освобождаемым от наказания в связи с психическим расстройством (заболеванием).

Основная часть. Часть первая статьи 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) устанавливает, что лицу, которое освобождается от отбывания наказания в связи с психическим расстройством (заболеванием), могут быть назначены принудительные меры безопасности и лечения (далее — ПМБЛ) [1].

Комплексный анализ данных судебной практики Суда Центрального района г. Минска в части освобождения от наказания по части первой статьи 92 УК свидетельствует о том, что, несмотря на то, что норма предоставляет не обязанность, а право для суда назначить освобождаемому лицу ПМБЛ, во всех изученных случаях освобождения в связи с психическим расстройством (заболеванием) такие меры были назначены.

В соответствии с пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» применение к лицу ПМБЛ не предусмотрено лишь в том случае, если оно по своему психическому состоянию и с учётом характера совершённого деяния не представляет опасности для общества. Для вынесения решения суд обязан оценивать характер психического расстройства (заболевания), склонность лица в связи с этим к совершению насильственных действий в отношении других лиц или причинению вреда самому себе, к совершению иных общественно опасных действий, подверженность асоциальному влиянию со стороны других лиц.

В проанализированных нами материалах суд назначал самый жёсткий вид ПМБЛ — принудительное лечение в психиатрическом стационаре со строгим наблюдением, которое предполагает, что психическое состояние лица и характер совершённого им общественно опасного деяния представляют для общества особую опасность (пункта 4 статьи 102 УК). Под особой опасностью, являющейся отличительной чертой данного контингента больных, в соответствии с научной доктриной и сложившейся практикой следует понимать высокую степень вероятности совершения новых преступлений [2, с. 138]. Поэтому принудительное лечение в психиатрическом стационаре со строгим наблюдением включает в себя помещение в психиатрический стационар, где исключена возможность совершения лицом нового общественно опасного деяния (пункта 5 статьи 102 УК) и его побега.

После того, как лицу назначена конкретная принудительная мера, УК предусматривает необходимость проведения освидетельствования освобождённых лиц врачебно-консультационной комиссией врачей-специалистов в области оказания психиатрической помощи (далее — ВКК). Освидетельствование проводится не реже одного раза в шесть месяцев, по результатам которого выносится решение относительно возможности прекращения судом ПМБЛ или изменения их вида (статья 103 УК).

Рассмотрим пример из судебной практики.

Гражданин В., осуждённый в 2004 г. по части второй статьи 139 УК на срок 20 лет лишения свободы, был освобождён от наказания по части первой статьи 92 УК с применением ПМБЛ в виде «принудительного лечения в психиатрическом стационаре со строгим наблюдением». В 2007 г. согласно заключению ВКК освобождённый мог быть переведён на «принудительное лечение в психиатрическом стационаре с обычным наблюдением», поскольку «особой социальной опасности»

не представлял. Суд отказал в изменении ПМБЛ, мотивировав решение тем, что лицо представляет социальную опасность для окружающих, совершило особо тяжкое преступление и отбыло незначительный срок наказания. В 2008 г. при повторном обращении ВКК суд удовлетворил ходатайство, согласившись с врачами-специалистами в том, что лицо по своему психическому состоянию не представляет опасности для общества. В 2010 г. ВКК ходатайствовала, чтобы больному назначили принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у врача-специалиста, поскольку «лицо по своему психическому состоянию не нуждается в стационарном содержании». Однако суд отказал в изменении ПМБЛ, мотивировав отказ формулировкой, которая была им дана в 2007 г. при отказе в лечении больного в психиатрическом стационаре [3].

На представленном примере рассмотрим некоторые противоречия между правоприменительной практикой и законодательными установлениями. Например, суд не всегда удовлетворяет ходатайство психиатрической больницы в части прекращения ПМБЛ или изменения их вида, однако «непрозрачны» критерии, которыми он руководствуется.

В частности, нельзя считать достаточно обоснованным отказ суда в изменении ПМБЛ в отношении гражданина В. в 2010 г., ссылаясь при этом на наличие социальной опасности лица. В тот момент лицо находилось в психиатрическом стационаре с обычным наблюдением, вместе с тем при данном виде ПМБЛ не стоит задача создания условий, которые исключают возможность совершения лицом нового общественно опасного деяния, а значит, предполагается, что социальная опасность лица отсутствует. Получается, суд не мог отказать в изменении ПМБЛ с такой формулировкой.

При рассмотрении проблемы применения ПМБЛ к лицам, заболевшим психическим расстройством после совершения преступления, обращает на себя внимание исследование В. В. Дукорского и Е. И. Скугаревской, которые приходят к выводу о том, что ситуация, когда ВКК приходит к заключению о нецелесообразности продления стационарного лечения, а суд решает его продлить, является типичной [4]. Приводится модель усреднённого ходатайства ВКК в суд, которая выглядит так: «...пациент освидетельствован комиссией, которая установила, что в результате проведённого лечения психическое состояние значительно улучшилось и стабилизировалось; наступило такое изменение характера заболевания, при котором отпадает необходимость в продолжении ПМБЛ в психиатрической больнице (отделении) с усиленным (строгим, обычным) наблюдением и пациент нуждается в продолжении ПМБЛ в психиатрической больнице (отделении) с обычным наблюдением...». Далее они проанализировали постановления суда, в которых было отказано в изменении вида ПМБЛ, и отказ в обобщённом виде выглядит следующим образом: «...заключение врачей не содержит обоснования о снижении общественной опасности пациента и обоснованных выводов о риске совершения повторных насильственных действий. Также не содержится данных, представляет ли он опасность для окружающих в настоящее время. Как видно из судебно-психиатрической экспертизы и медицинских документов, психическое состояние пациента не изменилось. А улучшение поведения в больнице не даёт основания для прекращения данного вида ПМБЛ...» [5].

Исследованные нами материалы подтверждают выводы о том, что психиатры не включают в ходатайства оценку риска повторного совершения преступления, а при повторном обращении ВКК оценка риска также отсутствует.

Обозначенная ситуация свидетельствует о том, что врачи-специалисты испытывают затруднения при осуществлении прогноза опасности пациента. Мы солидарны с учёными в том, что нуждаются в разработке факторы риска, которыми бы руководствовались психиатры и суд при изменении вида ПМБЛ [6]. Они в обязательном порядке должны будут отражаться в постановлении и влиять на принятие судом решения.

Ещё одним недочётом судебной практики является отсутствие единого подхода к уголовно-правовым критериям, которыми руководствуется суд при изменении ПМБЛ.

В УК указано, что необходим учёт характера совершённого общественно опасного деяния, однако ничего не сказано об упоминаемом в постановлениях «незначительном сроке отбытого наказания». Помимо срока, судом используется признак «личность осуждённого». Суд неоднократно необоснованно прибегает к использованию данных критериев, несмотря на то, что при выборе вида ПМБЛ он должен руководствоваться лишь теми критериями, которые определены в уголовном законе.

Заключение. В целях обеспечения единообразного и правильного применения положений уголовного закона при назначении, изменении и отмене ПМБЛ к лицам, освобождаемым от наказания в случае психического расстройства (заболевания), предлагаем следующее: назначение лицу конкретной меры принудительного лечения должно быть основано на единых критериях, установленных в уголовном законодательстве; для эффективной работы ВКК и судов, принимающих окончательное решение о применении принудительного лечения, необходимо разработать унифицированную систему методов оценки риска совершения лицом повторного общественно опасного деяния.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

2. Дукорский В. В., Балашов А. Д. Реализация принудительных мер безопасности и лечения // Мед. журн. 2013. № 3. С. 136—139.
3. Уголовное дело № 13-33/10 // Арх. Суда Центр. р-на г. Минска за 2010 г.
4. Дукорский В. В., Скугаревская Е. И. Оценка риска насилия как актуальная проблема отечественного механизма реализации принудительных мер безопасности и лечения [Электронный ресурс] // Упр. Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь по Могилёв. обл. URL: <http://sudmed.mogilev.by/otsienka-riska-nasiliiia-u-lits-s-psikhichieskimi-rasstroistvami.html> (дата обращения: 05.01.2016).
5. Там же.
6. Там же.

УДК 342.924/343.244

С. Г. Василевич,
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ НОРМ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА — ВАЖНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА НОРМОТВОРЧЕСТВА

Введение. Идеальной является ситуация, когда правовые нормы, имеющие отношение к различным отраслям, сбалансированы и находятся в гармонии друг с другом, тем более это важно, когда речь идёт о юридической ответственности.

Основная часть. Законодателем определены деяния, совершение которых запрещено под угрозой привлечения к уголовной или административной ответственности. Конкретный перечень таких деяний изложен в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) и Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП). Эти деяния в зависимости от степени общественной опасности определены либо в КоАП, либо в УК. Заметим, что в научной литературе многие авторы полагают, что административным правонарушениям не присуща общественная опасность, что они только вредны (но не опасны) для общества. С этим нельзя согласиться: административные и уголовные правонарушения различаются по степени общественной опасности и соответственно влекут различные меры ответственности. В подтверждение нашей позиции обратим внимание на содержание части первой статьи 1 УК. УК определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляет основания и условия уголовной ответственности, устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния. Таким образом, анализ этой статьи свидетельствует о наличии общественной опасности и у некоторых иных правонарушений, например, административных. Обратимся к двум аспектам, касающимся УК и КоАП.

Во-первых, необходимо отметить, что в УК содержатся статьи, ответственность по которым может наступить, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности. Таковым является совершение уголовно наказуемого деяния, не представляющего большой общественной опасности, если гражданин совершил новое правонарушение в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение (статья 32 УК). Акцентируем внимание на фразе: «в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение». А теперь обратимся к КоАП, статье 2.8 которого предусмотрено, что физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, если в течение одного года со дня окончания исполнения основного и дополнительного административных взысканий не совершит нового административного правонарушения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: имеет место явное противоречие норм КоАП и УК. На практике встречаются случаи, когда с точки зрения КоАП лицо, совершившее противоправное деяние, ещё может быть привлечено к уголовной ответственности, поскольку им совершено уголовно наказуемое деяние с административной преюдицией, а с точки зрения УК соответствующий срок уже пропущен. В КоАП, как и в УК, систематически вносятся изменения и дополнения, однако, к сожалению, изложенная выше коллизия между нормами не устранена.

В этой связи автором предлагается следующая редакция статьи 32 УК «Административная или дисциплинарная преюдиция»: в случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года со дня окончания исполнения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение.

Полагаем, что при принятии законодателем предложенной редакции статьи 32 УК национальное законодательство приобретёт ещё большую гармонию, исключит ошибки в правоприменительной деятельности.

Во-вторых, применение исправительных работ как меры административной ответственности связано с действием норм УК Республики Беларусь. Так, согласно статье 86 Кодекса лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и возместившее ущерб либо иным образом загладившее нанесённый преступлением вред, может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что его исправление возможно без применения наказания или иных мер уголовной ответственности. К лицам, освобождаемым от уголовной ответственности в соответствии с частью первой указанной статьи, могут быть применены следующие меры административного взыскания: исправительные работы на срок от одного до двух месяцев с удержанием 20% из заработка; административный арест на срок до 15 суток.

Анализ рассматриваемых статей КоАП и УК Республики Беларусь показывает, что законодатель допускает освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности и определяет виды таких взысканий.

КоАП и УК Республики Беларусь находятся на одной ступени иерархической лестницы нормативных правовых актов. Санкции статей Особой части КоАП не содержат такого вида административного взыскания, как исправительные работы, поэтому высказываются сомнения относительно возможности применения статьи 86 УК Республики Беларусь.

Допустимо придерживаться взгляда о том, что виновное лицо, совершившее какое-либо уголовно наказуемое деяние и подлежащее освобождению от уголовной ответственности с соблюдением правил статьи 86 УК Республики Беларусь, может быть освобождено от уголовной ответственности, если такой вид административно наказуемого деяния предусмотрен соответствующей статьёй КоАП и её санкция не противоречит правилам, изложенным в статье 86 УК (например, статья 17.1 КоАП «Мелкое хулиганство» и части первая и вторая статьи 339 УК «Хулиганство»).

Однако и этот подход не является идеальным, поскольку цель статьи 86 УК Республики Беларусь иная — ограничиться мерами воспитательного характера в «объёме» административного законодательства. Кроме того, согласно части третьей статьи 86 УК освобождение от уголовной ответственности не применяется к лицу, совершившему преступление, предусмотренное содержащей административную преюдицию статьёй Особой части УК Республики Беларусь, т. е. ранее привлекалось к административной ответственности, а за повторное деяние предусмотрена уголовная ответственность. Полагаем, что данный подход законодателя является ошибочным, поскольку статья 86 УК Республики Беларусь применяется при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности либо менее тяжких, т. е. максимальное наказание за которые может быть до шести лет лишения свободы. Это вряд ли сопоставимо с тем фактом, что лицо ранее совершило административное правонарушение, но данная мера на предыдущем этапе не оказала своего воздействия: совершено новое правонарушение, и лицо привлекается уже к уголовной ответственности, поэтому нельзя применять статью 86 УК Республики Беларусь. Полагаем, что указанное ограничение должно быть исключено из данной статьи.

На практике может иметь место ситуация, когда одно лицо совершает преступление, не представляющее большой общественной опасности, но ранее привлекалось к административной ответственности, а другое — более тяжкое, т. е. имеющее более негативные последствия для общества. В таком случае к первому лицу статья 86 УК Республики Беларусь неприменима, а ко второму допустимо её использовать.

В случае назначения лицу исправительных работ оно обязано выполнять такие работы. В главе 21 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь (ПИКоАП) предусмотрен порядок исполнения постановления об исправительных работах. Согласно статье 21.1 ПИКоАП исправительные работы отбываются по месту работы физического лица, привлечённого к административной ответственности. Из этого можно сделать вывод, что исправительные работы как мера административного взыскания могут быть назначены лицу, имеющему работу. На основании постановления об исправительных работах из заработка лица, в отношении которого оно вынесено, в течение срока отбывания исправительных работ производится удержание в доход государства в размере, определяемом постановлением об исправительных работах.

Таким образом, анализ норм КоАП и ПИКоАП позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, исправительные работы назначаются уже работающему лицу и они являются своего рода «рассрочкой штрафа», так как в период исполнения исправительных работ производятся удержания из заработной платы. В настоящее время, в отличие от советского периода, нет всеобщей обязанности трудиться. Главное, чтобы лицо не допускало правонарушений, имело законный источник своего существования, и тогда не возникает вопроса о привлечении к ответственности. С другой стороны, общество не может безразлично относиться к лицам, со стороны которых в его адрес возникают различного рода угрозы. Именно среди такой части населения больше всего потенциальных преступников. Поэтому позитивным

моментом в применении исправительных работ является не столько «штрафная» ответственность в виде удержания из заработной платы, сколько трудовое воспитание лица, участие в проведении с ним администрацией организации воспитательной работы. Нельзя представлять, что это отголоски советского «изобретения»: в странах западной демократии общественность в лице различных фондов и организаций также занимается воспитанием лиц, склонных к совершению правонарушений. Исходя из указанного, рассматриваемое взыскание может быть эффективным по отношению к определённой группе лиц.

Заключение. Согласованные и не противоречащие друг другу нормы законодательства, в том числе касающиеся уголовной и административной ответственности, являются важным показателем уровня нормотворческой деятельности, способствуют формированию единообразной правоприменительной практики, укреплению законности.

УДК 343.365

О. В. Глухова

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ПОНЯТИЕ «ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В СОСТАВЕ ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОГО УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение. На основании статьи 405 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) уголовную ответственность влечёт «заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путём» (часть первая), а также «то же деяние в отношении особо тяжкого преступления» (часть вторая) [1]. Как видно из приведённых норм УК, одним из альтернативных уголовно наказуемых действий является заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление. Очевидно, что для правильной квалификации данного деяния необходимо уяснить содержание формулировки «лицо, совершившее преступление», соотнести её и отграничить от таких используемых в науке и законодательстве понятий, как «преступник», «обвиняемый», «подозреваемый», «осуждённый».

Основная часть. Традиционно физическое лицо не принято называть предметом преступления, в отношении него употребляется понятие «потерпевший», но применительно к укрывательству лица, совершившего преступление, можно условно допустить термин «предмет преступления». Такое лицо, с одной стороны, нельзя рассматривать как потерпевшего (наоборот, он получает определённую выгоду от действия укрывателя — избегает ответственности за собственное преступление), с другой — он и не преступник для состава укрывательства, субъектом которого по определению быть не может.

Бесспорным является то, что состав заранее не обещанного укрывательства будет налицо независимо от того, кто скрывается от органов правосудия — исполнитель или его соучастники (организатор (руководитель), подстрекатель, пособник), лицо, совершившее оконченное преступление, приготовление либо покушение на преступление. Если данные лица обладают признаками субъекта преступления и действительно совершили тяжкое либо особо тяжкое преступление, помощь им в сокрытии от уголовного преследования и ответственности должна квалифицироваться по статье 405 УК.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь не содержится встречаемого в литературе оборота «укривательство преступника», в статье 405 УК речь идёт об укрывательстве лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление. Несомненно, такая формулировка более правильна и соответствует законодательству, в частности презумпции невиновности (статья 26 Конституции Республики Беларусь), допускающая признание лица виновным в преступлении (преступником), только если его вина будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Среди российских исследователей достаточно распространено мнение о необходимости заменить наименование статьи «Укрывательство преступления» на «Укрывательство преступления и преступника» [2], «Укрывательство преступления и лица, его совершившего» [3, с. 93]. Отмечается, что такая формулировка более соответствует содержанию нормы и будет оказывать большое профилактическое воздействие на граждан даже без ознакомления с её текстом. Изменение наименования статьи 405 УК, на наш взгляд, не вызвано необходимостью. Понятием «укривательство преступления» охватывается и укрывательство лица, его совершившего, что вытекает из признания субъекта обязательным элементом состава любого преступления. Сокрытие лица — один из способов укрывательства совершённого

им преступления наравне с сокрытием орудий, средств, следов преступления, добытых преступным путём предметов, поэтому нет оснований особо выделять его в названии статьи.

Проанализировав российское уголовное законодательство XIX в., Н. А. Неклюдов под укрывательством преступников понимает сокрытие от правосудия: обвиняемого, т. е. лица, совершившего преступное деяние, или осуждённого приговором, вошедшим в законную силу. Под понятие укрывательства он подводит следующие случаи: 1) сокрытие личности после публикации о сыске; 2) неприятие повестки в том случае, если непринявшему известно, что именно в данном месте живёт обвиняемый; 3) дача средств к побегу [4, с. 32—33].

С точки зрения действующего уголовного закона лицо, совершившее преступление, как предмет укрывательства надо рассматривать по-иному. Согласно части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь обвиняемым является физическое лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а по делам частного обвинения — физическое лицо, относительно которого судом принято заявление о совершённом им преступлении. Таким образом, сейчас этот термин понимается значительно уже, чем у дореволюционного автора, не является тождественным понятию «лицо, совершившее преступление». Практика показывает, что укрывательство лица, совершившего преступление, имеет место в основном до того, как органам уголовного преследования стало известно о личности преступника, т. е. ещё до возбуждения уголовного дела и признания лица подозреваемым или обвиняемым. Поэтому корректнее говорить, что укрывается лицо, совершившее преступление, которое может быть привлечено в качестве обвиняемого.

Укрывательство осуждённого возможно, но вызывает некоторые проблемы в квалификации. В главе 34 УК содержится ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от отбывания различных видов наказаний (статьи 414—419 УК) и за нарушение режима отбывания и порядка исполнения наказаний (статьи 409—413, 420 УК). Если лицо оказывает помощь осуждённому в уклонении от отбывания наказания, оно может быть признано соучастником названных преступлений (конечно, при наличии всех объективных и субъективных признаков соучастия) с учётом того, что в большинстве случаев уклонение является деянием длящимся. Такие правила квалификации должны, в частности, применяться в случае, упоминаемом Н. А. Неклюдовым, — дачи средств к побегу. Если побег из исправительного учреждения совершён виновным без предварительной договорённости с укрывателем, последующее содействие в сокрытии этого лица может оцениваться как заранее не обещанное укрывательство. Однако в такой ситуации налицо заранее не обещанное укрывательство не того преступления, за которое был привлечён к ответственности осуждённый, а деяния, предусмотренного статьёй 413 УК. Практически все перечисленные преступления против правосудия, посягающие на порядок отбывания и исполнения наказаний, относятся к категориям преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких. Следовательно, их укрывательство не наказуемо. Только побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи при квалифицирующих обстоятельствах (часть вторая статьи 413 УК), а также действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома (статья 410 УК), являются тяжкими преступлениями. Таким образом, понятие «укрывательство осуждённого» малоприменимо к действующему уголовному законодательству. Заранее не обещанная помощь лицу в виде побега из-под стражи, домашнего ареста и так далее в период предварительного расследования должна оцениваться как его укрывательство, но в таком случае речь не идёт об осуждённом.

В целом, можно согласиться с перечнем укрываемых лиц, который дан О. И. Семькиной применительно к российскому законодательству: 1) лица, осуждённые за совершённые ими особо тяжкие преступления; 2) лица, привлечённые к уголовной ответственности за совершённые ими особо тяжкие преступления, дела, в отношении которых находятся в стадии предварительного расследования, переданы прокурору для направления в суд либо уже поступили в суд; 3) лица, не привлечённые к уголовной ответственности, но разыскиваемые органами уголовного преследования по подозрению в совершении особо тяжкого преступления; 4) лица, только совершившие особо тяжкое преступление и ещё не попавшие в поле зрения правоохранительных органов [5, с. 77].

Следует оговориться, что по УК Республики Беларусь сюда относятся те же лица, но совершившие тяжкие преступления, однако не включаются, за исключением редких случаев, осуждённые.

Заключение. «Лицо, совершившее преступление» в составе заранее не обещанного укрывательства преступлений — это лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, за которое оно не было осуждено и не истекли сроки давности привлечения его к уголовной ответственности. Что касается лиц, судимых за совершение тяжких или особо тяжких преступлений и имеющих не снятую и не погашенную судимость, то об их укрывательстве в смысле статьи 405 УК речь вестись не может, поскольку это противоречит содержанию уголовно-правового запрета на сокрытие лица, направленного на воспрепятствование его изобличению и задержанию. Заранее не обещанное укрывательство осуждённого, как отмечалось, является уголовно наказуемым в редких случаях и не связано с укрывательством того преступления, за совершение которого лицо было осуждено.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Косякова Н. Укрывательство преступления и преступника // Законность. 1998. № 10. С. 39 ; Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 138.
3. Макаров А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 176 с.
4. Неклюдов Н. А. Противодействие правосудию и злоупотребления по службе. СПб. : Типо-Литография В. А. Ващика, 1892. 68 с.
5. Семькина О. И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 212 с.

УДК 343.9.01.10.81.41

А. А. Ескенди́ров,

кандидат юридических наук

*Алматинская академия Министерства внутренних дел
Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан*

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ В ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ

Введение. На фоне финансово-экономических и социально-демографических проблем особую озабоченность вызывают вопросы занятости взрослого населения нашей страны. Финансовый кризис, инфляция и обнищание среднего класса граждан ставит под угрозу решение таких первостепенных задач, как повышение благосостояния народа, обеспечение достойной жизни и здорового развития общества. Непоправимый ущерб наносится браку и семье, дети остаются без должного родительского внимания, нарушается процесс морально-нравственного и социального воспитания подрастающего поколения.

Основная часть. На фоне роста детского и подросткового населения (с 4 676 279 человек в 2010 г. и до 5 151 221 человек в 2014 г.) [1] в Казахстане до сих пор сохраняется «дефицит» дошкольных (детские сады, мини-центры и т. д.) и общеобразовательных учреждений. Около 37% казахстанских детей не охвачены дошкольным образованием, причём воспитание около 748 тыс. детей происходит дома без участия специалистов-педагогов. Детские сады и мини-центры при общеобразовательных учреждениях способны обеспечить своим вниманием лишь 730 тыс. детей [2].

За последние пять лет (2011—2015 гг.) в Актюбинской, Карагандинской и Северо-Казахстанской областях не открылся ни один детский лагерь. Летним оздоровлением из 2,40 млн учащихся 1—10-х классов охвачено 1,48 млн детей (60,1% от общего числа школьников), различными видами занятости — 1,50 млн детей (61%). Показатели охвата занятости детей с девиантным поведением до сих пор находятся на низком уровне. При этом данные показатели снизились в Южно-Казахстанской области на 39,8%, в Костанайской области — на 7,3%. До сих пор не ведётся мониторинг охвата детей с девиантным поведением в Мангыстауской, Кызылординской областях и Алматы. Снижены показатели охвата досугом детей из социально уязвимых семей (Южно-Казахстанская область — на 27%, Актюбинская — на 25%, Кызылординская — на 24,7%, Алматы — на 33 %) [3, с. 2].

Остро стоит проблема «социального» сиротства. В школы-интернаты, приюты и детские дома продолжают поступать брошенные и отказные дети. По состоянию на 2014 г. число сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составило 33 682 человек, из них под опекой и попечительством — 21 865 детей, на полном государственном обеспечении — 9 870 детей, на патронатном воспитании в семьях — 1 947 человек [4, с. 6].

Динамика социальных отклонений у несовершеннолетнего зависит от различных факторов, но не следует упускать из вида, что право воздействует не на всё сознание личности. Важно не забывать и о том, насколько в подростке развита его нравственная автономия. Если нравственная автономия отсутствует, то возможна нравственная капитуляция несовершеннолетнего перед жизненными обстоятельствами. Внутренняя свобода личности, вытекающая из автономии воли, создаёт условия для формулирования таких нравственных законов, которые имеют объективную значимость, делающую их независимыми от естественных законов, от законов причинности.

Ведущую роль в возникновении и развитии отклонений характера, по мнению Ю. М. Антоняна и В. В. Юстицкого, играет комплекс факторов, включающий: а) накопление характерологических последствий неудовлетворительных жизненных проблем самим индивидом и лицами, играющими

ведущую роль в его воспитании и социализации, в первую очередь родителями; б) процессы одностороннего развития личности, особенно активно протекающие по достижении акцентированной черты определённого уровня качественной выраженности; в) нарушение психических и социально-психологических процессов, обеспечивающих социальный контроль и регулирование количественной выраженности черты характера [5, с. 54—55].

Конфликты на фоне семейно-бытовых драм, безусловно, сказываются на формировании характера несовершеннолетнего (малолетнего), провоцируют несовершеннолетних (малолетних) на общение вне дома, что приводит к безнадзорности.

В этой ситуации важным моментом в организации социально-профилактической работы с несовершеннолетними выступает знание условий, форм и режима использования свободного времени.

Следует понимать, что какими бы обоснованными ни были модели человеческого поведения, закреплённые в нормах права, процесс правообразования не может только детерминироваться властной волей институтов государства, а генезис юридических норм выходит за рамки деятельности законодателя, поскольку фактические образцы типичного массовидного поведения и правовых отношений по природе законодатель черпает не из каких-то категорических императивов, заложенных в самом разуме, а из самой жизни [6, с. 19].

По мнению Б. А. Жетписбаева, принудительное формирование законопослушного поведения не должно выступать самоцелью. Носитель такой морали понимает под воспитанием нравственности сознательное приспособление личности к наличному миру, вживание её в социальную ткань общественного организма. При этом общество в лучшем случае получает конформистов. Поэтому есть все основания полагать, что внутреннее усвоение правовых требований и должно составлять установку для несовершеннолетних в деле формирования их правовой ориентации и социализации.

Любое социальное отклонение в поведении несовершеннолетнего — это, по сути, неуважение к действующему праву. Более крайние проявления такого неуважения и игнорирование права выражаются в совершении уголовного правонарушения.

Формирование правосознания несовершеннолетнего — очень сложный и трудоёмкий процесс, причём эти сложности предопределяются возрастными социально-психическими уровнями и многоаспектностью правосознания.

Безответственное поведение несовершеннолетнего, криминализация его сознания и отсутствие готовности строго следовать требованиям закона могут неизбежно привести к открытому противостоянию несовершеннолетнего и аппарата государственной власти. Суть конфликта заключается в том, что общество и институты государственной власти определяют перечень требований к поведению несовершеннолетнего. Но готов ли подросток к восприятию этих требований, возможно определить лишь на личностном уровне.

В силу психофизиологических особенностей организма у несовершеннолетних, как правило, существует значительный интервал между осознанием правовых требований и выбором реального поведения. При этом право наиболее реально может влиять лишь на правосознание лишь тогда, когда несовершеннолетний развивается и способен осмысливать процессы правового регулирования.

Не секрет, что состояние правосознания несовершеннолетних отражается на их личностном уровне. Кризис образованности и правовой информированности определяется тем, насколько нарушена мера социальности (нормы человеческого общежития и цивилизованности) и культурности (правила поведения и этикета).

По нашему мнению, процессу социализации несовершеннолетнего способствует формирование правового государства; обеспечение государственной защиты таких человеческих и социальных ценностей, как жизнь и здоровье, права и свободы; правоприменительная практика, направленная на восприимчивость подростков к правовым требованиям и использование их в процессе становления законопослушного поведения; комплексный анализ причин и условий, способствующих формированию антиобщественного или преступного поведения несовершеннолетних, их предотвращение и нейтрализация.

Однако процесс социализации может быть затянут или же остаться незавершённым в силу отрицательного влияния родителей и близких родственников при наличии дефектов семейного воспитания; отрицательного влияния ближайшего окружения (друзья, одноклассники и т. д.) и социальной среды; вовлечения взрослыми несовершеннолетних в антиобщественную и преступную деятельность; безнадзорности и недостатков в работе компетентных органов (школы, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, прокуратуры, ювенальной полиции); морально-нравственного разложения в силу тлетворного влияния шоу-индустрии, пропагандирующей сексуальную распушенность и эгоистическое отношение к жизни.

Заключение. Указанные факторы не должны рассматриваться как фатальная неизбежность. Они должны приниматься во внимание, а против соответствующих негативных последствий необходимо принимать более решительные правовые и социальные меры (к примеру, республиканские или региональные программы). При этом не следует переоценивать функциональную миссию права. Функция права диктуется её природой не допустить трансформации поведения в преступление. Но право

не способно навязать личности нравственные цели и мотивы поведения [7, с. 97]. В свою очередь, статья 3 Конвенции Организации Объединённых Наций «О правах ребёнка» провозглашает, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребёнка [8, с. 25].

Необходимо в правосознании несовершеннолетнего заложить мысль о том, что он субъект права, а не частичка общества. Такого рода установка сможет найти продолжение в определённых видах человеческой жизнедеятельности (учебной, спортивной и т. д.).

Список цитируемых источников

1. Сведения о численности детского и подросткового населения в Республике Казахстан (2010—2014 гг.) // Ком. административ. полиции МВД Респ. Казахстан. Астана. 2014.
2. Доклад о положении детей в Республике Казахстан // Ком. по охране прав детей МОН Респ. Казахстан, Астана. 2014.
3. Для детей нет лагерей // Время. Алматы. № 98 (2032). 2015.
4. Тумакова С. Недетские страхи // Моск. комсомолец в Казахстане. Алматы. 2009.
5. Антонян Ю. М., Юстицкий В. В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера : учеб. пособие. М. : ВНИИ МВД РФ. 1993.
6. Жетписбаев Б. А. Ювенальная юстиция : учеб. Алматы : Данекер, 2001. 144 с.
7. Криминология : учеб. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1994. 332 с.
8. Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998. 128 с.

УДК 343.2

Л. И. Железная

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Введение. Одной из современных тенденций уголовной политики большинства стран мира является активное применение наказаний, не связанных с лишением свободы. Альтернативой лишению свободы становится ограничение свободы. В пункте 2.3. Минимальных стандартных правил Организации Объединённых Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г., предусмотрено, что в «целях обеспечения большей гибкости в соответствии с характером и степенью тяжести правонарушения, личностью и биографией правонарушителя, а также с интересами защиты общества и во избежание неоправданного применения тюремного заключения система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением» [1]. Сужение применения лишения свободы в практике борьбы с преступностью, наряду с повышением эффективности назначенного наказания, является характерной тенденцией и для Республики Беларусь.

Применение наказаний, не связанных с изоляцией осуждённых от общества, имеет важное значение не только как подтверждение должного признания и уважения прав и свобод всех граждан (в том числе и осуждённых), но и как мера повышения общего благосостояния вследствие экономии государственного бюджета. Для нашей страны данная проблема особенно актуальна, так как Республика Беларусь занимает одно из первых мест в мире по числу осуждённых на 100 тыс. человек населения. За последние 20 лет каждый 58-й житель республики побывал в местах лишения свободы [2, с. 12].

Основная часть. Согласно статье 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г., ограничение свободы — это принудительная мера уголовно-правового воздействия, применяемая по приговору суда к лицу, осуждённому за преступление, и заключающаяся в предусмотренном законом ограничении прав и свобод осуждённого. Ограничение свободы является основным видом наказания и может быть установлено на срок от шести месяцев до пяти лет. Ограничение свободы входит в группу наказаний, не связанных с изоляцией от общества [3]. Уголовным законом предусмотрено два вида ограничения свободы: с направлением в исправительное учреждение открытого типа (далее — ИУОТ) и без направления в такое учреждение.

Второй вид данного наказания избирается судом в исключительных случаях при наличии ряда условий: 1) если такой вид наказания соответствует имеющимся в материалах дела положительным

сведениям о личности виновного (отсутствие судимости, наличие постоянного места работы, семейное положение и т. д.); 2) преступление по своему характеру не представляет большой общественной опасности или не наносит большого вреда общественным отношениям; 3) у обвиняемого есть постоянное место жительства [4, с. 148].

В отношении инвалидов, беременных женщин, лиц пенсионного возраста в настоящее время в силу предписаний закона не может быть назначено наказание в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ. Этим категориям лиц может быть назначено наказание в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ.

Не может быть назначено ограничение свободы военнослужащим срочной службы, иностранным гражданам и не проживающим постоянно в Республике Беларусь лицам без гражданства [5].

Осуждённым к ограничению свободы разрешается обучаться заочно в высших и средних специальных учебных заведениях Республики Беларусь. В свою очередь, на основании статьи 52 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — УИК) на администрацию организаций, где работают осуждённые, возлагается обязанность обеспечения привлечения их к труду с учётом состояния здоровья и по возможности специальности, организации их профессионального образования или профессиональной подготовки и участия в создании необходимых жилищно-бытовых условий. На администрацию ИУОТ, а также администрацию организации, где работают осуждённые, возложена обязанность проведения воспитательной работы с осуждёнными, которая осуществляется в соответствии со статьёй 53 УИК. Кроме того, к проведению воспитательной работы привлекаются трудовые коллективы, общественные объединения, священнослужители, родственники и члены семьи осуждённого, его коллеги по прежней трудовой деятельности. В части восьмой статьи 47 УИК законодателем предусмотрена мера поощрения для осуждённых к ограничению свободы с направлением в ИУОТ: осуждённым, не допускающим нарушения правил внутреннего распорядка ИУОТ и имеющим семью, может быть разрешено проживание с семьёй в жилом помещении, принадлежащем им на праве собственности либо занимаемом ими по договору найма (поднайма) [6].

Карательное содержание этого наказания заключается в том, что осуждённый ограничивается в свободе, поскольку в течение установленного судом срока он должен пребывать в ИУОТ, находящемся в пределах области по месту постоянного жительства или осуждения; обязательно привлекается к труду независимо от его желания выполнять ту или иную работу; в течение срока наказания за ним осуществляется надзор; пребывание в ИУОТ связано с возложением на осуждённого обязанностей, невыполнение которых влечёт применение мер взыскания; ограничение свободы в случае злостного уклонения от исполнения, злостного нарушения порядка и условий отбывания наказания, рецидива может быть заменено лишением свободы; имеется достаточно большой максимальный предел отбывания (пять лет).

Цели ограничения свободы, как и любого другого уголовного наказания, известны: восстановление социальной справедливости, общая и специальная превенция, исправление — ресоциализация осуждённых.

Ограничение свободы должно стремиться к достижению этих целей, будучи промежуточным наказанием между полным лишением свободы и наказаниями без лишения и ограничения свободы. Ограничение свободы должно сохранить в определённой мере карательный потенциал лишения свободы с точки зрения ограниченной изоляции, строгой регламентации режима, труда, быта, досуга осуждённых, т. е. целей общей и специальной превенции прежде всего, и в то же время оно должно решить задачу ресоциализации осуждённых, их адаптации к жизни в обществе, не полностью отрывая их от условий жизни на свободе.

Наказание в виде ограничения свободы является оптимальной альтернативой лишению свободы только в отношении осуждённых, обладающих устойчивой мотивацией на социальную адаптацию и реабилитацию, содействует укреплению законности и правопорядка в государстве, а значит, дополнительной сбалансированной защите прав и законных интересов государства и граждан.

Заключение. Ограничение свободы как вид наказания — это соответствующая альтернатива лишению свободы, которая может и должна применяться в современном демократическом государстве, обеспечивает должное признание и уважение прав и свобод осуждённого наряду с удовлетворением справедливых требований морали. В отдельных случаях назначение ограничения свободы с направлением в ИУОТ — это не более строгая мера наказания, а единственная возможная для достижения исправительно-воспитательной функции наказания для лиц, ранее проживавших в неблагоприятных социальных условиях.

На основании вышесказанного считаем целесообразным предложить:

1) в случае применения меры поощрения к осуждённому, предусмотренной в части восьмой статьи 47 УИК, законодательством должен быть расширен перечень учитываемых критериев. В настоящий период единственным критерием является соблюдение осуждённым правил внутреннего трудового распорядка, что не позволяет оценить возможность исправления осуждённого без направления в ИУОТ, особенно в случаях, когда гражданин до вынесения ему приговора проживал в асоциальных условиях, которые к моменту убытия из ИУОТ не изменились;

2) при определении выбора между ограничением свободы без направления в ИУОТ и с направлением в ИУОТ необходимо оценивать наличие конкретных условий для возможного повышения эффективности, прежде всего исправительно-воспитательной, а не карательной функции назначаемого наказания с обязательным учётом объективных критериев как со стороны осуждённого, так и со стороны его ближайшего окружения;

3) для обеспечения эффективности исправительно-воспитательной функции ограничения свободы с направлением в ИУОТ должны создаваться и поддерживаться необходимые условия в данных учреждениях для обеспечения исполнения наказания и надлежащей системы контроля над осуждёнными.

Список цитируемых источников

1. Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 25.11.2015).
2. Парамонова Е. О результатах мониторинга практики применения мер уголовной ответственности и порядка их исполнения // Законность и правопорядок. 2012. № 3. С. 12—14.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; по общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. 1064 с.
5. Там же. С. 33.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

УДК 343.241

Я. В. Каплич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ БЕЗ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ТИПА

Введение. Государство, ограничивая действия лица, совершившего преступление, преследует такие цели, как предупреждение преступлений, охрану правопорядка, воспитание граждан в духе соблюдения законодательства Республики Беларусь. Достижение этих целей осуществляется благодаря существующим принципам, закреплённым в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК): законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма. Поэтому наказание, в том числе и ограничение свободы, является одной из мер исправления лица и предупреждения совершения им в дальнейшем преступных деяний.

Более пяти лет действует Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утверждённая Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 [1], одной из задач которой является расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, а также принятие мер по оптимизации наказания в виде ограничения свободы.

Вышеизложенное подтверждает актуальность изучения вопросов исполнения наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (далее — ИУОТ).

Основная часть. В соответствии со статьёй 55 УК Республики Беларусь ограничение свободы состоит в наложении на осуждённого обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания [2].

Ограничение свободы устанавливается на срок от шести месяцев до пяти лет и применяется как основное наказание. В качестве дополнительных мер к нему могут быть назначены штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, лишение воинского или специального звания, конфискация имущества.

Наказание в виде ограничения свободы назначается с направлением в ИУОТ. Однако с учётом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершённого преступления, наличия у него постоянного места жительства согласно УК Республики Беларусь суд может назначить наказание в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ [3].

Исполнение наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ регулируется Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (далее — УИК). Осуждённые к ограничению свободы без направления в ИУОТ отбывают наказание по месту постоянного жительства. Осуждённые к ограничению свободы без направления в ИУОТ привлекаются к отбыванию наказания уголовно-исполнительной инспекцией (далее — УИИ) не позднее десятидневного срока со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию копии приговора и письменного распоряжения суда об исполнении приговора. Такие осуждённые обязаны явиться по вызову УИИ для постановки на учёт и получения письменного уведомления о порядке и условиях отбывания наказания (часть третья статьи 45 УИК Республики Беларусь) [4].

Срок наказания в виде ограничения свободы исчисляется со дня постановки осуждённого к ограничению свободы без направления в ИУОТ на учёт в УИИ.

Сотрудники УИИ и уполномоченные сотрудники других служб территориальных органов внутренних дел при осуществлении контроля за соблюдением осуждёнными к ограничению свободы без направления в ИУОТ порядка и условий отбывания наказания имеют право: 1) требовать от администрации организации, в которой работает осуждённый, сведения о трудовой деятельности осуждённого и соблюдении им трудовой дисциплины, а от организации (индивидуального предпринимателя), где обучается осуждённый, — сведения о посещении учебных занятий (занятий) и поведении осуждённого; 2) вызывать осуждённого для проведения бесед, посещения воспитательных мероприятий и требовать от него письменные объяснения по вопросам, связанным с отбыванием наказания; 3) войти в любое время суток в жилище осуждённого; 4) посещать осуждённого по месту его работы, учёбы; 5) доставлять осуждённого в организации здравоохранения для проведения медицинского освидетельствования на предмет определения состояния алкогольного опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических либо других одурманивающих веществ; 6) задерживать осуждённого в случае нарушения им порядка и условий отбывания наказания в соответствии с частью третьей статьи 57 УИК Республики Беларусь; 7) выдавать осуждённому, меняющему место жительства, предписание с возложением обязанности стать на учёт в территориальном органе внутренних дел по новому месту жительства; 8) использовать электронные средства контроля за местом нахождения осуждённого, перечень которых определяется Советом Министров Республики Беларусь.

Осуждённый к ограничению свободы без направления в ИУОТ обязан: 1) явиться по вызову УИИ для постановки на учёт или прибыть в указанный в предписании срок к избранному месту жительства и стать на учёт в УИИ; 2) являться в территориальный орган внутренних дел для регистрации, периодичность и время которой устанавливаются УИИ с учётом возможности осуждённого к передвижению исходя из состояния его здоровья и возраста; 3) являться по вызову в УИИ и другие службы территориального органа внутренних дел для проведения бесед, посещения воспитательных мероприятий, а также дачи письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием наказания; 4) уведомлять УИИ о поступлении на работу, учёбу и об изменении места работы, учёбы; 5) прибыть в УИИ и уведомить её об изменении места жительства не менее чем за три дня до его осуществления; 6) выполнять иные обязанности, предусмотренные УИК Республики Беларусь.

Согласно статистическим данным за первое полугодие 2015 г. судами общей юрисдикции было назначено наказание в виде ограничения свободы без направления осуждённых в ИУОТ по результатам рассмотрения 2 171 уголовного дела, а наказание в виде ограничения свободы с направлением осуждённых в ИУОТ — 1 234 уголовных дел. Анализируя указанные данные, можно сделать вывод о том, что количество осуждённых, которым назначено наказание в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ, значительно больше, чем осуждённых, которым назначено наказание в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ. Так, в 2010 г. удельный вес ограничения свободы без направления осуждённых в ИУОТ составил в общей системе уголовных наказаний 13%, в 2011 г. — 12,3; 2012 г. — 11,3; 2013 г. — 11,5; 2014 г. — 12,5%. Также ограничение свободы без направления в ИУОТ назначалось и лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления. Стоит отметить, что данное наказание заменило собой исправительные работы, объём назначения которых сократился более чем в два раза.

Учёные по-разному определяют эффективность применения ограничения свободы без направления в ИУОТ.

Так, заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь А. Стук указывает на то, что применение наказания в виде ограничения свободы остаётся одним из доминирующих в структуре наказаний (17%) преимущественно за счёт назначения ограничения свободы без направления в ИУОТ (11%). Также А. Стук отмечает, что в регионах практика назначения данного вида наказания не единообразна. В Минске, например, ограничение свободы без направления в ИУОТ применено к 18% осуждённых, в Могилёвской области — к 4%. В то же время к ограничению свободы с направлением в ИУОТ в Могилёвской области осуждено около 10% лиц, в Витебской — 5%. Принимая во внимание специфику отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ, его назначение,

по мнению А. Стука, во-первых, не должно быть значительным и, во-вторых, должно распространяться на чётко ограниченную категорию лиц. Правоприменительная практика показывает, что исправление осуждённых посредством возложения на них правоограничений возможно только в отношении лиц, не связанных с субкультурой мест лишения свободы. Поэтому ограничение свободы без направления в ИУОТ, по мнению А. Стука, должно применяться только к лицам, впервые осуждаемым к ограничению свободы за умышленные преступления либо осуждаемым за совершение преступлений по неосторожности [5, с. 8].

Заключение. В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что ограничение свободы без направления в ИУОТ занимает значительный удельный вес. В целях эффективного применения данного вида наказания его необходимо назначать только тем лицам, которые ранее не отбывали наказание в виде лишения свободы.

Список цитируемых источников

1. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Там же.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Стук А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: промежуточные итоги // Законность и правопорядок. 2014. № 4 (32). С. 6—10.

УДК 343.3/7

Р. Н. Ключко,

*кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно*

БЕЗДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ПРИЗНАКИ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Введение. Проблемы уголовно-правовой оценки бездействия должностного лица предопределяются наличием большого количества оценочных признаков состава преступления, характеризующих различные его элементы. Их правильное толкование, а также совершенствование конструкции состава преступления позволят обеспечить верную правовую оценку пассивного поведения должностного лица.

Основная часть. Согласно статье 425 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) объектом бездействия должностного лица являются интересы службы, причём, в отличие от российского, белорусский уголовный закон обеспечивает равную охрану установленного законодательством порядка деятельности должностных лиц различных предприятий, учреждений, организаций, независимо от формы собственности и формы организации юридического лица [1]. В качестве дополнительного объекта называются «любые отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц» [2]. Указанной позиции придерживаются и российские учёные, выделяющие дополнительный объект преступлений против интересов службы и признающие таковым здоровье, конституционные и иные права граждан, отношения собственности, законные интересы других организаций, государства и общества в целом [3].

С объективной стороны бездействие должностного лица характеризуется неисполнением должностным лицом вопреки интересам службы действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряжённым с попустительством преступлению либо повлёкшим невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Законодательная конструкция объективной стороны бездействия должностного лица позволяет считать состав формально-материальным. При этом законодатель закрепляет как конкретно определённые признаки объективной стороны анализируемого состава преступления, так и оценочные. К конкретно определённым относится негативный признак «неисполнение действий, которые должностное лицо должно

было совершить», а также такие позитивные признаки, характеризующие условия для привлечения субъекта к уголовной ответственности, как «попустительство преступлению» и «причинение ущерба в крупном размере».

Для наличия в содеянном признаков объективной стороны состава бездействия должностного лица необходимо установить, что невыполненные им действия входили в круг его служебных обязанностей, с которыми он был ознакомлен в установленном порядке. Как верно отмечает В. В. Марчук, «объём и содержание служебных обязанностей должностных лиц определяется за пределами норм Уголовного кодекса» [4]. Однако одного лишь факта невыполнения возложенной на субъекта в установленном порядке обязанности недостаточно для наличия признаков преступного деяния. У должностного лица должна иметься реальная возможность исполнить такую обязанность, при этом он должен быть осведомлён о наличии у него соответствующей обязанности. Более того, неисполнение действий, которые должностное лицо должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, противоречило интересам службы.

Такой признак объективной стороны бездействия должностного лица, как «вопреки интересам службы», является оценочным. Совершёнными вопреки интересам службы следует считать те действия (равно как и бездействие, предусмотренное статьёй 425 УК) должностного лица по службе, которыми нарушаются требования законности и объективной необходимости при принятии решения в соответствии с возложенными на должностное лицо полномочиями [5]. При решении вопроса о наличии либо отсутствии объективной необходимости совершения тех или иных действий по службе в каждом конкретном случае предполагается установление наличия либо отсутствия в содеянном признаков обостренного риска, исключающего преступность деяния, учитывая, что любой вид хозяйственной деятельности может быть сопряжён с определённой долей риска. Не может быть признано преступным бездействие должностного лица, если оно имело место во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданного в установленном порядке.

К оценочным признакам объективной стороны состава преступления следует также отнести и «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», а также «тяжкие последствия», закреплённые в качестве квалифицирующего признака бездействия должностного лица в части третьей статьи 425 УК. Как отмечает В. Н. Кудрявцев, «для того чтобы установить, например, является ли причинённый злоупотреблением властью ущерб существенным, необходимо в первую очередь решить, что мы вообще в современных условиях понимаем под “существенным ущербом”». Решение этого вопроса законодатель относит к компетенции юристов, применяющих закон» [6, с. 116—117]. При решении вопроса о том, является ли вред, причинённый правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам существенным (часть первая статьи 424, часть первая статьи 425, часть первая статьи 426, часть первая статьи 428 УК), судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причинённого физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка [7]. Именно причинение существенного вреда является обязательным элементом объективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями. Отсутствие существенного вреда даёт основание квалифицировать деяния должностного лица как дисциплинарный проступок, а не как преступление [8]. Изложенное положение применимо и в отношении трактовки признаков бездействия должностного лица. В. Борков считает существенное нарушение законных интересов личности, общества и государства не следствием, а содержанием противоречащего интересам службы властного, организационно-распорядительного или административно-хозяйственного решения, указывая, что злоупотребление полномочиями и нарушение прав и интересов — это разные стороны одного явления [9]. Учитывая, что дополнительным непосредственным объектом бездействия должностного лица являются отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц, нельзя трактовать как причинение существенного вреда государственным или общественным интересам сам факт неисполнения вопреки интересам службы служебных обязанностей, умаляющий авторитет органа власти, управления либо организации. Таким образом, нельзя отождествлять признаки деяния с признаками общественно опасных последствий, обусловленных совершением самого деяния. Деяние не может ни во временных рамках, ни по иным параметрам совпадать с последствием этого деяния.

Законодатель нередко связывает уголовную ответственность за бездействие с наступлением общественно опасных последствий, используя законодательную конструкцию «повлёкшее причинение...». Указанное даёт основание утверждать необходимость установления не только предусмотренных уголовным законом последствий, но и для их вменения осознания наличия либо предвидения развития причинной связи между ними и проявленным бездействием. В ином случае можно вести речь лишь о чисто объективном вменении лицу предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий. Однако не для всех материальных по конструкции составов преступлений в полном объёме определяющим содержание вины является психическое отношение виновного именно к последствиям.

От механического применения законодательной конструкции умысла для раскрытия содержания вины в любых преступлениях с материальным составом предостерегает А. И. Рарог, указывая, что «во многих случаях юридическим признаком, концентрирующим общественную опасность деяния, являются не указанные в диспозиции уголовно-правовой нормы последствия, а сами запрещённые уголовным законом действия. Последствиям же законодатель придаёт значение признака, отграничивающего преступление от иных правонарушений, либо квалифицирующего признака, выполняющего функцию дифференциации наказания» [10, с. 676]. Логическим завершением его рассуждений является вывод о целесообразности модернизации законодательной конструкции прямого умысла для использования при анализе вины в преступлениях с материальным составом: «в случаях, когда предусмотренное законом последствие играет роль признака, отграничивающего преступление от иных правонарушений, либо дифференцирующего ответственность, умысел должен признаваться прямым, если он был направлен на совершение заведомо незаконных действий (бездействия), характеризующих юридическую сущность преступления и выражающих его общественную опасность, т. е. если виновный желал совершить эти действия. Иными словами, безусловным показателем прямого умысла следует признать осознание лицом противоправного характера совершаемого деяния» [11]. Нужно заметить, что предложения о включении в общую формулу вины осознания уголовной противоправности не раз высказывались учёными [12].

Особенностью уголовно-правового воздействия за бездействие должностного лица является наличие особых условий его уголовной противоправности: наступление предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий, за исключением бездействия, сопряжённого с попустительством преступлению. В связи с этим определяющим при характеристике негативного психического отношения лица к установленному в обществе порядку поведения в случаях проявления пассивности является отношение к неисполнению возложенной на него обязанности. Совершение должностным лицом заведомо незаконного бездействия при наличии возможности исполнить возложенную на него служебную обязанность даже при сознательном допущении предусмотренных уголовным законом последствий либо безразличном к ним отношении следует признавать как учинённое с прямым умыслом.

Корыстная заинтересованность при злоупотреблении властью или служебными полномочиями, бездействии должностного лица, превышении власти или служебных полномочий «может выражаться в стремлении получить выгоду имущественного характера без незаконного безвозмездного обращения государственных или общественных средств в свою собственность или собственность других лиц (например, сокрытие образовавшейся в результате служебной халатности недостачи путём запутывания учёта с целью избежать материальной ответственности). Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п.» [13]. Такая «размытая» трактовка в постановлении Пленума признака «личная заинтересованность» обусловлена его оценочностью, однако указанный признак всё же требует более ясной трактовки. Личный интерес как признак субъективной стороны бездействия должностного лица следует рассматривать как пользу, выгоду только для должностного лица, не совпадающую с публичными интересами службы.

Заключение. Законодательная трактовка бездействия должностного лица с использованием большого числа оценочных признаков может порождать существенные проблемы в правоприменении. Для правильной юридической оценки пассивности должностного лица требуется не только чёткое изложение в уголовном законе и однозначная трактовка признаков преступного бездействия должностного лица, но и чёткая регламентация порядка служебной деятельности должностных лиц. Учитывая особую бланкетность диспозиции части первой статьи 425 УК, можно утверждать, что уголовно-правовая оценка бездействия должностного лица во многом зависит от чёткости закрепления правового статуса соответствующего должностного лица. В свою очередь чёткая, точная регламентация должностных обязанностей позволит правильно решать многие вопросы, связанные с установлением наличия либо отсутствия признаков анализируемого состава преступления в содеянном должностным лицом.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одоб. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. Минск : Тесей, 2008. С. 272 ; Марчук В. В. Квалификация бездействия должностного лица // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. 2008. № 2/24. С. 13.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления : коммент. законодательства и судеб. практики. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 53, 56 ; Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2005. С. 47, 105, 171, 203 ; Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М. : Юрид. лит., 1975. С. 12—13.

4. Марчук В. В. Квалификация бездействия должностного лица. С. 14.
5. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424—428 УК) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12 // Суд. весн. 2005. № 1. С. 39—43.
6. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2006. 304 с.
7. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424—428 УК).
8. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы // Суд. весн. 2005. № 1. С. 39—43.
9. Борков В. Существенность нарушения правоохраняемых интересов при квалификации должностного злоупотребления // Уголов. право. 2009. № 6. С. 10 ; Его же. Недостатки конструкции состава должностного злоупотребления как причина проблем правоприменения // Уголов. право. 2007. № 4. С. 11.
10. Рапог А. И. Глава V. Субъективная сторона преступления // Энцикл. уголов. права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2005. С. 629—787.
11. Там же. С. 680—681.
12. Лунеев В. В. Субъективное вменение // Уголов. право: новые идеи. М., 1994. С. 35 ; Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие. Минск : Тесей, 2005. С. 189 ; Герцензон А. А. Уголовное право: часть общая. М., 1948. 291 с.
13. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424—428 УК).

УДК 343.01

М. И. Кольцов,

кандидат юридических наук, доцент

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Введение. Возникновение и развитие системы наказаний всегда определяется общественным и государственным строем. Происходящие в обществе и государстве социально-политические изменения и тенденции непосредственно влияют на систему наказаний: изменяется количество, а также иерархия их видов; одни наказания утрачивают своё значение и исключаются из уголовного законодательства, другие, обусловленные потребностями общественно-политической жизни, появляются. В уголовном праве Российской Империи система наказаний получила нормативное закрепление в таких законодательных актах, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное уложение 1903 г. Принцип преемственности имел место при принятии каждого последующего акта, который выбирал из предыдущего лучшее для своего времени. Советская Россия также не явилась исключением и передала демократической России сформированную систему наказаний, которая послужила базой для подготовки системы мер уголовно-правового воздействия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Основная часть. Действующие уголовные наказания, различные по своему содержанию, помещены в УК РФ в определённом порядке (от менее строгого к более строгому) и выполняют важнейшую роль в механизме назначения наказания. Цели наказания, обозначенные в уголовном законе, и свойства личности как взрослых, так и несовершеннолетних преступников обуславливают необходимость строгой индивидуализации наказаний, которая, в свою очередь, предполагает, что вначале суд обязан рассмотреть возможность назначения менее строгого наказания. Если по мнению суда цели наказания не могут быть достигнуты этим наказанием, то применяется более строгое. Для реализации эффективной правоприменительной практики органов правосудия необходима такая система мер уголовно-правового воздействия, которая позволяла бы суду избрать наказание, учитывающее все индивидуальные особенности личности преступника и обстоятельства каждого конкретного преступления.

Согласно действующему уголовному законодательству (статья 44 УК РФ) к лицам, совершившим преступления, могут применяться следующие наказания: штраф; лишение права заниматься определённой деятельностью или занимать определённую должность; лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; принудительные работы; ограничение свободы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определённый срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь [1].

Следует добавить, что современная уголовная политика направлена на применение в первую очередь наказаний, не связанных с лишением свободы, и за несколько лет достигнуты заметные результаты. Так, например, на 1 января 2010 г. в местах лишения свободы содержалось 819 200 осуждённых, на 1 января 2011 г. — 755 648, в 2012 г. — 693 700, в 2013 г. — 677 200, а в 2014 г. — 671 700. Правда, по состоянию на 1 марта 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 673 818 человек (на 2 169 человек больше, чем в начале года). Удельный вес приговорённых

к штрафу в общем количестве осуждённых вырос с 14,7% в 2010 г. до 15,7% в 2014 г.; к ограничению свободы — с 1,1% до 4,8%; к исправительным работам — с 4,9% до 10,5% [2].

Таким образом, в течение пяти лет количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы, ежегодно существенно сокращалось, а в течение двух последних лет их количество остаётся на одном уровне. Вместе с тем назначение наказаний, не связанных с лишением свободы, заметно увеличилось. Поэтому считаем возможным согласиться с авторами, утверждающими, что «применение видов наказания, обладающих существенно менее выраженным воспитательным эффектом (например, штраф), доказало свою обоснованность. С другой стороны, воспитательное воздействие наказания в виде лишения свободы, к сожалению, не менее “успешно” компенсируется крайне негативным влиянием субкультуры в местах заключения» [3, с. 130].

О целесообразности введения новых уголовных наказаний много споров в юридической литературе. Так, например, ещё М. Д. Шаргородский обращал внимание на неэффективность наказания в виде ареста, поскольку оно не способно исправить преступника в такие короткие сроки. Автор данной статьи позволил себе не согласиться с точкой зрения учёного, отстаивая своё мнение о том, что арест будет весьма полезен для достижения двух других целей наказания — восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений. Особенно эффективным превентивным воздействием арест мог бы стать для несовершеннолетних и лиц, впервые осуждённых за преступления небольшой и средней тяжести, не отбывавших ранее лишения свободы [4]. Принимая во внимание условия отбывания ареста, этим категориям преступников не грозит приобщение к криминальной субкультуре.

Традиционно в уголовных законах различных государств приводятся широкие перечни различных по карательным, воспитательным и предупредительным свойствам видов уголовных наказаний. Система наказаний УК РФ содержит довольно большое количество (13) таких наказаний, однако не все из них действующие (арест, принудительные работы, смертная казнь), некоторые по своим карательным и воспитательным свойствам существенно схожи с иными мерами уголовно-правового воздействия (ограничение свободы и условное осуждение к лишению свободы), другие крайне редко применяются и практически не оказывают предупредительного воздействия на преступность (лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград). Учитывая сказанное, считаем полезными предложения в научной литературе о введении новых видов наказаний или иных мер уголовно-правового воздействия, а также изменений и дополнений в действующие.

Например, совершенно справедливо отмечалась возможность более эффективного воздействия штрафных санкций. Мы поддерживаем мнение учёных об одностороннем понимании принципа гуманизма в УК РФ: «Гуманизм не может быть односторонен и бесконечен. Нельзя проявлять гуманность к преступнику, забывая о гуманности к обществу, которое вынуждено его содержать, тратя на это те деньги, в которых остро нуждаются старики и дети государства. Гуманизм и всепрощенчество — разные вещи» [5, с. 155—156].

Нельзя забывать, что речь идёт всё-таки об уголовном преступлении, пусть даже небольшой тяжести. Так, например, уже смешно для окружающих и самого преступника выглядит минимальный размер штрафа для несовершеннолетних в сумме 1 тыс. рос. р. Общественную опасность преступления, за которое суд наложит штраф в сумме 1 тыс. рос. р., можем приравнять к наказанию за административное правонарушение в виде управления транспортным средством водителем, не пристёгнутым ремнём безопасности, либо мотоциклом или мопедом с незастёгнутым мотошлемом (статья 12.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), а разворот в нарушение требований, предписанных дорожными знаками, уже оценивается законодателем от 1 до 1,5 тыс. рос. р. (часть вторая статьи 12.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Заключение. Полагаем, что любой взрослый или подросток, совершившие преступление, должны ощутить на себе воздействие уголовного закона, поэтому минимальный штраф для несовершеннолетних необходимо установить не менее 5 тыс. рос. р., а в случае уплаты родителями (часть вторая статьи 88 УК РФ), он должен удваиваться как минимум. Для взрослых сумма штрафа также должна быть увеличена до 20 тыс. рос. р. Любой взрослый правонарушитель сможет безболезненно выплатить указанную сумму с учётом предоставляемой законом рассрочки.

Эффективно дополняющим систему наказаний может стать ранее предлагаемый нами новый вид наказания — домашний надзор. Домашний надзор назначается несовершеннолетним осуждённым с согласия их родителей или лиц, их заменяющих, на срок от шести месяцев до одного года. Сущность домашнего надзора заключается в том, что несовершеннолетний не может находиться в общественных местах вне дома без сопровождения родителей или лиц, их заменяющих, за исключением помещений учебных и медицинских учреждений, а также места работы. Такие меры помогут ему избежать нежелательных встреч и, соответственно, криминального влияния со стороны поделщиков и своих сверстников. На первый взгляд предлагаемое наказание схоже с принудительными мерами воспитательного воздействия, которые в пункте «б» части второй статьи 90 УК РФ предусматривают передачу подростка под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Однако данная норма не определяет точно сущность этой меры, тогда как домашний надзор предусматривает конкретное сопровождение подростка взрослыми во всех общественных местах.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобрен Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008—2014 годы [Электронный ресурс] // Судеб. департамент при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 22.01.2016).
3. Степашин В. М. Арест как вид уголовного наказания // Вест. Ом. ун-та. Сер. «Право». 2011. № 4 (29). С. 130—134.
4. Кольцов М. И. Арест как вид наказания в отношении несовершеннолетних // Науч. тр. / Рос. акад. юрид. наук. Вып. 4. Т. 2. М. : Юрист, 2004. С. 556—558 ; Кольцов М. И. Арест как средство оптимизации системы уголовных наказаний // Актуал. проблемы уголов. права, криминологии, уголов. процесса и уголовно-исполнит. права: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 9—10 апр. 2013, г. Тамбов. Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 179—183.
5. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия : моногр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 339 с.

УДК 343.43

Е. А. Коротич

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТАТЬИ 181 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Введение. Торговля людьми является не только тяжким преступлением против личной свободы, но и выступает фактическим подтверждением существенной деформации морально-этических основ функционирования современного общества и «товаризации» межличностных отношений. Не случайно именно данное посягательство признано Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь одной из глобальных проблем человечества. С момента криминализации торговли людьми статья 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) неоднократно подвергалась изменениям, последние из которых связаны с принятием Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях».

Основная часть. В отличие от предыдущей редакции части первой статьи 181 УК, которая предусматривала противоправность двух форм торговли людьми — куплю-продажу или совершение иной сделки в отношении человека, а также вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение лица в целях его эксплуатации, — в действующей редакции части первой статьи 181 УК сохранена лишь последняя форма данного преступления, которая дополнена некоторыми способами его совершения. Указанные изменения уголовного закона, как представляется, были продиктованы не только стремлением законодателя обеспечить соответствие нормы об ответственности за торговлю людьми содержанию международно-правового запрета в этой области (пункта «а» статьи 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё (Палермский Протокол)), но и нивелировать те проблемные аспекты, которые затрудняли толкование и применение статьи 181 УК. Вместе с тем решение законодателя ограничиться международно-правовой («протокольной») формой рассматриваемого преступления (к слову, практика, присущая законодательству лишь немногих государств) вызывает определённые сомнения.

Во-первых, закрепление в качестве криминообразующих признаков торговли людьми альтернативных деяний априори предполагает, что такие деяния должны иметь одинаковую степень общественной опасности. Между тем совершенно очевидно, что при прочих равных условиях передача или получение человека, характеризующиеся не только уравниванием последнего с объектами гражданского оборота, но и установлением в отношении него определённой (как правило, достаточно жёсткой) системы контроля, обладают большей степенью общественной опасности, нежели вербовка человека в целях эксплуатации, для которой присуще сохранение у вербуемого лица свободы выбора дальнейшего варианта поведения.

Во-вторых, представляется не бесспорным приём детальной конкретизации перечня деяний, характеризующих рассматриваемое преступление. Как отмечается в специальных исследованиях, «установление исчерпывающего перечня действий, связанных с торговлей людьми и способствующих ей, создаёт опасность пробела, поскольку такими действиями могут оказаться и те, которые не указаны в законодательном перечне» [1, с. 102]. С этой точки зрения, используемый в предыдущей редакции

части первой статьи 181 УК юридический оборот «совершение иной сделки» позволял исключить возможную проблему ограниченности сферы действия данной нормы.

В-третьих, криминализация «протокольной» формы торговли людьми создаёт угрозу возникновения проблемы конкуренции данного преступления с иными преступными деяниями. Действительно, совершение таких действий, как перевозка и укрывательство человека, а в некоторых случаях — и его получение, при определённых обстоятельствах могут быть признаками похищения человека в целях его эксплуатации, которое в отличие от соответствующей «протокольной» формы торговли людьми влечёт повышенную уголовную ответственность (пункт 4 части второй статьи 182 УК). Кроме того, такое поведение может охватываться «другими преступлениями против личной свободы человека» [2, с. 23].

Следует отметить и такой аспект «протокольного» определения торговли людьми, как «некорректность» обозначения вербовки, укрывательства человека «в качестве торговых операций» [3, с. 110]. С этой точки зрения, для деяния, обозначаемого «торговля людьми», более органичной представляется такая форма поведения, как купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека. Подтверждением является не только законодательное определение понятия «торговля» (Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» определяет торговлю как деятельность, направленную на приобретение и продажу товаров с оказанием или без оказания услуг, связанных с их продажей), но и его трактовка в современных словарях экономических и правовых терминов [4, с. 631].

Помимо того, что определение торговли людьми при помощи таких деяний, как купля-продажа и совершение иной сделки в отношении человека, в наибольшей степени соответствует формальному обозначению данного преступления, указанные юридические конструкции, будучи категориями гражданского права, позволяют сформировать достаточно чёткое представление относительно сущности тех деяний, которые совершаются или могут быть совершены в отношении потерпевшего, в связи с чем их закрепление способствовало бы повышению информативности соответствующего уголовно-правового запрета.

Если в части определения форм поведения, характеризующих торговлю людьми, рациональность законодательного подхода пока, действительно, не совсем очевидна, то пересмотр законодателем отношения к другому признаку рассматриваемого преступления (способу его совершения), заслуживает положительной оценки. Как показывают материалы уголовных дел, механизм преступного поведения, присущий исследуемому преступлению, характеризуется применением способов, ограничивающих свободу волеизъявления потерпевшего либо полностью её подавляющих. В контексте сказанного вполне объяснимо решение законодателя включить в число конструктивных признаков торговли людьми способ её совершения. Вместе с тем перечень способов, которые предложено признавать криминообразующим признаком торговли людьми, а также средством дифференциации ответственности за её совершение, определённо указывает на недостаточность уголовно-правового потенциала нормы об ответственности за торговлю людьми. В частности, за рамками уголовно-правового запрета оставлены случаи совершения данного преступления с использованием состояния зависимости потерпевшего от виновного лица либо с использованием стечения тяжёлых личных, семейных, материальных или иных обстоятельств потерпевшего, равно как посредством высказывания угрозы распространения сведений, которые лицо желает сохранить в тайне, либо угрозы уничтожения (повреждения) имущества потерпевшего или его близких и т. д. В контексте сказанного видится актуальным дополнение части первой статьи 181 УК такими способами совершения торговли людьми, как использование уязвимого положения потерпевшего, а также применение иных (помимо названных в статье 181 УК) форм принуждения.

Следует отметить, что реализованный в части первой статьи 181 УК подход, связанный с учётом криминообразующего влияния способов совершения торговли людьми, который непосредственно предопределён пониманием сущностных признаков данного преступления в международном праве, требует корректировки отдельных положений в системе иных актов белорусского законодательства. Речь идёт о содержании абзаца второго пункта 5 решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 декабря 2011 г. № Р-674/2011: оценивая конституционность статьи 27 Закона Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми» и ссылаясь на подпункт “b” статьи 3 Палермского Протокола, данный судебный орган указал на то, что согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию не принимается во внимание. Между тем «протокольная» формулировка приведённого положения имеет одно существенное дополнение: «если было использовано любое из средств воздействия, указанных в подпункте “a”» Палермского Протокола, которое, с нашей точки зрения, должно получить отражение и в названном выше акте Конституционного Суда Республики Беларусь. Такого рода конкретизация будет способствовать укреплению системных связей между актами различной отраслевой принадлежности, которые непосредственно касаются вопросов понимания сущности и содержания торговли людьми.

Заключение. В целях обеспечения сбалансированного характера и степени общественной опасности деяний, составляющих торговлю людьми, предупреждения их коллизии с признаками иных преступлений, а также исключения ограниченности сферы действия части первой статьи 181 УК представляется целесообразным изложить признаки данного преступления следующим образом: «Купля-продажа

или совершение иной сделки в отношении человека с использованием его уязвимого положения, либо обмана, либо злоупотребления доверием, либо с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, либо соединённые с иными формами принуждения (торговля людьми)».

Список цитируемых источников

1. Кислова Е. А. Уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 167 л.
2. Марчук В., Коротич Е. Уголовно-правовые средства по противодействию торговле людьми // Юстиция Беларуси. 2005. № 3. С. 22—24.
3. Жинкин А. А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 192 л.
4. Словарь современных экономических и правовых терминов / под ред. В. Н. Шимова, В. С. Каменкова. Минск : Амалфея, 2002. 816 с.

УДК 343.71

И. В. Лосев

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

Введение. Криминализация (декриминализация) относится к основным направлениям уголовно-правовой политики. В качестве одного из мероприятий Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 [1] названа проработка вопроса о декриминализации отдельных преступлений против собственности. Представляется актуальным проанализировать в связи с этим понятие и состав причинения имущественного ущерба без признаков хищения (статья 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)[2].

Основная часть. В статье 216 УК установлена уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба без признаков хищения. Это преступление против собственности определяется в тексте УК как «причинение ущерба в значительном размере посредством извлечения имущественных выгод в результате обмана, злоупотребления доверием или путём модификации компьютерной информации при отсутствии признаков хищения». Объективную сторону этого преступления образует то, что лицо, не завладевая имуществом, противоправно пользуется им либо уклоняется от передачи должного, либо обманным путём вынуждает расплатиться другого вместо себя за оказанные услуги или пользование чужим имуществом, либо обращает в свою пользу или пользу третьих лиц имущество, которое должно было поступить потерпевшему. В статье 216 УК указано, что ответственность по этой статье за причинение имущественного ущерба наступает только в случае отсутствия признаков хищения.

Обязательными признаками объективной стороны данного состава преступления являются альтернативные способы причинения ущерба: обман, злоупотребление доверием и модификация компьютерной информации. Вместе с тем эти способы совершения присущи и другим преступлениям.

По конструкции состав статьи 216 УК Республики Беларусь является материальным и преступление признаётся оконченным в момент причинения ущерба собственнику или иному законному владельцу в значительном размере, т. е. на сумму, в 40 и более раз превышающую размер базовой величины на день совершения преступления (часть третья примечаний к главе 24 УК Республики Беларусь) [3].

Мотивы и цели причинения имущественного ущерба без признаков хищения в законе не указаны. Вместе с тем юридическая природа исследуемого преступления свидетельствует о том, что виновный при его совершении преследует корыстную цель.

В Беларуси разграничение преступления и административного правонарушения проводится в зависимости от имущественного ущерба, причинённого владельцу, в том числе упущенной выгоды. Квалификационным ущербом является ущерб в значительном размере, т. е. на сумму, в 40 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, а ущерб в крупном размере (часть вторая статьи 216 УК) — в 250 и более раз превышающий размер базовой величины (часть третья примечаний к главе 24 УК Республики Беларусь).

С 1 января 2016 г. базовая величина в Беларуси составляет 210 тыс. белорус. р. Тем самым уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба в значительном размере без признаков хищения наступает при сумме ущерба в размере 8 млн 400 тыс. белорус. р. и более, в крупном размере — 52 млн 500 тыс. белорус. р. и более. На 28 февраля 2016 г. по курсу Национального Банка Республики Беларусь 1 дол. США составляет 21 482 белорус. р.; тем самым сумма 8 млн 400 тыс. белорус. р. эквивалентна 391 дол. США, 52 млн 500 тыс. белорус. р. — 2 444 дол. США.

Заслуживает внимания подход законодателей России и Казахстана к установлению квалификационных признаков в статье 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [4] и в статье 195 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) [5]. В России квалификационные признаки следующие: в части первой статьи 165 УК РФ обязательный признак «крупный размер», квалифицирующие признаки в пункте 1 части второй статьи 165 УК РФ — «совершенное группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой», пункте 2 части второй статьи 165 УК РФ — «причинившее особо крупный ущерб».

Крупный размер (часть первая статьи 165 УК РФ) — это сумма, превышающая 250 тыс. рос. р. на день совершения преступления, особо крупный размер (пункт 2 части второй статьи 165 УК РФ) — сумма, превышающая 1 млн рос. р. (часть четвёртая примечаний к статье 158 УК РФ) [6].

На 28 февраля 2016 г. по курсу Центрального Банка Российской Федерации 1 дол. США составлял 75 рос. р.; крупный размер — сумма 250 тыс. рос. р. эквивалентна 3 333 дол. США, особо крупный размер — сумма 1 млн рос. р. — 13 333 дол. США, т. е. в 10 раз больше, чем в Беларуси.

В Казахстане законодатель установил более широкий перечень квалифицирующих признаков, чем в Беларуси и России: в части статьи 195 УК РК «неоднократность» (т. е. совершение двух или более деяний, предусмотренных одной и той же статьёй или частью статьи Особенной части УК РК; преступление и уголовный проступок не образуют между собой неоднократность), в пункте 1 части третьей статьи 195 УК РК «группой лиц по предварительному сговору», в пункте 2 части третьей статьи 195 УК РК «лицом с использованием своего служебного положения» (исходя из ранее сложившегося в теории и на практике понимания, это использование должностным лицом для достижения преступного результата своих служебных полномочий и (или) авторитета своей должности), в пункте 3 части третьей статьи 195 УК РК «путём незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций» (информационная система — это организационно упорядоченная совокупность информационно-коммуникационных технологий, обслуживающего персонала и технической документации, реализующих определённые технологические действия посредством информационного взаимодействия и предназначенных для решения конкретных функциональных задач (пункт 12 статьи 1 Закона Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V «Об информатизации»)), в пункте 1 части четвёртой статьи 195 УК РК «совершенной преступной группой» (это организованная группа, преступная организация, преступное сообщество, транснациональная организованная группа, транснациональная преступная организация, транснациональное преступное сообщество, террористическая группа, экстремистская группа, банда, незаконное военизированное формирование (пункт 24 статьи 3 УК РК)), в пункте 2 части четвёртой статьи 195 УК РК «крупный ущерб» [7].

Крупным ущербом (пункт 2 части четвёртой статьи 195 УК РК) признаётся размер ущерба, в 500 раз превышающий месячный расчётный показатель (пункт 38 статьи 3 УК РК). Согласно пункту 4 статьи 11 Закона Республики Казахстан от 28 ноября 2014 г. «О республиканском бюджете на 2015—2017 годы» с 1 января 2015 г. месячный расчётный показатель составляет 1 982 тенге. Тем самым уголовная ответственность по пункту 2 части четвёртой статьи 195 УК РК наступает при причинении ущерба на сумму 991 тыс. тенге и более. На 28 февраля 2016 г. по курсу Национального банка Казахстана 1 дол. США составляет 349,82 тенге; сумма 991 тыс. тенге эквивалентна 2 832 дол. США. Тем самым сейчас крупный размер ущерба в РК почти в 1,5 раза больше, чем крупный ущерб в части второй статьи 216 УК Республики Беларусь.

Очевиден более строгий подход законодателей Республики Беларусь к криминализации причинения имущественного ущерба без признаков хищения (статья 216 УК Республики Беларусь) по размеру ущерба, чем в России и Казахстане. При этом, для сравнения, в Беларуси уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба бюджету государства в результате уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК Республики Беларусь) наступает при сумме ущерба, соответствующей 1 000 базовых величин, т. е. в 25 раз больше, чем в статье 216, а в результате уклонения от уплаты таможенных платежей (статья 231 УК Республики Беларусь) — 2 000 базовых величин (в 50 раз больше), что является, очевидно, несоразмерным по сравнению с квалификационным размером ущерба (40 базовых величин) в статье 216 УК Республики Беларусь.

Заключение. Представляется, что в настоящее время возможно установить квалификационный ущерб в часть первой статьи 216 УК Республики Беларусь, позволяющий разграничивать преступное причинение имущественного ущерба без признаков хищения и административное правонарушение, не в значительном размере (40 базовых величин), а в крупном размере (250 базовых величин). Это будет соответствовать в том числе мероприятиям по частичной декриминализации отдельных преступлений

против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, предусмотренным Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Более того, в 2009 г. уже был увеличен квалификационный размер в составе уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК Республики Беларусь) с 250 до 1 000 базовых величин и тем самым произведена частичная декриминализация налоговых правонарушений.

Соответственно, в части второй статьи 216 УК Республики Беларусь предусмотреть причинение имущественного ущерба в особо крупном размере, т. е. на сумму, в 1 000 раз превышающую базовую величину. Возможно также дополнить часть вторая статьи 216 УК Республики Беларусь квалифицирующим признаком «повторно».

Дополнять статью 216 УК Республики Беларусь особо квалифицирующим признаком «организованной группой» нет необходимости, так как в части двенадцатой статьи 4 УК Республики Беларусь разъясняется, что под группой лиц, если иное не оговорено в статье Особенной части УК, понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой.

Нет также необходимости дополнять статьи 216 УК Республики Беларусь квалифицирующим признаком «лицом с использованием служебных полномочий», поскольку такое деяние охватывается статьёй 424 УК Республики Беларусь «Злоупотребление властью или служебными полномочиями».

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Там же.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Гос. думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 30 дек. 2015 г. Доступ из информ.-поисковой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : в ред. Закона РК от 24 нояб. 2015 г. Доступ из информ.-поисковой системы «Юрист».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан.

УДК 343.213.5

А. А. Махарадзе,

кандидат юридических наук, профессор

Батумский государственный университет им. Шота Руставели, Батуми, Грузия

ГРУЗИНСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Введение. Согласно статье 2 Уголовного кодекса Грузии (1999 г.) (далее — УКГ) [1] преступность и наказуемость действия определяется законом, действовавшим в момент его совершения.

С действием нормы во времени связан вопрос об обратной силе закона — свойстве закона, когда он может распространяться на действия и факты, при совершении которых данный закон не действовал. В соответствии со статьёй 3 УКГ уголовный закон, устраняющий преступность деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу; уголовный закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Основная часть. Указанная норма стала предметом дискуссий в грузинской правовой реальности, чему способствовало решение Конституционного суда Грузии от 13 мая 2009 г. № 1/1/428, 447, 459 [2], в котором трое из участвующих в рассмотрении конституционного иска судей написали три различных мнения.

В Конституционный суд с иском обратился народный защитник и два гражданина Грузии, которые в исковом требовании ставили вопрос о признании неконституционной часть первую статьи 3 УКГ. Требования обосновывались тем, что в силу указанной нормы обратную силу приобретают те новые законы, которые ухудшают правовое положение лиц, совершивших преступление до вступления данного закона в силу, что, во-первых, связывалось с установлением в 2006 г. сроков уголовной давности в 15 лет в отношении должностных преступлений (статья 71 УКГ) (до 2006 г. — 10 лет в отношении тяжких преступлений, 6 лет — менее тяжких).

Во-вторых, исковое требование связывалось с ужесточением условий применения условной наказуемости: в 2006 г. статья 12 УКГ дополнена положениями о разграничении ответственности в зависимости от тяжести совершённого преступления и об ужесточении условий применения условного наказания. Указанная норма, по мнению истцов, противоречит пункту 5 статьи 42 Конституции Грузии, согласно которому никто не несёт ответственности за действия, которые на момент их совершения не считались правонарушением, так как Закон, если он не облегчает или не устраняет ответственность, не имеет обратной силы [3].

Указанное конституционное положение является важной гарантией защиты прав человека и подтверждает готовность государства пресекать произвол со стороны властей [4, с. 558], а также соответствует содержанию пункта 2 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека, статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Аргументация искового требования сводилась к тому, что предусмотренный пунктами 5 статьи 42 Конституции Грузии термин «ответственность» не ограничивается объявлением деяния преступным и назначением наказания, но также охватывает вопросы, связанные с освобождением от ответственности, определением сроков давности, условной наказуемости.

Поэтому статья 3 УКГ, ограничивающая вопросы обратной силы закона лишь категориями преступления и наказания и оставляющая открытым вопрос применения обратной силы закона в иных случаях, ухудшающих положение преступника, не соответствует указанной норме Конституции и должна быть объявлена неконституционной. При этом истцы подчёркивают, что в первичном варианте уголовной нормы (1999 г.) прямо указывалось, что закон, ухудшающий иным образом положение преступника, не имеет обратной силы. Впоследствии данное положение было изъято и обратная сила была придана уголовно-правовым нормам, которые напрямую не устанавливали преступность деяния или не отягчали наказание, что противоречит пункту 5 статьи 42 Конституции.

Конституционный суд не признал неконституционной статью 3 УКГ. В частности, в пункте 28 решения Конституционного суда указано, что «в случаях истечения срока давности не следует наказывать преступника. Подразумевается, что по истечении срока давности преступность деяния отменяется. Поэтому его ретроактивное использование нарушает принцип законности» [5].

В отношении случаев, когда законодатель увеличивает срок давности относительно деяний, срок давности которых не истёк по ранее действовавшему закону, суд решил, что положение преступника ухудшается и постановил, что в таких случаях возможно применение обратной силы закона и противоречие нормам Конституции отсутствует (пункт 25 решения Конституционного суда) [6].

Относительно оснований применения условной наказуемости в случаях ухудшения положения преступника в связи с изменением закона Конституционный суд решил, что косвенным ужесточением наказания должна считаться отмена условной наказуемости за преступное деяние по его совершению, несмотря на то, что оно не предусмотрено системой наказаний. Следует учитывать, что условная наказуемость имеет аксессуарный характер, так как не существует условной наказуемости без наказания.

Из указанного следует вывод о том, что у Конституционного суда не сложилась единая позиция по вопросу о том, должна ли применяться обратная сила закона в случаях, когда положение преступника ухудшается. Напротив, суд рассматривает данный вопрос дифференцированно: если вопрос касается срока давности уголовной ответственности, закон может приобрести обратную силу, даже если ухудшает положение преступника, а если касается условной наказуемости, этот вопрос связан с наказанием и обратная сила закона на него не распространяется.

По мнению одного из судей, анализировавших соответствие статьи 3 УКГ пункту 5 статьи 42 Конституции Грузии, «разумная трактовка норм Уголовного кодекса Грузии... не даёт оснований для интерпретации спорной нормы в несоответствии с Конституцией», т. е., по его мнению, спорная норма не противоречит содержанию указанной конституционной нормы [7].

Второй судья Конституционного суда высказывает мнение о том, что «нельзя рассматривать нарушением Конституции противоречие конституционному принципу обратной силы тот случай, когда законодатель увеличивает установленный старым законом ещё не истекший срок давности...» [8]. Позиция судьи сводится к тому, что ретроактивное использование срока давности ухудшает правовое положение лица и такой подход может привести к безмерному продлению срока уголовного преследования.

Третий судья основное внимание заостряет на казуистическом характере спорной нормы и отмечает, что чёткую позицию не удаётся сформулировать в связи с неединообразным подходом, содержащимся в судебной практике. Судья отмечает, что спорная норма не удовлетворяет требованиям предугадываемости и доступности и существуют разумные основания для неоднозначной, в том числе антиконституционной, трактовке части первой статьи 3 УКГ [9].

Многообразие подходов судей Конституционного суда к решению данной проблемы вызвало резонанс среди учёных-криминалистов и криминалистов-практиков. Многие признанные учёные и практики попытались зафиксировать и защитить свою особую позицию. Профессор О. Гамкрелидзе, будучи приглашённым в качестве специалиста в Конституционный суд, отмечал, что спорная норма носит более узкое значение, чем формулировка предложения второго пункта 5 статьи 42 Конституции Грузии. По его мнению, приведённый в Конституции термин «ответственность» является более широким

понятием и содержит как преступность деяния, наказание, так и другие меры, изменяющие правовое положение преступника. Содержащаяся в Конституции формулировка «смягчает или отменяет ответственность» подразумевает не только отмену преступности деяния или смягчение наказания, но и другие случаи отмены ответственности. Они охватывают нормы, регулирующие сроки давности, условной наказуемости, и если происходит принятие закона, регулирующего данные институты и отягчающего положение преступника, он не должен приобретать обратную силу.

По мнению профессора О. Гамкрелидзе, часть первая статьи 3 УКГ ограничивает приведённый в Конституции принцип запрета обратной силы закона, так как апеллирует лишь к «преступности деяния» и «наказанию» за данное преступление. Под указанными терминами, по мнению О. Гамкрелидзе, не подразумеваются законы, определяющие сроки давности и условной наказуемости, так как подобная формулировка спорной нормы не оставляет правоприменителю возможности трактовать норму шире. К буквальному толкованию судей толкает также то обстоятельство, что из этой нормы была изъята ранее существовавшая формулировка «либо иным образом улучшает положение преступника», вследствие чего у судей нет возможности распространить обратное действие закона в тех случаях, когда закон иным образом улучшает положение преступника. Учитывая указанное, О. Гамкрелидзе заключает, что часть первая статьи 3 УКГ противоречит положениям Конституции [10].

Иное мнение по данной проблеме высказал известный судья Верховного суда Грузии и учёный Д. Сулаквелидзе. Анализируя решение Конституционного суда и высказанные по этому вопросу различные позиции, он пришёл к заключению о том, что мнение о необходимости признания спорной нормы антиконституционной лишено оснований. По мнению Д. Сулаквелидзе, отражённое в конституционной норме понятие «ответственность» не следует придавать широкое значение во избежание в связи с действием обратной силы закона всех случаев «иным образом ухудшающие положение преступника». Спорная норма, подчёркивающая два положения об обратной силе закона, правильная и соответствует содержанию пункта 5 статьи 42 Конституции Грузии. Обратная сила закона не может предусматривать случаи ещё не приобретённого права, когда до истечения срока за совершённое преступление новым законом продлевается срок давности или ухудшается положение условной наказуемости. Достаточно, чтобы закон установил обязательный минимальный стандарт защиты лица, объём которого произвольно уменьшать недопустимо. По мнению Д. Сулаквелидзе, этот минимальный и гарантированный стандарт заключается в том, что лицо подлежит наказанию за деяние, которое в момент его совершения не считалось преступлением; лицо не подлежит более суровому наказанию, чем это было предусмотрено законом, действовавшим в момент совершения преступления [11, с. 155—156].

Своё мнение по поводу обратной силы закона также высказал известный учёный и практик, бывший судья Верховного суда Грузии и ныне действующий судья Конституционного суда М. Турава, который на основе анализа международной судебной практики поддерживает решение, принятое Конституционным судом. Он считает, что согласно международной практике закон, ухудшающий положение преступника, связанное со сроком давности уголовной ответственности, может приобрести обратную силу и распространяться на те случаи, когда до задержания лица срок, установленный старым законом, ещё не истёк. Относительно условной наказуемости распространение обратной силы закона, ухудшающего положение преступника, недопустимо [12].

Заключение. Такова грузинская реальность в отношении обратной силы уголовного закона. Спорную норму Конституционный суд не признал неконституционной, при том что в ходе принятия решения судьями высказывались различные мнения: от радикальных до промежуточных.

Такая позиция Конституционного суда обострила дискуссии среди учёных, имеющих различные взгляды на проблему, что отразилось на судебной практике. К тому же обсуждение вопроса протекает в условиях, когда в уголовном законе не просматривается чётко сформулированная позиция по поводу поставленной проблемы. Характерно и то, что в Грузии отсутствует единое фундаментальное монографическое исследование, которое бы на основании научной обработки данного вопроса комплексно исследовало фрагментарно высказанные идеи, законотворческие инициативы, практику правоприменения, актуальное состояние законодательства и на основе анализа внесло бы ясность в решение этого интересного и значимого вопроса. Поднятая проблема является актуальной и интересной, а подход к её решению нуждается в дополнительной аргументации, которая в рамках данного доклада затруднительна. Однако роль представленного доклада в пробуждении интереса учёных и практиков-криминалистов к проблеме очевидна. Ожидается, что он может стать катализатором, в будущем способствующим появлению большего числа аргументированных и обоснованных позиций, что сможет найти отражение в практике.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : Закон Грузии, 22 июня 1999 г. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/user?current=document/view/2947465> (дата обращения: 22.03.2016).
2. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда [Электронный

ресурс] : решение Конституцион. суда Грузии, 13 мая 2009 г., № 1/1/428, 447, 459 URL: <http://www.constcourt.ge/en/legal-acts/judgments> (дата обращения: 22.03.2016).

3. Конституция Грузии от 24 августа 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.ge/ge/kanonmdebloba/constitution-of-georgia-68> (дата обращения: 22.03.2016).

4. Комментарий к Конституции Грузии. Глава вторая. Гражданство Грузии. Основные права и свободы человека. Тбилиси : Петити, 2013. 632 с.

5. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда. С. 25.

6. Там же. С. 24.

7. Там же. С. 30.

8. Там же. С. 52.

9. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда. С. 34 ; Эремадзе К. Соображения по поводу решения Конституционного суда — ответ на комментарий Д. Салуквадзе [Электронный ресурс] // Constitutional Law Review. № 2. 2010. URL: <http://constcourt.ge/en/publications/journals> (дата обращения: 22.03.2016).

10. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда. С. 9—10.

11. Салуквадзе Д. Об обратной силе уголовного закона — комментарий к решению Конституционного суда // Constitutional Law Review. № 2. 2010. URL: <http://www.library.court.ge/index.php?cat=s> (дата обращения: 22.03.2016).

12. Турава М. Уголовное право: обзор общей части. 8-е. изд. Тбилиси : Бона кауза, 2010. С. 29—34 ; Его же. Уголовное право: обзор общей части. 9-е. изд. Тбилиси : Меридиан, 2013. С. 27—31.

УДК 343.237(476)

О. О. Новик

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение. В правоприменительной практике достаточно часто имеют место случаи совершения лицом двух или более преступлений, что, естественно, имеет определённую специфику при квалификации и назначении наказания в отличие от совершения одного преступления. Совершение лицом нескольких преступлений свидетельствует о более высокой степени опасности как самого субъекта, так и совершённых им преступлений. Лица, которые совершили два или более преступления, как правило, характеризуются устойчивыми антиобщественными взглядами. Причиняемый ими физический, материальный или моральный вред правоохраняемым общественным отношениям, благам обычно более существенный, чем при совершении лицом одного преступления. При этом лицо может совершить преступления, предусмотренные различными статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) либо повторить совершение преступления, предусмотренного одной и той же статьёй УК Республики Беларусь, или совершить преступление, уже будучи ранее судимым за совершённое преступление. Такие случаи получили в теории уголовного права название множественности преступлений.

Любая множественность должна характеризоваться определёнными количественными признаками: наличием двух или более элементов, компонентов, явлений. В зависимости от характеристики элементов учёные-криминалисты выделяют такие виды множественности, как множественность участников одного преступления, множественность наказаний и, наконец, множественность преступлений. При этом Р. Р. Галиакбаров предложил и обосновал идею изучения множественности как отдельного института уголовного права. Он считал, что следует в рамках уголовного права выделить институт — множественность, который бы объединял как множественность преступлений, так и множественность участников [1, с. 13]. Предложенная идея не получила законодательного оформления и доктринальной поддержки.

Институт множественности белорусским законодателем впервые выделен в отдельную главу 7 УК Республики Беларусь, обобщённое же понятие «множественность преступлений» в уголовном законе отсутствует. Понятие множественности преступлений разрабатывается теорией уголовного права и пока неизвестно уголовному законодательству. Незначительный круг исследований, в которых предпринята попытка дать определение понятия множественности преступлений, свидетельствует о различном подходе к этому уголовно-правовому институту. Несмотря на имеющиеся разногласия по этим вопросам, большинство авторов справедливо отмечает, что множественность преступлений характеризуется случаями совершения одним лицом двух или более преступлений. Из этого следует, что общим признаком множественности является совершение не менее двух преступлений, совершённых одним и тем же лицом.

Говоря о множественности преступлений, необходимо понимать, что данный институт уголовного права определяется только применительно к поведению одного и того же лица и обладает рядом специфических признаков.

Основная часть. И. О. Грунтов справедливо отмечает, что «...не всегда совершение лицом двух или более преступлений охватывается понятием множественности. Не входят в данное понятие случаи совершения лицом нового преступления, если за предшествующее преступление истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности (статья 83 УК Республики Беларусь); лицо освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (статья 86 УК); деяние утратило общественную опасность (статья 87 УК); лицо освобождено в связи с деятельным раскаянием (статья 88 УК); произошло примирение виновного с потерпевшим (статья 89); принят акт амнистии или помилования по какому-либо из совершенных деяний (статьи 95, 96 УК Республики Беларусь). Отсутствует множественность также в ситуации, если по любому из деяний существуют препятствия для уголовного преследования (например, отсутствует жалоба потерпевшего по делам частного обвинения — статья 33 УК Республики Беларусь) [2, с. 77].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что множественность преступлений определяется ситуацией совершения одним лицом двух или более преступлений, каждое из которых (как минимум два) влечёт уголовную ответственность.

Как уже отмечалось выше, в действующем белорусском законодательстве понятие множественности не предусмотрено в Общей части УК и рассматривается только в теории уголовного права, отсюда и несколько различные подходы к определению множественности преступлений.

Однако несмотря на различные подходы к определению понятия множественности преступлений, можно выделить ряд существенных признаков данного института уголовного права:

1) количественный — совершение одним лицом двух или более преступлений, предусмотренных одной или различными статьями (или частями статьи) УК Республики Беларусь, т. е. совершение двух преступлений (а не каких-либо иных правонарушений) одним лицом является минимальным количеством преступлений для образования множественности;

2) качественный — каждое из преступлений, образующих множественность, является самостоятельным единичным преступлением и квалифицируется по отдельной статье (или части статьи) уголовного закона, т. е. при множественности лицо совершает такие общественно опасные деяния, которые признаются самостоятельными единичными преступлениями (предусмотренными в отдельной статье (или её части) Особенной части УК). При этом стадии совершённых преступлений и формы участия в них значения не имеют. Как правило, все совершаемые при множественности преступления отделены друг от друга определённым промежутком времени. Исключение составляет лишь идеальная совокупность преступлений;

3) признак уголовно-правовой значимости — за каждым из преступлений, образующих множественность (как минимум за двумя из них), сохраняются уголовно-правовые последствия, вытекающие из факта его совершения, т. е. не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, не истекли сроки давности исполнения обвинительного приговора, не снята или не погашена судимость, нет оснований для освобождения лица от уголовной ответственности в силу акта амнистии или по специальным основаниям, предусмотренным в статьях Особенной части УК, отсутствуют процессуальные препятствия для уголовного преследования.

Правовые нормы, образующие институт множественности преступлений, имеют различное сочетание и предназначение. В УК Республики Беларусь институт множественности преступлений состоит из двух групп правовых норм. Первая группа — статьи 41, 42, 43 УК. Назначение этих норм — разграничить формы множественности преступлений, а также создать законодательную базу для правильной квалификации множественности преступлений. Вторая группа — пункт 1 части первой статьи 64, статьи 65, 71, 72, 73 УК. Назначение данных норм — справедливое наказание лиц, в чьих деяниях имеется множественность преступлений.

Отдельные вопросы нашли своё отражение и в нормах Особенной части УК Республики Беларусь. Законодатель счёл необходимым в целях профилактики преступлений установить повышенную уголовную ответственность в ряде статей за совершение преступлений повторно, обусловив повышение ответственности в отдельных случаях наличием предшествующей судимости. Например: «...лицом, ранее судимым...» (часть вторая статьи 175 УК), «...лицом, ранее совершившим преступления...» (пункт 7 части второй статьи 181 УК), «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление...» и др.

Одновременно, а также в силу типичности законодатель в некоторых случаях произвёл объединение нескольких самостоятельных преступлений в одно единичное преступление, прибегнув к формулированию так называемых составных преступлений.

Традиционно в учебниках и учебных пособиях в качестве примера составного преступления приводится разбой (статья 207 УК Республики Беларусь). При анализе указанного состава преступления видно, что разбой заключается в насилии либо угрозе применения насилия с целью непосредственного завладения имуществом. В отдельности указанные действия и насилие (либо его угроза)

и завладение имуществом выступают как самостоятельные единичные преступления (например, часть первая статьи 149 и часть первая статьи 206 УК).

К числу составных преступлений можно отнести и состав хулиганства (статья 339 УК), посягающего одновременно на такие правоохраняемые интересы, как общественный порядок и личность, а в некоторых случаях и на отношения собственности. Изнасилование, сопряжённое с насилием или с угрозой его применения к женщине или её близким (половое сношение вопреки воле потерпевшей и насилие или угроза его применения), похищение человека, соединённое с насилием (противоправное завладение лицом и насилие) и др.

Заключение. Анализ указанных норм позволяет выявить уголовно-правовое значение множественности преступлений, которое состоит в следующем: 1) является обстоятельством, свидетельствующим о большей общественной опасности личности виновного, и соответствующим образом учитывается при назначении наказания (пункт 1 части первой статьи 64 УК Республики Беларусь); 2) определяет особый порядок квалификации преступлений (статьи 41, 42, 43 УК); 3) определяет особый порядок назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности (статья 71 УК), по совокупности преступлений (статья 72 УК), совокупности приговоров (статья 73 УК Республики Беларусь) и при рецидиве преступлений (статья 65 УК Республики Беларусь).

Говоря о множественности преступлений, можно предложить законодательно унифицировать данное понятие дать ему легальное определение, которое, предусматривая его существенные признаки, позволило бы единообразно и точно его понимать и применять.

Список цитируемых источников

1. Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия : учеб. пособие. Хабаровск : Хабар. высш. шк. МВД СССР, 1987. 96 с.
2. Грунтов И. О. Повторность совершения преступления и её виды // Право Беларуси, 2002. № 7. С. 77—91.

УДК 343.81 / 343.811

Н. Н. Осмонова

*Учебный центр Государственной службы исполнения наказаний
при Правительстве Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЁННЫХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Введение. Проблема наказания людей, нарушающих закон, волнует человечество с давних пор. Система исполнения уголовных наказаний в Кыргызской Республике находится в стадии реформирования. Проводимая реформа должна качественно изменить сами подходы к исполнению наказаний. Система исполнения уголовных наказаний должна стать более открытой, а главное — ориентированной на решение основной задачи: исправление осуждённых и полноценное их включение в жизнь общества после отбытия наказания.

В условиях лишения свободы, в изоляции от общества личность осуждённого претерпевает значительные изменения, в результате которых наибольшую значимость для него приобретают ценности, обеспечивающие индивидуальное, как бы внесоциальное существование, а ценности, отображающие социальную сущность человека, уходят на второй план. Осуждённый по окончании срока наказания снова попадает в общество, законы которого он должен соблюдать, но в силу ряда причин не всегда в состоянии им следовать, так как у него затруднена социальная адаптация. Именно поэтому на первый план в работе учреждений, исполняющих уголовные наказания, выдвигается проблема ресоциализации осуждённых.

Основная часть. Изменение поведения правонарушителей возможно при надлежащей организации процесса исправления их личности. Для обеспечения исправления необходимо применять определённые средства воздействия. В пункте 2 статьи 8 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики (пункт 2 статьи 8) обозначено, что «основными средствами исправления осуждённых являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие» [1]. Средства исправления и ресоциализации осуждённых применяются с учётом вида наказания, личности осуждённого, характера, степени общественной опасности и мотивов совершённого уголовного преступления и поведения осуждённого во время отбывания наказания.

В понятие «исправление осуждённых» входит устранение отрицательных и формирование положительных свойств личности. Можно согласиться с формулировкой понятия «исправление», данного в действующем уголовно-исполнительном законодательстве: «исправление осуждённых — это формирование у него правоупотребительного поведения, уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития» (пункт 1 статьи 8 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики).

В науке уголовно-исполнительного права исправление и ресоциализация рассматривается как одно из направлений деятельности органов и учреждений исполнения наказания, которое способствует воспитанию у осуждённых социально адекватных качеств, является внутренним процессом позитивных изменений в личности осуждённого и его сотрудничеством с персоналом органов и учреждений исполнения наказаний, восстановление и развитие социально полезных связей и отношений как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

По мнению некоторых исследователей, процесс ресоциализации реализуется посредством первичной социализации [2, с. 75]. Сущность социализации заключается в приспособлении и обособлении человека в условиях общества, его способности быть успешным и адекватно жить среди людей. По мнению большинства учёных, ресоциализация является составной частью процесса реинтеграции осуждённых в общество, его начальным этапом.

В психологию термин «ресоциализация» ввели американские социальные психологи А. Кеннеди и Д. Кербер для обозначения процесса вторичного вхождения индивида в социокультурную среду в результате дефектов социализации (ресоциализация освобождённых из мест лишения свободы) или в результате смены социокультурного окружения. Э. Гидденс определяет ресоциализацию как вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого им прежде [3, с. 103].

П. Бергер и Т. Лукман считают крайним случаем ресоциализации такое преобразование индивида, когда он «переключается» с одного мира на другой (эмиграция, обретение нового вероисповедания, восходящая вертикальная мобильность, длительная госпитализация), тогда процессы ресоциализации по содержанию становятся похожими на первичную социализацию, так как позволяют с учётом новых диспозиций рассматривать имеющуюся реальность [4, с. 27].

Ресоциализация определяет основные направления деятельности исправительных учреждений. Она предполагает усвоение элементарных норм, ценностей и знаний, необходимых и достаточных для того, чтобы быть включёнными в жизнь общества. Это поможет осуждённому на первых порах более или менее успешно справляться с необходимым количеством ролей в обычных условиях жизни общества, а в перспективе будет служить основной базой для восстановления соответствующего объёма функций нормального члена общества [5, с. 5].

В то же время она предъявляет конкретные требования к условиям отбывания наказаний. Они должны быть достаточными, по крайней мере для того, чтобы осуждённый не утрачивал умений и навыков поведения, практикуемого в обычных условиях жизни общества. Для объективного освещения характера процесса ресоциализации следует определить его задачи. К ним могут быть отнесены: повышение общеобразовательного уровня осуждённых, профессиональное обучение либо повышение производственной квалификации, охрана здоровья, приучение к порядку и условиям, установленным в учреждениях, нейтрализация негативных социально-психологических явлений, свойственных концентрированной среде правонарушителей, избыточного привыкания к условиям изоляции от общества, обеспечение возможности и оказание помощи в установлении и поддержании социально полезных связей, подготовка к освобождению.

К числу задач процесса ресоциализации следует отнести и осуществление лечебной деятельности, оказание психологической и социальной помощи осуждённым в период их пребывания в учреждениях, исполняющих наказания. В настоящее время в Кыргызской Республике насчитывается более 11 исправительных колоний, 1 воспитательная колония для содержания несовершеннолетних преступников, 5 следственных изоляторов. Во всех этих учреждениях содержится свыше 14 тыс. осуждённых и лиц, находящихся под стражей.

По данным международного центра тюремных исследований за 2013 г., в Кыргызстане количество заключённых на 100 тыс. населения составляет 181 человек.

В целях оказания квалифицированной помощи и для проведения психологической подготовки к жизни на свободе в исправительных учреждениях введены должности психологов. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы понимается как интегральное образование и рассматривается в следующих аспектах: 1) одна из отраслей пенитенциарной психологии, её теоретико-прикладное направление в целях разработки способов, средств и методов профессионального применения психологических знаний в условиях гуманизации исполнения уголовных наказаний; 2) психологическое обеспечение процесса исправления и ресоциализации осуждённых в местах лишения свободы и оказание психологической помощи персоналу пенитенциарных учреждений; 3) разработка различных дифференцированных программ, апробации новых методик и методических программ, включая компьютерные.

Психологическое воздействие на осуждённых в местах лишения свободы имеет цель изменить те психологические особенности, которые привели человека к совершению преступления, помочь

осуждённому построить такой психологический облик, который способствовал бы его успешному и законопослушному функционированию в обществе после освобождения. Функции исправления и ресоциализации осуждённых в ходе психологического воздействия являются приоритетными.

Заключение. Отбывание наказания в виде лишения свободы, как известно, связано с рядом негативных факторов, которые нередко затрудняют социальную адаптацию лиц, освобождённых из исправительных учреждений. Осуждённые к длительным срокам лишения свободы особенно подвержены усвоению элементов криминальной субкультуры, в процессе отбывания наказания у них ослабевают семейные и родственные связи, они теряют навыки рационально использовать материальные ресурсы, принимать конструктивные решения в различных жизненных ситуациях, настроенно относятся к окружающим. Вклад в решение данной проблемы со стороны психологов пенитенциарных учреждений должен состоять в целенаправленной работе, направленной на психологическую коррекцию негативных психологических качеств и состояний личности, развитие необходимых социальных навыков, повышение их образовательного уровня, формирование психологической готовности к освобождению и жизни на свободе.

Ресоциализация осуждённых — это длительный процесс, имеющий в своей основе сложный комплекс психолого-педагогических, экономических, медицинских, юридических и организационных мер, направленных на формирование у каждого осуждённого способности и готовности к включению после отбытия наказания в обычные условия жизни общества. Это поможет осуждённому на первых порах более или менее успешно справляться с необходимым количеством ролей в обычных условиях жизни общества, а в перспективе будет служить основной базой для восстановления соответствующего объёма функций нормального члена общества.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принят Законодат. собр. Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ., 11 ноябр. 1999 г. ; в ред. Закона Кыргыз. Респ., 30 мая 2014 г., № 82. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1000874956 (дата обращения: 14.01.2016).
2. Баранов Ю. В. Стадии ресоциализации осуждённых в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб. : ЮридЦентрПресс, 2006. 275 с.
3. Гидденс Э. Социология / науч. ред. В. А. Ядов ; общ. ред. Л. С. Гурьевой [и др.]. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
4. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
5. Ресоциализация осуждённых в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект) : учеб. пособие / Н. А. Андреев [и др.]. М. : Права человека, 2001. 182 с.

УДК 343.126.4

А. В. Острогляд,

кандидат юридических наук, доцент

Частное высшее учебное заведение «Ивано-Франковский университет права имени Короля Данила Галицкого», Ивано-Франковск, Украина

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МЕТОДА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ПЕРЕД УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ

Введение. Конституция Украины предусматривает несколько положений, касающихся принципа равенства граждан перед законом: «Граждане имеют равные конституционные права и свободы и равны перед законом» (статья 24); «Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону» (статья 129) [1]. Конституция Республики Беларусь имеет схожее положение: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» (статья 22); «Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону. Какое-либо вмешательство в деятельность судей по отправлению правосудия недопустимо и влечёт ответственность по закону» (статья 110) [2].

Основная часть. С точки зрения уголовного права принцип равенства перед уголовным законом означает, что лица, совершившие преступление, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, языковых или других признаков.

Такое равенство с точки зрения уголовного права должно реализовываться: а) в единых основаниях привлечения к уголовной ответственности; согласно части первой статьи 2 действующего Уголовного

кодекса Украины таким основанием является состав преступления, а также в единых подходах освобождения от уголовной ответственности и наказания; б) в единой оценке совершённых подобных деяний с точки зрения квалификации преступлений, ограничения судебного усмотрения, из-за уменьшения оценочных понятий и т. д.; в) в единых подходах при назначении наказания, т. е. и в единстве судебной практики.

Что касается первого, негативным примером может быть принятие Закона Украины от 27 февраля 2014 г. «О внесении изменений в Закон Украины “О применении амнистии в Украине” относительно полной реабилитации политзаключённых» [3], который вызывает значительные возражения и проблемы правоприменения, поскольку в Уголовном кодексе и Уголовно-процессуальном кодексе Украины достаточно других механизмов освобождения незаконно осуждённых, кроме того, само название этого закона содержит два взаимоисключающих понятия «амнистия» и «реабилитация», а также настоящим законом вводится понятие индивидуальной амнистии, что противоречит статье 86 Уголовного кодекса Украины «Амнистия», согласно которой амнистия объявляется законом Украины относительно определённой категории лиц.

Условно положительным примером реализации принципа равенства перед уголовным законом является решение Конституционного Суда Украины (далее — КСУ) по делу по конституционному представлению Верховного Суда Украины относительно соответствия Конституции Украины (конституционности) положений статьи 69 Уголовного кодекса Украины (дело о назначении судом более мягкого наказания), которым предусмотрено, что освобождение от уголовной ответственности и освобождение от наказания является свидетельством реализации принципа юридического равенства граждан в процессе дифференциации уголовной ответственности [4].

В обоснование своего решения КСУ ссылаясь на следующее: 1) принцип равенства всех граждан перед законом — конституционная гарантия правового статуса лица, распространяется, в частности, на назначение уголовного наказания; 2) привлечение лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности не только означает равенство всех лиц перед законом, но и предусматривает установление в законе единых принципов применения такой ответственности; 3) руководствуясь общими принципами назначения наказания, суд должен назначать наказание конкретному лицу за конкретное преступление, максимально индивидуализируя наказание.

Отсутствие этого способа индивидуализации наказания лицам, совершившим преступления небольшой тяжести, является нарушением конституционных положений о равенстве граждан перед законом.

Этим решением КСУ признано не соответствующим Конституции Украины (неконституционным) положение части первой статьи 69 Уголовного кодекса Украины в части, которая делает невозможным назначение лицам, совершившим преступления небольшой тяжести, более мягкого наказания, чем предусмотрено законом.

В то же время в особом мнении судьи КСУ В. Д. Вознюка изложено, что равенство граждан перед законом означает, что права и свободы, закреплённые в законах, должны быть максимально одинаковыми для всех граждан исходя из положений части второй статьи 24 Конституции Украины. Указанный принцип фиксирует общее правило недопустимости установления по социальным или личным признакам привилегий или ограничений. Однако совершенно очевидно, что этот принцип может иметь исключения. Принцип равенства граждан перед уголовным законом заключается в том, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности. Но равенство перед уголовным законом также не может иметь абсолютный характер, в том числе в сфере уголовной ответственности, поскольку часть вторая статьи 61 Конституции Украины определяет, что юридическая ответственность лица носит индивидуальный характер, так как одно и то же деяние совершается разными людьми и в разных обстоятельствах. Через такие явления субъекты, совершившие одно и то же преступление, могут находиться в положении юридического неравенства: одни из них будут привлечены к уголовной ответственности, подвергнуты наказанию, другие — освобождены от указанных уголовно-правовых последствий. Кодекс, и в этом его специфика, в определённой степени корректирует действие принципа равенства субъектов преступления перед уголовным законом нормами таких институтов, как освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания, освобождение от наказания и его отбывания. Для действий с различными юридическими свойствами должны определяться разные по своему содержанию правовые последствия. За пределами принципов этих правовых институтов, которые обязывают учитывать обстоятельства совершения преступления, личность виновного, уголовный закон, ко всем субъектам преступления ставит абсолютно одинаковые требования (запрет или веление), обусловленные конституционным принципом равенства граждан перед законом [5].

В приведённом судебном решении неоднозначность мнений судей КСУ обусловлена отсутствием понимания особенностей реализации принципа равенства перед законом в уголовном праве, предусматривающего создание единых условий привлечения к уголовной ответственности и наказания, а также освобождение от ответственности и наказания, индивидуализации как метода уголовно-правовой политики, к которой, по мнению Н. А. Лопашенко, следует относить, например, институт освобождения от наказания или выбор оптимальной для данного конкретного случая меры наказания, что

выражается в конкретном виде и размере наказания, или применение более мягких мер, чем предусмотрено санкцией статьи [6, с. 200—201].

Как отмечает Н. А. Лопашенко, перекосы в индивидуализации ответственности в большинстве связаны с проблемой судейского усмотрения [7]. Поэтому для обеспечения реального равенства перед уголовным законом необходимо чёткое понимание его реализации, создание условий для ограничения судейского усмотрения. Определённые аспекты реализации принципа равенства перед законом можно урегулировать путём обращения к историческому опыту.

Положения, изложенные в статье Г. А. Злобина, С. Г. Келина, А. М. Яковлева [8] перекликаются с настоящим и могут служить основой для совершенствования отдельных положений реализации принципа равенства перед законом путём разделения преступлений на виды и определением правовых последствий в зависимости от категории преступления или проступка.

В частности, авторы отмечали, что дальнейшее совершенствование уголовного закона будет идти одновременно двумя путями. Один из них заключается в декриминализации незначительных преступлений с переносом соответствующих составов уголовного законодательства в сферу административного. Второй путь — уточнение понятия преступления, выделение в законе нескольких видов преступлений, влекущих за собой различные по характеру юридические последствия. В результате такого решения открылась бы возможность существенного усовершенствования всей системы уголовного законодательства, дальнейшего сокращения сферы применения уголовной ответственности и повышения социальной эффективности уголовного и административного законов [9].

Заключение. Чёткое разделение совершенных общественно опасных деяний на преступления и проступки ограничит возможности судейского усмотрения при применении институтов освобождения от уголовной ответственности или наказания, что, в свою очередь, будет способствовать единству судебной практики и реальному осуществлению принципа равенства перед уголовным законом.

Список цитируемых источников

1. Конституция Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата звернення: 21.12.2015).
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 11-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. 64 с.
3. Про внесення змін до Закону України «Про застосування амністії в Україні» щодо повної реабілітації політичних в'язнів. Закон України : за станом на 27 лют. 2014 р. // Відомості Верховної Ради (ВВР). 2014. № 14. С. 257.
4. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) положень статті 69 Кримінального кодексу України (справа про призначення судом більш м'якого покарання) [Електронний ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v015p710-04> (дата звернення: 21.12.2015).
5. Там же.
6. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
7. Там же. С. 201.
8. Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Совершенствование советского уголовного законодательства на современном этапе // Совет. государство и право. 1978. № 12. С. 11—17.
9. Там же.

УДК 343.24

О. Ю. Прокуда

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Введение. Преступность как социальное явление во многом показывает культуру общества, осознание им ценности права. Сегодня преступность является одной из важнейших социальных проблем. Неоспоримо, что девиации начинают проявляться в раннем, как правило, несовершеннолетнем возрасте и в дальнейшем могут привести к полному отрицанию правовых норм в сознании конкретного индивида, регулярному совершению им правонарушений.

Уголовная политика, являясь одним из направлений государственной политики в сфере борьбы с преступностью, определяет задачи, содержание формы деятельности государственных органов по противодействию преступным проявлениям различного характера, в том числе преступности несовершеннолетних. В настоящее время уголовная политика в отношении противодействия указанной преступности определяет приоритет воспитательных мер над карательными, однако реализация данной

концепции выражается в основном в формальных мерах, которые широко связаны с применением условного осуждения, при отсутствии комплексных профилактических мер воздействия, что, безусловно, влияет на рецидив преступлений.

Основная часть. Преступность несовершеннолетних — часть общей преступности, включающая в себя совокупность преступлений, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 18 лет [1, с. 76].

По уголовным делам, расследование по которым окончено, в 2015 г. выявлено 53,1 тыс. лиц, совершивших преступления, из них несовершеннолетние — 2 377 темп прироста к аналогичному периоду прошлого года составил 6,1%. Из 53,1 тыс. выявленных лиц, совершивших преступления, несовершеннолетние составили 4,5% [2].

Таким образом, можно констатировать, что в 2015 г. наблюдалось незначительное увеличение удельного веса преступности несовершеннолетних в общей преступности в стране.

Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее — УК) [3] не предусматривает каких-либо специальных наказаний для несовершеннолетних. Однако круг наказаний, которые могут быть им назначены, ограничивается в отличие от перечня наказаний для взрослых только семью видами (статья 109 УК).

К лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, могут быть применены следующие наказания: 1) общественные работы; 2) штраф; 3) лишение права заниматься определённой деятельностью; 4) исправительные работы; 5) арест; 6) ограничение свободы; 7) лишение свободы (статья 109 УК).

Рассмотрим особенности некоторых видов наказаний, применяемых в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, которые, по нашему мнению, нуждаются в законодательном совершенствовании.

Арест (статья 114 УК) в уголовном законодательстве Республики Беларусь является новым видом наказания. Его уголовно-правовое понятие дано в части первой статьи 54 УК. В соответствии с новой редакцией статьи 114 УК арест назначается лицу как мужского, так и женского пола, совершившему преступление в возрасте до 18 лет, на срок от одного до двух месяцев [4].

Ранее данный вид наказания мог применяться только по отношению к лицам мужского пола, достигшим 16 лет ко дню постановления приговора. Следует отметить, что арест может назначаться и лицам, достигшим совершеннолетия ко дню постановления приговора, за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте.

Проводя исследование ареста как вида наказания, назначаемого несовершеннолетним, полагаем, что порядок применения к несовершеннолетнему ареста не решает важнейших задач — осуществления целей уголовной ответственности. Не способствует этот вид наказания и решению проблемы восстановления прав потерпевшего, заглаживанию вреда, причинённого преступлением. В связи с этим считаем, что относительно ареста необходимо принять радикальное законодательное решение: либо данную меру наказания вовсе исключить из перечня видов наказаний, предусмотренных для несовершеннолетних, либо сохранить арест в системе наказаний для несовершеннолетних, предусмотрев особый порядок его исполнения — в режиме полусвободы (например, только по выходным дням). Режим полусвободы будет обеспечивать получение несовершеннолетним осуждённым образования, его активное участие в жизни своей семьи. Исполнение краткосрочных видов лишения свободы в режиме полусвободы широко практикуется за рубежом (например, статьи 132-25, 132-26 Уголовного кодекса Франции [5]).

Лишение свободы (статья 115 УК Республики Беларусь) является самым строгим наказанием, применяемым к несовершеннолетним, хотя условия отбывания этого наказания для них и являются льготными.

Обладая рядом преимуществ, данный вид наказания имеет весьма существенный недостаток, усиливающийся несовершенством практики его исполнения. Для привития навыков соблюдения правил поведения в обществе осуждённый изолируется от этого общества и помещается в среду, правила поведения в которой весьма далеки от правил человеческого общежития. Психологические особенности несовершеннолетних приводят к тому, что присущие условиям изоляции законы поведения достаточно прочно укореняются в их психике. По возвращении на свободу несовершеннолетний будет вести себя в соответствии с правилами поведения, которые он усвоил в колонии.

В связи с этим, а также в рамках реализации международных обязательств Республики Беларусь законодатель существенно ограничил применение лишения свободы к несовершеннолетним, что выразилось как в сужении круга деяний, за которые допускается назначение лишения свободы, так и в уменьшении предельных сроков лишения свободы.

Осуждённые к лишению свободы несовершеннолетние отбывают наказание в специально созданных для них воспитательных колониях. Эти колонии занимают особое место в системе учреждений, предназначенных для отбывания лишения свободы, что находит своё выражение, во-первых, в установлении более льготных условий содержания по сравнению с условиями содержания взрослых осуждённых, во-вторых, в ориентации на применение разнообразных воспитательных психолого-педагогических приёмов, учитывающих неустойчивую психику несовершеннолетнего, как основных средств воздействия на осуждённых в процессе их обучения, проведения спортивных, культурных мероприятий, а также в процессе трудовой деятельности.

На 1 января 2015 г. в воспитательных колониях для несовершеннолетних содержалось 170 человек (темп прироста к аналогичному периоду прошлого года — 8,3%) [6].

Рассматривая лишение свободы как вид наказания, применяемый к несовершеннолетним, можно сделать вывод о репрессивной направленности уголовного законодательства по отношению к несовершеннолетним. Законодатель, по нашему мнению, стремится к покаранию несовершеннолетнего преступника. Нередко лишение свободы несовершеннолетним назначается только потому, что отсутствуют другие альтернативные ему виды наказания.

В рамках и условиях пенитенциарной системы Республики Беларусь практика исполнения лишения свободы в настоящее время несовершеннолетним. Реальное отбывания несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы способствует, скорее, не ресоциализации, а формированию и развитию негативных качеств его личности, приобретению им навыков «профессионального» преступника, усвоению законов преступного мира.

Максимальный порог лишения свободы и пределы его применения к несовершеннолетним, установленные в уголовном законодательстве, следует ограничивать. В обоснование нашей позиции приведём аргументы.

Во-первых, это предложение обеспечивается нормами международного права и принято мировой законодательской практикой. Во-вторых, негативные последствия сказываются на несовершеннолетнем в большей степени, чем на взрослом, так как они затрагивают несовершеннолетнего на начальной стадии его развития. Необходимо стремиться к максимальному ограничению стигматизации несовершеннолетнего. Закон должен играть роль «заслона» этому явлению в обществе. В-третьих, назначенный срок лишения свободы должен быть необходимым и достаточным для достижения целей уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних.

Если в качестве одной из целей уголовной ответственности ставится предупреждение совершения новых преступлений осуждённым несовершеннолетним, то лишения свободы следует максимально возможно избегать. Оно и в этом аспекте неэффективно. Данная мера, как правило, вызывает обратный эффект: влияет на формирование негативных свойств личности несовершеннолетнего, порождает его озлобленность на общество, агрессивность по отношению к окружающим. Всё это часто приводит к девиантному поведению.

Заключение. В целях повышения эффективности уголовного наказания несовершеннолетних предлагаем: 1) арест как вид наказания, назначаемого несовершеннолетним, либо вовсе исключить из перечня видов наказаний, предусмотренных для несовершеннолетних, либо сохранить в системе наказаний для несовершеннолетних, предусмотрев особый порядок его исполнения — в режиме полусвободы (например, только по выходным дням); 2) дополнить пункт 2 статьи 115 УК следующим содержанием: «...с учётом обстоятельств содеянного и личности лица, совершившего преступление в возрасте до восемнадцати лет, минимальный срок лишения свободы, указанный в санкции статьи Особенной части УК, может быть снижен судом на одну треть».

Список цитируемых источников

1. Мичулис Э. Ф., Шаблинская Д. В., Примаченок А. А. Криминология : конспект лекций / под ред. Э. Ф. Мичулиса. Минск : Изд-во МИУ, 2005. 99 с.
2. Общая статистика за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/> (дата обращения: 10.01.2016).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. Там же.
5. Уголовный кодекс Франции : принят в 1992 г. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 648 с.
6. Общая статистика за 2015 год.

УДК 343.615

В. И. Резюк

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТРУДОСПОСОБНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Введение. Невозможно переоценить такое благо человека, как трудоспособность. Обоснованной и актуальной является её уголовно-правовая охрана.

Трудоспособность — состояние здоровья, позволяющее человеку выполнять работу определённого объёма и качества. Трудоспособность может снижаться с возрастом в результате старения организма,

утрачиваться временно в случае заболевания, утрачиваться постоянно (полностью или частично) в результате бытовой или производственной травмы, хронического заболевания или отравления [1].

Особенно опасным и недопустимым выглядит лишение или снижение трудоспособности в результате совершения в отношении человека преступления.

Профессиональная трудоспособность как видовой объект является новеллой действующего уголовного закона, а норма, её охраняющая, выглядит актуальной и прогрессивной даже в условиях недостаточности правоприменительной практики. Это обуславливает дополнительное толкование профессиональной трудоспособности как объекта уголовно-правовой охраны.

Основная часть. В законодательстве Республики Беларусь закреплены понятия общей и профессиональной трудоспособности. Общая трудоспособность — способность к выполнению широкого круга простейших трудовых процессов, как правило, ограниченных бытовыми нуждами (самостоятельно передвигаться, готовить пищу, сохранять в порядке жильё, имущество, одежду, осуществлять уход за животными и др.). Профессиональная трудоспособность — это способность человека работать в условиях производства или службы. При этом имеется в виду труд как физический, так и умственный, как квалифицированный, так и неквалифицированный [2].

Закономерен и дифференцированный подход в области уголовно-правовой охраны трудоспособности человека. Так, видовой объект «общая трудоспособность» закреплён в статьях Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), устанавливающих ответственность за виновное причинение тяжких телесных, менее тяжких и лёгких телесных повреждений. Ответственность за умышленное лишение профессиональной трудоспособности установлена статьёй 148 УК, видовым объектом которой является именно профессиональная трудоспособность. Нормы данной статьи тесным образом связаны с нормами трудового и права социального обеспечения.

Законодательством Республики Беларусь установлены критерии степени утраты профессиональной трудоспособности. Если потерпевший может продолжать профессиональную деятельность с умеренным или незначительным снижением квалификации либо с уменьшением объёма выполняемой работы, либо при изменении условий труда, влекущих снижение заработка, или если выполнение его профессиональной деятельности требует большего напряжения, чем прежде, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности от 10 до 24%.

В случае если потерпевший вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания может в обычных производственных условиях продолжать профессиональную деятельность с выраженным снижением квалификации либо с уменьшением объёма выполняемой работы или если он утратил способность продолжать профессиональную деятельность вследствие умеренного нарушения функций организма, но может в обычных производственных условиях выполнять профессиональную деятельность более низкой квалификации, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности от 25 до 60%.

В случае если потерпевший вследствие выраженного нарушения функций организма может выполнять работу лишь в специально созданных условиях, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности от 61 до 90%.

В случае если у потерпевшего наступила полная утрата профессиональной трудоспособности вследствие резко выраженного нарушения функций организма при наличии абсолютных противопоказаний для выполнения любых видов профессиональной деятельности даже в специально созданных условиях, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности от 91 до 100% [3].

Степень утраты профессиональной трудоспособности определяет медико-реабилитационная экспертная комиссия.

Ответственность по статье 148 УК наступает в случае исключительно полной утраты профессиональной трудоспособности. Квалифицирующим признаком объекта преступления, предусмотренного статье 148 УК, является здоровье человека в пределах, необходимых для сохранения профессиональной трудоспособности.

Отчасти статья 148 УК устраняет возможный пробел в законодательстве, когда причинение телесного повреждения не является опасным для жизни и не повлекло последствий, указанных в статье 147 УК «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения», но ввиду ряда обстоятельств — специфики профессии, специальности потерпевшего — несёт повышенную общественную опасность, явно не соответствующую статьям, устанавливающим ответственность за умышленное причинение телесных повреждений, не относящихся к тяжким, так как последствием преступления может стать невозможность продолжения в дальнейшем трудовой, служебной деятельности по соответствующей профессии, специальности.

Например, высокие требования к состоянию здоровья традиционно предъявляются к лётчикам, машинистам локомотивных бригад, сотрудникам правоохранительных органов, военнослужащим. Требования к их состоянию здоровья при определении профессиональной трудоспособности существенно повышаются по сравнению с общими.

Так, понижение ночного зрения (время темновой адаптации — более 60 с, острота зрения — ниже 0,3 при освещённости адаптирующего поля 0,008 люкса; 0,01 люкса соответствует освещённости

четвертью Луны) служит основанием для отстранения лиц лётного состава от полётов ночью. При частоте пульса до 50 уд./мин или более 90 уд./мин лётный состав отстраняется от полётов [4]. В свою очередь, снижение остроты зрения до 0,3 даже в условиях нормальной освещённости (освещённость контрольных таблиц при проверке остроты зрения составляет 700 люкс) может повлечь признание степени утраты общей трудоспособности не более чем на 15%, а учащение или снижение пульсации — 10—20%, в исключительных случаях до 30% (сердечно-сосудистая недостаточность I степени в результате ранения сердца, его оболочек или крупных магистральных сосудов) [5].

Полная утрата профессиональной трудоспособности может соответствовать 100%-й утрате общей трудоспособности, например, при параличе вследствие перелома свода или основания черепа, ушиба головного мозга [6]. В этом случае приоритетным является видовой объект «общая трудоспособность» и ответственность при наличии всех иных признаков преступления наступает за умышленное причинение тяжких телесных повреждений по статье 147 УК.

Заключение. Видовой объект уголовно-правовой охраны «профессиональная трудоспособность» охраняется нормой ограниченного действия, предел которой важно чётко обозначить.

Уголовно-наказуемым является умышленное лишение профессиональной трудоспособности, которое согласно действующему законодательству Республики Беларусь предполагает полную утрату профессиональной трудоспособности потерпевшего.

Полной утрате профессиональной трудоспособности соответствует степень утраты профессиональной трудоспособности от 91 до 100%. Профессиональная трудоспособность, характеризующаяся степенью трудоспособности до 90%, объектом уголовно-правовой охраны не является.

Содержание профессиональной трудоспособности для каждой группы работников и служащих определяется отдельно и может существенно отличаться от соответствующих другим.

Профессиональная трудоспособность коррелирует с общей трудоспособностью, но отличается опасностью преступных посягательств на них: степень утраты профессиональной трудоспособности часто выше степени утраты общей трудоспособности при аналогичных медицинских критериях.

Профессиональная трудоспособность может являться объектом уголовно-правовой охраны только в том случае, если последствия для вреда здоровью не выходят за пределы $\frac{1}{3}$ общей трудоспособности, в противном случае действует норма об охране общей трудоспособности.

Список цитируемых источников

1. Абрамов А. А. Основы эргономики : учеб. пособие. М. : РГОТУПС, 2001. 264 с.
2. Об утверждении Инструкции о порядке и критериях определения группы и причины инвалидности, перечне медицинских показаний, дающих право на получение социальной пенсии на детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, и степени утраты их здоровья [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 25 окт. 2007 г., № 97. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Об утверждении Правил определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 окт. 2003 г., № 1299. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. Об утверждении Правил медицинского обеспечения полётов экспериментальной авиации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Гос. военно-промышл. ком. Респ. Беларусь, 15 дек. 2015 г., № 10. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. О порядке организации и проведения врачебно-страховой экспертизы [Электронный ресурс] : инструкция М-ва финансов СССР по согласованию с М-вом здравоохранения СССР от 8 января 1986 г., № 2. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
6. Там же.

УДК 343.85

А. Ю. Римша

Прокуратура Ивацевичского района, Ивацевичи

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА

Введение. Одной из форм осуществления контроля над освободившимися осуждёнными является превентивный надзор — наблюдение, устанавливаемое для предупреждения совершения преступлений и других правонарушений со стороны лица, освобождённого из мест лишения свободы, в целях соблюдения установленных ему судом временных ограничений прав и свобод, а также выполнения им соответствующих обязанностей [1].

Основания установления превентивного надзора регламентированы частями третьей и четвертой статьи 80 УК Республики Беларусь (далее — УК) [2], по смыслу которых превентивный надзор устанавливается после отбытия наказания в виде лишения свободы в пределах установленных законом сроков судимости.

Однако в судебной практике получили распространение случаи установления превентивного надзора в отношении лиц, имеющих непогашенные судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления либо ранее судимых два или более раза к наказанию в виде лишения свободы, после отбытия наказания, не связанного с лишением свободы.

Основная часть. По инициативе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в целях приведения судебной практики в соответствие с нормами уголовного закона и обеспечения её единообразия Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее — Закон № 241-3) [3] внесены изменения в пункт 2 части четвертой статьи 80 УК.

Согласно новой редакции названной статьи превентивный надзор может быть также установлен за лицом, которое в пределах срока судимости более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное наказание в виде административного ареста.

Соответственно, при наличии предусмотренных законом условий установление превентивного надзора в отношении лиц, перечисленных в пункте 2 части четвертой статьи 80 УК, после отбытия ими наказания, не связанного с лишением свободы, требованиям закона не противоречит.

Закон № 241-3 внёс существенные изменения и затронул значительную часть многих статей УК. В соответствии с уголовным законодательством уголовный закон Республики Беларусь имеет обратную силу, если смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица, совершившего преступное деяние.

Вместе с тем в судебной практике имеются случаи нарушения данной нормы уголовного закона при установлении превентивного надзора.

Так, постановлением Суда Ивацевичского района в отношении гражданина П. был установлен превентивный надзор. Из материалов личного дела осуждённого усматривается, что при установлении 23 сентября 2015 г. в отношении гражданина П. превентивного надзора сроком на шесть месяцев Судом Ивацевичского района учитывались следующие судимости последнего:

1) по приговору Суда Московского района г. Бреста от 23 октября 2012 г., которым гражданин П. осуждён по части второй статьи 205 УК к наказанию в виде ареста сроком на шесть месяцев, освобожден по отбытию наказания 6 ноября 2012 г.;

2) по приговору Суда Московского района г. Бреста от 12 ноября 2014 г., которым гражданин П., осуждён по части первой статьи 14, части второй статьи 206 УК к наказанию в виде лишения свободы сроком на два года;

3) по приговору Суда Кобринского района от 19 января 2015 г., которым гражданин П. осуждён по части второй статьи 206 УК с применением части второй статьи 71 УК к наказанию в виде лишения свободы сроком на два года.

Согласно части первой статьи 54 УК в новой редакции, принятой Законом № 241-3, арест устанавливается на срок от одного до трёх месяцев.

При таких обстоятельствах срок погашения судимости гражданин П. по приговору Суда Московского района г. Бреста от 23 октября 2012 г., которым последний осуждён по части второй статьи 205 УК к наказанию в виде ареста сроком на шесть месяцев, подлежит исчислению с момента фактического отбытия им трёх месяцев ареста, т. е. с 6 августа 2012 г.

В соответствии с пунктом 3 части первой статьи 97 УК, судимость в отношении осуждённого за умышленное менее тяжкое преступление погашается по истечению двух лет после отбытия основного и дополнительного наказания. По приговору Суда Московского района г. Бреста от 12 ноября 2014 г. гражданин П. осуждён по части первой статьи 14, части второй статьи 206 УК, т. е. спустя более двух лет с момента отбытия наказания по предыдущему приговору.

Таким образом, на момент постановления приговора Суда Московского района г. Бреста от 12 ноября 2014 г. гражданин П. являлся лицом, судимостей не имеющим.

По приговору Суда Кобринского района от 19 января 2015 г. гражданин П. был осуждён по части второй статьи 206 УК с применением части второй статьи 71 УК, т. е. до постановления приговора Суда Московского района г. Бреста от 12 ноября 2014 г. [4].

При таких обстоятельствах на момент вынесения постановления суда об установлении превентивного надзора гражданин П. не относился к числу субъектов, перечисленных в пункте 1 части четвертой статьи 80 УК, поскольку являлся лицом, единожды судимым к наказанию в виде лишения свободы за умышленные менее тяжкие преступления.

Постановлением Президиума Брестского областного суда по протесту исполняющего обязанности прокурора Брестской области постановление Суда Ивацевичского района об установлении превентивного надзора отменено и направлено на новое судебное рассмотрение.

Данный прецедент служит ярким примером, когда уголовный закон имеет обратную силу и улучшает положение лица, совершившего преступное деяние. С другой стороны, в связи с применением нормы об обратной силе закона в данном случае лицо после отбытия наказания в виде лишения свободы по последнему приговору остаётся без профилактического наблюдения, устанавливаемого для предупреждения совершения новых преступлений и правонарушений.

Также Законом № 241-З был снижен размер наказания в санкциях некоторых статей УК, что в дальнейшем напрямую отразилось при установлении превентивного надзора.

Так, постановлением Суда Ивацевичского района в отношении гражданина К. был установлен превентивный надзор. Из материалов личного дела осуждённого усматривается, что при установлении 9 июля 2015 г. в отношении гражданина К. превентивного надзора сроком на шесть месяцев Судом Ивацевичского района учитывались следующие судимости последнего:

1) по приговору Суда Ганцевичского района от 26 октября 2011 г., которым гражданин К. осуждён по части второй статьи 205, части первой статьи 317-1 УК к наказанию в виде лишения свободы сроком на один год с условным неприменением в силу части первой статьи 78 УК наказания в виде лишения свободы в течение одного года испытательного срока;

2) по приговору Суда Лунинецкого района от 22 мая 2012 г., которым гражданин К. осуждён по части второй статьи 205, части первой статьи 14, части второй статьи 214, части второй статьи 206, части первой статьи 218 УК с применением части первой статьи 71, части второй статьи 72, части первой статьи 73 УК к наказанию в виде лишения свободы сроком на три года шесть месяцев.

В совокупность преступлений, за совершение которых гражданин К. осуждён по приговору Суда Лунинецкого района от 22 мая 2012 г., входит преступление, предусмотренное частью второй статьи 214 УК, которое на момент постановления приговора (т. е. на 22 мая 2012 г.) относилось к категории тяжких. Законом № 241-З в санкцию части второй статьи 214 УК было внесено изменение: срок предусмотренной санкцией части второй статьи 214 УК лишения свободы был снижен с семи до шести лет [5], в связи с чем данное преступление в соответствии с частью второй статьи 12 УК стало относиться к категории менее тяжких [6].

В соответствии с пунктом 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 марта 2009 № 1 «О назначении судами наказания в виде лишения свободы» [7] не считаются ранее отбывшими наказание в виде лишения свободы осуждённые с отсрочкой исполнения либо с условным неприменением (статья 78 УК) наказания, не направлявшиеся для его отбывания в места лишения свободы.

Таким образом, поскольку гражданина К. в силу требований части седьмой статьи 78 УК по постановлению суда в связи с отменой условного неприменения наказания в места лишения свободы не направлялся. Последний является лицом, единожды судимым к наказанию в виде лишения свободы за умышленные менее тяжкие преступления.

Постановлением Президиума Брестского областного суда по протесту исполняющего обязанности прокурора Брестской области постановление Суда Ивацевичского района об установлении превентивного надзора отменено и направлено на новое судебное рассмотрение.

Заключение. Внесённые Законом № 241-З изменения в уголовный закон Республики Беларусь напрямую влияют на институт превентивного надзора (на установление и прекращение), а зачастую данные новшества имеют обратную силу и улучшают положение осуждённого. Необоснованное установление превентивного надзора может повлечь за собой незаконное привлечение лиц к уголовной или административной ответственности.

Список цитируемых источников

1. Наказывается не преступление, а нежелание продемонстрировать лояльность полицейским требованиям [Электронный ресурс]. URL: <http://freeales.fidh.net/ru/2013/08/sapelko-preventivnyj-nadzor-belarus/> (дата обращения: 16.01.2015).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 2015. 2/2239.
4. Дело № 11/13 // Арх. Суда Ивацевич. р-на за 2015 г.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь.
6. Дело № 11/6/7 // Арх. суда Ивацевич. р-на за 2015 г.
7. О назначении судами наказания в виде лишения свободы : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 25 марта 2009 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2009. № 84. 6/726.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ НЕОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ ЛИЦУ

Введение. Жизнь и здоровье человека, являясь первостепенными и неотчуждаемыми благами, требуют обеспечения их всемерной правовой защиты. Не вызывает сомнений тот факт, что одними из наиболее действенных мер, принимаемых для защиты вышеназванных благ, являются меры правового характера. Нормы уголовного права являются одними из самых эффективных в этой области. Наряду с общими нормами, обеспечивающими охрану жизни и здоровья граждан, Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее — УК) содержит в себе специальную норму, предусматривающую уголовную ответственность за неоказание медицинской помощи больному лицу. Практика применения статьи 161 УК Республики Беларусь неоднозначна и довольно скудна, что вызывает дискуссии учёных и правоприменителей.

Основная часть. На момент вступления УК Республики Беларусь в силу название статьи 161 звучало как «Неоказание помощи больному». Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования порядка исполнения наказаний» от 5 мая 2010 г. № 123-3 [1] (далее — Закон № 123-3) название статьи было изменено на «Неоказание медицинской помощи больному лицу», что повлекло сужение сферы применения указанного уголовно-правового запрета. Законом № 123-3 в новой редакции была изложена часть первая статьи 161 УК Республики Беларусь. В диспозиции законодатель конкретизировал вид неоказанной помощи — медицинская, уточнил признаки субъекта преступления. В первоначальной редакции статьи 161 УК Республики Беларусь в качестве субъекта преступления назывались лица, занимающиеся медицинской или фармацевтической практикой, либо иные лица, обязанные оказывать помощь в соответствии с законом или со специальным правилом. Новая редакция диспозиции в соответствии с Законом № 123-3 в качестве субъекта преступления называет медицинских работников либо иных лиц, обязанных оказывать медицинскую помощь в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Анализ внесённых изменений и дополнений позволяет сделать вывод о том, что они не затронули объёма криминализации. Корректировка признаков субъекта преступления не сузила и не расширила сферу уголовно-правовой репрессии и была обусловлена изменениями в отраслевом законодательстве, которому корреспондирует статья 161 УК Республики Беларусь.

Решая важную задачу более широкого применения средств материального воздействия на лиц, совершивших преступления (статья 2 Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения), законодатель на основании Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» от 5 января 2015 г. № 241-3 [2] дополнил санкции частей первой и второй статьи 161 УК обязательным дополнительным наказанием в виде штрафа, чем усилил уголовно-правовую репрессию за их совершение.

Исходя из текста нормы части первой статьи 161 УК Республики Беларусь, объективная сторона данного состава преступления выражается в виде «неоказания медицинской помощи больному лицу без уважительных причин». Диспозиция данной уголовно-правовой нормы имеет бланкетный характер. Для уяснения сути запрещённого ею деяния необходимо обратиться к другим нормативным правовым актам, в первую очередь к Закону Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ [3] (далее — Закон № 2435-ХІІ). Следует отметить, что Закон № 2435-ХІІ не содержит конкретных правил оказания медицинской помощи больному лицу, невыполнение которых может быть квалифицировано как неоказание такой помощи. Такого рода правила содержатся в подзаконных нормативных правовых актах, например, в Инструкции о порядке организации оказания медицинской помощи пациентам с некоторыми хирургическими заболеваниями [4].

Потерпевшим от преступления, предусмотренного статьёй 161 УК Республики Беларусь, как это следует из содержания текста нормы, является «больное лицо». Законодательство в сфере здравоохранения не раскрывает содержание данной категории, однако по смыслу его употребления под больным лицом следует понимать любое лицо, имеющее заболевание, т. е. расстройство здоровья, нарушение нормальной жизнедеятельности организма, в том числе в результате травм, ранений, увечий, контузий,

врождённых дефектов и неотложных состояний (статья 1 Закона № 2435-ХІІ). Как совершенно справедливо отмечает А. Н. Красиков, лицо, обращающееся за медицинской услугой нелечебного характера, например, с просьбой провести косметическую операцию, не может признаваться потерпевшим, а отказ в её проведении — преступным деянием [5, с. 88].

По конструкции объективной стороны основной состав преступления, предусмотренный частью первой статьи 161 УК Республики Беларусь — формальный, что, по мнению автора, адекватно отражает государственную важность защиты права на охрану здоровья. Уголовно-правовой запрет, содержащийся в части второй статьи 161 УК, имеет материальную конструкцию. Общественно опасные последствия, закреплённые в части второй статьи 161 УК в качестве квалифицирующих признаков, выступают как условия дифференциации уголовной ответственности.

Большинство авторов считает, что неоказание медицинской помощи может иметь место только в форме бездействия [6]. Однако существуют мнения, что неоказание медицинской помощи может быть совершено в форме смешанного бездействия [7, с. 67] и даже действия [8, с. 108]. Так, например, по мнению В. П. Новосёлова, такой вид неоказания медицинской помощи (отказ от её оказания) в практике встречается очень редко. В то же время наиболее часты другие виды так называемого «неполного» оказания медицинской помощи: недостаточная, несвоевременная и неправильная медицинская помощь, которая нередко рассматривается как неоказание её [9, с. 55]. Очевидно, данные мнения являются ошибочными.

Заключение. Объективная сторона рассматриваемого нами преступления может выражаться исключительно в форме бездействия. Закон различает понятия неоказания медицинской помощи (статья 161 УК) и ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинским работником (статья 162 УК Республики Беларусь), с чем нельзя не считаться. Таким образом, несвоевременная, недостаточная и ненадлежащего качества медицинская помощь не может рассматриваться как неоказание и в зависимости от наступивших последствий должна квалифицироваться по статье 162 УК Республики Беларусь. Лишь полное отсутствие помощи больному охватывается понятием её неоказания, а стало быть, даёт основание для квалификации содеянного по статье 161 УК. В противном случае необходимо будет признать, что установление уголовной ответственности за причинение вреда здоровью или смерти потерпевшему вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей (статья 162 УК Республики Беларусь) есть проявление явной криминализационной избыточности.

Список цитируемых источников

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования порядка исполнения наказаний [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 мая 2010 г., № 123-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2015 г., № 241-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. Об утверждении Инструкции о порядке организации оказания медицинской помощи пациентам с некоторыми хирургическими заболеваниями [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 8 мая 2013 г., № 40. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Красиков А. Н. Преступления против личности. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 232 с.
6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 346 ; Пискун А. И. Проблемы квалификации неоказания помощи больному // Вест. акад. 2011. № 2. С. 161 ; Савич Н. А., Коломийцев А. Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей в сфере оказания медицинской помощи // Сибир. мед. журн. 2007. № 4. С. 89 ; Коробеев А. И. Неоказание помощи больному // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та экономики и права. 2007. № 2. С. 36.
7. Пашинян Г. А., Ившин И. В. Профессиональные преступления медицинских работников против жизни и здоровья. М. : Мед. кн., 2006. 196 с.
8. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2012. 734 с.
9. Новосёлов В. П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения : моногр. Новосибирск : Наука, 1998. 231 с.

З. И. Сагитдинова,

кандидат юридических наук, доцент

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Башкирский государственный
университет», Уфа, Республика Башкортостан*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДАВНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Введение. Зарубежный законодатель по-разному подходит к регламентации законодательных положений о давности как обстоятельстве, погашающем (устраняющем, прекращающем, отменяющем) уголовно-правовые последствия совершения преступления (наказуемость или уголовную ответственность) и (или) уголовное преследование.

Изученные нами акты уголовного законодательства зарубежных стран условно можно подразделить на четыре группы: 1) уголовные законы, которые не содержат норм о давности (уголовные законы Австралии, штата Техас, штата Нью-Йорк, Закон об уголовном праве Израиля); 2) в уголовных законах есть только нормы о давности исполнения обвинительного приговора (уголовные кодексы Японии, Франции, Бельгии и Республики Корея); 3) уголовные законодательные акты, в которых содержатся нормы о давности уголовной ответственности (уголовного преследования), но нет норм о давности исполнения обвинительного приговора (уголовные законы КНР и штата Огайо в США); 4) уголовные законы, которые предусматривают как нормы о давности уголовной ответственности (уголовного преследования), так и нормы о давности исполнения обвинительного приговора.

Большинство уголовных кодексов (далее — УК) стран так называемого дальнего зарубежья включает даже не одну, как в УК Российской Федерации, а несколько (от двух до семи) статей (параграфов) с обстоятельной регламентацией рассматриваемого вида давности. К примеру, в УК Швейцарии — статьи 70—72, 75 bis, 178; УК Дании — параграфы 92—96; УК Республики Польша — статьи 101, 102, 105; УК Турции — статьи 102—109. Для обновлённого уголовного законодательства стран так называемого ближнего зарубежья такой подход в целом не характерен: почти все уголовные кодексы этих стран содержат только одну статью, посвящённую данному виду давности. Исключение составляет Уголовный закон Латвийской Республики и УК Республики Беларусь. В первом выделено две статьи (56 и 57 Уголовного закона Латвийской Республики). УК Республики Беларусь помимо статьи 83, специально посвящённой освобождению от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, в статье 85 устанавливает общие правила неприменения сроков давности уголовной ответственности и давности исполнения обвинительного приговора суда.

В УК Швеции нет специальной статьи, посвящённой давности как обстоятельству, погашающему (устраняющему, прекращающему, отменяющему) уголовно-правовые последствия совершения преступления (наказуемость или уголовную ответственность) и (или) уголовное преследование. Выводы об учёте шведским законодателем истечения определённых временных отрезков можно сделать, исследуя статьи 1, 4 главы 35 УК Швеции.

Основная часть. Для целей сравнительно-правового анализа норм зарубежного уголовного законодательства о давности как обстоятельстве, погашающем (устраняющем, прекращающем, отменяющем) уголовно-правовые последствия совершения преступления (наказуемость или уголовную ответственность) и (или) уголовное преследование, подробно рассмотрим, как зарубежный законодатель решает обозначенные выше вопросы.

Ряд зарубежных уголовных кодексов, в частности, Швейцарии, Голландии, ФРГ, Республики Болгария, Аргентины, штата Огайо в США, Австрии, КНР, Турции, регламентируют давность уголовного преследования, поэтому по истечении сроков давности невозможно осуществление уголовного преследования. Так, в соответствии с частью первой статьи 70 УК Голландии действие права на уголовное преследование прекращается по истечении срока давности уголовного преследования.

Уголовное законодательство Латвийской и Азербайджанской республик предусматривает истечение сроков давности в качестве основания непривлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Например, указывается, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со дня совершения им преступного деяния истекли определённые сроки (часть первая статьи 56 Уголовного закона Латвийской Республики).

УК Испании предусматривает прекращение уголовной ответственности в случае истечения сроков давности преступления: уголовная ответственность прекращается за давностью преступления. По уголовному законодательству Республики Польша, Норвегии и Дании истечение сроков давности прекращает наказуемость совершённого преступления. В соответствии с параграфом 66 УК Норвегии

действие не является наказуемым по истечении срока давности в соответствии с положениями параграфов 67—69. Согласно параграфу 92 УК Дании преступление перестаёт быть наказуемым по истечении срока давности в соответствии со статьями 93—94 УК Дании. Параграф 1 статьи 101 УК Республики Польша гласит: наказуемость преступления прекращается, если со времени его совершения прошло определённое время. Для регулирования давности обвинительного приговора польский законодатель определил в статье 103 УК, что наказание не может быть исполнено, если после вступления обвинительного приговора в силу прошло определённое время.

Литовский законодатель закрепил давность применения обвинительного приговора, истечение сроков которой влечёт неприменение обвинительного приговора (статья 95).

Модельный УК для государств — участников СНГ и уголовные кодексы Республики Таджикистан, Украины, Грузии, Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Армения и Республики Беларусь устанавливают, что по истечении сроков давности лицо освобождается от уголовной ответственности.

Большинство из изученных уголовных кодексов зарубежных стран использует составной термин для обозначения давности и погашаемого (устраняемого, прекращаемого, отменяемого) ею явление, соответствующий правовому последствию истечения сроков давности.

Так, наиболее употребляемыми являются термины «давность уголовного преследования» (уголовные кодексы Аргентины, Республики Болгария, ФРГ, Голландии, Швейцарии, КНР, Австрии) и «давность привлечения к уголовной ответственности» (уголовные кодексы штата Огайо в США, Кыргызской Республики, Республики Молдова и Республики Узбекистан, Уголовный закон Латвийской Республики). В УК Норвегии используется термин «давность уголовной ответственности». Законодатели ряда стран предпочли не определять термин для обозначения регулируемого правового явления (уголовные кодексы Дании, Республики Польша, Республики Таджикистан, Украины, Грузии, Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Республики Армения, Республики Беларусь, Швеции, Турции).

Для сравнения приведём информацию о правовых последствиях, которые влечёт истечение сроков давности, и составных терминах, если они употребляются (таблица 1). Чтобы более точно описать последствия и составные термины, мы приводим те формулировки, которые использованы в соответствующих статьях уголовных законов.

Т а б л и ц а 1 — Формулировки и термины уголовного права в разных странах

Уголовный закон	Составной термин	Формулировка правового последствия истечения сроков давности
УК ФРГ	Давность уголовного преследования	«Истечение срока давности исключает наказание деяния и применение иных мер...»
УК Голландии	Давность уголовного преследования	«Действие права на уголовное преследование прекращается...»
УК Норвегии	Давность уголовной ответственности	«Действие не является наказуемым...»
УК Аргентины	Давность уголовного преследования	«Уголовное преследование прекращается за давностью...»
УК штата Огайо в США	Давность привлечения к уголовной ответственности	«Уголовное преследование не осуществляется...»
УК Турции	—	«Уголовное преследование прекращается по истечении...»
УК Дании	—	«Преступление перестаёт быть наказуемым...»
УК Швейцарии	Давность уголовного преследования	«Преступное деяние погашается давностью...»
УК Швеции	—	«Никакая санкция не может быть назначена...»
УК Республики Болгария	Давность уголовного преследования	«Уголовное преследование исключается вследствие давности...»
УК Австрии	Давность уголовного преследования	«Уголовное преследование ...деяний исключается с истечением сроков давности уголовного преследования»
УК Испании	Давность преступления	«Уголовная ответственность прекращается...»
УК Республики Польша	—	«Наказуемость преступления прекращается...»
УК КНР	Давность уголовного преследования	«Лицо не подлежит уголовному преследованию...»
Уголовный закон Латвийской Республики	Давность привлечения к уголовной ответственности	«Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности...»
УК Литовской Республики	Давность применения обвинительного приговора	«К лицу, совершившему преступное деяние, не может быть применён обвинительный приговор...»

Уголовный закон	Составной термин	Формулировка правового последствия истечения сроков давности
УК Республики Молдова	Давность привлечения к уголовной ответственности	«Лицо освобождается от уголовной ответственности...»
Модельный УК для государств — участников СНГ	—	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки...»
УК Республики Узбекистан	Давность привлечения к уголовной ответственности	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки...»
УК Республики Казахстан	—	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки...»
УК Кыргызской Республики	Давность привлечения к уголовной ответственности	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки...»
УК Республики Таджикистан	—	«Лицо освобождается от уголовной ответственности...»
УК Азербайджанской Республики	—	«Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки»
УК Грузии	—	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если истекли: а) два года...»
УК Республики Беларусь	—	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки...»
УК Украины	—	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки...»
УК Республики Армения	—	«Лицо освобождается от уголовной ответственности, если ...истекли следующие сроки...»

Заключение. Составной термин, которым обозначается давность, и правовое последствие, которое влечёт истечение сроков давности, взаимосвязаны: определяющим в термине служит слово или словосочетание, которым обозначается соответствующее правовое последствие.

УДК 343.848

А. К. Сманалиева,
*кандидат юридических наук, доцент
 Государственное образовательное учреждение высшего
 профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский
 университет», Бишкек, Кыргызская Республика*

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ ЗА ОСВОБОЖДЁННЫМИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Введение. В Уголовном кодексе Кыргызской Республики (далее — УК КР) 1997 г., как и в уголовном законодательстве иных стран Содружества Независимых Государств, содержится глава «Освобождение от наказания», в которой предусмотрены различные виды такого освобождения [1].

Для применения каждого из них законодатель определяет свои критерии, в соответствии с которыми суд и другие правомочные государственные органы, например при амнистии, руководствуются в случае возможного освобождения осуждённого от уголовного наказания. Так, для освобождения от наказания вследствие утраты общественной опасности необходимо признать, что лицо перестало быть общественно опасным вследствие безупречного поведения и добросовестного отношения к труду или обучению (статья 68 УК КР), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания применяется лишь после фактического отбывания осуждённым определённого срока в зависимости от тяжести совершённого им преступления (часть третья статьи 69 УК КР) и т. д. В отличие от иных видов досрочного освобождения от наказания лишь амнистия имеет свои особенности, поскольку соответствующий порядок её применения регулируется отдельным Законом «Об амнистии».

Сегодня в Кыргызской Республике больше всего вопросов возникает с контролем над освобождёнными, досрочно освободившимися от наказания, особенно в виде лишения свободы, и их реабилитацией.

Основная часть. В статье 176 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики (УИК КР) 1999 г. определены обязанности администрации учреждений, исполняющих наказания, по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осуждённых [2]. С осуждённым проводится

интенсивная воспитательная работа в целях подготовки его к освобождению, разъясняются его права и обязанности.

Работа по подготовке осуждённого к освобождению должна начинаться заблаговременно. Закон обязывает начинать такую работу за шесть месяцев до истечения срока ограничения свободы или лишения свободы. Такая же работа должна вестись с осуждёнными, которым предоставляется возможность досрочного освобождения.

В первую очередь необходимо провести беседу, в результате которой выясняется, нуждается ли осуждённый в помощи в трудовом и бытовом устройстве. Если осуждённый нуждается в помощи, ему необходимо обратиться с письменным заявлением, в котором указывается избранное им место жительства и желание трудоустроиться с помощью органов службы занятости. На основании заявления осуждённого администрация исправительного учреждения направляет информацию в местные исполнительные органы и в службу занятости по избранному осуждённым месту жительства, где сообщает дату освобождения, наличие у осуждённого жилья, его трудоспособность и имеющиеся специальности.

В исправительном учреждении осуждённому разъясняются его права и обязанности, порядок трудоустройства, возможность прибегнуть к услугам службы занятости и т. д. Указание закона на интенсивность проведения воспитательной работы показывает, что на работу с этими лицами должно быть обращено особое внимание.

Важное значение для эффективной работы с лицами, досрочно освобождёнными от наказания, и предупреждения преступлений с их стороны является положительный опыт зарубежных стран в части контроля за данной категорией лиц. Одним из таких «инструментов» является пробация, которая возникла в Великобритании в середине XVIII в. на базе классического условного осуждения [3, с. 118].

Сущность данного уголовно-правового института состоит в передаче лица, совершившего преступление, под надзор специализированного органа — службы пробации, соединённый с оказанием осуждённому необходимой социально-психологической и правовой помощи.

В Кыргызской Республике ещё в начале 2005 г. в центральном аппарате Государственной службы исполнения наказаний (далее — ГСИН) была создана служба пробации, которая на первом этапе своего создания занималась изучением положительного опыта стран Центральной и Восточной Европы, Средней Азии, анализом применения альтернативных мер наказания, а приказом председателя ГСИН от 5 апреля 2010 г. была создана рабочая группа по разработке проекта Закона «О пробации в Кыргызской Республике» [4, с. 33].

Сегодня можно констатировать, что с 2005 г. ничего вперёд не продвинулось, и пробация как самостоятельный правовой институт отсутствует, лишь некоторые её элементы проявляются в законодательной конструкции, например, наказания в виде ограничения свободы, условного осуждения, отсрочки отбывания наказания осуждённым, имеющим малолетних детей и, в частности, в рассматриваемом нами виде досрочного освобождения — условно-досрочного. В нашем законодательстве обнаруживаются следующие признаки пробации, тождественные существующим в Германии, Японии и ряде других стран: возложение на испытуемых дополнительных обязанностей и наличие специализированного субъекта контроля — уголовно-исполнительных инспекций (далее — УИИ).

УИИ является структурным подразделением ГСИН Кыргызской Республики и на основании УИК КР должна осуществлять при содействии органов внутренних дел исполнение большинства наказаний, не связанных с лишением свободы, в виде общественных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также контроль за поведением осуждённых, в отношении которых исполнение наказания отсрочено, контроль за условно-досрочно освобождёнными осуждёнными.

Основными задачами УИИ по обеспечению порядка и условий отбывания наказания, не связанных с изоляцией осуждённого от общества, вытекающих из приговора суда и требований уголовно-исполнительного законодательства, признаются: 1) осуществление контроля при содействии органов внутренних дел за поведением осуждённых к ограничению, к общественным работам, исправительным работам, лишению права занимать определённую должность или заниматься определённой деятельностью; 2) осуществление контроля за поведением условно осуждённых, осуждённых беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, в отношении которых отсрочено исполнение наказания, а также условно-досрочно освобождённых; 3) предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учёте в УИИ; 4) взаимодействие с администрацией предприятий, организаций, в которых работают осуждённые, а также органами местного самоуправления, прокуратурой, судами и общественными объединениями в вопросах обеспечения установленного порядка и условий отбывания наказаний и организации воспитательного воздействия на осуждённых.

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики на УИИ возлагаются следующие обязанности: 1) ведение учёта осуждённых; 2) разъяснение осуждённым порядка и условий отбывания наказаний; 3) организация и проведение воспитательной работы с осуждёнными; 4) согласование с органами местного самоуправления места отбывания наказания осуждённых к общественным и исправительным работам; 5) осуществление контроля при содействии органов внутренних дел за поведением осуждённых к наказаниям, не связанным с лишением свободы по месту их работы, учёбы и жительства, а также за исполнением ими обязанностей, возложенных судом; 6) выдача разрешений осуждённым к исправительным работам на увольнение с работы по собственному желанию в период отбывания

наказания и согласование вопроса с администрацией организаций, в которых они работают, о предоставлении им ежегодного оплачиваемого отпуска и др.

Заключение. Сегодня существует проблема в деятельности УИИ. Ещё в 2010 г. говорилось о том, что главным вопросом является трансформация УИИ в эффективно работающие службы пробации, однако условия для этого пока не созданы. Нет никаких сомнений, что Государственная служба пробации должна быть полностью демилитаризована и ориентирована на решение проблем гуманизации уголовной политики сугубо гражданскими методами. В настоящий момент её нахождение в составе ГСИН со всеми присущими последнему квазивоенными силовыми атрибутами такой гуманизации вряд ли способствует. Данная проблема, отмечают практики, актуальна в связи с проходящей в Кыргызстане реформой правоохранительной системы, которая непосредственно касается ГСИН (и, соответственно, уголовно-исполнительных инспекций), а проведение которой возложено на Министерство внутренних дел [5].

Сегодня численность инспекций составляет не более 200 единиц, что является серьёзной проблемой для всей уголовно-исполнительной системы нашей страны, поскольку их количество не соответствует количеству освобождаемых досрочно, а значит работа данных органов по эффективному контролю за лицами, освобождёнными условно-досрочно, и оказанию им помощи снижается настолько, что такой институт, как условно-досрочное освобождение, впрочем, как и любой другой вид освобождения от наказания, в своей реализации не достигает своей цели.

Кроме того, действующим уголовным законодательством Кыргызской Республики не предусмотрено какое-либо содействие общественности, наблюдению за лицами, освобождёнными от наказания досрочно.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принят Законодат. собр. Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ., 11 нояб. 1999 г. ; в ред. Закона Кыргыз. Респ., 30 мая 2014 г., № 82. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1000874956 (дата обращения: 14.01.2016).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принят Законодат. собр. Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ., 11 нояб. 1999 г. ; в ред. Закона Кыргыз. Респ., 30 мая 2014 г., № 82. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1000874956 (дата обращения: 23.01.2016).
3. Мырзалымов Р. Служба пробации в Кыргызстане: становление и перспективы // Альтернативы лишению свободы в Кыргыз. Респ.: перспективы развития : материалы конференции, Бишкек, 2005. С. 118—123.
4. Кыргызская Республика: Гуманизация уголовной политики и дальнейшее развитие законодательства. Аналитический обзор. Бишкек, 2010. 48 с.
5. Там же. С. 33.

УДК 343.221.51

Н. Н. Сулайманова,

доктор юридических наук, доцент

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет», Бишкек, Кыргызская Республика

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ПРОЕКТУ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Введение. В настоящее время институт уголовной ответственности юридических лиц стал предметом регулирования значительного числа международно-правовых актов. К ним можно отнести такие акты, как Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.; Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции от 31 октября 2003 г.; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г. В перечисленных документах отмечается необходимость привлечения к ответственности физических и юридических лиц за совершение деяний, указанных в данных Конвенциях и (или) причастных к их совершению. При этом отмечается необходимость принятия таких мер, которые могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за случаи их причастности хотя бы к одному из преступлений, охватываемых перечисленными Конвенциями.

Краткий обзор лишь некоторых международных правовых актов позволяет нам сделать вывод, что уголовная ответственность юридических лиц получает всё более широкую поддержку на международном уровне.

При этом хотелось бы отметить, что если раньше в Конвенциях нормы носили рекомендательный характер, то в последние годы в них всё чаще закрепляют обязательства стран-участников по установлению и применению уголовной ответственности за тяжкие преступления в сфере экологии, экономики, а также за преступления коррупционной и террористической направленности.

Основная часть. Сейчас мы можем в том или ином виде наблюдать регламентацию ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства: Грузии, Украины, Молдовы, Латвии, Литвы, Эстонии.

Институт уголовной ответственности юридических лиц необходим в тех преступлениях, в которых отдельный человек как преступник отходит на второй план, а юридическое лицо выдвигается на первый план [1, с. 11]. Необходимость привлечения юридического лица к ответственности обосновывается и тем, что противоправные деяния отдельных лиц кажутся незначительными по сравнению с теми вредными последствиями, которые влекут неправомерные деяния юридического лица, или в тех случаях, когда физическое лицо, совершившее преступление, не может быть установлено.

В Кыргызской Республике на протяжении уже нескольких лет проходит обсуждение данного вопроса, поскольку Кыргызская Республика, ратифицировав указанные Конвенции, взяла на себя обязательство по имплементации положений, в частности, об установлении уголовной ответственности юридических лиц за преступления, предусмотренные в рассматриваемых Конвенциях.

Подводя итог, можно констатировать то обстоятельство, что сегодня вопрос состоит уже не в том, нужна ли ответственность юридических лиц за преступления, указанные в ратифицированных Кыргызской Республикой Конвенциях, а в том, каким образом это будет закреплено в нашем национальном законодательстве.

Итогом работы членов экспертной рабочей группы по разработке проекта нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее — УК КР) явилось рассмотрение Общей части главы 20 «Принудительные меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [2].

Так, в статье 124 проекта УК КР отмечается, что юридическое лицо — это организация, созданная в соответствии с гражданским законодательством Кыргызской Республики, а также иностранное юридическое лицо. При этом юридическими лицами не являются государство, органы государственной власти, органы местного самоуправления Кыргызской Республики, юридические лица, осуществляющие возложенные на них законом отдельные государственные полномочия, а также иностранные государства, органы государственной власти иностранного государства, иностранные государственные органы и юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия, международные организации и их представительства.

К юридическому лицу применяются принудительные меры уголовно-правового воздействия в соответствии с УК, если деяние совершено от имени или посредством юридического лица физическим лицом в интересах данного юридического лица, независимо от того, привлечено ли к уголовной ответственности такое физическое лицо.

Применение принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица не исключает уголовной ответственности физического лица за то же самое деяние.

Применение принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица не освобождает его от обязательств по возмещению причинённого ущерба, от любой иной формы ответственности, установленной законодательством, кроме случаев, когда содержание такой ответственности совпадает с содержанием меры уголовно-правового воздействия, предусмотренной статьёй 125 проекта УК. Применение принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица должно осуществляться с соблюдением принципа справедливости.

В проекте УК КР предлагается к юридическому лицу применять принудительные меры уголовно-правового воздействия в случае совершения определённых противоправных деяний (дан их перечень). Среди них такие преступления, как торговля людьми; легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём; рейдерство; коммерческий подкуп; акт терроризма; финансирование террористической деятельности; загрязнение вод и атмосферы; дача взятки и др.

Согласно проекту УК КР к юридическому лицу могут применяться следующие виды мер уголовно-правового воздействия: 1) штраф; 2) ограничение прав; 3) ликвидация юридического лица.

Штрафы, налагаемые на юридическое лицо, назначаются судом в денежной форме, исчисляются в расчётных показателях и по размеру делятся на три категории: 1) штраф первой категории — в случае совершения преступления средней тяжести — от 2 000 до 5 000 расчётных показателей; 2) штраф второй категории — в случае совершения тяжкого преступления — от 5 000 до 10 000 расчётных показателей; 3) штраф третьей категории — в случае совершения особо тяжкого преступления — от 10 000 до 15 000 расчётных показателей.

В случае неуплаты штрафа в течение одного месяца сумма штрафа удваивается. При дальнейшем, более трёх месяцев, уклонении юридического лица от уплаты штрафа оно подлежит ликвидации решением суда. В случае причинения материального ущерба штраф взыскивается после возмещения ущерба.

Следующий вид уголовно-правового воздействия, применяемый в отношении юридического лица, — ограничение прав. Ограничение прав заключается в установлении запрета юридическому

лицу: 1) осуществлять отдельные виды деятельности; 2) участвовать в тендерах или аукционах; 3) получать кредиты, налоговые льготы, субсидии, субвенции из республиканского или местного бюджетов. Одно или несколько таких ограничений могут устанавливаться судом на срок от одного года до трёх лет.

И, наверное, самая серьёзная мера уголовно-правового воздействия — ликвидация юридического лица, которая состоит в принудительном прекращении его деятельности на основании решения суда. Ликвидация юридического лица назначается только в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, когда суд признаёт, что тяжесть совершённого преступления делает невозможным сохранение и дальнейшее функционирование данного юридического лица, а также в случаях, предусмотренных частью второй статьи 126 проекта УК КР.

Отметим, что в проекте нового УК КР конфискация имущества не является наказанием, а отнесена к иным принудительным средствам уголовно-правового воздействия (меры безопасности). Таким образом, конфискация имущества юридического лица осуществляется на основании и в порядке, предусмотренных статьёй 96 проекта УК КР.

Конфискация имущества есть безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества: 1) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления; 2) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования совершения преступления; 3) денег, ценностей и иного имущества, в которое имущество, полученное в результате совершения преступления, доходы от этого имущества были частично или полностью превращены либо преобразованы; 4) орудий, оборудования или иных средств совершения преступлений, принадлежащих лицу, совершившему преступление. При этом повторная конфискация того же самого имущества у физического лица, совершившего соответствующее преступление, не допускается. Полная конфискация имущества юридического лица допускается только в случае его ликвидации.

Также в проекте УК КР был рассмотрен вопрос о сроках давности. К юридическому лицу не применяются меры уголовно-правового воздействия, если со дня совершения деяния истекло пять лет или со дня исполнения обвинительного приговора суда истекло десять лет.

Заключение. По проекту нового УК КР меры уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица не являются уголовным наказанием и применяются лишь в случае совершения от имени или посредством юридического лица физическим лицом противоправного деяния (перечень деяний закреплён в норме УК КР) в интересах данного юридического лица.

Список цитируемых источников

1. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Н. А. Голованова [и др.] ; под ред. В. И. Лафитского. М. : Статут, 2013. 312 с.
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принят Законодат. собр. Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ., 18 сент. 1997 г. ; в ред. Закона Кыргыз. Респ., 28 июля 2015 г., № 200. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30222833 (дата обращения: 25.12.2015).

УДК 343.1

С. В. Ткачева

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», Калининград, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Введение. В 2009 г. в заключительном слове на заседании Президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» в Вологде, Президент Российской Федерации подчеркнул необходимость гуманизации системы уголовных наказаний, в том числе посредством пересмотра норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), касающихся таких мер наказания, как ограничение свободы и арест [1].

Во исполнение высказанных инициатив принят Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений УК Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы».

Однако по истечении времени стало ясно, что существует ряд недостатков в нормативных предписаниях о наказании в виде ограничения свободы.

Этот вид наказания достаточно содержателен и при умелом его использовании может быть довольно эффективным средством воздействия на лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести.

Основная часть. Анализ судебной практики, сложившейся в Калининградской области, свидетельствует о том, что суды при назначении наказания в виде ограничения свободы не применяют к осуждённым ограничения, которые в силу части первой статьи 53 УК РФ должны быть им установлены в обязательном порядке. К таковым относится, в частности, ограничение в виде запрета выезда за пределы территории соответствующего муниципального образования. Поскольку в некоторых приговорах суды не устанавливают ограничение на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования либо не указывают конкретное муниципальное образование, то указанное обстоятельство впоследствии создаёт трудности при исполнении данного приговора.

Также нельзя признать правильной практику судов в виде установления осуждённому ограничений на выезд за пределы внутригородского района или соответствующего поселения. В практике возникла проблема, за пределы какого из муниципальных образований (городского, сельского поселения, внутригородского района) устанавливать ограничение на выезд. Поскольку при установлении ограничения в виде запрета на выезд за пределы какого-либо из указанных образований возникает проблема в виде посещения осуждённым районных больниц и даже явки на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию, которая расположена на территории другого поселения.

Определение термина «муниципальное образование» закреплено в части первой статьи 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Исходя из указанного закона муниципальное образование — это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения [2]. Таким образом, относительно внутригородского района городского округа понятно, что он не является муниципальным образованием и устанавливать ограничение на выезд за пределы внутригородского района неправомерно. Что касается городского или сельского поселения, то получается, что устанавливать ограничение на выезд за пределы городского или сельского поселения можно, что на практике вызывает ряд проблем.

Для преодоления возникших затруднений необходимо предоставить возможность судам не применять ограничения на выезд за пределы муниципального образования соответствующего муниципального района, путём внесения соответствующих дополнений в часть первую статьи 53 УК РФ.

Поскольку муниципальный район представляет собой несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединённых общей территорией, в границах которой местное самоуправление осуществляется в целях решения вопросов местного значения межпоселенческого характера [3], то указанное дополнение позволит судам при установлении ограничений избежать проблем, возникающих как у осуждённых, так и у уголовно-исполнительных инспекций при исполнении наказания.

Также довольно распространённой ошибкой судов является назначение наказания в виде ограничения свободы без учёта характера работы подсудимого. Так, мировым судом Гвардейского судебного участка Калининградской области в отношении лица, трудовая деятельность которого была связана с рыбной ловлей, было назначено наказание в виде ограничения свободы, при этом в приговоре не было конкретизировано муниципальное образование, за пределы территории которого ограничен выезд. Это впоследствии повлекло за собой обращение в суд уголовно-исполнительной инспекции за разъяснением неясностей в связи с исполнением приговора. Приговором мирового суда осуждённому был установлен запрет на выезд за пределы соответствующего муниципального образования. Мировой суд не учёл то обстоятельство, что местом регистрации осуждённого был один район, а фактическим местом жительства — другой, где он проживал со своей семьёй и осуществлял трудовую деятельность: работал в качестве рыбака по договору. В конечном итоге осуждённый не смог содержать семью, поскольку место рыбной ловли находилось в акватории Куршского залива, расположенного за пределами муниципального образования по фактическому месту жительства. А поскольку осуждённый был оснащён мобильным контрольным устройством (на ноге закреплён электронный браслет), то при надевании резиновых сапог с последующим заходом в воду Куршского залива вследствие сдавливания водой сапог, срабатывал датчик о том, что предпринимается попытка снятия браслета, в связи с чем уголовно-исполнительная инспекция вынуждена была посредством звонков и личного приезда (ночью или рано утром) выяснять причины сигналов. В результате данное наказание стало неисполнимым и было заменено лишением свободы.

Частью 1 статьи 53 УК РФ предусмотрено установление запрета на выезды за пределы территории соответствующего муниципального образования в обязательном порядке осуждённым к ограничению свободы [4]. Несоблюдение указанного запрета в соответствии с частью первой статьи 58 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации является нарушением порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, влечёт за собой применение к осуждённому мер взыскания и возможность наступления иных неблагоприятных последствий, предусмотренных частями третьей и четвёртой статьи 58 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [5].

Таким образом, в случае назначения наказания лицу, работа которого носит разъездной характер, ограничения свободы осуждённый вынужден будет либо ежедневно нарушать ограничение, установленное судом, что может послужить основанием для признания его злостно уклоняющимся от отбывания наказания с последующей заменой неотбытой части наказания лишением свободы, либо оставить имеющееся место работы или учёбы, что негативно отразится на исправлении осуждённого и условиях жизни его семьи.

В связи с этим можно согласиться с мнением М. Арзамасцева, считающего «нецелесообразным назначение и последующее исполнение наказания в виде ограничения свободы в отношении лица, работа которого носит разъездной характер ...если место его работы или учёбы находится в другом населённом пункте или даже в другом субъекте Федерации» [6].

Заключение. Изучив практику судов по назначению наказания, можно прийти к выводу о необходимости дачи разъяснений судам о порядке назначения наказания в виде ограничения свободы, которые возможно отразить в дополнениях к соответствующим постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в частности, данные разъяснения должны содержать указание на следующие моменты: судам необходимо обратить внимание на обязательность установления ограничений, предусмотренных частью первой статьи 53 УК РФ; нецелесообразность назначения в качестве дополнительного наказания в виде ограничения свободы при назначении наказания условно; строгую индивидуализацию наказания при назначении наказания в виде ограничения свободы.

Список цитируемых источников

1. Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/3149> (дата обращения: 02.02.2016).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Там же.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят ГД ФС Рос. Федерации 24 мая 1996 г., № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят ГД ФС Рос. Федерации 08 янв. 1997 г., № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Арзамасцев М. Проблемы определения места исполнения наказания в виде ограничения свободы // Уголов. право. 2010. № 4. С. 5—6.

УДК 343.34

В. И. Торговченков,

кандидат юридических наук, доцент

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Введение. Проблема заведомо ложного сообщения об акте терроризма является одной из актуальных проблем современного как российского, так и зарубежного уголовного права. Это связано с тем, что данное деяние выступает в качестве акта психологического воздействия преступника для достижения определённой цели посредством устрашения общества, должностных лиц и отдельных граждан. К числу негативных последствий совершения заведомо ложного сообщения о террористическом акте относятся нарушение и дезорганизация деятельности правоохранительных органов, службы спасения и скорой помощи, территориальных органов внутренних дел, безопасности, прокуратуры, Министерства по чрезвычайным ситуациям России. Игнорирование компетентными органами информации о террористическом акте может привести к более тяжким последствиям. В частности, в случае реально заложенного взрывного устройства произошёл бы взрыв, в результате которого погибли бы люди, нарушилась бы инфраструктура населённого пункта, поэтому на проверку таких сигналов правоохранительными органами затрачивается много времени и усилий.

Именно поэтому в статье 207 главы 24 «Преступления против общественной безопасности» Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) предусматривается уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. В российской уголовно-правовой доктрине, несмотря на криминализацию деяний, сопряжённых с заведомо ложным сообщением об акте

терроризма, система составов образующих этого преступления до настоящего времени остаётся дискуссионной и не имеет надлежащего закрепления на законодательном уровне, т. е. правовая политика в данной сфере не имеет чёткого законодательного выражения.

Основная часть. В последние годы в России участились случаи ложных сообщений о готовящихся взрывах, заложенных взрывных устройствах в местах большого скопления людей, в государственных и муниципальных учреждениях и организациях. Именно в этой связи зарубежное уголовное законодательство, в отличие от отечественного, предусматривает более суровое наказание за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Например, уголовным законом Азербайджана за данное преступление предусмотрено лишение свободы на срок до семи лет. Очевидным в настоящее время является и то, что для российского государства особенно важна разработка эффективных мер по предупреждению заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Исследование нормативных правовых основ противодействия преступлениям, предусмотренным статьёй 207 УК РФ, доктринальных источников, посвящённых этой проблематике, практике применения статьи 207 УК РФ, свидетельствует о несовершенстве российской уголовной политики в отношении заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Полагаем, что статья 207 УК РФ, состоящая из двух частей, ввиду необходимости дифференциации уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, создающее опасность наступления общественно опасных последствий, и усиления ответственности за действия, совершённые по сговору, с имитацией взрывного устройства, новейших средств связи и коммуникации следует совершенствовать. В частности, считаем, что диспозиции статьи 207 УК РФ могут быть изложены следующим образом:

«1. Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, наказывается...»

2. То же деяние, создающее опасность наступления иных общественно опасных последствий либо совершённое: а) группой лиц по предварительному сговору, организованной группой; б) с имитацией взрывного устройства; в) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), наказывается...».

Кроме этого считаем, что современная уголовная политика должна включать направления по усилению санкции за совершение заведомо ложного сообщения об акте терроризма ввиду повышенной степени общественной опасности деяния, тяжести общественно опасных последствий. В частности, санкцию части первой статьи 207 УК РФ представляется целесообразным изложить следующим образом: «...наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет»; санкцию части второй статьи 207 УК РФ — «...наказывается штрафом в размере от четырёхсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до двух лет, либо лишением свободы на срок от трёх до семи лет».

В статье 207 УК РФ необходимо дифференцировать возраст уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма следующим образом: по части первой статьи 207 УК РФ ответственность наступает с 16 лет, а по части второй статьи 207 УК РФ — с 14 лет. Соответствующие изменения необходимо внести в статью 20 УК РФ, регламентирующую наступление уголовной ответственности лица, ко времени совершения уголовно наказуемого деяния достигшего определённого возраста.

Полагаем, что необходимо ввести критерии отграничения заведомо ложного сообщения об акте терроризма от преступлений, смежных с ним по элементам и признакам состава (статьи 119, 205, 213, 306 УК РФ):

1) заведомо ложное сообщение об акте терроризма отличается от угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью формой и источником её выражения. При заведомо ложном сообщении об акте терроризма виновное лицо сообщает об опасности гибели людей устно, письменно, с помощью телефона или других средств связи, не представляясь, в то время как угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью всегда является открытой, на основании чего потерпевший знает, от какого непосредственного лица (лиц) исходит реальная опасность для его жизни и здоровья;

2) угроза совершения взрыва, поджога и иных действий, создающих непосредственную опасность гибели людей, наступления иных общественно опасных последствий, будет квалифицироваться как террористический акт (статья 205 УК РФ) при обязательном установлении у виновного лица цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями;

3) угрозы взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, квалифицируются как хулиганство (статья 213 УК РФ) в случае применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия; при совершении заведомо ложного сообщения об акте терроризма (статья 207 УК РФ) оружие или предметы, используемые в качестве оружия, не применяются;

4) при заведомо ложном доносе (статья 306 УК РФ) террористический акт уже совершён, тогда как при заведомо ложном сообщении об акте терроризма он только планируется.

Уголовно-правовая политика должна отражать и то, что способ доведения виновным сообщаемых ложных сведений о террористическом акте обусловлен такими объективно-субъективными факторами, как стремление к сокрытию своей причастности к совершению деяния, наименьшие затраты сил и времени, наличие объективной возможности и средств воплощения преступного умысла в действительности.

Борьба с данным преступлением должна учитывать и то, что существует зависимость мотивации виновного лица, сообщающего об акте терроризма заведомо ложные сведения, от его возраста. В частности, в результате изучения материалов уголовных дел, опроса респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов и осуждённых разработана авторская классификация мотивов, побуждающих субъекта на совершение заведомо ложного сообщения об акте терроризма: хулиганский — 62,15%, срыв учебных занятий — 9,63%, месть — 8,57%, корысть — 5,82%, ревность — 4,62%, иные (зависть, экстремистские и др.) — 9,21%. Мотивами совершения рассматриваемого преступления у школьников и студентов, не достигших совершеннолетия, как правило, являются стремление и желание сорвать проведение учебных занятий, самореализация среди своих сверстников. У совершеннолетних лиц в качестве мотива преобладает хулиганство, месть, корысть, ревность.

Считаем, что существует необходимость активизации проводимых профилактических мер среди несовершеннолетних лиц в целях формирования у них устойчивой позиции на правомерное поведение, так как значительное количество заведомо ложных сообщений об акте терроризма совершается именно ими. В качестве профилактических мер классным руководителям необходимо проводить беседы со школьниками об опасности ложных сообщений об акте терроризма и ответственности за них, активизировать профилактическую работу с малолетними через их родителей, размещать на стендах в общеобразовательных учебных заведениях наглядные материалы, разъясняющие общественную опасность заведомо ложного сообщения об акте терроризма, а равно меры ответственности за подобное деяние.

Заключение. По мнению автора, российский законодатель считает, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма по действующему УК РФ относится к преступлениям, не причиняющим обществу и государству тяжкие последствия и не представляющим большой общественной опасности. Вместе с тем данное преступление влечёт нарушение нормальной деятельности правоохранительных органов, Министерства по чрезвычайным ситуациям и других служб, обеспечивающих безопасность государства, а также причиняет материальные затраты, связанные с проверкой данного сообщения о преступлении. В свою очередь сообщение о заведомо ложном сообщении об акте терроризма на заводе, фабрике наносит также материальные затраты, связанные с упущенной выгодой. Таким образом, в целях перевода статьи 207 УК РФ из категории преступлений небольшой тяжести в категорию средней тяжести представляется необходимым изменить санкцию статьи 207 УК РФ в части её усиления.

УДК 343.8

Ю. Л. Шевцов,

*кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск*

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Введение. Истекший период действия Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее — УК) свидетельствует, что в целом УК отвечает потребностям современного этапа социально-экономического развития нашей республики и, как показала практика, способствует наметившейся тенденции сокращения числа зарегистрированных преступлений и количества осуждённых лиц. Однако социальные и экономические процессы развития государства и общества обуславливают необходимость изменения действовавших на протяжении длительного времени приоритетов в уголовной политике.

Основная часть. Разработка и реализация мер уголовной политики, с одной стороны, основана на знании практики применения правовых норм, а с другой — связана с проблемой разработки фундаментальных теоретических понятий и подходов. За период с 2001 г. наибольшее абсолютное число зарегистрированных преступлений за календарный год составляло 195 тыс. преступлений и было зафиксировано в 2005 г. В 2014 г. зарегистрировано лишь 93 932 преступления, при этом число зарегистрированных преступлений, начиная с 2005 г., постоянно снижалось. Однако в 2015 г. зарегистрировано 96 982 преступления, что на 3,2% больше, чем в прошлом году [1]. Нам представляется, что в целом данные статистики дают объективную картину и соответствуют фактическому состоянию. Но исследования показывают, что разные страны проводят разную политику в области регистрации

преступлений. Например, Швеция при населении в 9,4 млн человек зарегистрировала в 2014 г. 1 443 753 преступления [2]. Это в 15 раз больше, чем в Республике Беларусь. Такая огромная разница — результат различной политики государств в этой сфере. Шведская политика основана на заявительном принципе, на целях сатисфакции, т. е. полном возмещении вреда, причинённого преступлением, способствует меньшей латентности преступлений. Считается, что заявление в полицию необходимо для потерпевшего, чтобы он понял свои права и получил защиту. В Швеции, чтобы жертва преступления получила имущественную сатисфакцию не только от преступника, но и из фондов развитой системы социальной компенсации, необходимо зарегистрировать факт преступления. Такая политика перспективна, а принципы восстановительного правосудия в такой системе действительно способствуют полному, реальному и своевременному возмещению вреда, причинённого преступлением. Нам представляется, что адекватное решение проблемы сатисфакции и восстановительного правосудия по уголовным делам — важное направление совершенствования системы мер уголовной ответственности и в Республике Беларусь. В литературе зарубежных стран уже достаточно давно утвердилось мнение о необходимости перехода от стратегической политики борьбы с преступностью (*war on crime*) к стратегии сокращения вреда (*harm reduction*), и эта новая стратегия во многих странах формирует уголовно-правовую политику [3]. На стратегии сокращения вреда во многих странах основана уголовная политика в отношении наркотиков [4].

Обратимся к следующему показателю — числу осуждённых лиц. Если максимальное число осуждённых за время действия УК было зафиксировано в 2006 г., когда было осуждено 78 238 лиц, то в 2015 г. этот показатель был почти в два раза ниже — 43 420 лиц. Снижение этого показателя обусловило сокращение количества спецконтингента в местах лишения свободы, позволило более вдумчиво отнестись к проблеме эффективности наказания и института уголовной ответственности в целом, снизило нагрузку на судебную систему [5].

В числе факторов, способствующих сокращению, выступает дальнейшее увеличение числа лиц, которые освобождаются от уголовной ответственности на досудебных стадиях прокуратурой и следственными органами с санкции прокурора. Только судами в 2014 г. уголовные дела были прекращены в отношении 2 380 лиц. С одной стороны, политика освобождения на досудебной стадии имеет тенденцию к расширению и заслуживает одобрения. С другой стороны, освобождение от уголовной ответственности влечёт за собой в рамках действующего законодательства и определённые негативные социально-правовые последствия. В частности, при последующем совершении этим лицом общественно опасного деяния субъект будет рассматриваться как впервые совершивший преступление, избегая таким образом более строгих санкций, установленных законом за повторное совершение общественно опасного деяния.

В судебной практике наиболее востребованной является такая форма реализации уголовной ответственности, как осуждение с применением назначенного наказания, когда наказание реально исполняется и осуждённый подвергается правоограничениям и лишениям, характерным избранному в отношении его наказанию. Наказание в 2015 г. было применено в отношении 94% осуждённых. В практике применения наказаний наиболее востребовано лишение свободы (31%). Перспектив выдвижения на лидирующие позиции другого наказания в ближайшие годы ожидать не стоит. Но следует отметить, что Верховный Суд Республики Беларусь ориентирует суды как на снижение доли наказания в виде лишения свободы в пользу наказаний, не связанных с изоляцией от общества, так и на сокращение применения института наказания в целом в пользу иных мер уголовной ответственности [6].

Уголовная и уголовно-исполнительная политика в нашей республике основана на системе наказаний, которая состоит из значительного числа видов наказаний. Это традиция, которая была характерна для периода советского уголовного права, она формировалась длительное время. В нашей правовой системе традиционно много видов наказаний, и, на наш взгляд, эту традицию следует сохранить. Но существующие наказания сегодня требуют корректировки, анализа и уточнения содержания каждого из них с точки зрения их эффективности и набора тех правоограничений, которые для них характерны, а также лиц, в отношении которых эти наказания могут быть назначены. Разветвлённая система требует большей детализации наказаний в плане правоограничений и специализации в зависимости от личностных качеств преступника.

Следует констатировать, что на рубеже 2010—2011 гг. произошли серьёзные изменения в практике применения судами наказаний. Об этом свидетельствует статистика: изменились приоритеты среди видов наказаний (на лидирующие позиции кроме лишения свободы вышли арест и ограничение свободы), произошло чётко фиксируемое перераспределение долей востребованности каждого наказания в общем итоге, исправительные работы утратили роль системообразующего наказания (до 2005 г. по востребованности они были на втором-третьем месте) и т. д. Этому способствовали и реализованные законодателем изменения в системе наказаний. Так, было введено два режима отбывания ограничения свободы (с направлением и без направления в исправительные учреждения открытого типа), хотя, на наш взгляд, это решение спорное, следовало бы пойти по российскому пути и учредить два самостоятельных наказания: ограничение свободы и, например, принудительные работы. В воспитательные колонии направляется всё меньше несовершеннолетних, поскольку политика применения наказаний

в отношении этой категории уже сегодня претерпела такие существенные изменения, что здесь на первые места выходят иные меры уголовной ответственности, а не реальное лишение свободы.

Альтернативу наказаниям составляют иные меры уголовной ответственности (статьи 77, 78, 79 УК). Осуждение с применением этих статей в 2015 г. в совокупности составило около 6%, что не в полной мере реализует их потенциал. В зарубежных государствах соотношение мер probation и наказаний иное. Так, в Швеции клиенты probation, не связанные с лишением свободы, составляли в 2014 г. в пересчёте на среднесуточный показатель около 14 000 в день, по сравнению с 4 500 заключёнными в день, составляя около 75% [7]. Рост применения иных мер уголовной ответственности — это тенденция уголовной политики современности, которая связана с увеличением доли наказаний и иных мер уголовной ответственности, которые осуждённые отбывают в социуме без изоляции от общества. Эта новая черта является мерой гуманизма в отношении преступников. Но вторая сторона этой политики — это соблюдение требований безопасности общества и его членов. Говоря политическое «да» мерам уголовной ответственности, не связанным с изоляцией от общества, учреждения юстиции и заинтересованные социальные институты должны принять на себя новые обязанности, чтобы обеспечить, во-первых, надлежащую безопасность членов социума и предупреждение рецидива и, во-вторых, возможность исправления осуждённого лица путём организации необходимого и эффективного воздействия на него в целях его исправления. Чтобы на практике реализовать отказ от доминанты лишения свободы, потребуются дополнительные силы и средства. Поворот карательной политики в сторону расширения таких мер, возможно, потребует создания специальных органов государства, осуществляющих эту работу. Только взаимное внимание к проблемам отбывания наказания в социуме со стороны правоохранительных органов и заинтересованных социальных институтов позволит достичь положительного результата.

Сегодня актуален вопрос о доскональном изучении качеств личности преступника. Выбор меры воздействия (наказание или иные меры) должен быть основан на тщательном изучении черт личности преступника специалистами (психологами и педагогами), которые составят его психологический портрет, выработают рекомендации относительно мер правоограничений и мероприятий воспитательного характера, наиболее эффективные в отношении этого лица. Следовало бы по опыту Латвийской Республики возложить обязанность представления в суд специального доклада независимой службой в отношении обвиняемого лица [8].

Самым тревожным показателем в судебной статистике Республики Беларусь является показатель рецидива, который находится на уровне более 45%. Проблема рецидива многогранна, но следует признать, что его высокий уровень — это, в том числе, и показатель недоработки, недостаточного внимания общества к вопросам исполнения уголовных наказаний, финансирования, воспитательной работы с осуждёнными, помощи им в социальной адаптации после отбытия наказания. Социум сегодня не выработал социального иммунитета — убеждения о невыгодности совершать преступление, которое повлечёт за собой ограничение прав и свобод. В отношении лиц, повторно совершивших преступления, требуется разработать иные методики по их исправлению. В Российской Федерации наряду с предложениями о необходимости создания службы probation существуют контрпредложения — о создании службы профилактики рецидивной преступности. Сторонники последнего считают, что в условиях российской специфики для предупреждения рецидивной преступности недостаточно одних лишь методов probation, в принципе [9].

Заключение. В УК Республики Беларусь за время его действия внесено значительное число изменений, которые направлены как на реализацию принципа гуманизма и смягчение ответственности, способствуя расширению применения мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества, так и влекущих усиление ответственности (например, за преступления наркотического характера, отмена условно-досрочного освобождения при отбывании наказания в виде ареста). В целом, наметившиеся тенденции свидетельствуют о достаточно эффективной деятельности государства по противодействию преступности. В долгосрочной перспективе актуальны теоретические исследования по разработке обновлённой парадигмы системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения.

Список цитируемых источников

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=256493> (дата обращения: 05.02.2016).
2. Crime statistics / Reported offences [Electronic resource]. URL: <https://www.bra.se/bra/bra-in-english/home/crime-and-statistics/crime-statistics/reported-offences.html> (дата обращения: 05.02.2016).
3. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия / пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой ; предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. М. : РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. 224 с.
4. Боаз Д. Легализация наркотиков, Криминализация, и снижение вреда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cato.org/publications/congressional-testimony/drug-legalization-criminalization-harm-reduction> (дата обращения: 05.02.2016).
5. Официальный портал системы судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: http://www.court.by/justice_RB/statistics/archiv/b626dd43c68be55d.html (дата обращения: 05.02.2016).
6. О назначении судами наказания в виде лишения свободы [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 25 марта 2009 г., № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
7. Шведская преступность [Электронный ресурс]. URL: http://www.bra.se/download/18.9eaaede145606cc86546f/1398774378880/2014_Swedish_Crime_Survey_2013.pdf (дата обращения: 05.02.2016).

8. О Государственной службе пробации [Электронный ресурс] : Закон Латв. Респ., 18 дек. 2003 г. URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=82551> (дата обращения: 05.02.2016).

9. Тюремный портал России [Электронный ресурс]. URL: <http://prisonlife.ru/analitika/696-resocializaciya-osuzhdennyh-sravnitelnyu-analiz-otchestvennogo-i-zarubezhnogo-opyta.html> (дата обращения: 05.02.2016).

УДК 343.811

С. Н. Шипук

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Введение. Уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь как суверенного государства относительно молодое, продолжающее своё развитие и совершенствование.

Прогрессивность отечественного уголовно-исполнительного законодательства, его тенденции соответствия международному праву обеспечивались интеллектуально-профессиональным потенциалом и активной жизненной позицией известных в республике специалистов и учёных в области пенитенциарной системы: Н. Ф. Ахраменка, С. А. Кадушкина, А. А. Николаева, В. Б. Шабанова и др. [1, с. 10].

В настоящее время ситуация в Республике Беларусь характеризуется глобальными преобразованиями в политической, экономической, социальной и других сферах жизни общества. На фоне современного состояния криминогенной обстановки в местах лишения свободы одной из основных задач государства является деятельность по обеспечению безопасности личности и общества, в том числе осуждённых, от преступности во всех её проявлениях.

Обращает на себя внимание тот факт, что сокращение преступности в местах лишения свободы происходит на фоне негативных тенденций в изменении качественного и количественного состава осуждённых, сохранения опасности возникновения кризисных ситуаций и достаточно высокой латентности совершаемых преступлений.

Основная часть. Пенитенциарная система Беларуси находится в ведении Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее — МВД). Его деятельность регламентирована Указом Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268 «О некоторых вопросах органов внутренних дел Республики Беларусь» [2].

Пенитенциарную систему (законодательно именуемую как уголовно-исполнительную систему) Республики Беларусь составляют: 1) Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее — ДИН МВД); 2) управления ДИН МВД; 3) управления ДИН МВД по Минску и Минской области; 4) учреждения, исполняющие наказания в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы, пожизненного заключения, смертной казни, а также меру пресечения в виде заключения под стражу; 5) республиканские унитарные производственные предприятия, подчинённые Департаменту, а также подразделения, созданные в установленном порядке для осуществления задач, возложенных на ДИН МВД.

ДИН МВД является структурным подразделением МВД Республики Беларусь с правами юридического лица, уполномоченным осуществлять функции в сфере исполнения и отбывания наказания, принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях, исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу, актов амнистии и помилования, осуществления розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания [3].

В настоящее время совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС), или её реформирование, рассматривается как процесс оптимизации управленческой структуры ДИН МВД Республики Беларусь на основе тех задач, которые законодательно определены для УИС, в той же системе подчинённости МВД Республики Беларусь и без возложения дополнительных функций [4, с. 84].

В целях оптимизации уголовных наказаний, а также порядка их исполнения, повышения эффективного исправительного и предупредительного воздействия наказаний и иных мер уголовной ответственности Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 утверждена Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (далее — Концепция) [5].

Концепция предусматривает существенную оптимизацию применения мер уголовной ответственности и совершенствование порядка их исполнения с учётом более гибкого подхода к назначению наказаний исходя из складывающейся криминогенной обстановки в Республике Беларусь.

В соответствии с пунктом 16.16 Концепции МВД Республики Беларусь предписывается: 1) повысить эффективность деятельности органов и учреждений УИС, в том числе в целях снижения рецидива

среди лиц, отбывших наказание; 2) проработать вопрос о целесообразности реформирования органов и учреждений УИС, в том числе путём их выведения из системы органов уголовного преследования; 3) оптимизировать условия отбывания наказаний в исправительных учреждениях, порядок социальной адаптации и реабилитации осуждённых, обеспечив их отдельное содержание в исправительных учреждениях в зависимости от этапов исправления и криминально-мотивационных характеристик осуждённых, создать надлежащие условия для обеспечения их полной трудовой занятости.

Одной из основных задач Концепции является совершенствование системы наказаний и иных мер уголовной ответственности в целях обеспечения их соответствия уровню социально-экономического развития государства, криминологической структуре и динамике преступности, социальной адаптации осуждённых [6].

Анализ результатов реализации требований Концепции с момента её принятия позволил сформулировать определённые итоги.

В Беларуси наблюдается устойчивая тенденция снижения уровня преступности за последнее время. Так, по данным МВД Республики Беларусь в 2012 г. значительно уменьшилось число тяжких и особо тяжких преступлений: количество убийств снизилось на 15,2%, умышленных тяжких телесных повреждений — более чем на 12%, изнасилований — на 31%, грабежей — на 12,1%, разбойных нападений — более чем на 28%. Всего в 2012 г. было зарегистрировано более 138 тыс. преступлений. Это почти на 10 тыс. меньше в сравнении с 2011 г.

В период 2010—2014 гг. почти в два раза снизилось количество лиц, в отношении которых органами, ведущими уголовный процесс, применялась мера пресечения в виде заключения под стражу. Одновременно в два раза увеличилось количество лиц, в отношении которых применялась мера пресечения в виде домашнего ареста. Это позволило снизить количество лиц, находящихся в следственных изоляторах, и тем самым объективно улучшить условия нахождения граждан под стражей.

Заслуживает внимания тот факт, что уменьшилось количество лиц, осуждённых к лишению свободы. Применение уголовного наказания в виде ограничения свободы остаётся одним из доминирующих в структуре наказаний преимущественно за счёт назначения ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа [7, с. 31].

Условиями эффективного управления криминогенной ситуацией и недопущения её осложнений является снижение рецидива преступлений сред лиц, отбывающих и отбывших наказание, посредством совершенствования уголовно-исполнительной системы с позиции обеспечения правового положения в целом и такого элемента, как законные интересы осуждённых в частности.

Реализация органами уголовного преследования и судами мероприятий Концепции способствовала снижению численности осуждённых, отбывающих наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы [8].

По состоянию на 1 января 2015 г. численность лиц, содержащихся под стражей, и осуждённых снизилась по сравнению с 1 января 2011 г. более чем на 30%. В 2014 г. количество осуждённых, отбывающих наказание в воспитательных колониях, уменьшилось в два раза по сравнению с 2010 г.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что запланированные Концепцией мероприятия приняты к реализации и осуществляются системно. Вследствие этого представляется целесообразным продолжить работу по реализации требований Концепции, сконцентрировав основное внимание на оптимизации применения меры пресечения в виде заключения под стражу и уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления; сохранении карательного воздействия за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; обеспечении применения наказания в виде лишения свободы в пределах, соответствующих общественной опасности преступлений и личности виновных; снижении уровня преступности, в том числе связанной с уклонением от отбывания наказаний; повышении эффективности исправительного и предупредительного воздействия институтов досрочного освобождения от наказаний.

Список цитируемых источников

1. Сиваков Ю. Л., Шаблинская Д. В. Уголовно-исполнительное право : учеб.-метод. комплекс. Минск : Изд-во МИУ, 2007. 260 с.
2. О некоторых вопросах органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 июня 2004 г., № 268 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 8 июля 2013 г., № 307. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Там же.
4. Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников, Рязань, 5—6 дек. 2013. Рязань : Акад. ФСИН России, 2013. 308 с.
5. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г., № 621. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
6. Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации). С. 85.
7. Правонарушения в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: Е. И. Кухаревич [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. 170 с.
8. Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации). С. 85.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Введение. Сегодня наркомания представляет собой серьёзную проблему для здоровья населения во многих странах, в том числе и в Республике Беларусь. На протяжении последних четырёх лет динамика увеличения количества больных наркоманией в Республике Беларусь составляет около 540 человек в год. По состоянию на 2015 г. на диспансерном и профилактическом учётах в Республике Беларусь состоит около 11 тыс. больных наркоманией [1]. Это указывает на то, что современная традиционная практика борьбы с незаконным оборотом наркотических средств является слабоэффективной и заставляет специалистов (учёных и практиков) задуматься о приоритете различных мер противодействия распространению наркотизма. Среди альтернативных мер борьбы с наркотизмом называют легализацию наркотиков.

Основная часть. В начале XX в. общество осознало серьёзность проблемы массового распространения наркомании, в связи с чем актуальным стал вопрос об установлении контроля за потреблением и распространением наркотических средств.

В этот же период международное сообщество приступило к разработке первых международных конвенций в сфере контроля над наркотиками. Проблемы, которые имеют место при разработке законов о наркотиках, возникают из-за определённых специфических особенностей, связанных с распространением наркотиков в современном обществе.

По мнению Б. П. Максимова, наиболее важными особенностями являются: 1) использование наркотических средств в медицине вследствие отсутствия альтернативы по применению иных эффективных методов обезболивания продолжает пока быть необходимым для облегчения боли и страданий пациентов; 2) вред от наркотиков представляет опасность как для каждого отдельного человека, так для государства и общества в целом; 3) борьба с извлечением преступных доходов из деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, обуславливает необходимость принятия особых правовых мер.

Кроме того, острейшей проблемой по существу является проблема нравственного выбора: в каком обществе мы хотим жить дальше — в обществе, свободном от наркотиков, или в обществе, где наркотики легализованы [2].

Масштабы распространения наркотиков указывают на то, что решение этой проблемы следует относить к категории проблем, связанных с национальной безопасностью страны.

Осуществляя попытку разобраться в плюсах и минусах процесса легализации наркотических средств, мы исходим из того, что легализация — это признание законным всего оборота наркотических средств, включающего культивирование наркотикосодержащих растений, разработку новых наркотиков, их производство, экспорт и импорт, распределение и продажу, а также их потребление физическими лицами. Вместе с тем необходимо ограничивать данное понятие от понятия «декриминализация», которая предполагает исключение уголовной ответственности физических лиц за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ вне связи с тем, легализован или нет оборот наркотиков [3].

Целые десятилетия ведутся споры о легализации наркотиков, и разные страны делают попытки найти оптимальные решения для общества и государства. Рассмотрим опыт некоторых зарубежных стран в этом аспекте. Так, к примеру, в Нидерландах принята особая политика относительно наркотических средств, в основе которой лежат два принципа. Во-первых, в стране была проведена так называемая декриминализация наркотиков, и их потребление стало проблемой общественного здравоохранения, а не преступлением. Во-вторых, в стране проводится чёткое разделение наркотиков на «тяжёлые» и «лёгкие». Легализации наркотиков в Голландии нет, и все они остаются запрещёнными. Однако благодаря разделению наркотиков на два типа, существует разница между наказуемым или ненаказуемым употреблением запрещённых веществ. Процесс постепенной декриминализации наркотиков проходит и в других странах. В Бразилии и Аргентине, например, за последнее десятилетие были введены новые законы, смягчающие наказание за хранение наркотиков для собственного употребления и ужесточены наказания за хранение с целью сбыта. С января 2010 г. в Чехии вступил в силу новый закон о наркотиках, который допускает хранение до 15 г марихуаны и до 1,5 г героина без уголовной ответственности. Это количество значительно превышает принятое в других странах, делая Чехию самой либеральной страной в отношении легализации наркотиков [4].

Мнение общественных деятелей Республики Беларусь по вопросу легализации наркотиков неоднозначно. Так, ряд белорусских деятелей предлагает пойти по примеру стран Запада и декриминализировать

употребление наркотиков, по крайней мере, лёгких. По их мнению, это улучшит криминогенную ситуацию в стране, обезопасит самих наркоманов от употребления некачественных или тяжёлых наркотиков. Их противники сомневаются, что легализация улучшит криминогенную ситуацию и считают, что такое положение приведёт к употреблению наркотиков новыми категориями граждан, которые бы ни в коем случае не пошли на употребление незаконных веществ. В частности, в планах МВД — ввести в стране государственную монополию на поставки мака [5].

Если обратиться к современному периоду, то самым результативным шагом 2015 г. в решении вопроса легализации и декриминализации наркотиков явилась попытка вынести этот вопрос на обсуждение Организации Объединённых Наций (ООН). Предложение об исключении употребления и хранения наркотиков для личного пользования из перечня уголовных преступлений было подготовлено Управлением ООН по наркотикам и преступности. Несмотря на то, что попытка не удалась, вопрос остаётся открытым, тем более что в 2016 г. состоится собрание Генеральной Ассамблеи ООН, посвящённое проблеме наркотиков.

По мнению экспертов Российской Федерации, основными плюсами легализации наркотиков являются: 1) история борьбы с наркоманией демонстрирует безуспешность попыток решить сложные медико-социальные проблемы преимущественно защитительными мерами; 2) цены на наркотики в случае их легализации значительно снизятся, потребители смогут приобретать их по низким, регулируемым государством ценам, отпадёт необходимость для наркоманов заниматься воровством, проституцией, преступностью для зарабатывания денег на наркотики; 3) уменьшение уличной преступности приведёт к меньшей нагрузке на суды, тюрьмы; 4) коррупция в правительственных структурах неизбежно прекратится, исчезнет и влияние наркотиков на проводимую рядом государств внешнюю политику; 5) громадные средства, которые тратятся сегодня на репрессивные меры в целях выполнения законодательства о наркотиках, будут использованы более рационально на профилактику наркомании и лечение лиц, больных наркоманией.

Против легализации наркотиков активно выступают эксперты из правоохранительных органов, политики, учёные, узкие специалисты и общественность, которые приводят следующие основные аргументы: 1) немедицинское потребление наркотиков представляет значительную общественную опасность, носит групповой характер, что предопределяет вовлечение молодёжи в наркотизацию; 2) во многих странах предусмотрена строгая ответственность за употребление наркотиков, и ослабление или снятие контроля над наркотиками в одной стране окажет отрицательное влияние на другие страны; 3) легализация наркотиков вызовет взрыв наркомании, подтолкнёт к их употреблению молодых людей, которые в другой ситуации не стали бы этого делать; 4) с помощью легализации нельзя ограничить явления, способствующие распространению наркомании (нищета, преступность, болезни).

Анализируя и оценивая доводы той и другой стороны, следует отметить, что, безусловно, общественная опасность наркотизма велика и это положение не оспаривалось ни одним специалистом как в нашей стране, так и за рубежом. Необходима разработка и реализация мер, которые могли бы помочь ликвидировать или хотя бы стабилизировать ситуацию с наркотиками в мире в целом и в Республике Беларусь в частности. И, наконец, важным вопросом данного исследования является вопрос о том, какими реальными силами и средствами этого можно достигнуть в ближайшем будущем.

Заключение. Считаем, что существуют убедительные основания полагать, что легализация наркотиков на современном этапе не разрешит имеющиеся проблемы в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а создаст такое количество новых проблем, которое перевесит во много раз существующие, связанные с запретами и подавлением преступности в сфере оборота наркотиков. Легализация наркотиков может спровоцировать увеличение больных СПИДом, обострит такие проблемы, как одиночество и суицидальные наклонности, создаст дополнительные финансовые трудности. Кроме того, повышение доступности запрещённого ранее наркотика при отсутствии ограничений приведёт к потреблению безумных количеств наркотиков, все сферы общественной жизни окажутся затронутыми негативными последствиями поведения людей под воздействием наркотиков. Наше общество не созрело до самостоятельной критической оценки значимости мер регуляции без принуждения.

Список цитируемых источников

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.gov.by> (дата обращения: 26.01.2016).
2. Максимов Б. П. Отсутствие перспективы легализации наркотиков в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.narkotiki.ru/5_3318 (дата обращения: 26.01.2016).
3. Позднякова М. К проблеме легализации наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/72.html> (дата обращения: 26.01.2016).
4. Зарубина Д. Легализация наркотиков: мировой опыт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.furfur.me/furfur/freedom/freedom/215991-что-sdelano-v-mire-dlya-legalizatsii-narkotikov-v-2015-godu> (дата обращения: 26.01.2016).
5. За или против. Легализация лёгких наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <http://telegraf.by/2013/04/za-ili-protiv-legalizatsiya-legkih-narkotikov> (дата обращения: 26.01.2016).

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.1

А. А. Белохвостик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Введение. Прошло чуть больше года с принятия нового для Республики Беларусь механизма досудебного соглашения. Полемика среди учёных, сотрудников правоохранительных органов и граждан о необходимости и эффективности указанного института не утихает.

Принятие Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее — Закон № 241-3) призвано способствовать решению задач уголовной политики Республики Беларусь.

Закон № 241-3 предусматривает комплексный подход при внедрении досудебного соглашения в белорусское законодательство. Внесены дополнения в кодексы Республики Беларусь, регулирующие наложение и исполнение административного и уголовного законодательства. Закон был подготовлен по поручению Президента Республики Беларусь как самый значимый за последние годы, направленный на либерализацию и гуманизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Основной целью внедрения нового механизма является противодействие организованной преступности [1].

Основная часть. Безусловно, принятие института досудебного соглашения в национальном законодательстве основывалось на мировом опыте. В государствах англо-саксонской правовой системы институт сделки о признании вины применяется на практике около двух столетий. Например, в настоящее время сделки соглашения о признании вины в механизме юстиции США занимают доминирующее положение. По некоторым данным, процент уголовных дел, по которым заключаются сделки с правосудием, остаётся неизменно высоким (80—90%). В отдельных источниках ведётся речь о ещё более внушительных цифрах [2].

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве признан и в различных правовых модификациях внедрён в системы уголовного правосудия государств ближнего зарубежья: Грузии, Казахстана, Молдовы, России, Украины, прибалтийских государств [3]. Необходимо отметить, что законодатели Республики Беларусь, сохраняя общие тенденции указанного института, не стали копировать зарубежный опыт, а адаптировали идеи досудебного соглашения к поставленным целям уголовной политики нашего государства.

До внесения изменений в Уголовный кодекс (далее — УК), Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК), Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь подозреваемому или обвиняемому сотрудничать со следствием было зачастую просто не выгодно. При задержании одного из соучастников преступления ему было удобнее взять всю вину на себя и таким образом получить наказание за преступление по части первой статьи Особенной части УК. Если же к уголовной ответственности привлекался сообщник, то применялось уголовное наказание по второй или третьей (если она существовала) части статьи Особенной части УК, санкция за которую была значительно выше.

В настоящее время суд должен определить меру наказания осуждённому в соответствии с предписаниями статьи 361 УПК, являющимися общими для всех уголовных дел. При этом суду надлежит применить и специальные правила назначения наказания лицам, заключившим досудебные соглашения о сотрудничестве, введённые Законом № 241-3.

Так, при выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК Республики Беларусь, а в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряжённого с посягательством на жизнь или здоровье человека, — двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК Республики Беларусь. По зарубежному опыту указанный принцип эффективно работает при борьбе с преступлениями, связанными

с оборотом наркотиков (покупатель имеет стимул «сдать» продавца и т. п.), бандитизмом, торговлей людьми [4].

При этом вышеуказанные правила не применяются в отношении лица, совершившего преступление, за которое соответствующей статьёй Особенной части УК предусмотрено пожизненное заключение или смертная казнь. В этом случае при выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, смертная казнь не применяется. Такому лицу может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или лишения свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК Республики Беларусь [5].

Необходимо добавить, что Конституционный Суд Республики Беларусь в своём решении от 26 декабря 2014 г. № Р-967/2014 посчитал, что введение института досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной, полное и оперативное расследование преступлений, расширение возможностей по возмещению причинённого преступлением вреда или ущерба и обеспечение тем самым охраны конституционных прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц, общественных и государственных интересов и установленного правопорядка от преступных посягательств [6].

В открытых источниках в настоящее время не существует информации о статистике применения досудебного соглашения в Республике Беларусь. Глава 49-1 УПК Республики Беларусь довольно подробно регулирует механизм заключения досудебного соглашения. Однако существуют пробелы, которые не дают заработать данному институту в полную силу. Так, например, инициатива о заключении досудебного соглашения исходит от подозреваемого или обвиняемого, должна быть оформлена письменно в виде ходатайства на имя прокурора, подписываемого подозреваемым (обвиняемым), его защитником, а в случае, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним, — также его законным представителем. Но в УПК не оговорено, может ли подозреваемый (обвиняемый) самостоятельно обратиться с таким ходатайством к прокурору, не согласовав его с защитником и законным представителем. В законе не оговаривается, как поступить прокурору или его заместителю в случае несоблюдения приведённых правил и получения ими ходатайства, не подписанного защитником и (или) законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Представляется, что при получении ходатайства, поданного с нарушением приведённых правил, прокурор или его заместитель обязаны оставить такое ходатайство без движения и письменно предложить подозреваемому (обвиняемому) привести его в соответствие с требованиями, предъявляемыми к нему законом. Или, например, в законе не оговаривается, обязан ли прокурор решение об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения оформлять в виде постановления (согласно части третьей статьи 468-6 УПК решение об отказе в удовлетворении такого ходатайства оформляется постановлением). Полагаем, что и положительное решение по ходатайству подозреваемого (обвиняемого) прокурору или его заместителю надлежит отразить в постановлении. Представляется, что более удачно этот вопрос решён в статье 317.2 УПК Российской Федерации (положительное и отрицательное решение по ходатайству принимается прокурором в виде постановления) [7].

Нельзя забывать и то, что в связи с введением института досудебного соглашения остаётся открытым вопрос о возможной коррупционной составляющей. Существует возможность оговора других лиц в целях смягчения наказания.

Для предотвращения подобных явлений представляется необходимым подключение к указанному механизму деятельности соответствующих оперативных органов. Кроме того, требуется введение норм, ужесточающих уголовную ответственность за оговор других лиц в целях заключения досудебного соглашения.

Заключение. За год существования института досудебного соглашения трудно делать какие-либо выводы. Как показывает практика, возникновение определённых недостатков при создании принципиально новых институтов правоотношений на первом этапе неизбежно. На сегодняшнем этапе стоит вопрос об объективном мониторинге и грамотном независимом анализе. Существующая система правотворчества в области уголовной политики нашего государства непременно должна поэтапно исправить возможные недостатки и отрегулировать систему новых правоотношений.

Список цитируемых источников

1. Шидловский А. Сравнительно-правовая практика смягчения наказания при выполнении обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве // Юстиция Беларуси. 2015. № 11. С. 37—40.
2. Тисей О. Н. Препятствия для рассмотрения уголовного дела в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве в особом порядке судебного разбирательства // Уголов. право. 2014. № 4. С. 99—103.
3. Там же.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=10521&p0=13.01.2015&p1=13.01.2015> (дата обращения: 10.01.2016).

6. Там же.
7. Лукашев А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как междисциплинарный правовой институт // Юрид. мир. 2015. № 4. С. 35—44.

УДК 343.13

А. В. Василевский

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Введение. С января 2015 г. в Республике Беларусь действует процессуально-правовой институт, регламентирующий новую форму взаимодействия подозреваемого (обвиняемого) с правоохранительными органами — досудебное соглашение о сотрудничестве. Введение данного института в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной, полное и оперативное расследование преступлений, расширение возможностей по возмещению причинённого преступлением вреда [1]. В то же время введение в национальное публичное право подобного института способствует дальнейшему развитию восстановительного правосудия, целью которого является восстановление социальной справедливости, исправление лица, совершившего преступление, а также предупреждение совершения новых преступлений как уже осуждённым, так и другими лицами.

Основная часть. Процессуально-правовые институты заключения различного рода досудебных соглашений существуют во многих государствах мира. К примеру, в США признание вины является основным элементом уголовного судопроизводства: в обмен на признание своей виновности преследуемое лицо ведёт переговоры с прокурором о смягчении меры наказания; судья в обмен на признание обвиняемым своей вины может отменить некоторые требования обвинения либо переквалифицировать преступление на менее тяжкое. В Канаде обвинения зачастую пересматриваются после предварительного признания вины, которое принимает форму переговоров. В Великобритании признание вины происходит довольно часто и влечёт в большинстве случаев снижение наказания [2].

Следует отличать досудебное соглашение о сотрудничестве, применяемое в национальном законодательстве, от приведённых примеров зарубежных форм сотрудничества, характерных, как правило, для государств англо-саксонской системы права. Сутью вышеприведённых соглашений является условие о том, что в случае признания подозреваемым (обвиняемым) своей вины, правоохранительная система откажется от части обвинения, переквалифицируя его на менее тяжкое, либо же в ходе судебного заседания будет удовлетворено ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о смягчении наказания. Более того, признание вины в подобного рода соглашениях подозреваемым (обвиняемым) влечёт пропуск такой немаловажной процессуальной деятельности, как доказывание обвинения и, по сути, поиск истины по делу, роль суда при этом сводится лишь к фактическому удостоверению условий соглашения. Признание вины наряду с упрощением порядка производства по делу являются главными целями сделки с правосудием. Подобный подход обусловлен искомым характером уголовного процесса западных государств и устоявшейся там концепцией обвинения как уголовного иска, которым прокурор может распоряжаться по своему усмотрению [3].

Вариант досудебного соглашения о сотрудничестве, применяемый в Республике Беларусь, существенно отличается от зарубежных форм сотрудничества. Предметом данного соглашения является исключительно обязанность подозреваемого (обвиняемого) оказать помощь в раскрытии и расследовании преступлений, и лишь при выполнении данного условия гарантируется смягчение наказания в границах, определяемых законодательством. В отличие от рассмотренной выше зарубежной практики вопросы о виновности, доказывании обвинения соглашением никоим образом не предreshаются и подлежат дополнительному выяснению.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в некоторой части схоже с деятельным раскаянием подозреваемого (обвиняемого). Однако при схожести данных институтов досудебное соглашение о сотрудничестве имеет ряд преимущественных отличий: между сторонами уголовного процесса заключается договор, в котором определены конкретные условия и, что важно, гарантии для сторон. Так, определяется объём обязательств подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному расследованию, гарантируется наступление благоприятных последствий в случае их исполнения.

Рассмотрев отчасти зарубежный опыт и некоторые особенности национального регулирования, как нам представляется, следует также обратить особое внимание на законодательное урегулирование

данного института в национальном праве некоторых стран СНГ в виду схожести историко-правового развития государств после распада СССР.

Так, в Российской Федерации институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введён Федеральным законом Российской Федерации от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Согласно пункту 61 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации под досудебным соглашением о сотрудничестве понимается соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения [4]. Опыт российских коллег в урегулировании рассматриваемого нами института взаимоотношения подозреваемого (обвиняемого) с правоохранительной системой является, по мнению ряда авторов, среди которых, в частности, можно выделить А. И. Лукашова, примечательным для Республики Беларусь, так как новеллы национального права, по его мнению, базируются непосредственно на проверенных практикой нормах российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим полагаем целесообразным обратиться к мнению российских коллег. Так, российскими авторами, в частности А. С. Шаталовым, отмечается, что указанный правовой институт предназначен для эффективного раскрытия и расследования заказных убийств, фактов бандитизма, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и различных коррупционных проявлений. Фактически он предоставляет правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству со следствием лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, на условиях значительного сокращения им срока уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты, предусмотренных законодательством для потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [5].

В Республике Казахстан законодатель пошёл по отличному от российских и белорусских коллег пути правового урегулирования рассматриваемого нами круга общественных отношений. Раздел 13 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан предусматривает две формы процессуального соглашения: сделка о признании вины, применяемая в основном в странах англо-саксонской системы права и обладающая определёнными характерными для неё свойствами, описанными отчасти нами выше, и соглашение о сотрудничестве, схожее с применяемым в Республике Беларусь и в Российской Федерации [6]. Это досудебное соглашение о сотрудничестве обладает определёнными особенностями, к примеру, оно может быть заключено на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

В Украине, согласно статье 468 Уголовно-процессуального кодекса Украины, возможно заключение соглашения между прокурором и подозреваемым (обвиняемым) о признании вины, содержание которого раскрывается в статье 472, и схоже с рассматриваемым нами досудебным соглашением, применяемым в Республике Беларусь [7].

Заключение. Проанализировав различные подходы относительно соглашений о сотрудничестве в уголовном процессе зарубежных стран, а также национальное законодательство, регулирующие данную сферу общественных отношений, мы пришли к определённым выводам. Сегодня, несмотря на все успехи правоохранительных органов, государство не может в полной мере эффективно противодействовать преступности, полагаясь лишь на активность правоохранительных органов. Введение в ряде стран института досудебного соглашения о сотрудничестве как раз и должно способствовать положительному посткриминальному поведению преследуемых в уголовном порядке лиц, предлагая им иные правовые стимулы для оказания содействия правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступных деяний. При этом досудебное соглашение о сотрудничестве следует рассматривать как сделку, каждая из сторон которой имеет свои цели и интересы. Так, целью подозреваемого (обвиняемого) является получение минимально возможного наказания взамен предоставленной значимой для правоохранительных органов информации, в то время как интересом стороны обвинения является расследование преступления в целях восстановления социальной справедливости в обществе.

Список цитируемых источников

1. Воронович Т. В. Правовая регламентация заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Климович Ю. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве: сущность и правовые проблемы реализации. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Шаталов А. С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журн. рос. права. 2010. № 5.
4. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2016).
5. Шаталов А. С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки/
6. Параграф информационные системы [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 12.02.2016).
7. Национальный Интернет-портал Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua> (дата обращения: 12.02.2016).

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЁТОВ

Введение. Одной из задач органов внутренних дел является обеспечение защиты конституционных прав граждан, их жизни, здоровья и собственности, общественных и государственных интересов от преступных посягательств.

При раскрытии и предупреждении преступлений особую роль играет уровень информационного обеспечения криминалистически значимой информацией о деянии, лицах, следах, предметах и т. д. Оперативное получение таких сведений во многом зависит от эффективного использования криминалистических учётов различных объектов, попадающих в сферу деятельности правоохранительных органов. Криминалистический учёт является одним из перспективных направлений теоретических и прикладных разработок в криминалистике, который даёт необходимое и достаточное информационное обеспечение процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [1].

Основная часть. Каждое явление имеет определённую закономерность в своём развитии и становлении, формируется исходя из некоторых предпосылок. Так и развитие криминалистических учётов происходило на протяжении долгого времени наряду с преобразованием государства, научно-техническим прогрессом и изменением общественного сознания.

История формирования системы криминалистических учётов показывает, что их возникновение диктовалось потребностями практики в борьбе с преступностью, развитием и внедрением в жизнь определённых научных открытий и основанных на них технологий. Криминалистические учёты в своём развитии прошли путь от примитивной варварской регистрации преступников в виде клеймения до способов учёта, основанных на передовых достижениях науки и техники.

Криминалистическая регистрация имеет давнюю историю и берёт своё начало из глубокой древности. Сформировалась она поначалу в качестве уголовной регистрации, т. е. учёта лиц, подвергшихся уголовному преследованию. В Древней Греции, Англии, Франции, Германии и других государствах сложилась практика ведения регистрации преступников в виде клеймения, татуирования, увечья, членовредительских наказаний и др.

В XVI в. самым распространённым и жестоко наказуемым преступлением являлась кража. В Великом княжестве Литовском за кражу, в зависимости от стоимости похищенного имущества, предусматривалась ответственность от денежной компенсации до смертной казни. В случае невозможности денежной компенсации вору отрезали ухо (статья 4 раздела XIV Статута 1566 г.). Указанные действия являлись прообразом криминалистической регистрации. Членовредительство как способ регистрации, о котором идёт речь в Статутах Великого княжества Литовского, выполняло функции наказания и опознания. Повторная, даже незначительная кража, влекла за собой смертную казнь. Факт повторности устанавливался не только по наличию отрезанного уха, но и на основе записей в судебных книгах, производимых уполномоченными должностными лицами (возны, виж, судьи), что также показывает на существование письменной регистрации преступлений. В статье 11 раздела XI Статута 1566 г. объектом регистрации является высказанная угроза («похвалка»). Сторона, которой адресовалась угроза, в государственном учреждении озвучивала её содержание, и там же производилась письменная запись (регистрация) угрозы [2].

Кроме клеймения практиковалось описание преступников по признакам внешности. Самым старым документом такого рода является описание беглого раба, относящееся к XIV в. В течение некоторого времени вышеперечисленные способы регистрации не менялись. С середины XVIII в. закрепляется систематическая письменная регистрация преступников. Тогда же начали регистрировать преступников по способу совершения преступных посягательств [3, с. 65].

На этом методы и способы криминалистического учёта не остановили своего развития. Предлагались системы учёта преступников по почерку, по рисунку вен на тыльных частях кистей рук, на внутренней поверхности предплечья и на лбу (веноскопия), по измерениям роговой и сетчатой оболочек глаза (ретиноскопия), по состоянию зубов (одонтометрия), по длине складок на ладонной поверхности, по отпечаткам ступней, ладоней и др. Но они не нашли широкого практического применения из-за несовершенства и повышенной сложности.

С изобретением фотографии и расширением сферы её применения преступников стали фотографировать. С накоплением снимков стали заводить специальные альбомы, располагая фотографии по фамилиям в алфавитном порядке.

Первой детальной системой криминалистического учёта следует назвать систему, разработанную в 1879 г. А. Бертильоном и введённую во Франции в 1888 г. Он опирался на данные антропометрической статистики и считал, что нет двух людей, размеры частей тела которых совпадали бы, и что длина костей человека практически не изменяется с определённого возраста. А. Бертильон предложил производить 11 измерений тела и результаты заносить в регистрационную карту специальной формы. Комплекс результатов этих измерений служил средством идентификации личности. В дальнейшем А. Бертильоном стали совершенствоваться способы описания примет и фотографирования преступников. В 1895 г. он предложил систему описания примет, которую назвал «словесный портрет». Следующим важным этапом в истории криминалистических учётов является дактилоскопия. Автором научной системы учёта правонарушителей по отпечаткам ногтевых фаланг пальцев считается Ф. Гальтон, издавший в 1892 г. книгу «Отпечатки пальцев». В ней изложил результаты своих исследований постоянства папиллярных узоров, их индивидуальности, виды отпечатков [4].

Следующим этапом систематизации криминалистического учёта стала введённая в Англии в 1895 г. комбинированная система учёта, включавшая дактилоскопирование, антропометрию, фотографирование и описание особых примет [5, с. 198].

История советского криминалистического учёта мало исследована. Она тесно связана со становлением органов советской милиции и уголовного розыска. После принятия положения об организации уголовно-розыскных подразделений в органах внутренних дел Центральное управление уголовного розыска взялось за практическое налаживание дактилоскопической и фотографической регистрации преступников. В 1919 г. введена регистрация судимости, создано Регистрационное и дактилоскопическое бюро, которое вскоре трансформировалось в Центральное регистрационно-дактилоскопическое бюро. На территории РСФСР была внедрена единая централизованная система регистрации преступников (дактилоскопическая) и обязательное фотографирование. Широко использовалась также пофамильная регистрация преступников.

Большой вклад в развитие криминалистических учётов внёс С. М. Потапов. Он говорил о необходимости регистрации как нераскрытых преступлений с указанием индивидуальных признаков каждого из них, так и преступников, имеющих определённый «профессиональный почерк». С помощью этого в 1935 г. был изменён порядок ведения регистрационных материалов. Если раньше основанием для постановки на учёт служило следственное дело, то теперь — факт задержания, ареста, осуждения. Регистрацию стали вести «не от дела, а от человека» [6, с. 98].

На этом этапе развития криминалистического учёта можно сделать вывод, что более прогрессивными способами фиксации преступников стали их письменная регистрация и применение фотографии для учёта преступников.

Современный этап борьбы с преступностью характеризуется эффективным использованием автоматизированных систем криминалистического учёта. Степень положительного результата правоохранительной деятельности находится в прямой зависимости от целенаправленного и правильного использования информационных систем, банки данных которых охватывают все категории сведений, необходимых в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [7, с. 156].

С появлением новых технологий актуальным становится применение криминалистических методов идентификации, которые основаны на биометрии. В качестве идентифицируемых признаков применяется сканирование сетчатки глаза, отпечатков пальцев, распознавание человека по голосу, почерку, печати на клавиатуре. В правоохранительных органах существует единый государственный банк данных о правонарушениях, где содержится вся необходимая информация о самом преступлении и лице, его совершившего. Сегодня информация, хранимая в криминалистических учётах, широко используется в процессе раскрытия и расследования преступлений, приобретая доказательственный аспект.

Заключение. Анализ исторического опыта по организации и становлению системы регистрации позволяет сделать вывод, что способы криминалистического учёта преступлений, а также лиц, их совершивших, на протяжении многих столетий постоянно развивались и совершенствовались. Можно условно выделить следующие этапы криминалистической регистрации преступников: а) клеймение; б) записи в судебных книгах; в) описание по признакам внешности; г) криминалистическая фотосъёмка; д) бертильонаж; е) дактилоскопирование; ж) автоматизированные криминалистические учёты; з) геномный учёт. На современном этапе криминалистические учёты постоянно совершенствуются.

Список цитируемых источников

1. История развития криминалистических учётов [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/voprosy-teorii-i-praktiki-povysheniya-effektivnosti-ispolzovaniya-kriminalisticheskikh-uchetov-v-raskrytii-rassledovanii-i#ixzz3zqnWATgW> (дата обращения: 03.02.2016).
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1831> (дата обращения: 20.02.2016).
3. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С. Криминалистика: учеб. пособие. Минск : Амалфея, 2008. 564 с.
4. Там же. С. 78.
5. Криминалистические учёты: учеб. пособие / под ред. А. П. Пацкевич. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2000. 103 с.
6. Белкин Р. С., Винберг А. И. История советской криминалистики. Минск : Выш. шк., 1982. 243 с.
7. Меретуков Г. М., Данильян С. А. Уголовная регистрация. Краснодар, 1995. 356 с.

В. Н. Ельцов,

кандидат юридических наук

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЁННОЙ ФОРМЕ: ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ НАДЕЖДЫ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ

Введение. Федеральным законом от 4 марта 2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введён сокращённый порядок производства дознания, который может согласно новой главе 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) применяться дознавателем, когда причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения и им не оспариваются установленные обстоятельства содеянного.

Законодателем при принятии указанных нормативных актов предполагалось, что производство дознания в сокращённой форме позволит исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, а также достичь существенной процессуальной экономии.

Основная часть. В настоящее время полномочия по применению сокращённого порядка производства дознания активно применяются органами предварительного расследования. В соответствии со сведениями информационного письма Генеральной прокуратуры РФ за первое полугодие 2015 г. только органами дознания Министерства внутренних дел по итогам расследования в сокращённой форме в суд направлено 20 373 уголовных дела (за аналогичный период прошлого года — 10 617 дел), причём в Республике Мордовия они составили 61,8% от общего числа направленных в суд органами дознания, в Ростовской области — 58,5%, Чукотском автономном округе — 49,3%, Республике Крым — 45,2%.

Действующий УПК РФ в соответствии со статьёй 226.5 УПК РФ предусматривает, что дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, невыполнение которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств. При этом дознаватель при производстве дознания в сокращённой форме вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены сторонами, не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, не назначать судебную экспертизу, за исключением случаев, когда имеются основания для обязательного её назначения согласно статье 196 УПК РФ.

Однако несмотря на кажущиеся (согласно тексту закона) очевидными преимущества указанной формы, в том числе и для органов дознания, сокращённая форма дознания в настоящее время подвергается аргументированной критике не только в юридической литературе, но и в правоприменительной практике. Основными причинами являются как широкие полномочия надзирающих прокуроров по возвращению уголовных дел дознавателю в порядке (пункт 3 части первой статьи 226.8 УПК РФ), так и неограниченные полномочия судов по возвращению таких дел для производства дознания в общем порядке (часть третья статьи 226.3, часть четвёртая статьи 226.9 УПК РФ).

Так, в соответствии с подпунктом «в» пункта 3 части первой статьи 226.8 УПК РФ уголовное дело может быть направлено прокурором дознавателю для производства дознания в общем порядке в случаях, если собранных доказательств в совокупности, по мнению прокурора, будет недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причинённого им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления. Поэтому дознаватели нередко стремятся собирать доказательства в максимально полном объёме, как при производстве дознания в общем порядке. Однако в этом случае теряют актуальность и необходимость применения положения главы 32.1 УПК РФ.

Для правильного разрешения каждого уголовного дела законодатель устанавливает предмет доказывания (статья 73 УПК), который включает в себя имеющие значение для конкретного дела обстоятельства. Доказыванию подлежат обстоятельства, указанные в пунктах 1—8 части первой статьи 73 УПК. Однако для сокращённого дознания законодатель по смыслу главы 32.1 УПК РФ устанавливает усечённый предмет доказывания, ограничиваясь необходимостью доказывания только тех обстоятельств, которые позволят дознавателю сделать обоснованный вывод о том, что преступление совершено подозреваемым (часть первая статьи 226.5 УПК). По мнению законодателя, указанная цель может быть достигнута посредством производства следственных и иных процессуальных действий, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату «следов преступления или иных доказательств», поэтому обязывает дознавателя произвести их (часть вторая статьи 226.5 УПК).

Речь идёт о неотложных следственных действиях, таких как осмотр места происшествия, обыск, выемка, освидетельствование и др.

Проведение дознавателем необходимых следственных действий и получение достаточных доказательств должны позволить завершить расследование и составить обвинительное постановление (часть первая статьи 226.7 УПК). Однако согласно требованиям УПК РФ обвинительное постановление помимо указания на названные выше обстоятельства, содержащиеся в пунктах 1, 2, 4 статьи 73 УПК, должно содержать указание и на другие обстоятельства, перечисленные в статье 73 (пункты 1—8 части первой статьи 225 УПК), в том числе мотив, цель и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Следовательно, фактически действующий закон обязывает дознавателя устанавливать и иные обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, иначе несоответствие обвинительного постановления предъявляемым требованиям части первой статьи 226.7 УПК неизбежно повлечёт негативные для дознавателя последствия в виде возвращения уголовного дела прокурором для пересоставления обвинительного постановления. В каждом конкретном случае дознавателю следует самому определять, какие это обстоятельства. В связи с этим вряд ли следует рассматривать предмет доказывания при сокращённом дознании как усечённый.

Таким образом, об особенностях доказывания при производстве дознания в сокращённой форме говорить не приходится, поскольку речь здесь идёт об обычном дознании (дознании в общем порядке) с тем лишь отличием, что дознаватель обязывается максимально сокращать сроки дознания.

Всё изложенное свидетельствует о том, что правила главы 32.1 УПК РФ сами по себе оказались не способны сокращать и ускорять дознание по всем уголовным делам подследственными органами дознания и вряд ли позволяют исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, а также необоснованное затягивание сроков досудебного производства. Более того, порой они приводят к проведению дознания в общем порядке, что следует в том числе и из текста уголовно-процессуального закона (части шестая и девятая статьи 226.7 УПК), либо к необоснованно длительному рассмотрению уголовного дела судом.

Так, прокурором Советского района г. Тамбова в порядке статьи 226.8 УПК РФ в суд для рассмотрения по существу было направлено уголовное дело по части третьей статьи 30, части первой статьи 158 УК РФ по обвинению гражданки К., пытавшейся в июле 2015 г. похитить из гипермаркета ряд продуктов питания. Суд первой инстанции, не исследуя доказательства, как в этом случае и предписывает уголовно-процессуальное законодательство, с учётом обстоятельств содеянного, несмотря на полное признание подсудимой своей вины, пришёл к выводу о малозначительности совершённого деяния и прекратил на этом основании уголовное дело, фактически сделав вывод об отсутствии в деянии состава преступления ввиду крайне малой общественной опасности содеянного. Впоследствии по апелляционному представлению прокурора судом вышестоящей инстанции указанное решение было отменено как незаконное, дело возвращено на новое рассмотрение, и только в декабре прошлого года был вынесен обвинительный приговор, который вступил в законную силу. Общий срок судебного рассмотрения уголовного дела, не представляющего никакой сложности, составил почти четыре месяца.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству источником сведений, содержащихся в объяснении, являются иные документы. Иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (пункт 6 части второй статьи 74 и статья 84 УПК). Таким образом, объяснение может признаваться в качестве доказательства как иной документ.

Наконец, по поступившему в суд для рассмотрения по существу уголовному делу с применением особого порядка судебного разбирательства при поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке (часть третья статьи 226.3 УПК РФ).

Получается, что суд в любой момент рассмотрения уголовного дела по любому ходатайству сторон, пусть даже необоснованному и немотивированному, обязан такое ходатайство удовлетворить, а уголовное дело вернуть прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ для организации производства дознания в общем порядке. Помимо существенного увеличения общего срока дознания, влияющего в том числе и на соблюдение прав потерпевших от преступления, такое положение закона влечёт негативные последствия как для прокурора, утвердившего обвинительное постановление, так и для дознавателя.

Заключение. С учётом изложенного выше введение в уголовный процесс сокращённой формы дознания в существующем виде наряду с дознанием в общем порядке, на наш взгляд, было преждевременным, что подтверждается практикой её применения. Основными причинами этого являются недостатки в регламентации данной формы и поспешность её введения в уголовный процесс. Предполагается, что дознание как упрощённая и ускоренная форма расследования должна быть единой. Необходимо упростить производство дознания в общем порядке, одновременно упразднив дознание в сокращённой форме. В связи с этим требуется внести соответствующие изменения в УПК РФ, устраняющие вышеуказанные недостатки.

ЗНАЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Введение. В современном мире с каждым годом возрастает количество нераскрытых преступлений прошлых лет. Расследование преступлений имеет целью достижение социальной справедливости, наказание преступника и возмещение вреда, причинённого преступлением.

Психологически человек, который переступил черту, меняется не в лучшую сторону, а избегание наказания по любой причине, в том числе в связи с нераскрытием преступления, воспитывает чувство вседозволенности у преступника.

В процессе данного исследования изучался вопрос о необходимости расследования нераскрытых преступлений прошлых лет.

Основная часть. Согласно части первой статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) [1] задачами уголовного процесса являются защита личности, её прав и свобод, интересов общества и государства путём быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечён к уголовной ответственности и осуждён.

Таким образом, на законодательном уровне в Республике Беларусь закреплено положение о том, что каждое совершённое преступление должно быть выявлено, всесторонне изучено, расследовано и раскрыто, чтобы каждое лицо, которое его совершило, было привлечено к уголовной ответственности и подвергнуто справедливому наказанию.

Существующие данные об эффективности правоохранительной деятельности указывают на то, что многие преступления, в частности те, очевидцев которых невозможно найти, остаются нераскрытыми, а установление лица, их совершившего, происходит спустя долгий промежуток времени, чаще всего при продолжении лицом, совершившим преступление, преступной деятельности.

Понятия «раскрытое преступление» и «нераскрытое преступление» в законодательстве Республики Беларусь не закреплены. Представляется, что под нераскрытым преступлением следует понимать совершённое и зарегистрированное в установленном УПК порядке в прошлые годы общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом, предварительное следствие по которому приостановлено в порядке, предусмотренном части первой статьи 246 УПК, и по которому не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Расследование преступления является основной функцией органов уголовного преследования: органов дознания, предварительного следствия, прокурора. На практике встречаются случаи, когда преступление не может быть раскрыто. Это происходит по разным причинам: 1) следователь может упустить из вида какие-либо детали, необходимые для раскрытия преступления; 2) нежелание свидетелей или потерпевших сказать известную только им информацию, утаивание сведений о месте нахождения орудий, средств совершения преступления, данных о лице, совершившем данное преступление; 3) нежелание проверки органом уголовного преследования самой невероятной версии, которая может привести к положительному результату; 4) невозможность идентификации лица, совершившего преступление.

Данные причины являются основанием, препятствующим продолжению предварительного следствия, в результате чего следователь приостанавливает предварительное следствие по уголовному делу.

Неустановление органами дознания и предварительного следствия лица, совершившего преступление, является основной причиной приостановления предварительного следствия. Согласно пункту 1 части первой статьи 246 УПК основанием приостановления предварительного следствия является неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [2].

Кроме того, возможны случаи, когда лицо, совершившее общественно опасное деяние, установлено, однако скрылось от органа уголовного преследования, или когда местонахождение такого лица невозможно установить, что также является основанием для приостановления предварительного следствия согласно пункту 2 части первой статьи 246 УПК.

В соответствии с частью второй статьи 246 УПК о приостановлении предварительного следствия следователь выносит мотивированное постановление, копию которого направляет прокурору. Если же преступление не будет раскрыто до истечения срока давности привлечения к уголовной

ответственности, предусмотренной частью первой статьи 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) [3], то производство по такому уголовному делу подлежит прекращению в соответствии с частью первой статьи 246 УПК.

В настоящее время существуют отдельные подразделения и отделы органов внутренних дел Республики Беларусь, которые совместно с прокуратурой Республики Беларусь и подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь пересматривают материалы нераскрытых преступлений прошлых лет, проводят комплекс следственных, оперативно-розыскных, поисковых и организационных мероприятий по сбору и анализу информации о нераскрытом преступлении и раскрывают его.

Переходя к вопросу о значении расследования преступлений прошлых лет, необходимо обратить внимание на результативность деятельности вышеуказанных органов и подразделений по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет.

По нашему мнению, необходимость через некоторое время вновь расследовать нераскрытые уголовные дела прошлых лет имеет под собой некоторые причины. Допрашиваемые непосредственно после совершения преступления лица могут не предоставить именно те сведения, которые помогут органам уголовного преследования выявить лицо, совершившее преступление.

Непосредственно после совершения преступления возможны тесные и дружеские отношения между этими лицами и лицом, совершившим преступление, либо поступление угроз в адрес потерпевшего, свидетелей в целях принуждения их к утаиванию необходимой для предварительного следствия информации.

По истечении определённого времени потерпевший, свидетели и другие участники уголовного процесса переосмысливают своё поведение, отношение друг к другу и совершённое преступление. Взаимоотношения, которые существовали в момент совершения преступления, через некоторое время меняются, и если раньше участники процесса не могли рассказать какую-либо известную им информацию, имеющую отношение к обстоятельствам преступления, то сегодня они могут это сделать.

Кроме того, полагаем, что расследование нераскрытых преступлений прошлых лет должно производиться другим следователем, не тем, который изначально производил предварительное следствие. Данное мнение имеет под собой основания, поскольку следователь, который уже ранее производил предварительное расследование, может не заметить в материалах уголовного дела самые незначительные обстоятельства, которые помогут раскрыть преступление.

Считаем, что необходимость анализа материалов нераскрытых уголовных дел обоснована принципами уголовной ответственности, в частности, принципами законности, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности. Так, согласно части первой статьи 3 УК каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных УК Республики Беларусь.

Необходимо также указать, что деятельность по анализу материалов нераскрытых уголовных дел должна производиться во всех управлениях и отделах Следственного комитета Республики Беларусь, в том числе районных и межрайонных отделах, органах государственной безопасности Республики Беларусь, органах дознания. Предполагаем, что для анализа преступлений прошлых лет необходимо выделять отдельных сотрудников управлений и отделов Следственного комитета Республики Беларусь, органов государственной безопасности Республики Беларусь с освобождением (или частичным освобождением) их от основной работы.

Деятельность по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет имеет особую методику и тактику расследования. В частности, необходимо указать на наличие некоторых данных об обстоятельствах преступления: потерпевшем, орудии, способе, средстве, месте, времени совершения преступления, свидетелях, очевидцах преступления, собранных по делу доказательствах. При расследовании нераскрытого преступления ранее отработывались определённые версии, проводились следственные и оперативно-розыскные мероприятия.

В то же время раскрытие и расследование преступлений прошлых лет осложняется давностью совершения преступления, что зачастую делает невозможным получение и закрепление новых доказательств, осуществление определённых следственных мероприятий.

Заключение. Расследование преступления прошлых лет играет большую роль, поскольку позволяет ещё раз проанализировать все материалы уголовного дела, увидеть возможные ошибки следователя, расследовавшего уголовное дело, а также помогает выявить незначительные детали в материалах уголовного дела, которые могут помочь в раскрытии преступления. Деятельности по анализу материалов нераскрытых уголовных дел должно уделяться больше времени и внимания. Предлагаем для этой работы выделять отдельных сотрудников следственных органов с освобождением (или частичным освобождением) их от расследования текущих дел.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

2. Там же.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

УДК 343.132(575.2)

З. А. Куланбаева

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет», Бишкек, Кыргызская Республика

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Введение. Прежде чем говорить о проблемах уголовно-процессуального познания в стадии возбуждения уголовного дела, необходимо определиться с терминологической основой данного вопроса. Так, требует уяснения содержание понятий «уголовно-процессуальное познание» и «доказывание», каково соотношение этих понятий: тождественны ли они либо соотносятся как «общее» и «частное», и если так, то каково содержание и особенность каждого из них; осуществляется ли доказывание на стадии возбуждения уголовного дела, либо можно говорить только о познавательном процессе.

Данный вопрос имеет большое значение для науки уголовного процесса, так как доказывание — это стержень уголовного процесса [1, с. 11], в силу чего существует большое множество мнений по данной проблеме.

Основная часть. Уголовно-процессуальное познание формируется путём приобретения знаний непроцессуальными способами, которые существуют за рамками уголовного судопроизводства, тогда как доказывание возможно только приёмами, предусмотренными уголовно-процессуальным законом, т. е. познание может быть основано на любых данных, доказывание же — только на данных, полученных из процессуальных источников. Познание, исследование есть деятельность «для себя», тогда как доказывание всегда предполагает конкретного адресата, в качестве которого в уголовном процессе выступает суд. Чтобы доказывать, необходимо, прежде всего, удостовериться в истинности знаний, полученных в ходе расследования, т. е. они должны принять характер внутреннего убеждения, и, далее, сформулировать собственное убеждение в форме обвинительного тезиса, т. е. вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Иными словами, познание предшествует доказыванию обвинения [2, с. 25].

Статья 82 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее — УПК КР) определяет перечень фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию, иначе говоря предмет доказывания по уголовному делу, и использует следующее выражение: «По уголовному делу подлежат доказыванию...». Исходя из данной формулировки, доказывание возможно только на следующих после возбуждения уголовного дела стадиях, так как говорить об уголовном деле в стадии возбуждения уголовного дела мы не можем. Однако для принятия решения по поступившему поводу для возбуждения уголовного дела необходимо произвести проверку указанных в повODE обстоятельств предполагаемого преступления, т. е. найти им подтверждение, наличие и достаточность которого и будет основанием для возбуждения уголовного дела. И как раз определению этой деятельности подходит понятие «уголовно-процессуальное познание».

Процесс доказывания в своём классическом виде, который перенял и отечественный законодатель, состоит из таких этапов, как собирание, проверка и оценка доказательств.

Часть вторая статьи 91 УПК КР устанавливает, что собирание доказательств производится в процессе следствия и судебного разбирательства дела путём допросов, очных ставок, предъявления для опознания, выемок, обысков и осмотров, экспериментов, производства ревизий, экспертиз, истребования документов и других следственных, оперативно-розыскных и судебных действий, предусмотренных законом. И опять законодатель даёт чётко понять, что доказывание осуществляется только на стадии следствия и судебных стадиях, выводя за рамки стадию возбуждения уголовного дела, что является ещё одним подтверждением мнения об отсутствии такой процессуальной деятельности, как доказывание в начале уголовного процесса. Также в этой норме можно найти законодательное подтверждение выделению такого признака доказывания, как получение знаний процессуальными способами, в статье перечисляются все приёмы. Использование этих способов на стадии возбуждения уголовного дела сильно ограничено, к тому же существуют свои приёмы получения данных, что даёт возможность сделать вывод о том, что на этом этапе осуществляется именно познание.

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела не требуется достоверно устанавливать наличие признаков преступления, и вывод соответствующего должностного лица о наличии признаков деяния может быть предположительным, иначе вероятностным [3, с. 18]. Выводы же в результате доказывания вероятностными быть не должны, тогда как уголовно-процессуальное познание такие выводы допускает и в целом на них и строится. Следовательно, на начальном этапе уголовного процесса осуществляется только познание, но не доказывание.

Одним из необходимых условий возбуждения уголовного дела является основание для возбуждения уголовного дела, которое заключается в наличии достаточных данных, указывающих на совершение преступления. Достаточность тех или иных сведений для обоснованного вывода о наличии признаков преступления по каждому первичному материалу решается лицом, рассматривающим вопрос о возбуждении уголовного дела, по своему внутреннему убеждению. Здесь вспомним мнение о том, что уголовно-процессуальное познание — это приобретение знания (в данном случае знания о деянии, указанном в сообщении или заявлении о преступлении, или ином источнике) «для себя». Это значит, что такие знания, прежде всего, призваны сформировать внутреннее (субъективное) убеждение лица, рассматривающего первичный материал. Именно оно (убеждение), основанное, безусловно, на конкретных добытых данных, будет являться основанием для вынесения решения о возбуждении уголовного дела.

Раз уж доказывание осуществляется с помощью строго определённых уголовно-процессуальным законом (следственные, судебные действия и оперативно-розыскные мероприятия) средств, необходимо определить, каким же образом идёт аналогичный процесс на стадии возбуждения уголовного дела. Уголовно-процессуальное познание на указанном этапе осуществляется с помощью проведения доследственной проверки.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит чёткого ответа, и в нём не приводится стройный перечень таких действий, что усложняет процессуальную деятельность по проверке сообщений о преступлениях, «размывает» её очертания, вносит элемент дезорганизации и правоприменительного творчества.

Системно анализируя содержание законодательных предписаний УПК КР, предложения науки уголовного процесса и потребности правоприменительной деятельности, приходим к выводу, что в число процессуальных средств проверки сообщения о совершённом или готовящемся преступлении следует дополнить следующими процессуальными действиями: получение объяснений от граждан и должностных лиц; истребование необходимых предметов и документов; принятие представленных предметов и документов; требование производства документальных, ведомственных и контрольных проверок, ревизий и привлечение к участию в них специалистов.

Для удобства и единообразия правопонимания и правоприменения все указанные процессуальные способы проверки сообщения о преступлении необходимо перечислить в положениях статьи 156 УПК КР. Также следует внести дополнения и разрешить вопросы, касающиеся процессуального порядка проведения указанных процессуальных действий, процессуального оформления их результатов.

Именно по такому пути пошёл законодатель и ряда зарубежных государств. Так, в части второй статьи 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь чётко определяется, что «до возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения, истребованы дополнительные документы, заключения экспертов, произведены осмотр места происшествия и задержание» [4].

В части второй статьи 329 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан также указывается, что в ходе проверки поводов «могут быть истребованы дополнительные документы, объяснения, а также могут быть произведены задержание лица, осмотр места происшествия и экспертиза» [5].

Заключение. Обобщая содержание основной части статьи, приходим к следующим выводам. На стадии возбуждения уголовного дела осуществляется уголовно-процессуальное познание, не доказывание. Принятие и процессуальное оформление повода для возбуждения уголовного дела в каждом случае является первичным процессуальным действием на пути реализации процесса уголовно-процессуального познания. Указанный законодательный перечень процессуальных средств проверки сообщения о преступлении следует дополнить следующими процессуальными действиями: получение объяснений от граждан и должностных лиц; истребование необходимых предметов и документов; принятие представленных предметов и документов; требование производства документальных, ведомственных и контрольных проверок, ревизий и привлечение к участию в них специалистов. Порядок производства указанных процессуальных действий не нашёл должной регламентации в положениях УПК КР, в связи с чем следует чётко и детально определить порядок реализации и процессуального оформления указанных действий.

Список цитируемых источников

1. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания : автореф. дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.09. М., 1993. 45 с.
2. Джатиев В. С. Познание и доказывание в советском уголовном процессе // Правоведение. 1983. № 6. С. 63—71.

3. Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.09. Саратов, 2003. 23 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан, 22 сент. 1994 г., № 2013-ХП : в ред. Закона Респ. Узбекистан от 20 авг. 2015 г. № ЗРУ-391. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 342.951:351.82

Ж. А. Луцевич

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

ТАМОЖЕННЫЕ ОРГАНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СУБЪЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение. Одной из функций любого государства является защита от нарушений установленных законодательными органами правовых норм. Для этого в государственном аппарате создаются правоохранительные органы. К их числу в Республике Беларусь относятся и таможенные органы. Для того чтобы правоохранительные органы могли эффективно бороться с преступностью, государство наделяет их правом осуществлять особый вид деятельности — оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД).

Основная часть. ОРД — вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то законом, в пределах их компетенции посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и использования при этом специальных сил, средств и методов в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

ОРД могут заниматься только оперативные подразделения тех государственных органов, которые специально уполномочены на то законом. Негосударственные организации, в том числе общественные, коммерческие, предпринимательские и т. п., а также физические лица такого права не имеют.

Задачи ОРД определены в статье 3 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон № 307-З) [1]. Данный перечень задач определён для всех субъектов ОРД, а для таможенных органов Республики Беларусь наиболее характерны следующие: 1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, отнесённых к компетенции таможенных органов, а также выявление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; 2) получение упреждающей оперативной информации об обстановке в зоне таможенной деятельности для принятия правильных решений в целях защиты экономических интересов Республики Беларусь; 3) оказание помощи органам дознания, следствия, прокуратуры и суда в сборе доказательств по уголовному делу, выполнение их поручений; 4) добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу экономической, политической или экологической безопасности; 5) участие в совместных оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых компетентными органами в интересах обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь; 6) оказание помощи международным таможенным организациям, иностранным таможенным органам и полиции в борьбе с контрабандными операциями и по другим вопросам, предусмотренным международными договорами Республики Беларусь; 7) обеспечение безопасности сотрудников таможенных органов, членов их семей, их имущества, а также лиц, оказывающих таможенным органам содействие в борьбе с преступлениями в сфере таможенного дела; 8) выявление, предупреждение и пресечение фактов коррупции и других должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов.

В соответствии со статьёй 9 Закона № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» при решении задач ОРД органы, уполномоченные на её осуществление, имеют право проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия.

Оперативно-розыскное мероприятие — это совокупность отдельных, объединённых единым тактическим замыслом действий, решений и средств оперативных работников и иных участвующих в ОРД лиц, направленная на решение стоящей в данной оперативно-розыскной ситуации задачи.

Закон № 307-З определяет следующие оперативно-розыскные мероприятия:

- 1) опрос граждан;
- 2) наведение справок. Чаще всего справки поступают в таможенные органы из оперативных, криминалистических и иных баз данных других правоохранительных органов, а также от предприятий, организаций, учреждений, органов государственной власти или местного самоуправления, общественных организаций и граждан;

- 3) сбор образцов для сравнительного исследования — обнаружение и изъятие материальных носителей информации, сохранивших следы преступления, а также имеющих отношение к его совершению;
- 4) проверочная закупка — искусственно созданная ситуация приобретения товаров, ценностей, валюты, а также иных предметов, веществ и продукции без цели потребления или сбыта при наличии информации о нарушениях законодательства, влекущих уголовную ответственность;
- 5) исследование предметов и документов — изучение предметов и документов в целях выявления следов и орудий совершения преступления или результатов преступной деятельности;
- 6) наблюдение — это, как правило, конспиративное визуальное или опосредованное (с помощью оперативно-технических средств) восприятие и фиксация явлений, событий, процессов, деяний лиц;
- 7) отождествление личности — установление и идентификация личности на основании неизменяемых признаков человека;
- 8) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
- 9) слуховой контроль — получение и фиксация акустической информации в помещениях, сооружениях, транспортных средствах и на местности для решения задач оперативно-розыскной деятельности;
- 10) контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений — просмотр почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений в целях обнаружения сведений о преступной деятельности проверяемого лица и получения иной информации в интересах решения задач оперативно-розыскной деятельности;
- 11) прослушивание телефонных переговоров;
- 12) снятие информации с технических каналов связи — получение, преобразование и фиксация различных видов сигналов, передаваемых по любым техническим каналам связи, для решения задач оперативно-розыскной деятельности;
- 13) оперативное внедрение — проникновение в преступное формирование сотрудника органа, осуществляющего ОРД, или лица, оказывающего ему содействие, для пресечения преступной деятельности участников этого формирования;
- 14) контролируемая поставка — система оперативно-розыскных мероприятий и действий, в ходе совершения которых с ведома и под контролем оперативно-розыскного органа допускается перемещение в пределах республики, ввоз (вывоз) или транзит через её территорию товаров, ценностей, валюты, а также предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена или оборот которых ограничен, в целях предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия преступлений и решения других задач оперативно-розыскной деятельности.
- 15) оперативный эксперимент — искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без уведомления его об этом в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лица (лиц), его совершающего.

Стоит отметить, что в России данный перечень имеет аналогичный вид. В частности, статья 6 Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [2] предусматривает, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности с соблюдением принципа конспирации могут проводиться аналогичные мероприятия, как и в Законе Республики Беларусь № 307-3. Единственное отличие — отсутствие в российском источнике слухового контроля. Данные сходства характерны практически для всех стран постсоветского пространства.

Учитывая то, что таможенные органы ранее не осуществляли ОРД, не имели необходимого количества подготовленных для такой деятельности сотрудников и соответствующей материально-технической базы, законодатель в Законе № 307-3 ввёл определённые ограничения в отношении прав на осуществление ОРД в таможенных органах.

На таможенные органы не распространяются права установления на безвозмездной либо возмездной основе отношений сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать помощь на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; сбора о лицах данных, необходимых для принятия решений о выдаче лицензий на частную детективную и охранную деятельность. Таможенные органы не вправе также проводить оперативно-розыскные мероприятия в виде наблюдения, слухового контроля, прослушивания телефонных переговоров, контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, снятия информации с технических каналов связи, оперативного внедрения. На сегодня Государственным таможенным комитетом проводится определённая работа в целях предоставления таможенным органам дополнительных прав осуществления ОРД.

Однако считаем, что контроль почтовых отправлений необходимо включить в перечень мероприятий, проводимых таможенными органами. Это позволит при появлении подозрений о характере перемещаемых товаров контролировать их перемещение для изобличения преступников. Также это позволит таможенным органам получать предупреждающую информацию о готовящихся таможенных правонарушениях и своевременно их пресекать, тем более что по факту таможенные органы данную деятельность осуществляют на фоне установленных ограничений рядом документов, в частности Соглашением о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском.

Важной особенностью осуществления ОРД в таможенных органах является то, что их правоохранительная деятельность направлена, во-первых, на защиту экономических интересов республики и, во вторых, на борьбу с такими специфическими преступлениями, как контрабанда и невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей.

Заключение. Одной из форм деятельности таможенных органов, сочетающей в себе элементы правоохранительной и специальной (розыскной) деятельности, является оперативно-розыскная деятельность. Назначение этой формы деятельности заключается в применении специальных методов, в том числе конспиративных, для повышения эффективности таможенного контроля.

Список цитируемых источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77612 (дата обращения: 15.11.2015).
2. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 12 авг.1995 г., № 144-ФЗ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1574 (дата обращения: 15.11.2015).

УДК 343.156.2 (575.2+47+57)

С. А. Мукашова

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет», г. Бишкек, Кыргызская Республика

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И НЕКОТОРЫХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Введение. Право обжалования судебного решения предусмотрено в некоторых международных нормативных правовых актах. Международный пакт о гражданских и политических правах в пункте 5 статьи 14 провозглашает: «Каждый, кто осуждён за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону» [1]. В пункте 1 статьи 2 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод провозглашается: «Каждый человек, осуждённый судом за совершение уголовного преступления, имеет право на то, чтобы его приговор или наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией» [2]. Право обжалования судебного решения предусмотрено и в Конституции Кыргызской Республики: «Каждый осуждённый имеет право на повторное рассмотрение его дела вышестоящим судом в соответствии с законом» [3].

Основная часть. Процедура прохождения дел во всех судебных инстанциях призвана обеспечить субъектам право на справедливый суд и на доступность правосудия. Каждая судебная инстанция создаётся для решения соответствующих задач, позволяет участникам противоборствующих сторон реализовать своё процессуальное право на исправление судебных ошибок (фактических и юридических), обеспечивает контроль за правильным и единообразным применением судами правовых норм, в чём заинтересованы не только конкретные участники процесса, но общество и государство в целом. Иначе говоря, каждая судебная инстанция должна иметь свои собственные функции, которыми обладает только она и не обладают другие судебные инстанции.

Формирование и законодательная регламентация института обжалования в бывших союзных республиках происходили в значительной степени под влиянием российского законодательства, но в каждом государстве данный институт имеет свои особенности и отличительные черты. Последние годы для многих стран СНГ ознаменовались демократизацией уголовного процесса. На Украине результатом реформы стало принятие нового Уголовно-процессуального кодекса в 2012 г. [4], в Республике Казахстан с 1 января 2015 г. вступил в законную силу новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [5]. В России эти изменения нашли выражение в Федеральном законе «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», большая часть положений которого вступила в силу 1 января 2013 г. [6]. В настоящее время в Кыргызской Республике идут общественные слушания по проекту Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики. Проводимая судебно-правовая реформа преследует цель по сближению

национальных законодательств и международных стандартов в отправлении правосудия — найти баланс между гарантиями соблюдения прав личности и гарантиями осуществления правосудия. По справедливому замечанию большинства процессуалистов, главным недостатком советского уголовного процесса оставались контрольно-проверочные производства, лишаящие осуждённого как права на полноценную апелляцию, так и необоснованно затягивающие дело вследствие его неоднократного пересмотра в кассационных и надзорных инстанциях [7, с. 23].

Для восстановления функциональной логики судебно-инстанционной системы на постсоветском пространстве требует чёткого уяснения классическая континентальная схема судебных инстанций, которая была сконструирована, главным образом, во Франции в начале XIX в. и до сих пор продолжает оставаться «европейским стандартом», присущим всем развитым европейским континентальным правовым порядкам. Одним из классических принципов судебного производства является принцип *res judicata*. Под *res judicata* понимают недопустимость повторного пересмотра вступившего в законную силу судебного решения, за исключением случаев, когда такой пересмотр обусловлен вновь открывшимися обстоятельствами, или когда в ходе предыдущего разбирательства были допущены нарушения, носящие фундаментальный характер [8]. По мнению профессора Л. В. Головки, классическая континентальная схема судебных инстанций представляет собой следующее. Во-первых, заинтересованные участники процесса имеют право на «две инстанции» рассмотрения дела или, как говорится в международных нормах, на повторное рассмотрение их спора вышестоящим судом, подразумевающее повторное проведение судебного разбирательства с исследованием доказательств, т. е. имеют право на апелляцию. Во-вторых, после рассмотрения дела в двух инстанциях (первой и апелляционной), одной из которых является суд достаточно высокого уровня (апелляционный суд), приговор или иное соответствующее судебное решение становится окончательным с точки зрения установления фактических обстоятельств дела. В-третьих, после того как приговор стал окончательным с точки зрения установления фактических обстоятельств дела, приговор ещё не вступает в законную силу, поскольку у сторон есть право обратиться в высший судебный орган страны с жалобой на неправильное применение судами первой и апелляционной инстанции материально-правовых или процессуальных норм, превышение ими компетенции, незаконный состав вынесшего решение суда, т. е. у них возникает право на кассацию. На реализацию данного права также отводится несколько суток, после истечения которых либо приговор вступает в законную силу, либо в высший судебный орган страны поступает кассационная жалоба, на которую необходимо дать мотивированный ответ. Если «правовая проблема» мнимая или жалоба не соответствует требованиям закона, то последняя отклоняется как «недопустимая», как правило, без специального рассмотрения, но с развёрнутой мотивировкой. Если же поставленная в жалобе проблема серьёзна, то высший судебный орган рассматривает её. По итогам рассмотрения высший суд либо отклоняет жалобу, либо удовлетворяет её. В последнем случае, не обладая знаниями о фактических обстоятельствах дела, кассационный суд может лишь отменить решение, т. е. «слопать» его (отсюда и термин «кассация» от французского глагола *casser* «разбивать», «ломать») и направить дело на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции для установления фактических обстоятельств дела [9].

Сравнительно-правовой анализ пересмотра судебных решений по уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики и некоторых постсоветских государств показал, что в этой части Уголовно-процессуальный кодекс Украины находится ближе к европейским стандартам отправления правосудия по уголовным делам, поскольку решение суда первой инстанции может быть пересмотрено по существу лишь один раз в суде апелляционной инстанции, как этого требует ранее упомянутый принцип *res judicata*. В этой связи заслуживает внимания идея Л. В. Головки, который предлагает последовать примеру Украины, из нового Уголовно-процессуального кодекса которой законодатель полностью исключил надзорное производство как форму пересмотра судебных решений [10]. Необходимо заметить, что в проекте Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики данное предложение нашло своё место [11].

Заключение. По итогам исследования института пересмотра судебных решений постсоветских стран мы пришли к выводу, что многократный пересмотр вступивших в законную силу решений суда противоречит принципу *res judicata*. В связи с этим поддерживаем новый проект Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в части ограничения инстанционности пересмотра решений суда двумя процедурами — полной апелляцией и «классической» кассацией, поскольку надзорное производство, как по основаниям, так и по принимаемым решениям по существу дублирует кассацию и поэтому представляется излишним. Считаю, что такие же изменения необходимо внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Республики Казахстан: исключить надзорное производство, регламентированное главой 48.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, главой 52 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Предметом рассмотрения приговора судом кассационной инстанции в Республике Казахстан необходимо сделать лишь законность приговора, постановления. Так рассмотрение приговора с точки зрения обоснованности, справедливости делает необходимым суду кассационной инстанции исследовать и фактическую сторону уголовного дела.

Список цитируемых источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. URL: <http://www.un.org/ru> (дата обращения: 15.12.2015).
2. Протокол от 22 ноября 1984 г. № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru> (дата обращения: 15.12.2015).
3. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОМ Юрист».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo-ukraine.org.ua> (дата обращения: 20.12.2015).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОМ Юрист».
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОМ Юрист».
7. Головки Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Под общ. ред. П. А. Колоколова. М. : Юрист, 2011. 150 с. ; Ковтун П. П. Судебные стадии и производства УПК Украины: Система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголов. судопр.-во. 2013. № 2. С. 23—30.
8. Головки Л. В. Аналитическая записка по вопросам совершенствования апелляционного, кассационного и надзорного производства в Республике Казахстан с учётом повышения уровня доступности правосудия и доверия к нему [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lprc.kz> (дата обращения: 17.12.2015).
9. Там же.
10. Там же.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОМ Юрист».

УДК 343.98

Ю. Н. Пивнюк

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИЗОБЛИЧЕНИЯ ВО ЛЖИ ПРИ ДОПРОСЕ

Введение. В процессе расследования, особенно на первоначальном этапе, следователь сталкивается с различными формами сопротивления установлению истины по делу, одной из которых является дезинформация. Насколько будет достоверна информация, выявленная при допросе, тем легче будет суду вынести справедливое решение. Важной гарантией этого является обеспечение прав и свобод лиц, призванных содействовать правосудию в получении доказательств.

Основная часть. Ложь — средство управления поведением людей путём обмана, намеренного искажения истины. В связи с этим в науке и следственной практике значительное внимание уделяется совершенствованию существующих приёмов и методов проведения допроса, а также разработке новейших и нетрадиционных приёмов изобличения лжи при допросе [1].

Допрос — это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Такое следственное действие представляет собой наиболее распространённый способ получения доказательств. Однако возникает немало проблем в раскрытии лжи в ходе допроса на начальном этапе расследования. Именно поэтому следователю не обойтись без применения тактических приёмов по разоблачению лиц, дающих ложные показания, для достижения целей допроса. Нередко традиционные методы не срабатывают. Поэтому для выявления ложных показаний параллельно с обычными приёмами могут использоваться и нетрадиционные приёмы расследования преступлений. В данном случае речь не обязательно должна идти о противоправных формах проведения этого следственного действия. Как правило, сегодня в криминалистике отсутствует общее определение нетрадиционных методов исследования. Нетрадиционные приёмы не нашли отражения в общей практике и используются лишь в единичных случаях для дальнейшего раскрытия преступлений. Использование таких методов не является обязательным при проведении допроса [2].

Основными научно-практическими направлениями, рассматриваемыми в контексте применения нетрадиционных приёмов изобличения во лжи при допросе, являются: 1) использование регистраторов психологического стресса (полиграфов и др.) для оценки выраженности психофизиологических реакций в процессе допроса в целях выявления скрываемой информации; 2) гипнорепродукция как действенный способ активизации памяти свидетелей и потерпевших; 3) использование экстраординарных (экстрасенсорных) способностей человека для раскрытия преступлений; 4) визуальная диагностика психологических особенностей личности в коммуникативном процессе.

Нетрадиционные методы не противопоставляются традиционным, а служат дополнением к ним. В свою очередь приёмы должны придерживаться определённых правил: 1) не нарушать нормы уголовно-процессуального закона и нормы морали; 2) не оправдывать преступника; 3) не способствовать самооговору; 4) не основываться на физическом или психическом насилии, обмане, шантаже; 5) действовать избирательно; 6) не основываться на использовании невежества допрашиваемого или его слабости, дефектов зрения, речи, слуха; 7) учитывать возрастные особенности [3].

Использование нетрадиционных средств и методов избличения во лжи при допросе вызвано, как правило, невозможностью получения полных и достоверных показаний. Практика доказывает, что полученная с помощью использования в ходе допроса нетрадиционных приёмов информация достаточно эффективно используется при расследовании уголовных дел. К примеру, эта информация может служить базой для выдвижения и проверки версий при расследовании преступлений. Необходимо не только обращать внимание на возможности таких методов, но и на их применение в практической деятельности для достижения наилучшего результата.

В настоящее время существует ряд проблем, связанных с применением нетрадиционных приёмов избличения во лжи при допросе. Использование гипнорепродукции, как и других нетрадиционных приёмов, не имеет законодательного закрепления, а следовательно, результаты, полученные в ходе применения данных методов, не являются доказательствами с точки зрения закона. Тем не менее переданные в ходе сеанса сведения можно использовать в качестве ориентирующей информации для раскрытия преступлений. Также к нетрадиционным методам избличения во лжи при допросе можно отнести использование регистраторов психологического состояния, например полиграфов. В криминалистике с помощью полиграфа решаются следующие задачи: 1) определяется непосредственное участие лиц в расследуемом событии или причастность к нему; 2) подтверждается факт наличия или отсутствия события; 3) выявляется результат противоправной деятельности; 4) устанавливаются доказательства противоправной деятельности; 5) выявляются мотивы совершения правонарушения; 6) проверяется достоверность сведений, сообщаемых тем или иным лицом, и иные задачи [4, с. 426].

Отсутствие специальных законодательных актов, допускающих признание в качестве доказательств результатов тестирования с помощью полиграфа во время допроса, сдерживает развитие научных исследований в этом направлении, не позволяет в полной мере использовать возможности указанного метода для сбора доказательств. Поэтому в настоящее время этот метод на практике реализуется в основном лишь в целях получения ориентирующей, а не доказательственной информации.

Проверка на «детекторе лжи» позволяет не только определять наиболее перспективные направления расследования, выявлять преступников, но и получать доказательства их виновности. Научно-технический прогресс обещает появление ещё более уточнённых «детекторов лжи», принцип действия которых может быть самым неожиданным. Рассматривается, к примеру, возможность определять ложь с помощью дистанционного измерения температуры отдельных участков человеческого тела. Разрабатывается прибор, который сможет указывать месторасположение эпицентра стресса в мозгу человека. Уже используется методика, основанная на фиксации движений глаз и сокращений зрачка [5].

Неоднозначен вопрос с использованием экстрасенсорных способностей человека при расследовании преступлений, поскольку не предоставляется возможным проверить достоверность получаемой информации, и тем более вести речь о придании данным сведениям юридической силы и использовать в качестве доказательств в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь. Безусловно, что данный приём при расследовании отдельных преступлений необходимо применять наравне с другими только в случаях, требующих принятия срочных оперативно-розыскных мер, либо когда обычные методы, присущие практике работы правоохранительных органов, исчерпали себя и не принесли результатов.

В зарубежной практике в качестве приёмов избличения во лжи в ходе допроса, кроме вышеуказанных, применяется наркоанализ в случаях, когда допрашиваемый в силу определённых обстоятельств не в состоянии вспомнить сведения, необходимые для расследования в ходе обычного допроса. Теоретически предполагается, что под влиянием наркотика происходит расторможение сдерживающих центров, и у допрашиваемого в это время отсутствует способность правильно рассуждать и лгать, тогда как память о событиях, имевших место в прошлом, остаётся у него ненарушенной. Однако сопротивляемость организма действию специальных препаратов различна у разных людей и зависит от многих факторов, характеризующих физическое и психическое состояние индивида [6]. Следует отметить, что показания под наркозом могут оказать содействие следователю в выработке конкретных направлений расследования, формированию у него внутренней убеждённости в виновности или невиновности допрашиваемого. Применение наркоанализа в работе следователей Республики Беларусь противоречит закону и этическим нормам, поэтому этот метод не может быть рекомендован к внедрению в практику.

Исследовав непосредственно сущность некоторых методов нетрадиционной криминалистики, приходим к выводу, что почти каждый из них может применяться с положительным результатом. Одна из проблем их использования заключается в том, что следователь не располагает специальными познаниями в том или ином методе криминалистики, поэтому ему необходим специалист. Подводя

итоги, следует отметить, что успешная борьба с ложью при допросе возможна только на основе глубокой продуманной стратегии, индивидуального подхода к допрашиваемому и умелого проведения тактических приёмов изобличения во лжи.

Заключение. Деятельность по расследованию уголовных дел, связанная с использованием нетрадиционных приёмов в борьбе с преступностью, на современном этапе открывает новые возможности для получения ценной и значимой информации, расследовании, раскрытии и пресечении преступлений. Сложности законодательного закрепления и достоверности получаемой информации путём нетрадиционных методов затрудняет применение данных приёмов на практике. В настоящее время достаточно большое количество стран в мире использует нетрадиционные методы изобличения во лжи при допросе, некоторые из них применяются на постоянной основе и нашли закрепление в законе. В Республике Беларусь учёным необходимо продолжить исследования в этой сфере, чтобы данные методы смогли получить признание практиков и впоследствии законодательное закрепление.

Список цитируемых источников

1. Адамов Ю. П., Ратинов А. Р. Лжесвидетельство. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний. М., 1996. 135 с.
2. Гурский В. В. Методика изобличения лжи в показаниях подозреваемого при расследовании заведомо ложного доноса о совершении преступления [Электронный ресурс]. URL: http://www.chelurid.ru/sites/default/files/Gurskiy_chui.pdf (дата обращения: 28.01.2016).
3. Адамов Ю. П., Ратинов А. Р. Лжесвидетельство. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний.
4. Криминалистика : учеб. для вузов / Р. С. Белкин [и др.] ; под общ. ред. Р. С. Белкина. М. : Норма, 2004. 426 с.
5. Гурский В. В. Методика изобличения лжи в показаниях подозреваемого при расследовании заведомо ложного доноса о совершении преступления.
6. Там же.

УДК 343.9

О. И. Скок

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ТЕОРЕТИКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Введение. При раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел возникают вопросы, решение которых не возможно без использования специальных знаний, т. е. тех специальных умений и навыков, приобретённых в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания информации о преступлении. Трудно представить процесс доказывания по уголовным делам без производства криминалистических экспертиз.

Среди причин низкой раскрываемости преступлений можно назвать недостаточно эффективное использование в доказывании результатов судебных экспертиз, ненадлежащую их оценку. Одним из направлений решения этой проблемы является более полное и эффективное использование органами расследования и судом специальных знаний в форме криминалистической экспертизы. Эксперты и специалисты способны внести неоценимый вклад в деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. В связи с этим существенно повысилась роль и значение судебных экспертиз в доказывании по уголовным делам.

Необходимо отметить, что понятия «криминалистическая экспертиза» и «судебная экспертиза» являются тождественными. В теории термин «криминалистическая экспертиза» почти перестал употребляться, хотя в практической деятельности он употребляется довольно часто, так как большинство проводимых по уголовным делам экспертиз является криминалистическим [1, с. 52].

Использование комплекса знаний из различных областей науки и техники при решении экспертных задач всегда привлекало внимание учёных и практиков. Такой подход представляет интерес в теоретическом и методическом аспектах для любого направления криминалистической экспертизы, так как расширяет возможности экспертного исследования, а его результаты повышают достоверность полученных фактических данных.

Основная часть. Как известно, современный период характеризуется не только постоянным ростом преступности, но и её более совершенными формами с использованием новых технических

средств. Это требует повышения эффективности работы экспертной службы, так как правоохранительные органы ставят перед экспертами более сложные задачи.

Особое место в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений занимает «криминалистическая экспертиза», которая имеет важное значение в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве, установлении лиц, совершивших преступление. В настоящее время количество и разнообразие криминалистических экспертиз постоянно растёт [2].

Судебная экспертиза — следственное действие, заключающееся в производстве исследования сведущим лицом (экспертом) по заданию следователя (суда) предоставленных ему объектов в целях установления фактических данных, имеющих значение для дела, и дачи заключения в установленной форме [3, с. 178].

Понятие «криминалистическая экспертиза» имеет основополагающее методологическое значение. Основным признаком криминалистической экспертизы в процессуальном смысле является использование специальных знаний, составляющих основу профессиональной подготовки экспертов, представляющих различные виды, роды и классы судебных экспертиз.

Согласно статье 226 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь экспертиза назначается в случаях, когда необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле.

Назначение экспертизы как особый вид деятельности следователя условно можно разделить на две стадии: организационную и процессуальную, каждая из которых имеет определённую специфику [4, с. 187].

На организационной стадии следователь на основе анализа собранных материалов, в том числе их полноты, оценки доказательств с учётом целесообразности и разумной достаточности, принимает фактически управленческое решение о необходимости проведения экспертизы. Исходя из поставленных целей, принимаются меры к выбору экспертного учреждения или сведущего лица, которому будет поручена экспертиза; проверяется специальность и компетентность эксперта, устанавливается его отношение к участвующим в деле процессуальным лицам, наличие либо отсутствие оснований для отвода; при необходимости принимается решение о предупреждении эксперта о неразглашении данных предварительного расследования; определяется объём представляемых эксперту материалов, а при их недостаточности планируется и осуществляется дополнение информационной и исследовательской базы; решается вопрос об ознакомлении подозреваемого либо обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы. Следователем формулируются задачи, которые должны быть решены экспертом [5, с. 15].

На этой стадии у следователя возникают трудности, так как не всегда можно точно определить, какие специальные познания необходимы для решения конечного вопроса. Характер криминалистической экспертизы зачастую зависит от факторов, которые следователю не известны: узкая или более широкая специализация экспертов учреждения, его приборная база, свойства исследуемого объекта и др., а иногда необходимость в судебной экспертизе выявляется лишь в ходе исследования. Правоохранительные органы и суд при назначении комплексной экспертизы лишены возможности поручать проведение экспертиз конкретным экспертам, являющимся высококвалифицированными специалистами, так как им не известны сведения о профессиональных качествах экспертов, работающих в различных организациях.

Процессуальная стадия состоит в вынесении мотивированного, обоснованного постановления о назначении соответствующей экспертизы, разъяснении прав и обязанностей эксперта в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом; предупреждении эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Назначение экспертизы предполагает совершение следователем таких процессуальных действий: 1) вынесение постановления о назначении экспертизы; 2) ознакомление с постановлением подозреваемого, обвиняемого, его защитника; 3) разъяснение подозреваемому, обвиняемому прав в связи с производством экспертизы; 4) ознакомление с постановлением о назначении криминалистической экспертизы потерпевшего и свидетеля и разъяснение им прав; 5) подготовка экспертизы; 6) взаимодействие следователя и эксперта при производстве криминалистической экспертизы; получение заключения и его оценка; 7) допрос эксперта; 8) предъявление заключения эксперта и протокола допроса эксперта подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему и свидетелю при наличии их ходатайства об этом [6].

Уголовно-процессуальным законодательством закреплено право следователя присутствовать при проведении экспертизы. При проведении криминалистической экспертизы нецелесообразно участвовать во всех исследованиях, проводимых экспертами различных специальностей, однако при составлении выводов следователю необходимо присутствовать. В это время следователь может получить так называемую ориентирующую информацию, которую установили эксперты в ходе исследований, однако она находится за рамками вынесенного постановления о назначении экспертизы и тех вопросов, на которые надлежало ответить. Это поможет следователю в выдвигании новых версий и в дальнейшем планировании расследования [7, с. 42].

Заключение. Любой вид экспертизы опирается на научные знания, методы в различных областях науки. Криминалистическая экспертиза основывается на базовых положениях криминалистики и уголовного процесса.

Законодательно термин «криминалистическая экспертиза», деятельность по проведению криминалистических экспертиз не определены. До настоящего времени в Республике Беларусь не существует закона, в котором закреплено понятие и структурирован процесс проведения криминалистических экспертиз. Постепенное становление и развитие криминалистической экспертизы, увеличение с каждым годом таких экспертиз и возрастание их практической значимости обязывают принять соответствующий законодательный акт. Разработка данного направления и его легальное закрепление выведут криминалистическую экспертизу как деятельность на качественно новый уровень расследования и раскрытия преступлений. Во многих странах СНГ уже существует такой нормативный правовой акт, в котором регламентируется процесс проведения криминалистических экспертиз и экспертной деятельности в целом.

Таким образом, институт криминалистической экспертизы теоретически не полностью разработан, не достаточно чётко определены его научные основы, содержание, не в полной мере используются возможности криминалистики в целом в данной области. Круг методических рекомендаций, которыми могут воспользоваться эксперты-криминалисты по данной проблеме, ограничен, однако на практике экспертизы проводятся часто.

Научный подход к разработке института криминалистической экспертизы, его теоретических и методологических основ обеспечит развитие криминалистической экспертизы, обеспечит эффективность расследования преступлений.

Список цитируемых источников

1. Горошко Е. Ю. Теоретико-процессуальные аспекты криминалистической экспертизы // Проблемы борьбы с преступностью и подгот. кадров для органов внутр. дел Респ. Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню бел. науки, Минск, 25 янв. 2008 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД; редкол.: Н. И. Минич [и др.]. Минск, 2008. С. 52—53.
2. Там же. С. 52.
3. Мухин Г. Н., Исюгин-Федотков Д. В. Криминалистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2012. 240 с.
4. Арсеньев В. Д. Процессуальный статус субъектов криминалистической экспертизы по уголовным делам // Процессуал. аспекты криминалист. экспертизы: сб. науч. тр. ВНИИСЭ. М., 1986. 193 с.
5. Палиашвили А. Я. Правовые проблемы экспертизы в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1968. 41 с.
6. Об утверждении Инструкции о порядке производства судебных экспертиз и специальных исследований в научно-исследовательском учреждении «Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и криминалистической экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 31 июля 2003 г., № 20. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
7. Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 108 с.

УДК 343.1

И. В. Трафимчик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Введение. Анализ практики правоприменения свидетельствует, что государству сложно эффективно противодействовать большому количеству преступных проявлений, полагаясь исключительно на деятельность правоохранительных органов. Альтернативой традиционной модели уголовного процесса в ряде зарубежных государств достаточно давно на теоретическом и законодательном уровнях является идея восстановительного правосудия [1, с. 29]. Этот способ предполагает отход от традиционной конфронтации сторон и способствует экономии уголовной репрессии, снижению напряжённости в межличностных отношениях, удовлетворению законных интересов жертвы преступления путём возмещения и заглаживания причинённого ей вреда. Всё это, безусловно, такие ценности, которые невозможно игнорировать и которые определяют развитие примирительных процедур по уголовным делам во многих странах мира [2, с. 71].

Сегодня стран, применяющих восстановительное правосудие, уже более восьмидесяти [3, с. 31].

Основная часть. В целом внимание к интересам и нуждам конкретного лица, пострадавшего от преступления, начало появляться относительно недавно. Важнейшей вехой в этом явилась Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г. (далее — Декларация), которая в пункте 4 закрепляет, что к жертвам следует относиться

с состраданием и уважать их достоинство. Они имеют право на доступ к механизму правосудия и скорейшую компенсацию за нанесённый им ущерб в соответствии с национальным законодательством. В пункте 8 Декларации закреплено, что правонарушители или третьи стороны, несущие ответственность за их поведение, должны предоставлять справедливую реституцию жертвам, их семьям или иждивенцам. Такая реституция должна включать возврат собственности или выплату за причинённый вред или ущерб, возмещение расходов, понесённых в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах [4].

Для Беларуси перспектива внедрения такого подхода в уголовно-правовой политике является актуальной в свете оптимизации применения некоторых альтернатив уголовной ответственности, в частности, в статье 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Отправные постулаты теории восстановительного правосудия отличаются от обычного представления о преступлении и реакции на него. Так, Х. Зер определяет преступление как нарушение прав конкретного человека и межличностных отношений. Нарушение в свою очередь порождает обязательства. Главным обязательством является восстановление разрушенного.

При этом к восстановительному правосудию не относятся действия по возмещению вреда, причинённого преступлением, согласно приговорам суда, хотя в эмпирических исследованиях они часто принимаются во внимание. Нельзя не согласиться с мнением большинства учёных, что процедура является восстановительным правосудием только тогда, когда участие обвиняемого и потерпевшего в нём является добровольным [5]. Однако считаем необходимым обратить внимание на то, что в случае совершения преступления лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, но не достигшим совершеннолетия, причинённый преступлением вред должен быть ликвидирован обвиняемым и лицами, несущими ответственность за его поведение (родителями, усыновителями, попечителями). Но если же преступление совершено совершеннолетним лицом, причинённый преступлением вред должен быть ликвидирован именно обвиняемым, а не его близкими родственниками или иными заинтересованными в освобождении обвиняемого лицами. Представляется, что именно активные действия самого обвиняемого могут являться основанием для освобождения от уголовной ответственности в результате применения программ восстановительного правосудия.

Восстановительный подход предлагает иной взгляд на нормы как материального, так и процессуального права. С процессуальной точки зрения восстановительное правосудие рассматривается как процедура, где стороны, анализируя совершённое преступление, сообща пытаются решить, что же делать с его последствиями и с отношениями между ними в будущем. С материальной же точки зрения восстановительное уголовное правосудие предполагает своей целью не привлечение виновного к уголовной ответственности, а восстановление прав потерпевшего, возмещение вреда, причинённого преступлением в полном объёме, и восстановление социальных связей [6, с. 304].

Норма пункте 2 Резолюции Экономического и Социального Совета ООН об основных принципах применения программ восстановительного правосудия в уголовных делах даёт определение восстановительного процесса как любого процесса, в котором жертва и правонарушитель, а в соответствующих случаях и любые другие лица или члены общины, пострадавшие от какого-либо преступления, активно участвуют в совместном урегулировании вопросов, возникающих в связи с преступлением, как правило, при помощи посредника [7].

На европейском правовом пространстве неофициальные механизмы урегулирования споров также активно внедряются в практику уголовной юстиции. Следует указать, что согласно Рекомендации № R (99) 19 Комитета министров Совета Европы, посвящённой медиации в уголовных делах, от 15 сентября 1999 г. [8] под таким неофициальным механизмом понимается процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность в случае их добровольного согласия с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принимать активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления [9].

Исходя из этого, идеология восстановительного правосудия состоит в том, что преступление нуждается, прежде всего, не в наказании и каре виновного, а в восстановлении причинённого жертве морального, психологического и материального вреда и социальной реабилитации преступника [10].

В юридической литературе неоднократно раскрываются преимущества применения процедур примирения по уголовным делам [11]. Применение этого института приводит к сокращению числа осуждённых, приговариваемых к лишению свободы (в странах Западной Европы — до 10—12% от общего числа осуждённых). Если примирение было искренним, то минимизируется количество случаев рецидива. Происходит внутренняя психологическая перестройка криминального сознания обвиняемого. Он получает шанс вернуться к семье, честно трудиться и приносить пользу обществу, тогда как приговорённый к лишению свободы подвергается влиянию преступной среды и становится законченным преступником [12, с. 78].

Моделей восстановительного правосудия в мире достаточно много. Наиболее распространённой является медиация между потерпевшим и обвиняемым. Однако сегодня она является далеко не единственной. Такую практику успешно дополняют и семейные конференции, круги правосудия и иные виды восстановительных программ [13].

Заключение. Восстановительное правосудие помогает нормализовать общественные отношения, нарушенные преступлением, призвано обеспечить баланс личных и государственных интересов, способствует восстановлению социальной справедливости. Внедрение восстановительного правосудия по уголовным делам в Республике Беларусь, несомненно, будет иметь положительный социальный и экономический эффект. Однако представляется, что восстановительное правосудие как альтернатива карательному правосудию может использоваться только в случае совершения преступления физическим лицом впервые. В случае же совершения виновным лицом преступления повторно восстановительное правосудие должно применяться только в качестве дополнения к традиционной модели уголовного правосудия.

Список цитируемых источников

1. Климович Ю. Перспективы института досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном законодательстве // Юстыцыя Беларусі. 2013. № 10. С. 29—31.
2. Зайцева Л. Примирение с потерпевшим — альтернативный способ урегулирования уголовно-правового конфликта // Судовы Весн. 2011. № 3. С. 71—77.
3. Петрова О. В. Процессуальные гарантии прав обвиняемого и подозреваемого и восстановительное правосудие // Юстыцыя Беларусі. 2010. № 12. С. 31—34.
4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью [Электронный ресурс] : принята Резолюцией 40/34 Генер. Ассамблеи ООН от 29 нояб. 1985 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата доступа : 18.12.2015).
5. Петрова О. В. Процессуальные гарантии прав обвиняемого и подозреваемого и восстановительное правосудие. С. 31.
6. Петрова О. В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. Минск, 2009. Вып. 1. С. 302—310.
7. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия [Электронный ресурс] : Резолюция Эконом. и Социал. совета ООН от 24 июля 2002 г. № 2002/12. URL: <http://www.un.org/russian/document/ecosoc/2002/r2002-12.pdf> (дата обращения : 15.12.2015).
8. По медиации в уголовных делах [Электронный ресурс] : Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров Совета Европы от 15 сент. 1999 г. // Медиатор. URL: <http://intermediation.narod.ru/index/0-34> (дата обращения : 20.11.2015).
9. Петрова О. В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса. С. 304—305.
10. Зайцева Л. Примирение с потерпевшим — альтернативный способ урегулирования уголовно-правового конфликта С. 71.
11. Петрова О. В. Процессуальные гарантии прав обвиняемого и подозреваемого и восстановительное правосудие С. 31.
12. Загрядская Е. А. Восстановительное правосудие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовые и социальные аспекты // Современная юриспруденция: правовая мысль и практика правоприменения : материалы I Междунар. науч.-практ. конференция 20 окт. 2012 г. / Приволж. науч.-исслед. центр. Йошкар-Ола : Коллоквиум, 2012. С. 77—79.
13. Петрова О. В. Процессуальные гарантии прав обвиняемого и подозреваемого и восстановительное правосудие С. 32.

УДК 343.132

Т. Т. Шамурзаев,

*доктор юридических наук, доцент
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский
университет», Бишкек, Кыргызская Республика*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СВИДЕТЕЛЕЙ, ПОТЕРПЕВШИХ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение. Кыргызстан за последнее десятилетие пережил два народных восстания — в марте 2005 г. и в апреле 2010 г. В результате этих событий произошло свержение существующей власти и углубление политических и социальных проблем в государстве. Наряду с другими негативными проявлениями активизация деятельности организованной преступности стала последствием этих трагических событий. Организованная преступность в современном мире находит новые и более изощренные формы противодействия правоохранительным органам и суду. Противоправные способы воздействия на результаты уголовного дела не ограничиваются, как раньше, только воздействием на отдельных участников процесса, в том числе и на должностных лиц компетентных государственных органов, но и включают в себя применение насилия, подкуп, высказывание угроз в адрес участников уголовного процесса, способствующих раскрытию и расследованию преступления и наказанию виновных. Всё это свидетельствует, прежде всего, о несовершенстве законодательства, которое, регламентируя порядок производства по уголовным делам, содержит отдельные пробелы и недостатки.

В Кыргызстане, как и во многих государствах бывшего СССР, до начала 90-х гг. прошлого века проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства не носили столь массового характера и контролировались государством. Не наблюдалось ярко выраженной системы противоправного воздействия, которая представляет собой потенциальную угрозу государству, необходимости в создании самостоятельного института по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Существовало правило, согласно которому «являться участником уголовного процесса означает быть во всех смыслах защищённым государством» [1, с. 29].

Основная часть. Рекомендации по применению мер защиты участникам уголовного судопроизводства в Кыргызской Республике вырабатываются в результате анализа и обобщения работы как законодательных, так и правоприменительных органов, в том числе и стран дальнего зарубежья, что особенно важно в плане их имплементации в отечественное законодательство и правоприменительную деятельность.

В Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики (далее — УПК КР) содержатся отдельные нормы, обеспечивающие безопасность участников уголовного судопроизводства. В 2006 г. принят Закон Кыргызской Республики «О защите свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства» (далее — Закон) [2]. На основе закона была разработана и утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики государственная программа обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства на 2014—2016 гг. [3].

На основе анализа уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики, трудов учёных-процессуалистов по вопросам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства нами разработаны конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства по исследуемой проблематике, что влечёт внесение изменений и дополнений в редакцию УПК КР и Закона [4].

Предлагаем в задачи уголовно-процессуального закона (часть первая статьи 4 УПК КР) внести дополнительную задачу «охрану прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства».

В статье 22 «Гласность судебного разбирательства» и части второй статьи 254 «Обеспечение гласности судебного разбирательства» УПК КР говорится о том, что закрытое судебное разбирательство допускается по мотивированному определению суда или постановлению судьи, в том числе и в случаях, требующих обеспечения безопасности участникам судебного разбирательства. Заслуживает внимания точка зрения М. А. Авдеева по данному вопросу, который считает, что «безопасность не может быть обеспечена лишь проведением закрытого судебного заседания» [5, с. 143]. Для обеспечения эффективности мер безопасности участников судебного разбирательства по делу считаем целесообразным дополнить часть вторую статьи 254 УПК КР предложением следующего содержания: «обязательной проверкой документов у лиц, участвующих в судебном разбирательстве, при входе в зал судебного заседания, личного досмотра в целях обнаружения оружия и других предметов, создающих угрозу безопасности участникам судебного разбирательства».

В части второй статьи 4 Закона необходимо включить понятие «судебный контроль» и изложить его в следующей редакции: «государственная защита осуществляется под прокурорским надзором, судебным и ведомственным контролем». Вопросы государственной защиты в уголовном судопроизводстве нельзя разрешить без судебного контроля. Судебный контроль охватывает сферу конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, распространяется на все действия (бездействия) и решения органов следствия и оперативно-розыскной деятельности, правомочные ограничить личную неприкосновенность, тайну частной жизни либо затруднить доступ к правосудию и судебной защите участников уголовного судопроизводства.

Считаем целесообразным внести изменения и дополнения в статью 2 Закона. В пункте 3 части первой статьи 2 говорится о том, что государственной защите подлежат «иные участники уголовного судопроизводства». По смыслу закона под иными участниками уголовного судопроизводства понимаются участники, указанные в частях второй и третьей статьи 2: заявители, очевидцы, пострадавшие, потерпевшие от преступления либо иные лица, способствующие предупреждению или раскрытию преступления, а также близкие родственники, родственники, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на свидетелей и потерпевших. Однако согласно главе 7 УПК КР под иными лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве, понимаются лица, не заинтересованные в исходе уголовного дела: свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятые.

По непонятным причинам государственная защита согласно статье 2 Закона не распространяется на подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, которые будучи заинтересованными в исходе уголовного дела участниками процесса, подвергаются насилию со стороны представителей организованной преступности, о чём ярко свидетельствуют материалы судебно-следственной практики Кыргызской Республики последних лет.

В Законе имеют место ошибки технического характера. Так, необходимо в статье 6, 11 понятие «судебное следствие» заменить на «судебное разбирательство», а в статье 9 понятие «предварительное расследование» — на «следствия», так как в соответствии с УПК КР в уголовном судопроизводстве существует стадия судебного разбирательства по делу, а досудебное расследование по делу ведётся

в форме следствия. В части третьей статьи 2 Закона говорится о «близких родственниках, родственниках», а в пункте 4 части первой статьи 24 — о «близких родственниках, родственниках и близких лицах», в связи с чем считаем необходимым пересмотреть понятие «близкие лица» в УПК КР или в самом Законе.

Важным уголовно-процессуальным институтом по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства является институт депонирования показаний. Основанием для депонирования показаний являются и вопросы, связанные с обеспечением безопасности для жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства.

В проекте УПК КР [6], разработанном экспертной рабочей группой, содержится отдельная глава, посвящённая обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, вопросы обеспечения безопасности судьи, указанные в статье 78 проекта УПК КР, необходимо исключить, так как они определены статьёй 34 Конституционного закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики» [7].

Заключение. В современном мире наметилась тенденция принятия законодательных мер по защите участников уголовного судопроизводства. При этом особый акцент делается на разработку процессуальных гарантий безопасности указанных лиц, в том числе от членов преступного сообщества. Задача процессуальных гарантий их безопасности заключается не только в том, чтобы защитить от посткриминального воздействия, но и убедить принять участие в уголовном судопроизводстве в той роли, которую им отводят правоохранительные органы. Эти задачи особенно актуальны в современных условиях наработки практического опыта применения мер государственной защиты, установленных уголовно-процессуальным законодательством Кыргызской Республики.

Список цитируемых источников

1. Шевченко К. Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
2. О защите свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] : Закон Кыргыз. Респ. от 16 авг. 2006 г. № 170 : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 10.11.2011 г., № 202. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОН Универсал».
3. Государственная программа обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства на 2014—2016 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Кыргыз. Респ. от 10 янв. 2014 г., № 12. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОН Универсал».
4. О защите свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства.
5. Авдеев М. А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в судебном разбирательстве: проблемы и способы их разрешения // Аналогия науч. мысли: к 10-летию Рос. акад. правосудия : сб. ст. М. : Статут, 2008.
6. Проект Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.kenesh.kg/.../9678-Obshhestvennoe_obsuzhdenie_zakonoproektov.aspx (дата обращения: 15.10.2015).
7. О статусе судей Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : конституцион. Закон Кыргыз. Респ. : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 07.06.2014 г., № 116. Доступ из информ.-правовой системы «ТОКТОН Универсал».

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

УДК 343:159.9

В. Б. Бучко,

кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт
Універсітэт імя Адама Міцкевіча ў Познані, Познань, Рэспубліка Польшча

ІНСТЫТУТ ПРЫМІРЭННЯ Ў КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ УКРАЇНЫ: ЮРЫДЫЧНЫЯ І ПСІХАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ

Уводзіны. Медыяцыя (аднаўленчае правасуддзе) у крымінальным працэсе распаўсюджаная ў многіх краінах, аднак найбольш папулярная і эфектыўная яна ў краінах Еўрапейскага Саюза і Паўночнай Амерыцы. Ва Украіне замацаваны інстытут прымірэння пацярпелага з падазроным (абвінавачваным).

Украіна доўгі час спрабуе гарманізаваць нацыянальнае крымінальнае і крымінальна-працэсуальнае заканадаўства з заканадаўствам Еўрапейскага Саюза, у прыватнасці, гэта датычыцца і медыяцыі. Хоць на дадзены момант інстытут медыяцыі ва Украіне заканадаўча не ўрэгуляваны, аднак згаданы інстытут прымірэння ў крымінальным працэсе фактычна дае магчымасць пацярпеламу і правапарушальніку самім удзельнічаць у вырашэнні пытання пра наступствы здзейсненага злачынства (крымінальна права). Згодна з артыкулам 56 Крымінальна-працэсуальнага кодэксу Украіны (далей — КПК) пацярпелы мае права прымірыцца з падазроным (абвінавачваным) і заключыць пагадненне аб прымірэнні на ўсіх стадыях крымінальнай вытворчасці. Прымірэнне з'яўляецца падставай для закрыцця крымінальнай вытворчасці.

Асноўная частка. Як і пры працэдуры медыяцыі ў крымінальным, цывільным, гаспадарчым працэсах краін Еўропы, інстытут прымірэння ў КПК Украіны прадугледжвае недапушчальнасць попыту ў якасці сведак асоб, якія прымалі ўдзел у заключэнні і выкананні пагаднення аб прымірэнні ў крымінальнай вытворчасці, — пра абставіны, якія сталі ім вядомыя ў сувязі з удзелам у сфармуляванні (складанні) і выкананні пагаднення аб прымірэнні (артыкулам 65 КПК) [1]. Пры гэтым КПК не ўдакладняе тое кола асобаў, якія могуць выступаць пасярэднікамі ў прымірэнні. Пры ўмове ўкаранення інстытута медыяцыі такія абавязкі ўскладаліся б на прафесійных пасярэднікаў, паколькі, улічваючы павышаную сацыяльную небяспеку крымінальнай правіны (злачынства), наяўнасць фізічнай і маральнай шкоды, негатыўнага эмацыянальнага фону кантроль над вымярэннем справядлівасці варта даручыць прафесійнаму пасярэдніку.

Такім чынам, для эфектыўнага пасярэдніцтва асобе, якая яго ажыццяўляе, неабходныя веды і досвед як у галіне права, так і псіхалогіі. Эфектыўнасць прымірэння залежыць ад правільнай арганізацыі працэсу і правільнага заключэння пагаднення аб прымірэнні. Перш за ўсё пасярэднік павінен выразна ўсведамляць, што пагадненне аб прымірэнні паміж пацярпелым і падазроным (абвінавачваным) можа быць заключана ў вытворчасці па крымінальных правінах, злачынствах лёгкай або сярэдняй цяжасці і ў крымінальнай вытворчасці ў форме прыватнага абвінавачвання. Заключэнне пагаднення аб прымірэнні або аб прызнанні вінаватасці можа ініцыяваць у любы момант пасля паведамлення асобе пра падазрэнне да выхату суда ў дарадчы пакой для вынясення прысуду. Следчы, пракурор абавязаны праінфармаваць падазронага і пацярпелага пра іх права на прымірэнне, растлумачыць механізм яго рэалізацыі і не перашкаджаць у заключэнні пагаднення аб прымірэнні (артыкул 469 КПК Украіны). А калі якія-небудзь перашкоды будуць працягваць мець месца, пасярэднік павінен ведаць, як правільна на іх рэагаваць.

Дзеля далейшага эфектыўнага выканання пагаднення яго тэкст павінен быць складзены ў адпаведнасці з цывільным матэрыяльным і працэсуальным правам. У залежнасці ад складанасці (праблемнасці) адносін, якія склаліся, пасярэдніку могуць спатрэбіцца веды з іншых галін права.

Як ужо адзначалася вышэй, своеасаблівасці (адметнасці) крымінальных правінаў або злачынстваў патрабуюць ад пасярэдніка ведаў у галіне псіхалогіі. Такім пасярэднікам можа быць юрыст з веданнем галіне псіхалогіі або, наадварот, псіхалаг з веданнем юрыдычнага права, перш за ўсё дамоўленага (дагаварнога) і асноў крымінальнага працэсу.

Роля юрыста-псіхалага заключаецца ў дапамозе ўдзельнікам стаць на шлях перамоў і правесці іх эфектыўна. Аналіз навуковай літаратуры пра асаблівасці прымірэння і вядзення перамоў дае падставы сцвярджаць, што парады псіхалага як нейтральнага боку, у адрозненне ад прапаноў саміх бакоў, выклікаюць больш даверу, перш за ўсё, з-за яго статусу (ролі) і досведу (восьпыту).

Праблемнымі момантамі на шляху псіхалагічнай дапамогі ў прымірэнні з'яўляецца недастатковая практыка (непапулярнасць) выкарыстання пасярэдніцтва як альтэрнатыўнага спосабу рашэння канфліктаў, адсутнасць дастатковай колькасці кваліфікаваных для гэтай нішы псіхалагаў, асобныя тэарэтычныя і эмпірычныя праблемы ў даследаванні дадзенай тэматыкі.

Для правядзення прымірэння і перамоў паміж пацярпелым і падазроным (абвінавачваным) псіхолаг можа дапамагчы бакам распазнаць выкарыстанне розных неканструктыўных тактык. Напрыклад, М. П. Дзядоў, А. В. Марозаў, А. Г. Сарокіна, Т. Ф. Суслава вылучаюць наступныя тактыкі:

1) тактыка дэманстратыўнага супрацоўніцтва, калі адзін з бакоў дэманструе намер супрацоўнічаць, у апанента адпаведна ствараецца ўражанне станоўчага ходу перамоў, аднак канкрэтнага выніку не дасягаецца;

2) тактыка, накіраваная на дэарганізацыю партнёра. Бок для разбурэння плана дзеянняў апанента можа прапанаваць рашэнне, прапанову, пагрозу. Галоўная мэта — прымусіць бок адмовіцца ад вызначанага плану і чаканняў;

3) тактыка правакацыі выклікаць спачуванне ў партнёра — стварэнне ўяўлення (вобразу) пацярпелага (пакрыўджанага, няшчаснага) боку, таму згода з'яўляецца прыкметай аднаўлення справядлівасці, раўнавагі. Дадзеная тактыка грунтуецца на спекуляцыі спагады, справядлівасці іншага ўдзельніка [2].

Для канструктыўнага правядзення працэдуры прымірэння шляхам перамоў псіхолаг можа дапамагчы прытрымлівацца наступных тэхнік: 1) астуджэнне эмоцый; 2) зніжэнне ўзроўню псіхалагічнага напружання і ціску; 3) пераадоленне недаверу; 4) памяншэнне ўзроўню фрустрацыі, трывогі, раздражнення, вербальнай агрэсіі, падазронасці; 5) непасрэдных зносін для высвятлення супярэчнасцей адносна матываў здзяйснення злачынства або крымінальнага ўчынку (крымінальнай правіны); 6) выяўленне схаваных эмоцый, матываў, імкненняў, чаканняў; 7) рэфлексія ўспрымання і разумення.

Псіхолаг павінен разумець, што аднабаковая аргументацыя ў перамовах зводзіцца да дэманстрацыі паслухмянасці, плюсаў свайго рашэння і ўтойвання мінусаў. Пры вядзенні перамоў варта прытрымлівацца гэтак званага «гамераўскага парадку» падачы аргументаў і доказаў, значыць, пачынаць трэба з моцных, потым прыводзіць слабыя, далей яшчэ слабейшыя, а напрыканцы наймацнейшыя [3].

Псіхалагічнымі фактарамі, на якія павінен звяртаць увагу псіхолаг і якія вызначаюць дынаміку перамоў, з'яўляюцца: 1) статус удзельнікаў перамоў (вымяраецца магчымасцю ўздзеяння на апанента) [4, с. 105]; 2) наяўнасць трэціх асоб, якія могуць як станоўча, так і адмоўна паўплываць на прымірэнне паміж бакамі; 3) спосаб падрыхтоўкі перамоваў, а таксама прычыны ўзнікнення і эскалацыі канфлікту; 4) асабістыя характарыстыкі ўдзельнікаў, якія выдучь перамовы: іх ўстаноўкі, умненні і навыкі, спосаб зносін і паводзін, эмацыйная ўстойлівасць, канформнасць і інш.; 5) груповае культура (дамінуючыя думкі і настроі, устаноўкі, стэрэатыпы, звычкі, каштоўнасці, вопыт і г. д.) [5].

Дзеля адэкватнага ўзаемнага ўспрымання ўдзельнікамі працэсу прымірэння трэба пазбягаць эфекту арэолу, які заключаецца ў прыпісванні апаненту станоўчых ці адмоўных ацэнак і якасцей, якія ў момант перамоў не назіраюцца. Яшчэ адным скажэннем успрымання сітуацыі і ўдзельнікаў вырашэння канфлікту з'яўляецца стэрэатыпізацыя, якая заключаецца ў тым, што меркаванні пра адзін з бакоў і ўчынкі робяцца на аснове ўласнага або чужога абмежаванага досведу (вопыту) [6].

Заклучэнне. Падсумоўваючы выкладзенае ў дадзеным артыкуле, варта адзначыць, што перавагай інстытута прымірэння з'яўляецца альтэрнатыва для падазронага або абвінавачванага прымірэнца з пацярпелай асобай (пакрыўджаным бокам), кампенсаваць зробленую (прычыненую) шкоду, пакаюцца ў зробленым, у выніку чаго адбудзецца закрыццё крымінальнай вытворчасці. Пацярпелы ў сваю чаргу можа атрымаць кампенсацыю шкоды; даць шанс падазронаму (абвінавачванаму) выправіцца, паколькі жорсткае крымінальнае пакаранне не з'яўляецца адназначнай гарантыяй выпраўлення вінаватай асобы; пазбегнуць працяглых судовых працэсаў, наступствамі якіх, як правіла, з'яўляюцца істотныя матэрыяльныя выдаткі.

Дзеля якаснага правядзення працэдуры прымірэння пасярэднік павінен валодаць вызначаным наборам ведаў і ўменняў у галіне права і псіхалогіі. Як юрыст пасярэднік павінен мець здольнасць класіфікаваць і адпаведнасці з дзеючым заканадаўствам, выканаць усе залежныя ад яго дзеянні для правільнага афармлення юрыдычных фактаў. Як псіхолаг пасярэднік павінен мець здольнасць паменшыць узровень агрэсіўнасці, фрустрацыі, трывожнасці і рыгіднасці бакоў.

Падчас і пасля дасягнення бакамі згоды ў выніку працэдуры прымірэння роля псіхалага заключаецца ў аналізе сітуацыі, памяншэнні негатыўнага фону, выкарыстанні тэхнікі астуджэння эмоцый, зніжэнні ўзроўню псіхалагічнага напружання і ціску, пераадолення недаверу, раздражнення, падазронасці, выяўленне схаваных эмоцый, матываў, імкненняў, чаканняў, недапушчальнасці пераходу з прадмета канфлікту на асобныя абразы, аказанне кансультацыйнай дапамогі на стадыі выканання атрыманых дамоўленасцей.

Спіс цытаваных крыніц

1. Крымінальны працэсуальны кодэкс Украіны [Электронны рэсурс]. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/page19?text=%EF%F0%E8%EC%E8%F0%E5%ED%ED%FF> (дата звернення: 12.01.2016)

2. Социальная конфликтология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. П. Дедов [и др.] ; под ред. А. В. Морозова. М. : Акад., 2002. 336 с.
3. Deutsch M., Coleman P. T. Rozwiązywanie konfliktów: teoria i praktyka. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 648 s.
4. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М. : МГУ, 1991. 207 с.
5. Социальная конфликтология. С. 230.
6. Там же. С. 246.

УДК 343.851.5:343.9

Е. И. Войтешук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

МОЛОДЁЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Введение. Текст одной из древнейших рукописей папируса Присса, которому несколько тысячелетий, гласит: «Молодёжь пошла не та. Все хотят стать писателями, и никто не хочет работать. Не слушают старших» [1]. Как видим, проблема воспитания подрастающего поколения (и как наиболее острое проявление — молодёжная преступность) существовала всегда.

В рамках социума всегда были люди, особенно в молодёжной среде, не согласные со сложившейся системой отношений в данном конкретном обществе. Они живут по своим, не признанным основной частью населения законам, что может повлечь за собой реализацию их деятельности через противоправное поведение. Ещё Э. Дюркгейм в своих работах отмечал, что «общество без преступности совершенно невозможно», «нормальным является само существование преступности при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определённого типа» [2]. Основная задача каждого государства в лице уполномоченных на то органов — не допустить превышения этих пределов. Достижение указанной задачи возможно посредством применения эффективной системы мер по предупреждению преступности, как нам видится, именно на этапе формирования и становления личности. Представляется, что рассмотрение молодёжной преступности в Германии и Беларуси позволит выработать предложения по совершенствованию действующей системы её предупреждения, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Основная часть. Состояние молодёжной преступности как в Беларуси, так и в Германии вызывает обоснованную тревогу в обществе. Рост социальной напряжённости и углубление кризиса в указанных странах в первую очередь сказались на детях и подростках. Характерной чертой преступлений подростков и молодёжи становится насилие и жестокость. При этом зачастую преступается тот предел насилия и жестокости, который в конкретной ситуации был бы вполне достаточен для достижения цели. Подростки в процессе совершения преступлений при неудачном для них стечении обстоятельств совершают такие преступления, как убийства, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения [3].

На сегодня понятие «молодёжь», которое используется в зарубежных странах, определяется исходя не только из возрастных рамок, но и характерных черт. При этом разные страны используют самые разные концепции: в Англии и Нидерландах молодёжь не выделяют в особую группу, а объединяют вместе с детьми в возрастных рамках 0—25 лет. В Испании молодёжь определяется возрастом 14—30 лет, нередко расширяя границы до 32—34 лет. Этот факт объясняется тем, что именно в этом возрасте молодые испанцы начинают вести самостоятельную, экономически независимую жизнь. В Германии и Беларуси детьми считаются граждане до 14 лет, подростки и молодёжь от 14—18 лет. Также существует такое понятие, как «молодой совершеннолетний» — 18—27 лет. Общее понятие «молодёжь» включает в себя молодых людей в возрасте до 27 лет. Как видим, границы молодёжного возраста обусловлены, прежде всего, особенностями подготовки и вступления молодёжи в продуктивную жизнь. На этой основе они фиксируются в соответствующих нормативно-правовых документах, в которых определяется право и возможность молодёжи заниматься самостоятельной профессиональной деятельностью разного характера, нести ответственность за свои поступки и т. д. [4].

Анализ социологических исследований в Германии и Беларуси свидетельствует, что в современных условиях молодёжь, находясь в психологической, материальной, социальной и иной зависимости от взрослых, нередко всеми окружающими внешне воспринимается своими чисто физическими данными практически как взрослые. На самом же деле эти молодые люди по своей сути преимущественно остаются ещё детьми, которые по уровню своего развития исповедуют детско-подростковые, объективно не взвешенные и незрелые идеалы в спорте, музыке и других сферах жизни, вместе с тем

нередко противопоставляя себя окружающим. В то же время, к сожалению, сами взрослые по различным причинам и обстоятельствам часто теряют контроль над подростками. Всё это способствует преступности среди подростков и молодёжи, которые создают определённую криминогенную группу населения [5].

Говоря об изучении динамики преступности молодёжи в Германии, представляется необходимым указать на то, что анализ состояния преступности (в том числе и молодёжной) проводился после объединения страны впервые в 2007 г. В последующем подобный анализ выполнялся только в 2012 г., когда Федеральной службой статистики (Detatis) Германии был опубликован отчёт о состоянии преступности за 2012 г. в сравнении с данными за 2007 г. Так, согласно данным за 2012 г., судами к разным видам наказания (от лишения свободы до мер дисциплинарного воздействия) приговорено около 773,9 тыс. человек, что на 4% меньше, чем годом ранее, и на 14% меньше, чем в 2007 г. Из общего количества осуждённых около 114,8 тыс. — подростки и молодёжь в возрасте до 21 года. Это на 26% меньше, чем в 2007 г. [6].

По мнению криминологов, одной из главных причин снижения молодёжной преступности является демографическая ситуация. «Молодёжи в Германии с каждым годом становится всё меньше, поэтому и кривая молодёжной преступности идёт вниз, — говорит директор Федерального центра криминологии в Висбадене (KrimZ), профессор Р. Эгг.

В Республике Беларусь криминологи также отмечают снижение уровня молодёжной преступности. Так, по статистике Министерства внутренних дел Республики Беларусь, уровень преступности среди лиц в возрасте 14—29 лет снизился с 40 836 человек в 2007 г. до 25 339 человек в 2012 г. [7]. Однако, как нам представляется, помимо демографической ситуации, это результат работы сформированной ещё в 2003 году законодательной базы по профилактике преступности и безнадзорности несовершеннолетних. Тогда, напомним, был определён круг субъектов данной деятельности, среди основных задач которых — организация досуга несовершеннолетних и их занятости во внешкольное время.

По словам бывшего секретаря Комиссии по делам несовершеннолетних при Совете министров А. Солодовникова, ситуация улучшилась также после вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагоприятных семьях», цель которого — раннее выявление неблагополучных семей и контроль за этими семьями [8].

Как видим, исследование показало, что доля преступников молодёжного возраста (18—29 лет) от общего числа выявленных за совершение преступлений лиц в Германии и Беларуси имеет общие тенденции к снижению, что может послужить фундаментом для разработки идентичных приёмов по улучшению данных показателей.

Заключение. Исходя из анализа динамики молодёжной преступности в Германии и Беларуси можно сделать вывод, что уровень молодёжной преступности снижается. Но, по мнению криминологов, одной из главных причин снижения молодёжной преступности является демографическая ситуация. Молодёжи в рассматриваемых странах с каждым годом становится всё меньше, поэтому и кривая молодёжной преступности идёт вниз.

Несмотря на данные тенденции, молодёжную преступность необходимо если не искоренять, то хотя бы стремиться свести её к минимуму. Представляется, что реализация данной задачи возможна путём применения следующих тактических шагов: 1) решение проблем материнства, семьи, безпризорности; 2) правовой и материальной поддержки малообеспеченных и многодетных семей; 3) создание условий для социальной, психолого-педагогической, медицинской, правовой поддержки и реабилитации молодёжи; 4) повышение эффективности и совершенствование деятельности всех субъектов государственной системы социальной и правовой защиты несовершеннолетних и молодёжи; 5) усиление индивидуальной результативной профилактики антисоциального поведения лиц с психическими аномалиями в возрасте от 14 до 29 лет; 6) координация деятельности органов социальной защиты и профилактики правонарушений среди молодёжи; 7) прекращение пропаганды средствами массовой информации культа насилия, материального успеха любой ценой, романтизации преступной субкультуры.

Список цитируемых источников

1. Подростковая преступность в Республике Беларусь. URL: http://knowledge.allbest.ru/sociology/3c0a65635a2ad78b4d53a89521206d37_0.html (дата обращения: 12.02.2016).
2. Доркгейм Э. Норма и патология. URL: <http://gradaran.mskh.am/sites/default/files/patologia.pdf> (дата обращения: 12.02.2016).
3. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений несовершеннолетних. URL: <http://be5.biz/pravo/kkvv/14.htm> (дата обращения: 12.02.2016).
4. Повышенное внимание к проблемам молодёжи объясняется её особой ролью в общественном воспроизводстве. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-64276.html> (дата обращения: 12.02.2016).
5. Предотвращение молодёжной преступности в европейских странах (на примере Германии). URL: <http://www.infolibrary.com.ua/libs/stattya/694-zapobigannja-molodizhnij-zlochinnosti-v-evropejskih-krayinah-na-prikjadi-nimechchini.html> (дата обращения: 12.02.2016).

6. Снижение преступности естественным путём. URL: http://rg-rb.de/index.php?Itemid=1&id=13432&option=com_rg&task=item (дата обращения: 12.02.2016).

7. Правонарушения в Республике Беларусь: статистический сборник. URL: <http://belstat.gov.by/homep/ru/publications/offence/2013/about.php> (дата обращения: 12.02.2016).

8. Подростковая преступность снижается, но детям всё больше нравится быть жестокими? URL: <http://news.21.by/society/2011/10/21/393124.html> (дата обращения: 12.02.2016).

УДК 343.98

Д. О. Гулевич

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ НА ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Введение. В настоящее время идёт стремительный процесс развития и освоения различными социальными слоями общества информационных технологий, в частности такой глобальной среды, как Интернет. Информационные ресурсы значительно упрощают жизнь, делают её более мобильной. Однако в последнее время учёных волнует вопрос, насколько сильное влияние оказывает Интернет на человека. В данной работе мы рассмотрим влияние виртуальной зависимости на противоправное поведение несовершеннолетних.

Основная часть. Современный этап развития мирового сообщества характеризуется влиянием Интернета и новых телекоммуникационных технологий. Формирование личности детей и подростков происходит в конвергентном пространстве — на стыке виртуального мира и реальности. Раньше подростки социализировались, подтверждали свою уникальность особой одеждой, манерами, сленгом, причастностью к субкультурам. На современном этапе социализация не возможна без интернет-коммуникации в блогах, социальных сетях, сетевых играх. Кроме новых инструментов социализации с развитием сетевых технологий обозначились новые специфические угрозы и риски. Влияние информационных технологий распространяется на все слои населения, однако наиболее незащищённой категорией для такого воздействия являются подростки. Они не просто пользуются Интернетом, они живут посредством него. По данным исследований Национального статистического комитета, у несовершеннолетних любая зависимость формируется в три-четыре раза быстрее, чем у взрослых [1, с. 25].

Впервые о компьютерной зависимости заговорили в начале 80-х гг. XX в. американские и английские исследователи. Основоположниками психологического изучения зависимости от интернета считаются американские исследователи И. Голдберг и К. Янг. Одним из наиболее опасных видов виртуальной зависимости является увлечение компьютерными играми: у компьютерных игроков возникает потеря чувствительности к насилию, появляется чувство вседозволенности, а точнее перенос этого качества из виртуального мира в реальный. Английский психолог М. Шоттон отмечает опасность истощения эмоциональной сферы подростка, поскольку в процессе игры не удаётся выигрывать с первого раза. Подросток, переживая негативные эмоции от проигрыша, пробует снова пройти этап, что в свою очередь порождает череду негативных эмоциональных всплесков. Учёные неоднократно подтверждали, что эмоции, переживаемые от поражения в процессе игры, сходны с эмоциональными переживаниями горя. Большинство компьютерных игр провоцирует агрессивное поведение, неустойчивое настроение и неадекватные реакции [2].

Ряд физиологов, которые изучали причины и следствия возникновения компьютерной зависимости, выяснили, что у испытуемых в крови после серии удачных компьютерных раундов присутствует серотонин (гормон счастья). После ряда проигрышей в компьютерных играх у испытуемых было зафиксировано в крови высокое содержание тестостерона (гормон агрессии и стресса). На основании этого был сделан вывод о том, что компьютерные игры напрямую воздействуют на психоэмоциональное состояние человека. Учёными доказано, что, испытывая положительные эмоции и эйфорию, человек вновь стремится испытать это чувство, впадая в зависимость. В случае с компьютерной игрой человек испытывает удовольствие от победы, затем, стремясь его испытать вновь, возвращается к игре. Побеждать всегда невозможно, за победой следует поражение, которое вызывает негативные эмоции, что провоцирует возникновение немотивированной агрессии и неадекватного поведения. В таком состоянии подростки чаще всего совершают противоправные деяния. Не обязательно, что увлечение игрой напрямую ведёт к проявлению жестокости и совершению правонарушений. Однако при наличии сопутствующих условий (неблагоприятной обстановки в семье, наличии специфических черт характера) чрезмерное увлечение виртуальными играми может явиться причиной совершения преступлений. Таким

образом, между компьютерной зависимостью и противоправным поведением несовершеннолетних существует связь. Жестокость и вседозволенность, которые позволены игрокам в виртуальном мире, перерастают в различные формы агрессивности и заканчиваются применением насилия в реальном мире. В агрессивном неадекватном состоянии несовершеннолетние совершают правонарушения и преступления, преимущественно насильственные преступления и хулиганство. В настоящее время проблема зависимости от компьютера стоит настолько остро во всём мире, что врачами предложено внести зависимость от компьютерных игр в Международную классификацию болезней [3].

Несовершеннолетние проводят много времени в социальных сетях. Зафиксированы факты, когда подростки, не осознавая противоправности своих действий, размещали в социальных сетях (как правило, «ВКонтакте») нацистскую символику, атрибутику. Такие действия преследуется законом, лица привлекаются к ответственности. Особые опасения вызывают случаи, когда несовершеннолетние сами создают противоправные материалы (снимают на видео нападения, драки, порно с собственным участием или с участием друзей) и выкладывают эти материалы в сеть. Известны случаи противоправного поведения, связанные с изготовлением и распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера. Недавний пример: ученик 11-го класса одной из школ Слуцка в социальных сетях под видом сотрудницы модельного агентства предлагал девочкам из своей школы присылать ему фотографии и видеоролики откровенного содержания, а также шантажировал школьниц тем, что распространит фото и видеоролики в сети Интернет. В отношении молодого человека возбуждено уголовное дело по статье 343-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» [4].

По данным российских исследований, среди подростков в возрасте от 15 до 17 лет каждый четвёртый сталкивался в сети с чем-то, что заставляло чувствовать себя неловко, огорчало: насилием, жестокостью и агрессией, порнографией, фактами оскорблений и угроз, мошенничеством, обманом и вымогательством. При этом порнография среди рисков стоит на первом месте — 63%. Серьёзные опасения у исследователей вызывают сайты, пропагандирующие причинение вреда себе (например, ресурсы, популяризирующие излишнюю худобу и анорексию или суицидальное поведение) [5].

В Китае интернет-зависимость признали национальной проблемой республики. В последние годы Южная Корея, Таиланд и Вьетнам предприняли меры, чтобы оградить несовершеннолетних от излишнего увлечения виртуальной реальностью. В рамках этих мер ограничен допуск несовершеннолетних в интернет-клубы, повсеместно внедрены системы «родительского контроля», которые автоматически прекращают сеанс связи через каждые несколько часов онлайн-игры.

Исходя из вышесказанного, Интернет пагубно влияет на развитие и сознание несовершеннолетних. Предотвращению возникновения виртуальной зависимости, а также проявлению всех вытекающих из её наличия последствий, в частности, совершению несовершеннолетними противоправных действий, немало способствует профилактика зависимости от Интернета и компьютерных игр на стадии ознакомления подростка с компьютером.

Отсутствие специальных знаний и навыков здорового образа жизни, а также современных социально-адаптивных стратегий поведения у родителей и педагогов не позволяет им оказывать результативное воспитательное воздействие, психологическую и социальную поддержку несовершеннолетним. Родителям и педагогам стоит учить подростков элементарным знаниям интернет-безопасности: что можно и что нельзя делать в Интернете, как не стать жертвой преступления. Необходимо рассказывать несовершеннолетним, какие действия в социальных сетях влекут административную и уголовную ответственность.

Заключение. Виртуальная зависимость приводит к нервозности, депрессивному состоянию, возбуждению, т. е. вызывает немотивированную агрессию и неадекватное поведение, что провоцирует противоправное поведение несовершеннолетних. В агрессивном неадекватном состоянии несовершеннолетние чаще совершают правонарушения и преступления, преимущественно из хулиганских побуждений, т. е. между виртуальной зависимостью и противоправным поведением несовершеннолетних существует связь. В связи с этим считаем необходимым провести в Республике Беларусь комплексное исследование влияния компьютерной зависимости, компьютерных игр на противоправное поведение несовершеннолетних; законодательно запретить допуск несовершеннолетних в интернет-клубы; проработать вопрос об обязательной установке программ родительского контроля на компьютеры, которыми пользуются несовершеннолетние; шире вести разъяснительную работу с привлечением специалистов в сфере права о том, какие действия в Интернете являются правонарушениями и преступлениями, а также проводить профилактику виктимного поведения несовершеннолетнего в социальных сетях.

Список цитируемых источников

1. Куличкова Л. И. Профилактика негативного влияния интернета на несовершеннолетних // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2013. № 1. С. 24—27.
2. Губанова Л. Г. Компьютерная зависимость как фактор развития агрессивности личности [Электронный ресурс]. URL: <http://sibac.info/studconf/hum/xviii/36658> (дата обращения: 03.01.2016).

3. Куличкова Л. И. Профилактика негативного влияния интернета на несовершеннолетних. С. 25—26.
4. Сначала откровенные фото, затем видео: 11-классник из Слуцка «разводил» и шантажировал школьниц [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/society/485821.html> (дата обращения: 16.02.2016).
5. Нежелательный контент, интернет-пиратство, зависимость — что угрожает детям в глобальной паутине? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=161053> (дата обращения: 06.02.2016).

УДК 343.92

Г. Б. Жунушова,
кандидат юридических наук, доцент
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский
университет», Бишкек, Кыргызская Республика

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Введение. В настоящее время национальная безопасность является предметом заботы любого государства и общества, какими бы они ни были — большими или маленькими, высокоразвитыми или развивающимися, имеющими многовековую историю или недавно получившими независимость. Она должна обеспечиваться постоянно и по всем направлениям, так как воздействие различных угроз на состояние безопасности сохраняется в течение долгого периода, характеристики некоторых из них во времени и в пространстве изменяются. Несвоевременное реагирование повлечёт за собой разрушительные последствия для государства, а также каждой отдельной личности.

Основная часть. Исторический анализ показывает, что безопасность существования и развития на протяжении всей истории была и остаётся высшим интересом человеческого рода. Более того, человеческое общество в процессе своей эволюции создало целую систему обеспечения коллективной безопасности от различных угроз и ответственным за её функционирование назначило такой институт, как государство. До сих пор актуальны высказывания английского философа Т. Гоббса, который в своей работе «Левиафан» показывает диалектическое единство и взаимообусловленность безопасности личности, общества и государства. По мнению мыслителя, добро и зло кроются в поведении людей, живущих в обществе, поэтому задача безопасности личности и общества заключается в выработке определённых правил поведения между людьми [1, с. 51].

В силу изменившейся политической ситуации в стране Указом Президента Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г. № 120 была утверждена Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. Согласно данной Концепции, национальная безопасность Кыргызстана рассматривается как гарантированное состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Меры по обеспечению национальной безопасности, на которые следует обратить внимание, по нашему мнению, — криминологические меры.

Криминологическое обеспечение безопасности — совокупность политических, идеологических, экономических, социально-психологических, правовых и иных мер, разрабатываемых и осуществляемых компетентными государственными и общественными структурами, а также гражданами, по недопущению преступных посягательств на права личности, общества и государства [2, с. 473].

Мы согласны с такой трактовкой, поскольку она охватывает всю систему национальной безопасности, в соответствии со структурно-функциональным анализом.

Криминологическое обеспечение безопасности заключается в том, что криминология как наука своим существованием и развитием способствует повышению уровня безопасности общества через внедрение в практику деятельности правоохранительных органов, общественных организаций, а также в повседневную жизнь граждан.

Прежде всего, обеспечение криминологической безопасности должно начинаться с правового обеспечения. Законодательная база по обеспечению предупреждения преступлений — это основа. Одним из предметов криминологии как науки является предупреждение преступлений. Правовое обеспечение предупреждения преступлений на сегодня слабое, поскольку охвачено различными подзаконными и ведомственными нормативными актами. Без единой правовой базы по предупреждению преступлений не может быть эффективного криминологического обеспечения национальной безопасности.

Следующим действенным средством криминологического обеспечения национальной безопасности являются средства массовой информации. Они постоянно транслируют новости о положении в государстве, обществе, тем самым поддерживая связь с правоохранительными органами, которые также призваны обеспечивать безопасность. И при их эффективной работе будет обеспечиваться национальная безопасность.

Роль социального контроля по криминологическому обеспечению национальной безопасности эффективна — его также можно рассматривать в качестве механизма. Общественные оценки выступают главными показателями состояния криминологической безопасности, так как основаны на чувствительности населения криминальной опасности. Её испытывает на себе большинство населения, что подтверждается проведённым исследованием общественной безопасности в Кыргызстане в 2015 г., которое было основано на анкете и методологии международного исследования по виктимизации граждан вследствие правонарушений (ICVS), а также другими исследованиями. Социальное спокойствие нации зависит от состояния преступности в целом. Подконтрольность обществу заставляет все власти работать по закону. Правильная работа власти и верная демократия — это один из механизмов обеспечения национальной безопасности.

Необходимо через изучение криминальных угроз, непосредственных детерминантов анализировать уже имеющиеся меры по обеспечению национальной безопасности и внедрять новые научные разработки в практику по обеспечению безопасности, например, виктимологического направления.

Кроме того, К. В. Вишневецкий отмечает, что «одним из перспективных направлений развития криминологической науки в современной России является криминологическое обеспечение национальной безопасности страны. В силу относительной самостоятельности виктимологического учения в рамках виктимологической теории необходимо выделить в качестве одной из центральных проблем виктимологическое обеспечение безопасности личности и общества в целом и виктимологическое обеспечение национальной безопасности России в частности» [3]. Виктимологическое обеспечение безопасности России определяется К. В. Вишневецким как научная разработка мер по изучению, оценке и предупреждению виктимологических угроз, виктимизации и её последствий, а также их внедрение в практику виктимологического предупреждения преступности. Виктимологическое обеспечение безопасности — это основанная на принципах комплексного планирования и программирования деятельность государства и общества в лице их органов и институтов, имеющая целью достижение оптимального на данном историческом этапе уровня защищённости интересов личности и общества от воздействия виктимогенных факторов [4].

Мы поддерживаем вышеизложенное мнение К. В. Вишневецкого, так как проведённое международное исследование жертв преступлений в Кыргызской Республике подтверждает необходимость виктимологического обеспечения национальной безопасности Кыргызстана.

Криминальная виктимология активно развивается. Она осваивает значительную по объёму информацию о жертвах и ситуациях различных преступлений. По мере того как изучение «выводит» на конкретную личностную и ситуативную виктимологическую специфику, в её составе формируются новые направления. В современной виктимологии представлены: 1) виктимология насильственной преступности (в её рамках — виктимология преступлений, посягающих на половую неприкосновенность); виктимология воинских преступлений; виктимология терроризма, захвата заложников, похищения людей; 2) виктимология корыстной преступности; виктимология корыстно-насильственной преступности; 3) виктимология экономической преступности (в её рамках — виктимология преступлений, совершаемых в области кредитно-банковской сферы); пенитенциарная виктимология; виктимология преступности несовершеннолетних; 4) виктимология преступлений, совершаемых по неосторожности и др. [5, с. 14—15].

В литературе по криминологии и виктимологии нет как такового понятия виктимологического обеспечения национальной безопасности. Поэтому целесообразно рассматривать данный вопрос в рамках темы в криминологии — криминологическая безопасность, которая в литературе имеется. Это будет и теоретически обосновано, и практически применимо.

По мнению К. В. Вишневецкого, роль виктимологической теории в обеспечении виктимологической безопасности видится в двух взаимосвязанных функциях: накопление и разработка методики получения виктимологической информации. Также отмечается, что учитывая информационный характер современного общества, при котором смысловая систематизация различного рода сведений составляет основную задачу отраслевых наук, виктимологическую информацию можно определить как сведения о виктимности, процессах виктимизации и девиктимизации, практике виктимологического предупреждения преступности [6].

Заключение. Одной из гарантий обеспечения национальной безопасности будет являться защита каждого гражданина Кыргызской Республики. Кроме того, необходимо развить и внедрить теорию виктимологического обеспечения национальной безопасности в рамках криминологического обеспечения, а также разработать законодательную базу по виктимологической профилактике преступности.

Таким образом, криминологическое обеспечение национальной безопасности — это совокупность механизмов обеспечивающих максимальный уровень защищённости личности, общества и государства от криминогенных факторов и угроз.

Список цитируемых источников

1. Словарь русского языка : в 4 т / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957. Т. 1. С. 51.
2. Криминология : для студентов вузов / под ред. Г. А. Аванесова. М. : Юнити-Дана, 2006. 496 с.

3. Вишневецкий К. В. Виктимологическое обеспечение национальной безопасности России [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/3/yurisprudentsiya/vishnevetskiy.pdf (дата обращения: 20.12.2015).
4. Вишневецкий К. В. Виктимологическое обеспечение национальной безопасности России.
5. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002. 304 с.
6. Вишневецкий К. В. Виктимологическое обеспечение национальной безопасности России.

УДК 343.98

Д. А. Лещинская

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ВЛИЯНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ НАПИТКОВ НА ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Введение. Идея создания напитка, способного стимулировать психоэмоциональную и физическую активность человеческого организма, придавать силы и помогать сконцентрироваться, была воплощена в жизнь ещё несколько тысячелетий назад. Люди пользовались природными стимуляторами с древнейших времён. На Ближнем Востоке это был кофе, в Юго-Восточной Азии и Китае — чай, в Индии пили и чай, и кофе, в Южной Америке — мате, в Африке — орехи кола. На Дальнем Востоке, в Сибири и Монголии и сегодня популярны такие стимулирующие растения, как лимонник китайский, элеутерококк, женьшень, аралия. Были и более сильные стимуляторы: эфедрин — в Азии, кока — в странах Южной Америки. Природные ингредиенты, известные с древности, используются и в современном производстве энергетических напитков.

Основная часть. Энергетики — это газированные напитки, содержащие в своём составе вещества, стимулирующие нервную, сердечно-сосудистую и эндокринную системы организма человека, создающие эффект прилива сил и бодрости. Появившийся в 1984 г. напиток “Red Bull” завоевал популярность, что вызвало появление десятков напитков с аналогичными свойствами. Самыми крупными рынками сбыта энергетических напитков являются Европа, Южная и Северная Америка. Энергетические напитки пользуются популярностью, так как они доступны, имеют приятный вкус и невысокую цену. Существует большое количество фирм, производящих «энергетики», однако напитки отличаются между собой лишь названием, состав у них идентичный. Всемирная организация здравоохранения связывает основной риск для здоровья при употреблении энергетических напитков с содержанием в них большого количества кофеина. Помимо кофеина энергетики содержат в себе и другие вещества, которые стимулируют организм: экстракт гуараны, таурин, витамины группы В. Влияние каждого компонента на организм неоднократно проверялось, никаких противопоказаний выявлено не было, но что могут сделать со здоровьем человека эти компоненты все вместе, никто не изучал [1].

Употребление энергетических напитков вызывает опасения не только в связи с вредом, причиняемым здоровью. Энергетические напитки несовершеннолетние употребляют в качестве «веселящего» напитка. При употреблении «энергетик» часто смешивают с алкоголем. Кофеин в сочетании с алкоголем наносит сердцу сильнейший удар. Дело в том, что два этих вещества различаются по своим эффектам. Алкоголь обладает угнетающим действием, а кофеин тонизирующим, в итоге сердце не может адаптироваться и начинает работать в неправильном ритме. Также кофеин не позволяет человеку точно определить степень алкогольного опьянения, что провоцирует возникновение немотивированной агрессии и неадекватного поведения. В таком состоянии подростки чаще всего совершают противоправные деяния. Таким образом, между употреблением энергетических напитков и противоправным поведением несовершеннолетних существует прямая связь.

Помимо вреда, который «энергетики» наносят организму, они провоцируют другие вредные привычки. Голландские психологи на выборке из 509 подростков (11—16 лет) оценили различные показатели физического и интеллектуального развития, качество сна и степень самоконтроля в зависимости от потребления энергетических напитков. По их выводам, проблемы с самоконтролем и осознанностью поведения (по самоотчётам и отзывам родителей) начинаются с потреблением подростком одной банки энергетика в день. Авторы исследования сделали вывод, что употребление энергетических напитков негативно влияет на поведение несовершеннолетних. А исследование австралийских специалистов позволило сделать вывод, что потребление «энергетиков» вызывает появление у несовершеннолетнего других вредных привычек. Они подсчитали, что среди молодых людей любители этих напитков также больше курят, выпивают больше алкоголя и чаще употребляют наркотики. Их выводы опубликованы в журнале “Drug Alcohol Depend”. Таким образом, энергетические напитки провоцируют привыкание к «допингу» для организма, провоцируя впоследствии развитие пьянства, алкоголизма,

наркомании. Также в агрессивном неадекватном состоянии, вызванном употреблением «энергетика», несовершеннолетние чаще совершают правонарушения и преступления, преимущественно хулиганство и насильственные преступления [2].

Заместитель министра образования Республики Беларусь В. Яжжик отметил, что «в молодёжной среде всё более популярными становятся марафоны — непрерывное веселье на протяжении нескольких дней с посещением баров, клубов. Как показали опросы тех, кто употреблял спайс, каждый второй из них пил и энергетические напитки» [3].

В зарубежных странах в последнее время поднимается вопрос о запрете употребления несовершеннолетними энергетических напитков. В настоящее время «энергетики» полностью запрещены в Дании, Турции, Норвегии, Уругвае и Исландии, а также в некоторых штатах США. В Канаде покупатели энергетиков с помощью специальной наклейки информируются об объёме максимального дневного потребления напитка и предупреждают о недопустимости смешения с алкоголем. В Австралии и Новой Зеландии производители «энергетиков», чтобы избежать ограничения на содержание кофеина, вынуждены специальным образом регистрировать свою продукцию. Европейское управление по безопасности пищевых продуктов (EFSA) в феврале 2009 г. опубликовало заключение по таурину и глюконолактону в качестве ингредиентов безалкогольных тонизирующих энергетических напитков. Выяснилось, что у этих добавок есть противопоказания, в частности, они противопоказаны лицам в возрасте до 18 лет. С 2014 г. европейские правила требуют маркировки всех энергетических напитков с высоким содержанием кофеина (свыше 150 мг / л), предупреждения о нежелательности их употребления детьми, беременными и кормящими женщинами. В большинстве стран Евросоюза, где «энергетики» пока не запрещены, вводятся ограничения на их продажу, в первую очередь несовершеннолетним. В Швеции и Франции сегодня не разрешена продажа таких напитков детям и подросткам младше 15 лет, а некоторые их виды можно купить только в аптеке, так как они считаются лекарственным средством из-за высокого содержания кофеина. В Германии отдельные марки энергетиков запрещены к производству и продаже. В Венгрии в 2012 г. энергетики были включены в перечень потенциально вредных продуктов, с которых платится повышенный налог на здоровье населения. Парламент Литвы единогласно одобрил законопроект, запрещающий продажу энергетических напитков несовершеннолетним, закон вступил в силу в ноябре 2014 г. Это первая страна Евросоюза, запретившая продажу несовершеннолетним энергетических напитков. В Казахстане с августа 2013 г. запрещена реализация энергетиков в средних и высших учебных заведениях страны. Запрет на продажу слабоалкогольных энергетических напитков уже действует в ряде регионов России. Московская областная дума в марте 2015 г. приняла закон «Об установлении ограничений розничной продажи слабоалкогольных и безалкогольных тонизирующих напитков на территории Московской области». Согласно тексту закона с 1 мая 2015 г. на территории Московской области не допускается розничная продажа слабоалкогольных тонизирующих напитков, в том числе «Ягуара» и его аналогов, а также запрещается продажа несовершеннолетним безалкогольных тонизирующих напитков, т. е. энергетиков и иных напитков, содержащих кофеин или другие стимуляторы [4].

В настоящее время законодательством Республики Беларуси установлены некоторые требования по продаже энергетических напитков. Так, определено, что в случае реализации безалкогольных энергетических напитков на каждой единице упаковки напитков указываются сведения о показаниях к его применению отдельными возрастными группами населения, согласованные с Министерством здравоохранения. Энергетические напитки должны маркироваться надписью «Не рекомендуется использование детьми в возрасте до 18 лет». Однако пока в Республике Беларусь продажа «энергетиков» несовершеннолетним не запрещена [5].

Заключение. Передозировка энергетическими напитками приводит к нервозности, депрессивному состоянию, психомоторному возбуждению, т. е. энергетики вызывают немотивированную агрессию и неадекватное поведение, что провоцирует противоправное поведение несовершеннолетних. В агрессивном неадекватном состоянии, вызванном употреблением напитка, несовершеннолетние чаще совершают правонарушения и преступления, преимущественно из хулиганских побуждений. Доказано, что энергетические напитки провоцируют появление у несовершеннолетних других вредных привычек: курения, пьянства, а впоследствии развитие наркомании и алкоголизма.

В связи с этим предлагаем провести комплексное исследование влияния употребления энергетических напитков на противоправное поведение несовершеннолетних, законодательно закрепить в Республике Беларусь запрет на продажу энергетических напитков лицам моложе 18 лет, а также полностью запретить рекламу энергетических напитков.

Список цитируемых источников

1. Энергетические напитки: источник энергии или угроза нации? // Информ. журн. «Содружество». URL: <http://sodruzhestwo.ru/news/life/PITANIE/Energeticheskie-napitki-istochnik-energii-ili-ugroza-nacii> (дата обращения: 03.01.2016).
2. Только с 18 лет, не больше одной упаковки. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/10/17_a_6081901.shtml (дата обращения: 03.01.2016).

3. Продажу энергетических напитков подросткам следует запретить. URL: <http://www.belta.by/society/view/prodazhu-energeticheskikh-napitkov-podrostkam-sleduet-zapretit-tozik-59320-2014> (дата обращения: 03.01.2016).
4. Энергетические напитки: источник энергии или угроза нации?
5. Продажу энергетических напитков подросткам следует запретить.

УДК 343.97

П. В. Мельник,
кандидат юридических наук, доцент
Частное высшее учебное заведение «Ивано-Франковский университет права
имени Короля Данила Галицкого», Ивано-Франковск, Украина

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В УКРАИНЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. В статье 46 Конституции Республики Беларусь и статье 50 Конституции Украины закреплено право человека на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причинённого нарушением этого права. Благоприятная окружающая среда — это окружающая среда, качество которой обеспечивает экологическую безопасность, устойчивое функционирование естественных экологических систем, иных природных и природно-антропогенных объектов [1]. Сегодня человечество столкнулось с рядом экологических проблем: загрязнение окружающей природной среды, нерациональное использование природных объектов, исчезновение многих видов животных и растений, заболеваемость населения и т. п. Поэтому в современных условиях экологическая безопасность рассматривается как неотъемлемая и важная часть безопасности человека, общества и государства. Экологическая безопасность является общим благом, ценностью, которая предусматривает ответственное участие каждого человека в охране окружающей среды [2, с. 17].

Одним из путей обеспечения охраны окружающей среды является криминализация деяний против окружающей среды. Украинские учёные (Д. А. Балобанова, А. А. Митрофанов, П. Л. Фрис) под криминализацией понимают процесс выявления общественно опасных видов человеческого поведения, признание на государственном уровне необходимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и закрепления их в законе об уголовной ответственности как преступлений [3]. Н. А. Лопашенко говорит, что криминализация представляет собой отнесение того или иного общественно опасного деяния в разряд преступных деяний с установлением за него уголовной ответственности [4, с. 91]. Эти определения исходят из определения криминализации А. И. Коробеевым [5, с. 59].

Основная часть. Уголовные кодексы Украины и Республики Беларусь являются ровесниками. Уголовный кодекс Украины (далее — УК Украины) принят Верховной Радой Украины от 5 апреля 2001 г. и введён в действие с 1 сентября 2001 г. [6], а Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) от 9 июля 1999 г. [7] и введён в действие с 1 января 2001 г.

Их предшественниками были: в Украине — Уголовный кодекс Украины от 28 декабря 1960 г., а в Республике Беларусь — Уголовный кодекс от 29 декабря 1960 г. В ранее действовавших уголовных кодексах бывших республик Советского Союза преступления против окружающей среды не были выделены в отдельную главу Особенной части. Они относились к преступлениям в сфере хозяйственной деятельности. В действующих уголовных кодексах Украины и Республики Беларусь эти преступления выделены отдельно наряду с иными группами преступлений. В частности, УК Украины содержит раздел VIII Особенной части, который называется «Преступления против окружающей среды», а в УК Республики Беларусь предусмотрена глава 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды».

В первоначальной редакции раздел VIII Особенной части УК Украины вмещал 19 статей, а глава 26 УК Республики Беларусь — 22 статьи. Сюда вошли как составы преступлений против окружающей среды из кодексов Украины и Республики Беларусь 1960 г., так и новые.

В 2001 г. украинским законодательством были криминализованы следующие преступления: нарушение правил экологической безопасности (статья 236); непринятие мер по ликвидации последствий экологического загрязнения (статья 237); сокрытие или искажение сведений об экологическом состоянии или заболеваемости населения (статья 238); загрязнение или порча земель (статья 239); загрязнение атмосферного воздуха (статья 241); нарушение правил охраны вод (статья 242); загрязнение моря (статья 243); умышленное уничтожение или повреждение территорий, взятых под охрану государства, и объектов природно-заповедного фонда (статья 252); проектирование или эксплуатация сооружений без систем защиты окружающей среды (статья 253); бесхозяйственное использование земель (статья 254).

С принятием в 1999 г. УК Республики Беларусь были криминализованы следующие преступления против экологической безопасности: умышленное уничтожение либо повреждение особо охраняемых природных объектов (статья 263); нарушение режима особо охраняемых природных территорий и объектов (статья 264); нарушение требований экологической безопасности (статья 265); приём в эксплуатацию экологически опасных объектов (статья 266); непринятие мер по ликвидации последствий нарушений экологического законодательства (статья 267); сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды (статья 268); нарушение правил безопасности при обращении с экологически опасными веществами и отходами (статья 278); нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими, другими биологическими агентами или токсинами (статья 279), а также ряд деяний против природной среды: порча земель (статья 269); уничтожение либо повреждение торфяников (статья 270); нарушение правил охраны недр (статья 271); загрязнение либо засорение вод (статья 272); нарушение правил водопользования (статья 273); загрязнение атмосферы (статья 274); загрязнение леса (статья 275); уничтожение либо повреждение леса по неосторожности (статья 276).

В настоящий момент в УК Украины 21 статья предусматривает наказание за преступления против окружающей среды, в УК Республики Беларусь — 23 статьи.

С момента принятия УК Украины были внесены изменения в диспозиции статей 240, 245, а раздел VIII Особенной части УК дополнен статьями 239-1, 239-2. Изменения и дополнения в статьи 243, 247, 248, 249, 254 УК Украины касаются санкций этих статей. Криминализация деяний отражена только в статьях 239-1 «Незаконное завладение грунтовым покровом (поверхностным слоем) земель», 239-2 «Незаконное завладение землями водного фонда в особо крупных размерах», 245 «Уничтожение или повреждение объектов растительного мира» УК Украины. Статьи 239-1, 239-2 абсолютно новые, а в статье 245 «Уничтожение или повреждение объектов растительного мира» УК Украины расширен предмет данного преступления (в него включена солома, сухие дикорастущие травы, растительность или её остатки на землях сельскохозяйственного назначения).

В УК Республики Беларусь внесены изменения в составы преступлений, предусмотренные статьями 263, 264, 269, 274, 275, 278, 280, 281, 283. Большинство изменений касается уточнения составов преступлений. Относительно же криминализации деяний, то в статье 278 «Нарушение правил безопасности при обращении с генно-инженерными организмами, экологически опасными веществами и отходами» УК Республики Беларусь расширен предмет преступления путём включения генно-инженерных организмов. К тому же УК Республики Беларусь дополнен статьёй 282-1 «Незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных», чем криминализованы эти деяния.

Белорусское уголовное законодательство различает экологическую безопасность и природную среду. УК Украины использует общее понятие «окружающая среда» («довкілля») [8]. Определение экологической безопасности и природной среды нормативно закреплены в статье 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Понятие «окружающая среда» («довкілля») нормативно в Украине не определено.

В отличие от УК Украины белорусский уголовный закон закрепляет понятие преступлений против экологической безопасности и природной среды в примечании к главе 26 УК Республики Беларусь. В частности, преступлениями против экологической безопасности и природной среды признаются совершённые умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесённым к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности [9]. Данный подход достаточно оправдан, и его уместно было бы применить в Украине.

Следует также отметить, что в отличие от украинского уголовного закона, отдельные составы преступлений УК Республики Беларусь закрепляют административную преюдицию как условие уголовной ответственности. Это, в частности, отражено в части первой статьи 271, части первой статьи 272, части первой статьи 274, части первой статьи 275, части первой статьи 278, части первой статьи 281, части первой статьи 282 УК Республики Беларусь.

Заключение. Криминализация деяний против окружающей среды — это процесс выявления общественно опасных видов человеческого поведения против окружающей среды, признание на государственном уровне необходимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и закрепления их в уголовном законе как преступлений против окружающей среды. Криминализация деяний против окружающей среды в Украине и Республике Беларусь в 2001 г. произошла путём появления раздела VIII Особенной части УК Украины с десятью новыми составами преступлений (статьи 236, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 252, 253, 254) и главы 26 УК Республики Беларусь, в которую вошли 16 новых преступлений против экологической безопасности и природной среды (части первой статьи 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 278, 279), а позже путём внесения изменений в существующие статьи (статья 245 УК Украины и статья 278 УК Республики Беларусь) и введения новых составов преступлений (статьи 239-1, 239-2 УК Украины и статья 282-1 УК Республики Беларусь). Эффективность этой криминализации подлежит исследованию отдельно.

Список цитируемых источников

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-ХІІ. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=v19201982&p2={NRPA}> (дата обращения: 29.11.2016).
2. Марчук В. В. Экологический вред, как последствие преступления против экологической безопасности и природной среды // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы : сб. науч. тр. Гос. учреждения «Центр судеб. экспертизы и криминалистики М-ва юстиции Респ. Беларусь». Минск : Право и экономика. 2010. № 1 (27). С. 17—18.
3. Фріс П. Л. Кримінально-правова політика Української держави : теоретичні, історичні та правові проблеми. Київ : Атіка, 2005. С. 248 ; Балобанова Д. О. Теорія криміналізації : автореф. дис ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Одеса, 2007. С. 13.
4. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
5. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. Проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 268 с.
6. Кримінальний кодекс України [Электронный ресурс] : Закон України № 2341-ІІІ від 05.04.2001. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (дата звернення: 29.11.2016).
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275&p2={NRPA}> (дата обращения: 29.11.2016).
8. Балобанова Д. О. Теорія криміналізації.
9. Лопашенко Н. А. Уголовная политика.

УДК 343.98

Е. В. Романюк

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ПРИЧИНЫ» И «УСЛОВИЯ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ДЕТЕРМИНАНТАМ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

Введение. В 2015 г. наблюдалось снижение числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Впервые за последние несколько лет отмечается тенденция к снижению количества таких преступлений, совершённых с участием несовершеннолетних. Тем не менее проблема наркомафии и незаконного оборота наркотиков в Республике Беларусь продолжает оставаться актуальной [1]. Чтобы анализировать детерминанты употребления наркотиков, необходимо уточнить значение понятий «детерминанты», «причины», «условия».

Основная часть. Словарь С. И. Ожегова определяет детерминизм как учение о закономерности и причинной обусловленности всех событий и явлений. Причина — явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления; основание, предлог для каких-нибудь действий. Условие — обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; обстановка, в которой происходит что-нибудь [2, с. 157, 593, 826].

Детерминантами (лат. *determinare* определять) называются комплексы социальных явлений, совместное действие которых порождает какое-то явление. Родовое понятие «детерминанты» объединяет в себе причины и условия. По мнению профессора А. И. Долговой, оценка одних явлений в качестве причин, а других в качестве условий носит относительный характер. Конкретное явление в одних взаимодействиях может играть роль причины, в других — условия. Причина становится таковой именно во взаимодействии с условиями [3, с. 150, 180].

По мнению профессора Н. Ф. Кузнецовой, в систему криминогенной детерминации входят следующие детерминанты: причины, условия, коррелянты. Причины — это явления, порождающие, производящие другие явления — следствия. Этимологически слово «причина» связано с глаголом «учинять», т. е. делать, производить. При установлении того, что явилось причиной, а что следствием в цепи причин и следствий, необходимо стремиться к тому, чтобы вычленил два соседних звена, одно из которых — «причина», а другое — «следствие». Двигаясь по криминогенной цепи от следствия (например, преступления) к его причинам, важно помнить, что причинная связь необратима, и в каждом её первичном звене непосредственна. Причинно связаны могут быть явления, находящиеся в необратимой временной и пространственной зависимости. Вторым после причины видом детерминант являются условия; их связь с причиной и следствием называется обуславливанием. Условиями называют факторы, которые способствуют, создают возможность возникновения и проявления причины, порождающей следствие. Их действие на следствие опосредовано причиной. Категория «условия» связана с категорией «возможность» и её количественным выражением «вероятность». В отличие от причины, условия не содержат потенциальных сил, которыми обладает причина для воспроизводства следствия, но они обеспечивают появление и действие (проявление) причины. Без условий, без взаимодействия их с причиной последняя либо не появится, либо не будет действовать. При наличии одних только условий

возможность появления следствия не превращается в действительность. Взаимодействие условий и причин протекает по типу детерминации прошлым и детерминации настоящим. В зависимости от этого условия подразделяются на две группы: условия возникновения (формирования) причины и условия обеспечения результативного процесса причинения. По активности воздействия на следствие условия менее активны, чем причины, хотя и не полностью пассивны, они деятельно взаимодействуют с причиной. Третьим видом детерминант являются коррелянты. Их связь со следствием — корреляция. Это многофакторная детерминация в массивных системах, при которой изменения в одном ряду факторов в сторону возрастания или уменьшения вызывают соответствующие изменения в другом ряду факторов. Также при исследовании детерминации используют понятие «фактор» (лат. factor делающий, производящий). Термин «фактор» следует употреблять в качестве синонима понятия «детерминанта». Например, под факторами обычно понимают обстоятельства, детерминирующие какое-либо явление [4, с. 11—16].

Российский исследователь В. Н. Кудрявцев писал, что в философской и юридической литературе различают полную и специфическую причины. Под полной причиной понимается совокупность всех обстоятельств, при которых неизбежно наступает данное следствие. Другими словами, это понятие включает не только причину в узком смысле слова (специфическую причину явления), но и все необходимые и достаточные условия. Различие причин и условий относительно, оно имеет значение лишь применительно к конкретным явлениям. В широком смысле условия также являются причинами события, без них оно не могло бы произойти. Чтобы объяснить, чем причины отличаются от условий, В. Н. Кудрявцев обращается к категориям материалистической диалектики: «Условиями явления в отличие от его причин называется комплекс явлений, которые сами не могут породить непосредственно данное явление — следствие, но сопутствуя причинам в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определённое их развитие, необходимое для возникновения следствия» [5, с. 9]. Для определения того, что следует отнести к причинам, а что — к условиям, используют подход, который связан с рассмотрением устойчивости и изменчивости явлений. Согласно этой точке зрения если объект изменяется, то его причина — это изменяющееся условие в совокупности относительно устойчивых условий. Причиной устойчивого состояния является относительно устойчивое условие в совокупности изменяющихся условий, т. е. причина противоположна условиям по своей изменчивости (или, напротив, устойчивости). Причина и условие могут меняться местами. Применительно к изучению негативных социальных явлений, связанных с преступностью, разграничение причин и условий с учётом их изменчивости и стабильности даёт возможность отделить изменяющиеся социальные явления от некоторых постоянно действующих (демографических, климатических и др.) естественных факторов [6].

Как отмечают белорусские учёные М. Ю. Кашинский и В. Б. Шабанов, хотя причины и условия — явления диалектически взаимосвязанные и обусловленные, в профилактической деятельности целесообразно рассматривать их отдельно, так как каждое из них имеет собственное содержание. Взаимодействие «причина—следствие» зависит от условий. Под условиями понимается совокупность явлений, обстоятельств, которые образуют его «среду», сопутствуют и обеспечивают его развитие. По отношению к причине выделяют условия внешние и внутренние. Для индивида как субъекта социального поведения внутренними условиями являются свойства его личности, обеспечивающие возможность реализации побуждения и принятой им цели (особенности воли, характера, темперамента, а также «фоновое психическое состояние, обеспечивающее возможность осуществления психических функций в целесообразной регуляции поведения»). Указанные исследователи соглашаются с мнением А. Н. Пастушени, что в числе внешних условий, детерминирующих противоправное поведение индивида, особое значение имеет социальная группа и субкультура локальной социальной среды [7, с. 83—84].

В исследовании детерминант употребления наркотиков под причиной следует понимать явление, непосредственно вызывающее, обуславливающее употребление наркотиков, а под условием — обстоятельства, которые образуют благоприятную среду для употребления наркотиков, сопутствуют ему.

Заключение. Причины и условия взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, например, одной из причин употребления наркотиков несовершеннолетним является ненадлежащее выполнение родителями обязанностей по его воспитанию. Соответственно, условием в этом случае будет выступать отсутствие контроля над времяпровождением несовершеннолетнего. В то же время эти два понятия необходимо чётко разграничивать. Важно найти противодействие на все группы условий, способствующих употреблению наркотиков, нужны и жёсткие законодательные меры, и активная профилактическая работа. Но пока каждый человек не осознаёт, что самые страшные последствия употребления наркотиков могут коснуться его лично, любая информация будет восприниматься односторонне.

Учреждениям образования необходимо рассматривать на профилактических советах каждый случай совершения несовершеннолетними правонарушения или преступления в сфере незаконного оборота наркотиков с выяснением причин и условий, способствующих его совершению. Органам предварительного расследования целесообразно обеспечить глубокое изучение в ходе предварительного следствия причин и условий, способствующих совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и вносить представления по их устранению, исключив внесение формальных и декларативных представлений. Стоит внедрить в практику участие следователей в рассмотрении внесённых ими представлений по уголовным делам данной категории.

Список цитируемых источников

1. Обзор наркоситуации в республике [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=290813> (дата обращения: 12.02.2016).
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 7-е изд., стереотип. М. : Совет. Энцикл., 1968. 900 с.
3. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : НОРМА, 2001. 784 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
5. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М. : Юрид. лит., 1968. 176 с.
6. Там же. С. 10—11.
7. Шабанов В. Б., Кашинский М. Ю. Аутодеструктивное поведение в учреждениях уголовно-исполнительной системы: организационные и правовые проблемы : моногр. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. 147 с.

УДК 343.3

Н. М. Русакевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение. Как отмечается в обзоре Верховного Суда Республики Беларусь судебной практики по назначению судами конфискации имущества по уголовным делам, «борьба с преступностью в нашем обществе осуществляется прежде всего на основе комплекса социальных мер, воздействующих на устранение причин и условий совершения преступлений» [1]. Как представляется, конфискация как мера уголовно-правового характера носит на современном этапе общественного развития частно-превентивный характер и способствует ликвидации детерминации корыстной (в частности коррупционной) преступности.

Исследованием конфискации имущества как меры уголовно-правового воздействия занимались такие учёные, как К. А. Волков, В. Н. Додонов, О. С. Капинус, А. В. Лужбин, С. Ф. Милюков, В. И. Михайлов, В. И. Сергеевич, А. В. Степанищев. В рамках же сравнительно-правового анализа конфискация ранее не оценивалась. Помимо указанного представляется необходимым отметить, что конфискация имущества признавалась либо мерой наказания (Республика Беларусь), либо иной мерой уголовно-правового характера (Российская Федерация), а речи о конфискации имущества как меры по предупреждению преступности и борьбы с коррупцией ранее не велось. Отмечалось только её превентивное воздействие. Приведённое и обуславливает актуальность данного исследования.

Автор посредством применения исторического и сравнительно-правового методов научного познания выявил особенности становления института конфискации имущества в Республике Беларусь и Российской Федерации. В исследовании сделана попытка доказать точку зрения относительно принадлежности «конфискации имущества» к правовым методам предупреждения и борьбы с коррупцией.

Основная часть. Коррупция — одна из наиболее острых проблем современного общества, так как имеет множество проявлений. Ещё в 1999 г. профессор В. В. Лунеев обращал внимание на то, что в условиях рыночной экономики, свободной торговли коррупция не сводится к примитивным видам взяточничества (пакета с деньгами) и элементарных злоупотреблений [2].

В настоящее время в Республике Беларусь действует перечень коррупционных преступлений, утверждённый постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6 «Об утверждении Перечня коррупционных преступлений» (далее — Перечень). Этот Перечень включает десять составов преступлений: 1) хищение путём злоупотребления служебными полномочиями (статья 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)); 2) легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретённых преступным путём, совершённая должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (части вторая и третья статьи 235 УК); 3) злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (части вторая и третья статьи 424 УК); 4) бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (части вторая и третья статьи 425 УК); 5) превышение власти или служебных полномочий, совершённое из корыстной или иной личной заинтересованности (части вторая и третья статьи 426 УК); 6) незаконное участие в предпринимательской деятельности (статья 429 УК); 7) получение взятки (статья 430 УК); 8) дача взятки (статья 431 УК);

9) посредничество во взяточничестве (статья 432 УК); 10) злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершённые из корыстной или иной личной заинтересованности (статья 455 УК) [3].

Данные составы объединяет один мотив — корысть в своём наичистейшем проявлении.

Представляется, что одним из наиболее эффективных уголовно-правовых средств борьбы с коррупционными преступлениями всегда был такой вид наказания, как конфискация имущества. Как подтверждение этих слов представляется возможным указать на наличие «конфискации имущества» в санкциях почти каждой из приведённых в Перечне статей. Исключение составляет незаконное участие в предпринимательской деятельности (статья 429 УК) и посредничество во взяточничестве (статья 432 УК) [4].

Следует отметить, что применение конфискации имущества как меры борьбы с преступностью имеет глубокие исторические корни. Первое упоминание о возможности применения конфискации имущества относится к периоду действия Русской Правды. Конфискация имела название «поток и разграбление» и подразумевала полную передачу имущества князю. Так, статья 5 третьей редакции Русской Правды предусматривала «поток» за предумышленное убийство с захватом чужого имущества, а статья 79 — за сожжение гумна.

Во времена действия Судебника Казимира 1468 г. карательные меры применялись «по усмотрению князя» без указания конкретного вида наказания или размера денежного взыскания.

В Статутах же Великого княжества Литовского указывается на конкретную меру наказания за совершение того либо иного правонарушения. Так, в статье 1 Статута 1529 г. говорится о возможности «конфискации имения» к тому, «кто оговорит другого, но не представит доказательств» или «кто-нибудь из наших подданных», кто «убежал из нашего государства в землю наших неприятелей».

После распада Речи Посполитой на территории современного белорусского государства начинает действовать законодательство Российской империи. Здесь в Своде законов 1832 г. и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. конфискация имущества предусматривается как мера наказания за политические преступления. С принятием редакции Уложения о наказаниях 1885 г. конфискация как вид наказания упраздняется из системы мер по противодействию преступности вплоть до 1917 г. Как утверждают В. Н. Додонов и О. С. Капинус, «о ней (имеется в виду конфискация. — *Н. Р.*) вновь вспомнили после революции 1917 г. и уже не забывали во всех российских УК» [5, с. 119—120].

В ныне действующем УК Республики Беларусь конфискация имущества понимается как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осуждённого, и устанавливается за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершённые из корыстных побуждений (статья 61 УК Республики Беларусь). Являясь дополнительным видом наказания (часть вторая статьи 48 УК Республики Беларусь), конфискация имущества оказывает превентивное воздействие на преступника. Подтверждением тому может послужить пример отмены конфискации имущества в Российской Федерации. Как отмечают российские криминологи, после упразднения в 2003 г. в России конфискации имущества наблюдался резкий рост корыстной и коррупционной преступности. Так, например, в 2000 г. было зарегистрировано 1 310,1 тыс. краж (в России ещё действовала конфискация), в 2005 г. было зарегистрировано 1 573,0 тыс. краж [6]. Отсюда следует, что конфискация имущества может быть отнесена к эффективным правовым способам предупреждения и борьбы с корыстной и коррупционной преступностью и ни в коем случае не должна упраздняться. Проанализировав негативные тенденции в области динамики корыстной преступности, российский законодатель, в частности В. В. Путин, уже в 2006 г. восстановил институт «конфискации имущества», однако только как «иной меры уголовно-правового характера».

Помимо указанного, введение данной меры было обусловлено вступлением в России в силу 21 марта 2006 г. Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции (далее — Конвенция). Согласно части первой статьи 31 Конвенции государства-участники должны принять «в максимальной степени... такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации: а) доходов от преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; б) имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией» [7].

Следует отметить, что в Российской Федерации действует более пространный перечень коррупционных преступлений (Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности [8]), нежели в Республике Беларусь. Так, по нему к статьям (пунктам, частям) УК Российской Федерации, которыми предусмотрены преступления коррупционной направленности, относят 36 составов (напомним, в Республике Беларусь — 10). Ни по одному из них конфискация не может быть применена как средство борьбы с коррупцией, так как она российскими судами применяется только как мера по безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества: а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения определённого перечня преступлений; б) денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, и доходы от этого имущества были

частично или полностью превращены или преобразованы; в) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации); г) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому (статья 104.1 УК Российской Федерации) [9].

Как видим, цели конфискации как «иной меры уголовно-правового характера» во многом схожи с целями наказания: конфискация также направлена на восстановление социальной справедливости, имеет общепредупредительную и частно-превентивную направленность, способствует исправлению лица. Автору представляется, что всю полноту предупредительной функции, а также функции по борьбе с коррупционной преступностью она может реализовать только как мера наказания.

Заключение. По нашему мнению, необходима более детальная проработка Перечня коррупционных преступлений для Республики Беларусь. Российскому законодателю следует обратить внимание на необходимость восстановления конфискации имущества как меры наказания, поскольку только в этом случае она сможет быть использована как средство борьбы с коррупцией.

Список цитируемых источников

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь по практике назначения судами конфискации имущества по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://crimpravo.ru/ru/blog/2263.html> (дата обращения: 02.02.2016).
2. Лунеев В. В. Пороки уголовного законодательства (Кому служит УК) [Электронный ресурс]. URL: <http://crimpravo.ru/ru/blog/2263.html> (дата обращения: 02.02.2016).
3. Об утверждении Перечня коррупционных преступлений [Электронный ресурс]: постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, КГК, Оперативно-аналит. Центра при Президенте Респ. Беларусь, МВД Респ. Беларусь, КГБ Респ. Беларусь, 31 янв. 2011 г. № 5/8/1/34/6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000».
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь, 29 янв. 2015 г., № 245-З Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
5. Капинус О. С., Додонов В. Н. Конфискация имущества в международном и национальном праве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000».
6. Статистический ежегодник Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://r56.fssprus.ru/Prkorg7> (дата обращения: 02.02.2016).
7. Конвенция ООН против коррупции: принята Генер. Ассамблеей ООН 31 окт. 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12. Ст. 1231.
8. Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности [Электронный ресурс]. URL: <http://r56.fssprus.ru/Prkorg7> (дата обращения: 02.02.2016).
9. Уголовный Кодекс Российской Федерации: принят ГД ФС Рос. Федерации, 24 мая 1996, № 63-ФЗ // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000».

УДК 343.915

И. Ф. Сергиевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

К ВОПРОСУ О СНИЖЕНИИ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Введение. Закон от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» направлен на усовершенствование уголовного, административного и гражданского судопроизводства в Беларуси. Основной новеллой для уголовного права стало снижение возраста уголовной ответственности по некоторым составам преступлений. В частности, предусматривается снижение возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет за хищение путём использования компьютерной техники (статья 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (статья 415 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Это обусловлено ростом числа таких преступлений, совершенных несовершеннолетними [1].

Актуальность проведённого исследования обусловлена необходимостью осмысления возможности снижения возраста уголовной ответственности в Республике Беларусь.

Основная часть. Необходимым основанием уголовной ответственности, характеризующим субъект преступления, является достижение лицом, совершившим общественно-опасное деяние, определённого возраста. Здесь понятие «возраст» выступает не только как уголовно-правовая категория, но и как социально-биологическая характеристика личности.

Современные реалии преступного мира говорят о молодёжном субъекте преступления. В статистических ежегодниках Беларуси органы статистики отражают только данные о преступниках в возрасте

от 14 лет и старше, в то время как статистика самих правоприменителей отличается, а в средствах массовой информации периодически появляется материал о преступлениях, которые совершают лица в возрасте до 14 лет. Так, например, 17-летний ранее судимый за кражу, 13-летний ученик 8 класса и 16-летний ученик школы-интерната в деревне Королишевичи Минской области остановили автомашину, которой управлял водитель-экспедитор фирмы «Оптитэк», и потребовали подвезти их в Минск. Получив отказ, ударили его металлическим предметом по голове, а затем затолкали в багажник. Захватив машину, преступники не справились с управлением и врезались в бордюр. Чтобы скрыть следы преступления, они облили автомобиль бензином и подожгли [2]. И это не единичный случай. В связи с этим в научных кругах всё чаще поднимается вопрос о необходимости снижения возраста уголовной ответственности.

Обратимся к российской правовой доктрине [3]. Вопрос о снижении возраста уголовной ответственности для неё не нов. Данной проблематикой занимаются такие российские учёные, как А. Н. Александров, Л. В. Боровых, И. Ю. Колоскова, С. Ф. Милуков, Н. В. Сараев. Возможность проведения уголовно-правовой реформы в России в части снижения возраста уголовной ответственности обсуждалась и российским законодателем, когда в 2012 г. в Государственную думу был внесён законопроект, предусматривающий снижение общего возраста уголовной ответственности до 14 лет, а за совершение наиболее тяжких преступлений — до 12 лет.

Реформа так и не была проведена. На сайте russianews.ru сразу после появления новости о законопроекте была опубликована весьма критичная статья «Детство в клетку», в которой автор совсем нелестно отзываясь об инициаторах уголовной реформы в части снижения возраста уголовной ответственности, говоря о «возврате к сталинизму» и о «постыдности данной меры» [4]. Противники проведения реформы имеются как среди сотрудников средств массовой информации и общественности, так и среди учёных.

Доктор юридических наук, профессор Я. И. Гилинский утверждает, что «сторонники снижения возраста уголовной ответственности мыслят, мягко говоря, негуманно. И 14 лет — возраст далеко не зрелого человека. Посмотрите на двенадцатилетних ребят — это, как правило, дети и представить их нахождение в местах лишения свободы само по себе страшновато» [5, с. 121].

В противовес его слов доктор юридических наук С. Ф. Милуков пишет: «Конечно, тюрьма мало кого исправляет. Но она более или менее надёжно изолирует подростка и предотвращает причинения нового вреда обществу, государству и гражданам (прежде всего сверстникам и более младшим по возрасту детям).

Как не иезуитски звучит, ранняя уголовная ответственность (конечно, соразмерная посягательству) выгодна и самому подростку, поскольку в нынешних условиях после неоднократных уголовных осуждений и более мягких порицаний он ещё в молодом возрасте, но по достижению 18-летнего возраста сразу садится в тюрьму на 10—15 лет и даже пожизненно. Поэтому из двух зол — деградации его личности на воле или в заключении — надо избирать меньшее, т. е. второе» [6].

Представляется необходимым исследовать возрастной порог наступления уголовной ответственности в зарубежных странах. Так, в Турции привлекают к уголовной ответственности с 11 лет, в Великобритании, США и Австралии — с 10 лет, в Шотландии — с 8 лет, а в Швейцарии и Ирландии — с 7 лет [7].

На постсоветском пространстве наибольший интерес представляет опыт Республики Узбекистан, законодатель которой провёл реформу, предусмотрев в статье 17 Уголовного кодекса Республики Узбекистан для несовершеннолетних тринадцатилетнего возраста ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах [8].

Исследуя позиции «за» и «против», нам представляется необходимым указать на следующий факт: при расследовании преступлений, совершённых несовершеннолетними, в перечень элементов предмета доказывания, помимо основных, включается возраст, наличие взрослых подстрекателей или соучастников, условия жизни и воспитание несовершеннолетнего, и, что особенно важно, уровень интеллектуального, волевого и психического развития. Последний элемент устанавливается психологом, обязательное участие которого по данной категории дел предусмотрено в уголовно-процессуальных кодексах как России, так и Беларуси [9]. Данный инструмент защиты несовершеннолетних преступников, которые в полной мере не осознают содеянное, в любом случае будет работать и при снижении возраста привлечения к ответственности до 13 или даже 12 лет.

В рамках действующего уголовного законодательства Беларуси (Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») лица, не достигшие 16 лет (в отдельных случаях 14 лет), не могут быть признаны субъектами преступления. Однако в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления в возрасте от 11 до 18 лет, предусмотрена возможность помещения их в специальные учебно-воспитательные учреждения. Несовершеннолетний является нуждающимся в особых условиях воспитания, если в отношении его постановлен приговор с применением принудительных мер воспитательного характера в виде помещения его в специальное учебно-воспитательное учреждение или специальное лечебно-воспитательное учреждение либо судом принято решение о помещении его в специальное учебно-воспитательное учреждение или специальное лечебно-воспитательное учреждение [10].

Аналогичный Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120 (с изменениями от 13 января 2001 г.) имеется и в России. Так, им предусмотрено, что в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа могут быть помещены по постановлению судьи несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, если они: 1) не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность; 2) достигли возраста уголовной ответственности, но не могли в полной мере осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

За более мелкие правонарушения несовершеннолетние в России могут помещаться в специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа с восьмилетнего возраста [11].

Заключение. Прежде чем начинать разрабатывать уголовно-правовую реформу в Беларуси, необходимо провести мониторинг состояния и динамики преступности несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности. Не стоит понижать возраст уголовной ответственности, основываясь только на международном опыте, так как не мировое сообщество оказывает влияние на развитие национального уголовного законодательства, а современные реалии того общества, в котором это законодательство принимается.

Список цитируемых источников

1. Апелляцию в уголовном процессе, снижение возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних и другие новации в судопроизводстве комментирует Валерий Мицкевич. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=195773> (дата обращения: 12.02.2016).
2. Вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь. URL: http://otherreferats.allbest.ru/law/00086961_0.html (дата обращения: 12.02.2016).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=174173> (дата обращения: 12.02.2016).
4. Детство в клетку. URL: <http://russianews.ru> (дата обращения: 12.02.2016).
5. С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности?. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/s-kakogo-vozrasta-mozhno-privlekat-k-ugolovnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 12.02.2016).
6. Там же. С. 124.
7. Минина С. П. Преступления несовершеннолетних. URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1062> (дата обращения: 12.02.2016).
8. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: http://www.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=111457 (дата обращения: 12.02.2016).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/> (дата обращения: 12.02.2016).
10. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 дек. 2013 г., № 84-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
11. С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности?.

УДК 343

С. М. Храмов,

*кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», Брест*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ НАСЕЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Введение. В последнее время правоохранительные органы Республики Беларусь добились заметных результатов в своей деятельности. Несмотря на некоторый рост зарегистрированной преступности, в целом криминогенная ситуация в Беларуси остаётся стабильной. По данным Министерства внутренних дел, «в 2015 г. по стране зарегистрировано чуть менее 97 тыс. уголовно наказуемых деяний. Криминогенная обстановка характеризовалась снижением уличной преступности, а также краж всех форм собственности. При этом эффективность установления лиц, причастных к совершению злодеяний, повысилась» [1].

Установление реальных показателей фактической криминогенной ситуации в стране необходимо для восстановления социальной справедливости, защиты прав потерпевших, оптимизации расходов на борьбу с преступностью. Наиболее полному и своевременному выявлению латентных преступлений

могут способствовать дополнительные средства, которые не достаточно активно используются в настоящее время. В частности, одним из таких средств является виктимологический мониторинг населения.

Основная часть. Согласно части первой статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, «потерпевшим признаётся физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинён физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим» [2].

В обществе бытует мнение о том, что риск стать жертвой преступления достаточно велик. Опросы населения показали, что более пятой части респондентов были в прошлом жертвами различных категорий преступлений, причём некоторые из них оказались таковыми два и более раза.

В статье 12 руководящих принципов в области предупреждения и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка, принятых в 1985 г. на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, предписано «...принять необходимые законодательные и другие меры в целях обеспечения жертв преступлений эффективными средствами правовой защиты...» [3].

В 1990 г. на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций были приняты руководящие принципы для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) [4].

Перечисленные положения являются общепризнанными принципами международного права, действие которых признаётся Республикой Беларусь [5]. В общем виде они закреплены в Конституции Республики Беларусь. Согласно статье 21 Конституции Республики Беларусь 1994 г. «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства» [6].

В развитие конституционных положений Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» к основным задачам органов внутренних дел отнесены, в том числе, «защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства» [7].

Во многих зарубежных странах виктимологический мониторинг широко используется в качестве одного из методов выявления латентных преступлений. Например, при интервьюировании жителей Испании старше 75 лет было установлено, что «от 25,8 до 32,8% из них подвергаются жестокому обращению» [8, с. 53].

Кроме выявления латентных преступлений, на основе полученных данных правоохранными органами разрабатываются меры профилактического характера [9, с. 8].

Виктимологический мониторинг, проведённый федеральным государственным казённым учреждением «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», показал, что «потерпевшие не желают заявлять о случившемся в силу разных причин. Самая распространённая из них — неверие в способность правоохранных органов найти виновных и компенсировать ущерб (54% опрошенных) и нежелание участвовать в затяжном уголовном процессе (26%)» [10, с. 1].

На западе помимо анкетирования и виктимологического мониторинга получил определённое распространение метод опроса правонарушителей. Кстати, в США метод опроса правонарушителей (их своеобразные самоотчёты) — третий по значимости метод получения данных о преступности [11, с. 117—122].

Советом Министров Республики Беларусь было принято постановление от 20 января 2006 г. № 74 «О Концепции защиты жертв преступной деятельности» (далее — Концепция) [12]. Принятие данной Концепции обусловлено негативными тенденциями в развитии преступности и органически связанной с ней криминальной виктимизации населения в период перехода страны к рыночным отношениям, а также необходимостью противопоставить им комплекс системных мер по защите жертв преступной деятельности.

До сентября 2012 г. при проведении виктимологического мониторинга сотрудники Министерства внутренних дел руководствовались Инструкцией о порядке организации изучения общественного мнения о работе органов внутренних дел Республики Беларусь, утверждённой постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 12 мая 2008 № 143. Однако с принятием 10 сентября 2012 г. постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь № 325 [13] данная Инструкция утратила силу. Поэтому вопрос о разработке правового и методического обеспечения виктимологического мониторинга населения остаётся открытым.

Заключение. Отсутствие точной информации о фактических масштабах преступности, включая скрытую (латентную) её часть, является существенным препятствием противодействию преступным проявлениям в обществе. Для повышения эффективности борьбы с латентной преступностью требуется разработка и внедрение в правоохранный практику новых методик выявления скрытых преступлений. Одной из таких перспективных методик является виктимологический мониторинг населения. Проведение виктимологического мониторинга населения направлено на выявление жертв преступлений и способствует получению объективной картины как виктимизации населения, так и уровня состояния латентной преступности.

Список цитируемых источников

1. Состоялось заседание коллегии Министерства внутренних дел [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/gu/main.aspx?guid=306703> (дата обращения : 27.02.2016).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
3. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (приложение к Миланскому плану действий, принятому на седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа — 6 сентября 1985 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Руководящие принципы Организации Объединённых Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) [Электронный ресурс] : приняты Резолюцией 45/112 Генер. Ассамблеи ООН 14 дек. 1990 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г. № 421-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 янв. 2014 г., № 124-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 11-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. 64 с.
7. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 307-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
8. Горфан Я. Ю. К проблеме виктимизации пожилых людей: обзор зарубежных исследований // *Соврем. зарубеж. психология*. 2013. № 1. С. 51—59.
9. Щербакова Л. Ю. Виктимологический аспект преступности: современная теория и практика: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб. : Санкт-Петерб. ун-т, 2005. 22 с.
10. Гришин А. Латентная преступность порождает беспредел // *Сегодня*. 1996. 8 мая. С. 1.
11. *Криминология* / Д. Ф. Шелли [и др.] ; под ред. Д. Ф. Шелли ; пер. с англ. СПб. : Питер : Питер принт, 2003. 860 с.
12. О концепции защиты жертв преступной деятельности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 янв. 2006 г., № 74. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
13. О признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь и структурного элемента постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 10 сент. 2012 г., № 325 // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь*. 2004. № 69. 5/14142.

УДК 343.9.01

В. А. Шуняева,

кандидат юридических наук, доцент

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Введение. Процесс глобализации, распространяясь лавинообразно, приносит как положительные, так и отрицательные результаты развитию человечества. Всеобщий обмен в человеческих масштабах способствует переформатированию устоявшихся ценностей, распространению новых, подчас и криминальных тенденций. Особым объектом криминального воздействия являются несовершеннолетние как наиболее поддающаяся воздействию возрастная категория.

Основная часть. Рассмотрим отдельные криминогенные факторы глобализации в контексте их влияния на несовершеннолетних. Интенсивная интеграция различных девиаций проявляется в том числе и в развитии наркотизации общества в целом и её несовершеннолетних представителей в частности. Широкое распространение наркотиков в России обусловлено внешними и внутренними факторами. К первым можно отнести географическое положение России по отношению к Европе и азиатским странам — производителям наркотических средств, а также снижение защищённости государственных границ от наркотического импорта. А. В. Пупцева отмечает, что «население субъектов РФ, граничащих с такими республиками, как Казахстан, Таджикистан, невольно становится “первой” жертвой наркотрафика, поскольку именно здесь начинается путь наркотиков вглубь страны и далее в Европу. Вместе с тем нельзя не согласиться, что современный наркотрафик — это дорога с двусторонним движением, так как наркотики идут не только из Центральной Азии в Европу, но и наоборот. В частности, формирование новых путей наркотрафика происходит вследствие того, что европейские страны становятся центром производства и потребления синтетических наркотиков, которые поставляются в Северную и Южную Америку, в Центральную Азию и в нашу страну» [1, с. 3].

Ко второй группе факторов следует отнести внутренние политические процессы, приведшие к распаду СССР, образованию наркодилеров на уровне соседних государств, введение в середине 80-х гг.

XX в. «сухого закона», который привёл к появлению новой зависимости, развал множества положительно зарекомендовавших себя институтов советского государства (детские и молодёжные организации, массовая доступность занятий спортом, широкая сеть психиатрических диспансеров и стационаров и т. д.).

Наркотическая популярность в молодёжной среде определяется возрастными особенностями: 1) отношение к употреблению наркотиков как к одному из модных занятий; 2) неустойчивость подростковой психики, желание скорее стать взрослым, подменяемое, прежде всего, наличием вредных привычек; 3) выпадение из просоциальных групп социализации; 4) общение с представителями так называемых «плохих компаний»; 5) участие в криминальных или делинквентных группах; 6) участие в группе, ведущей деятельностью которой является употребление наркотиков; 7) отсутствие здоровой занятости в личное время и чрезмерная занятость родителей, порождающая невнимание к своим детям и социальное неблагополучие семьи; 8) стремительное развитие сети Интернет и излишне свободный к ней доступ со стороны подростков (особенно детей в возрасте до 14 лет) и т. п. [2, с. 21—22].

Стремительный рост наркотизации молодёжи продолжается и в настоящее время, о чём свидетельствуют и статистические данные [3] (рисунок 1).

В процентном отношении прирост таких лиц в 2014 г. составил 45,4%. Подобный рост доказывает распространённость и доступность наркотических средств и психотропных веществ, которые, в свою очередь, являются детерминирующими факторами в совершении иных преступлений.

Нет однозначной тенденции к снижению количества числа несовершеннолетних лиц, осуждённых за преступления, предусмотренные статьями 228—234 Уголовного кодекса Российской Федерации. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации подтверждают это [4] (рисунок 2).

Удельный вес в общем числе осуждённых в 2013—2014 гг. вырос с 7,3% до 11,5%. Приведённые сведения отражают вовлечённость несовершеннолетних в различные преступления, уголовная ответственность за которые предусмотрена статьями 228—234 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Аналогичная тенденция наблюдается и при отбывании наказания несовершеннолетними в воспитательных колониях, где ежегодно изымаются наркотические и сильнодействующие вещества. Например, в 2005 г. было изъято 39,3 г таких веществ; в 2006 г. — 420,3 г; 2007 г. — 20,8 г.; 2008 г. — 59,4 г; 2009 г. — 28,8 г; 2010 г. — 3,3 г; 2011 г. — 16,3 г; 2012 г. — 10,6 г; 2013 г. — 1,2 г; 2014 г. — 13,4 г [5].

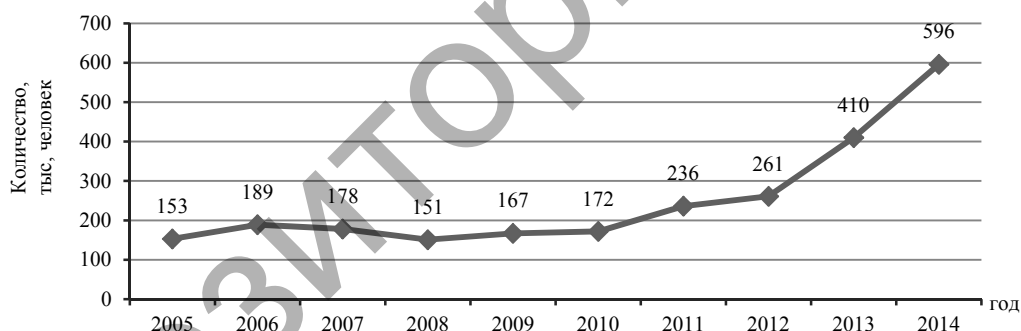

Рисунок 1 — Несовершеннолетние, совершившие преступление в состоянии наркотического опьянения

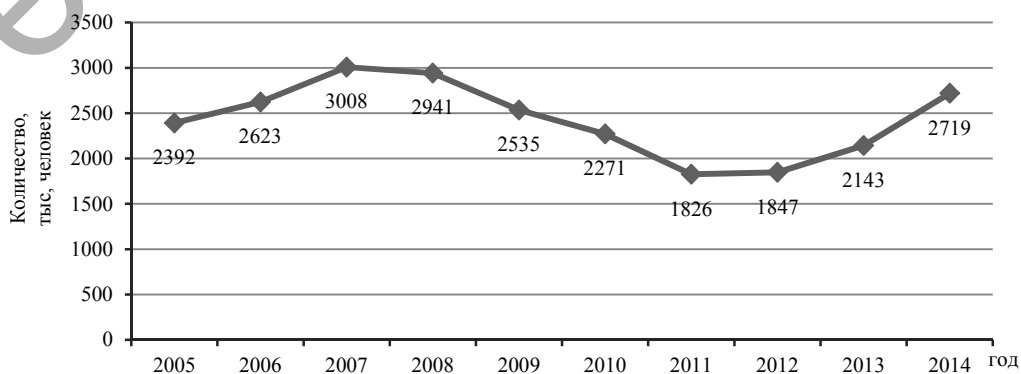

Рисунок 2 — Осуждённые, совершившие преступления в возрасте 14—17 лет

Как видим, сведения о наркотизации в среде несовершеннолетних, проявляясь в различных направлениях, отражают тенденцию к увеличению не только наркотической зависимости указанной возрастной группы, но и обуславливают прямую взаимосвязь между наркотической зависимостью и преступлениями как совершёнными в состоянии наркотического опьянения, так и преступлений, где предметом выступают наркотические средства и психотропные вещества. Более того, наказание, назначенное несовершеннолетним для их исправления, не гарантирует отсутствие указанных средств и веществ при его отбывании.

Ещё один продукт глобализации — Интернет. Наряду с такими положительными функциями «всемирной паутины», как высокая скорость получения информации, которая расширяет интеллектуальные границы человека, возможность общения с лицами, имеющими общие взгляды независимо от их территориального нахождения, что позволяет участникам в таких группах обмениваться знаниями, опытом и чувствовать свою востребованность, несовершеннолетние окружены и негативным информационным пространством, где в широком доступе находится информация, содержащая насилие, порнографию, призывы к суициду и различные деструктивные технологии. Как утверждает В. Н. Ежова, специалист по социальной работе, «информация, поступающая к нам посредством различных технологий, несёт серьёзную угрозу здоровью детей и может быть причиной долговременных нарушений в области психического, эмоционального и интеллектуального развития детей» [6]. Данную точку зрения разделяет и Я. Гилинский, который пишет о глобализирующихся идеях самоубийства, распространяемых через Интернет [7].

Сайты «взаимопомощи самоубийцам», прикрываясь благородными целями предотвращения самоубийств и предоставлением психологической помощи людям, склонным к самоубийству, как правило, подталкивают таких лиц к совершению суицида. Об этом свидетельствуют данные, приведённые на сайте миссионерского православного проекта [8], согласно которым более 15 человек подобного клуба за короткий промежуток времени добровольно расстались с жизнью. Зачастую именно виртуальный мир поддерживает мысли подростков о бессмысленности жизни, на интернет-просторах обсуждаются различные способы самоубийства с красочными описаниями и практическими советами, формируются группы единомышленников, решившихся объединиться в целях коллективного суицида, так как групповой исход не так страшен для одного индивида.

«Всемирная паутина», затягивая в свои сети, развивает жёсткость не только по отношению к самому себе, но и к другим людям. Причины насильственных преступлений, совершённых несовершеннолетними в отношении других, нам видятся, в том числе и в развитии коммуникаций и свободе информационного обмена с помощью мобильной связи и сети Интернет, посредством которых происходит распространение негативной информации. Под воздействием беспрепятственного и неконтролируемого доступа к отрицательной информационной среде (представляющей целый комплекс киберугроз) у несовершеннолетнего происходит деформация общесоциальных ценностей, развитие крайнего эгоцентризма, при котором всё поведение подчиняется примитивным влечениям и желаниям.

Заключение. Развитие подростка в таких условиях может привести к формированию насильственного типа преступника, для которого характерна корреляция следующих качеств нравственно-психологической ориентации: яркое пренебрежение к интересам окружающих, жестокость, отсутствие чувства сострадания, желание максимально (несмотря на средства) реализовать свои примитивные потребности.

Рассмотрев некоторые негативные факторы глобализации, отметим её амбивалентность, т. е. изначально заданность как положительного, так и отрицательного влияния. Криминальные угрозы, порождённые глобализацией, требуют особого подхода к их минимизации посредством жёстких пресечений каналов распространения наркотических средств и психотропных веществ, установления специальных информационных фильтров. Необходимо культивировать общественную самосанацию, опираясь на укрепление правомерных и социально значимых ценностей.

Список цитируемых источников

1. Пупцева А. В. Актуальные проблемы противодействия незаконному распространению наркотиков в современных условиях // *Соврем. проблемы науки и образования*. 2013. № 6.
2. Свечников Н. С., Щербакова С. А. Проблемы, обусловленные распространением наркотиков в подростковой среде // *Вестн. Пенз. гос. ун-та*. 2014. № 4 (8).
3. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва внутр. дел РФ. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (дата обращения: 14.01.2016).
4. Характеристика осуждённых, совершивших преступления в возрасте 14—17 лет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 11.01.2016).
5. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федер. службы исполн. наказаний РФ. URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 14.01.2016).
6. Ежова В. Н. Негативное влияние информационных технологий на психоэмоциональное развитие детей [Электронный ресурс]. URL: <http://кисон.рф/index.php/technolog/public/118-2011-04-03-09-46-19> (дата обращения: 21.01.2016).
7. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 287 с.
8. Смерть по Интернету [Электронный ресурс]. URL: http://www.k-istine.ru/suicide/suicide_kalitin.htm (дата обращения: 31.01.2016).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ЮРИДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 314.152.2:349.3

М. В. Андрияшко,

кандидат юридических наук, доцент

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА КАК МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Введение. Социальная сфера — это система нормативно регулируемых отношений, сформированная на основе взаимодействия потребностей и интересов гражданина, общества и государства в определённых социальных благах и совместной деятельности по обеспечению эффективного их удовлетворения в конкретных исторических условиях [1, с. 387].

Основная часть. В условиях перехода Республики Беларусь с 2016 г. на принципы бюджетирования, ориентированного на результат, а также исходя из рекомендаций по совершенствованию программно-целевого метода при формировании и выполнении государственных программ, представляется целесообразной переориентация социально-обеспечительных отношений с постепенным замещением ставшей комфортной модели государственного патернализма.

Справедливым видится мнение И. А. Тумановой и В. С. Раковской относительно высокоэффективности такой модели отношений в определённых исторических и социокультурных условиях (например, японский опыт внутрифирменных социально-трудовых отношений на предприятиях), «но известны и другие последствия патернализма: пассивность в поведении работника относительно труда, минимальные требования к качеству жизни в целом и качеству трудовой жизни в частности» [2].

По словам ряда исследователей (А. М. Лушников, М. В. Лушникова, Т. А. Постовалова, Н. Н. Тарусина), государственная патерналистски-эгалитарная модель социального обеспечения сложилась в советский период. В этой модели государству отводилась ключевая роль в разрешении социально-экономических проблем всех социальных групп на уравнительной основе. Это было уравнительное государственное социальное обеспечение, не зависящее от трудового вклада лица, полная гарантированная занятость и доступное государственное здравоохранение. Экономика советского периода, основанная на государственной собственности, обеспечивала функционирование единой государственной распределительной системы социального обеспечения [3, с. 134—135].

Соответствующий современному законодательству Республики Беларусь набор социальных гарантий для граждан в виде предоставления государственной адресной социальной помощи и технических средств социальной реабилитации, пенсионирования и обеспечения пособиями, предоставления социальных отпусков по беременности и родам, по уходу за детьми и других благ призван гарантировать минимальный уровень дохода для получателей, численность которых возрастает, а уровень их доходов — сокращается.

В частности, численность пенсионеров, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите по состоянию на начало 2015 г. достигла рекордного, начиная с 1995 г., показателя и составила 2 565 тыс. человек, из которых 644 тыс. (женщин 428 тыс., мужчин 216 тыс.), или 25%, осуществляли трудовую деятельность (из них 21 человек достиг возраста 90 лет).

В целом удельный вес работающих пенсионеров характеризуется тенденцией к увеличению: на 1 января 2013 г. трудились 23,4% пенсионеров; на 1 января 2014 г. — 23,8%; на 1 января 2015 г. — 25,1% [4]. При этом численность занятых в экономике, согласно официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, составила 4 550,5 тыс. человек, в то время как численность экономически активного населения — 4 572,8 тыс. человек [5]. Указанные данные свидетельствуют о том, что обеспечить даже минимально гарантированный уровень дохода гражданам в скором времени станет затруднительным в условиях функционирования социально-обеспечительных отношений по модели государственного патернализма, так как численность прямых получателей социальных благ и гарантий равна численности лиц, занятых в экономике страны.

Представляется целесообразным пересмотр критериев к определению понятия «нетрудоспособность» в отношении лиц, достигших пенсионного возраста, в связи с высокой численностью таких граждан в структуре численности занятых в экономике страны. Как отмечает Х. Т. Мелешко, признание возраста одним из оснований нетрудоспособности влечёт установление в правовых нормах его календарных возрастных границ [6, с. 148]. В Конвенции № 102 Международной организации труда

«О минимальных нормах социального обеспечения» установлено, что возраст для назначения пенсии не должен превышать 65 лет. В Республике Беларусь общий пенсионный возраст ниже максимально допустимого по нормам Конвенции на 5 лет для мужчин и на 10 лет для женщин. Общий пенсионный возраст в Беларуси продолжает оставаться в таких возрастных границах с 1928 г., когда впервые был установлен [7].

Представляется, неизбежность на протяжении 88 лет в Республике Беларусь возрастных границ нетрудоспособности на фоне глобально протекающих процессов старения населения может свидетельствовать, по словам А. Я. Рубинштейна, о том, что «патернализм в любой форме государственной активности чреват укреплением государства...» [8, с. 21]. В то же время «...действия государства могут наносить ущерб и приводить к потерям благосостояния отдельных индивидуумов и их совокупности в целом, что ставит вопрос о либерализации процессов принятия политических и экономических решений, о перераспределении властных полномочий в пользу институтов гражданского общества» [9].

Характеризуя парадигму социальной защиты в Республике Беларусь, профессор И. В. Гущин отмечает, что «современная концепция социальной защиты исходит из того, что она не должна сводиться к бесплатной помощи и поощрению её пассивного ожидания... . В обществе должны быть созданы условия — экономические, организационные, правовые, финансовые и другие — для формирования самосознания, системы знаний и ценностных представлений о роли и месте человека в защите своих прав и охране коренных жизненных интересов, способах собственной самореализации и самоутверждения, взаимодействии с другими субъектами и социальной защиты» [10, с. 542].

Справедливым видится мнение Т. А. Постоваловой, сформированное под влиянием изучения опыта социальной защиты в странах Европейского союза, о необходимости развития социальной помощи, задача которой заключается не только в обеспечении минимально необходимого уровня жизни, но и в создании предпосылок для того, чтобы её получатель мог полагаться на собственные силы. Тем самым она должна являться не фактором стимулирования иждивенческих тенденций в обществе, а способом оказания помощи самому себе [11, с. 78].

Позиция представителей научного сообщества в целом согласуется с содержанием третьего раздела постановления Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 г. № 39-19 «О рекомендациях “Социальная стратегия государства как основной параметр устойчивого развития государства”», в котором отмечается, что «отказ от социально неизбежного и поэтому справедливого патернализма представляется неоправданным. Укрепление личной ответственности каждого члена общества за благосостояние своей семьи предполагает создание государством адекватных социально-экономических условий» [12]. Указанный постулат стал базовым для формирования стратегии социального развития в государствах Содружества, учитывающей актуальные направления как социальной, так и демографической политики.

Заключение. Перспективы государственного патернализма как модели социально-обеспечительных отношений в Республике Беларусь могут быть охарактеризованы оптимистично, учитывая, что законодательство Республики Беларусь исходит из конституционного тезиса о том, что правовое регулирование социально-обеспечительных отношений должно отвечать обязанности Республики Беларусь как социального государства устанавливать, исходя из имеющихся экономических ресурсов, такие порядок и условия пенсионного обеспечения, которые компенсировали бы лицам потери от естественной (возрастной) утраты способности к труду и самообеспечению в объёме, гарантирующем их общую материальную обеспеченность на уровне, необходимом для удовлетворения основных жизненных потребностей.

Список цитируемых источников

1. Основы теории обеспечения национальной безопасности : курс лекций / В. В. Пузиков [и др.] ; под ред. В. В. Пузикова. Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. 512 с.
2. Туманова И. А., Раковская В. С. Влияние миграции на формирование типа социально-трудовых отношений в России // Современ. проблемы науки и образования : электрон. науч. журн. 2013. № 2.
3. Трудовое право и право социального обеспечения в Беларуси, России и Украине (формирование и развитие) : учеб.-метод. пособие / Н. Н. Вапнярчук [и др.] ; под общ. ред. А. М. Куренного, К. Л. Томашевского, О. Н. Ярошенко. Минск : Дикта, 2011. 252 с.
4. 25% белорусских пенсионеров продолжают работать [Электронный ресурс] // Охрана труда и социальная защита : офиц. сайт журн. URL: <http://www.otsz.by/news.php?id=14953> (дата обращения: 13.01.2016).
5. Численность экономически активного населения [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь : офиц. сайт. URL: <http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/trud/godovye-dannye/chislennost-ekonomicheskivnogo-naseleniya/> (дата обращения: 27.01.2016).
6. Право социального обеспечения : учеб. пособие / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Х. Т. Мелешко. Минск : Амалфея, 2013. 544 с.
7. Там же. С. 149.
8. Рубинштейн А. Я. Институциональная эволюция патернализма. М. : Ин-т экономики РАН, 2015. 68 с.
9. Там же. С. 21.
10. Право социального обеспечения : курс лекций / И. В. Гущин [и др.] ; под ред. И. В. Гущина. Минск : Амалфея, 2013. 656 с.

11. Поставалова Т. А. Трудовое и социальное право зарубежных стран : учеб-метод. пособие. Минск : БГУ, 2010. 111 с.
12. О рекомендациях «Социальная стратегия государства как основной параметр устойчивого развития государства» : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 29 нояб. 2013 г., № 39-19 // Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 2014. № 60.

УДК 342/7+342

Д. С. Береговцова,
кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», Брест

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. В соответствии со статьёй 1 Закона «О демографической безопасности Республики Беларусь» демографическая безопасность — это состояние защищённости социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с её национальными демографическими интересами [1].

Обеспечение демографической безопасности является основной целью демографической политики Республики Беларусь, направленной на создание устойчивых качественных и количественных параметров воспроизводства населения. Одним из направлений демографической политики является создание адекватной нормативной правовой базы, направленной на реализацию репродуктивных прав граждан. К числу основных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения демографической безопасности, относятся Законы Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь», «О вспомогательных репродуктивных технологиях», «О здравоохранении» и др. Основной формой реализации Закона «О демографической безопасности Республики Беларусь» является Национальная программа демографической безопасности и программы демографической безопасности для административно-территориальных единиц.

Основная часть. Государственная политика в области охраны и обеспечения прав граждан в репродуктивной сфере и формирования их репродуктивных потребностей в Республике Беларусь направлена на создание условий, способствующих реализации существующих репродуктивных установок супружеских пар и личностей, повышение качества, расширение форм и видов медицинского обслуживания для семьи репродуктивного возраста. К числу методов оказания медицинской помощи, направленных на реализацию репродуктивных прав граждан, относятся вспомогательные репродуктивные технологии, получившие закрепление в Законе «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее — Закон). К видам вспомогательных репродуктивных технологий, получивших законодательное регулирование, относятся экстракорпоральное оплодотворение (далее — ЭКО), суррогатное материнство, искусственная инсеминация. В Законе получил отражение также порядок применения современных медицинских технологий, вопросы донорства половых клеток, права донора, вопросы создания Единого регистра доноров половых клеток, права пациента при применении вспомогательных репродуктивных технологий и др.

Закон содержит запрет на выбор пола будущего ребёнка (за исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом), а также перечень ограничений на хранение и использование половых клеток, эмбрионов.

Несмотря на наличие ряда весьма прогрессивных норм, Закон получил достаточно неоднозначные оценки со стороны медиков, юристов и представителей общественности. Так, имеет место точка зрения, в соответствии с которой вспомогательные репродуктивные технологии могут породить или создать условия для появления следующих реальных и потенциальных демографических угроз: 1) рост уровня (материнской и детской) заболеваемости; 2) возможность близкородственных браков со всеми их негативными последствиями; 3) дальнейшая деградация института семьи как следствие нивелирования её авторитета [2].

Следует согласиться с указанной точкой зрения, при этом отметим, что к числу основных принципов обеспечения демографической безопасности относится приоритет национальных демографических интересов при соблюдении общепризнанных принципов международного права, прав человека и уважении религиозных, этнических ценностей и культурных слоёв населения.

Полагаем, что в условиях достаточного правового регулирования указанных выше общественных отношений возникает другая проблема — проблема злоупотребления вспомогательными репродуктивными технологиями.

Так, применение вспомогательных репродуктивных технологий к человеку связано с возникновением многочисленных этических-правовых проблем, к числу которых следует отнести неопределённость правового статуса эмбриона, культивированного *in vitro* (эмбрион, полученный в результате такого культивирования и не использованный в процедуре ЭКО не может считаться ни субъектом права, ни даже частью тела матери), формирование коммерческого рынка половых клеток и теневого рынка эмбрионов (на данный момент в Республике Беларусь отсутствует уголовная ответственность за незаконные сделки с эмбрионами человека), проблему запланированной гибели эмбрионов в результате применения технологии ЭКО и суррогатного материнства (например, в результате резекции эмбрионов при многоплодной беременности, при криоконсервации эмбрионов, при истечении срока хранения эмбрионов, при принятии решения пациентом о прекращении использования неостребованных эмбрионов). Так, в специализированной литературе отмечается, что «не каждый эмбрион благополучно “переживёт” этапы заморозки и разморозки. Почти половина всего “материала” разрушается, но оставшаяся половина (иногда до 80—90%) — это эмбрионы высшего качества, которые могут быть успешно использованы для повторной посадки. При этом комплекс, в который включено хранение, разморозка и посадка, гораздо дешевле, чем новая попытка ЭКО» [3].

В соответствии со статьёй 18 Закона в случае расторжения брака, признания его недействительным, а также в случае смерти или объявления в судебном порядке умершим одного из супругов использование бывшими супругами (бывшим супругом) неостребованных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий эмбрионов запрещается. Соответственно, следует сделать вывод, что раз использование данных эмбрионов невозможно, они утратят возможность развиваться во взрослый организм и будут уничтожены по окончании срока хранения.

Полагаем, что применение отдельных вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатного материнства), с одной стороны, направлено на реализацию репродуктивных прав определённой части белорусского населения, а с другой — вступает в противоречие с соблюдением фундаментального права на уважение человеческого достоинства, носителями которого являются любые представители человеческого сообщества, в том числе и не способные выразить свою волю и совершать автономные действия, включая человеческие эмбрионы. И если право на жизнь, в соответствии с положениями белорусского законодательства, а также обобщёнными критериями живорождения, принятыми Всемирной организацией здравоохранения, возникает у индивида с момента рождения (критерии живорождения определены в Инструкции о порядке определения критериев живорождения, мёртворождения и перинатального периода, утверждённой приказом-постановлением Министерства здравоохранения, Государственного комитета Республики Беларусь по статистике и анализу от 9 ноября 1993 г., то в соответствии с положениями принятых в конце XX в. международных документов по правам человека, таких как Конвенция по правам человека и биомедицине, Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека и др., понятие «человеческое достоинство» получило абсолютно новое понимание: выделяется его генетическая составляющая.

В частности, в статье 1 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека отмечено, что геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества [4]. Подчёркивается, что именно родовой человеческий геном — это то, что в силу своей природной уникальности является главным определяющим и отличительным признаком любого человеческого существа, а следовательно, лежит в основе его достоинства, обеспечивает, с одной стороны, уникальность и неповторимость человека, а с другой — является основой постоянства, т. е. ответственен за передачу признаков, свойственных лишь человеческой природе. Именно учитывая необходимость соблюдения права на уважение человеческого достоинства, большинство международных документов и актов национальных законодательств зарубежных стран содержит категорический запрет на использование эмбрионов в научно-исследовательских целях.

Не является исключением и законодательство нашей страны, в частности Закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях, в котором данный запрет содержится в статье 18 «Ограничение на использование половых клеток, эмбрионов». Однако неостребованные эмбрионы могут быть использованы для совершенствования вспомогательных репродуктивных технологий. Возникает закономерный вопрос, не является ли совершенствование вспомогательных репродуктивных технологий разновидностью научного исследования, просто проводимого с определённой целью?

Заключение. Полагаем, что законодательство Республики Беларусь, в частности Закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях» нуждается в определённом усовершенствовании в целях исключения возможности злоупотребления современными репродуктивными технологиями и соблюдения общепризнанных прав и свобод человека, в частности соблюдения фундаментального права на уважение человеческого достоинства.

Список цитируемых источников

1. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 дек. 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000».

2. Угрозы ЭКО [Электронный ресурс] // Респ. обществ. об-ние «Родители и учителя за возрождение православ. образования». URL: <http://orthoobraz.by/ugrozy/eko/vspomogateline-reproduktivnye-tehnologii-i-natsionalinaya-bezopasnosti-respubliki-belarusi> (дата обращения: 23.01.2016).

3. Криоконсервация эмбрионов и ЭКО: забота о будущем [Электронный ресурс] // Экокиндер. URL: <http://ekokinder.ru/index.php/a-articles/m-ivf/34-kriokonservatsiya-embriionov-i-eko-zabota-o-budushchem> (дата обращения: 23.01.2016).

4. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека : принята 29-й сес. Генер. конф. ЮНЕСКО, 11 нояб. 1997 г. // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» : междунар. док. и аналит. материалы / Рос. нац. ком. по биоэтике Рос. акад. наук ; сост. : В. И. Иванов, Б. Г. Юдин. М., 1998. С. 99—114.

УДК 343.432

А. В. Гуркова

Частное высшее учебное заведение «Ивано-Франковский университет права имени Короля Данила Галицкого», Ивано-Франковск, Украина

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Введение. С развитием правового социального государства особенно актуализируются вопросы защиты прав и свобод всех граждан. Согласно Конституции Украины «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей социальной ценностью», и главная обязанность государства — утверждение и обеспечение прав и свобод человека [1]. Торговля людьми является грубым их нарушением и рассматривается на международном уровне как преступление, которое карается законом. Именно поэтому весьма актуальным является рассмотрение этого вопроса как в историческом разрезе, так и со стороны эволюции в целях определения основных аспектов и методов борьбы с данным явлением.

Торговля людьми является одной из самых жестоких форм нарушения основных прав и свобод человека. Независимо от вида эксплуатационной цели торговля людьми имеет тяжёлые, а порой фатальные последствия для пострадавших. Данное преступление постоянно эволюционирует вслед за стремлениями преступников получить наивысшие доходы от эксплуатации пострадавших и противостоять усилиям правоохранительных органов по противодействию их преступной деятельности.

Основная часть. Стоит отметить, что первые международные соглашения по предотвращению торговли людьми приравнивали её с торговлей женщинами, прежде всего для целей их сексуальной эксплуатации. Это объясняется тем, что именно торговля женщинами в целях принудительного использования в проституции получила широкое распространение в современном мире как один из самых прибыльных видов бизнеса.

Таким образом, создавалось впечатление, что именно торговля женщинами в целях использования их в принудительной проституции покрывает собой весь феномен торговли людьми. Такое восприятие проблемы стало достаточно устойчивым и продолжало закрепляться в международных документах, национальном законодательстве многих стран мира, в программах предотвращения этого явления. Однако с данным утверждением трудно согласиться в целом, ведь на самом деле понятие «торговля людьми» охватывает более широкий круг социальных явлений. Предметом торговли может быть любое лицо независимо от возраста и пола: мужчины — в целях эксплуатации труда, дети — в целях использования в попрошайничестве, коммерческого усыновления, эксплуатации в проституции и порнобизнесе, любые лица — для изъятия и трансплантации органов. Торговля женщинами в целях принудительного использования в проституции является лишь составной частью торговли людьми [2].

В последнее время торговля людьми всё больше отождествляется с нелегальной миграцией, особенно в странах Западной Европы и Северной Америки. Как отмечает Ю. И. Рымаренко, торговлю людьми следует рассматривать как разновидность и способ международной миграции [3]. С данным утверждением также тяжело согласиться, ведь рассмотрение характерных черт такого явления, как торговля людьми, позволяет сделать вывод, что именно наличие их эксплуатации и использования в преступных целях отличает это явление от нелегальной переправки мигрантов.

Украина является страной происхождения, транзита и назначения в торговле мужчинами, женщинами и детьми. Растёт также проблема внутренней торговли людьми. По данным исследования, проведённого по заказу Международной организации по миграции, более 160 тыс. украинцев пострадавших от торговли людьми с 1991 г., что делает Украину одним из крупнейших «поставщиков» рабочей силы в Европе [4].

Следует отметить, что на территории Украины в последние годы наблюдается негативная тенденция от торговли людьми, когда граждан Украины обманым путём вывозят за границу в целях эксплуатации. Наша страна всё больше превращается в страну назначения для торговли людьми.

Третий год подряд Украина попадает в перечень стран, правительства которых пытаются положить конец торговле людьми, однако эти усилия недостаточны, а количество жертв продолжает оставаться высоким. Об этом свидетельствует ежегодный Доклад Государственного департамента США, который представил госсекретарь Дж. Керри. Самыми серьезными проблемами для Украины называют сексуальный трафик женщин и детей, а также рабские условия труда [5].

Если до сих пор Украина в основном была страной поставки или транзита жертв торговли людьми, то сейчас уже приходится говорить о стране назначения с высокими рисками внутренней эксплуатации, отмечают правозащитники. К сожалению, трудовая эксплуатация как одна из форм торговли людьми обычно является распространённым явлением в зонах военного конфликта.

Российская агрессия на востоке Украины стала источником новых вызовов. Количество вынужденно перемещённых лиц достигло 1,3 млн человек — они чрезвычайно уязвимы к различным формам эксплуатации. В частности, отчёт ссылается на случаи похищений женщин и девушек из зоны проведения боевых действий с целью продать их в сексуальное или трудовое рабство.

Совершив научно-практический анализ соответствия украинского законодательства положениям Конвенции Совета Европы о мерах по противодействию торговле людьми, исследование которого состояло в необходимости выяснить вопрос о состоянии готовности Украины к имплементации положений Конвенции Совета Европы о мерах по противодействию торговле людьми (ратифицирована Верховной радой Украины в сентябре 2010 г.), и уровня внедрения её норм в государственную политику противодействия торговле людьми, поскольку именно эта Конвенция содержит определение и формулировку наиболее современных подходов и стандартов к предупреждению торговли людьми, борьбы с ней и помощи пострадавшим [6].

Украинское законодательство в целом соответствует положениям Конвенции Совета Европы о мерах по противодействию торговле людьми (статья 149 Уголовного кодекса Украины, Закон Украины «О противодействии торговле людьми»).

В Украине предусмотрено достаточно строгие и адекватные санкции за торговлю людьми и связанные с ней преступления.

Правительство Украины в 2015 г. и активно сотрудничало с международными организациями, которые пытаются помочь в этой области. Статья 149 Уголовного кодекса Украины предусматривает за торговлю людьми тюремное заключение от 3 до 15 лет. Однако суды во многих областях Украины толкуют статью как относительно незначительное преступление и квалифицируют как незаконное передвижение рабочей силы. За предыдущий год Украина подготовила 2 500 специалистов, которые должны идентифицировать жертв торговли людьми, что это в четыре раза больше, чем в 2014 г. [7].

Итак, вопреки достаточно серьёзным санкциям за совершение преступления торговли людьми (статья 149 Уголовного кодекса Украины), а также действенного Закона Украины «О противодействии торговле людьми», учитывая принятие Общегосударственной программы по противодействию торговле людьми на текущие периоды, следует учитывать специфическую ситуацию, в которой на данный момент находится Украина. Нужно разработать актуальную систему мер противодействия этим преступлениям. Также существует проблема в предоставлении лицам, пострадавшим от торговли людьми, официального статуса жертвы. Согласно европейским и международным стандартам жертвы преступлений, в том числе торговли людьми, имеют право на получение компенсации. Ключевым моментом является возможность получения такой компенсации от преступников. При определении размеров компенсации учитываются нравственные, материальные, психологические убытки. На этом этапе на территории Украины данный институт не работает, поэтому следовало бы привлечь во внимание международный опыт при решении данных пробелов. Необходимо также закрепление механизма обеспечения безопасности лиц, пострадавших от торговли людьми, с обязательным учётом интересов детей.

Заключение. В Украине существует достаточно большой спектр проблем, связанных с противодействием и предупреждением торговли людьми или другими незаконными сделками в отношении человека, начиная с выявления такого противоправного деяния, признанием лица потерпевшим, возмещения вреда, причинённого преступлением. Поэтому только комплекс действенных мер по борьбе с данным явлением, координация государственных структур, участвующих в противодействии торговле людьми, помогут как внутри страны, так и за её пределами.

Список цитируемых источников

1. Конституція України [Електронний ресурс] : за станом на 15 трав. 2014 р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата звернення: 10.01.2016).
2. Історичні аспекти торгівлі людьми [Електронний ресурс]. URL: irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis.../cgiirbis_64.exe (дата звернення: 26.12.2015).
3. Нелегальна міграція та торгівля жінками у міжнародно-правовому аспекті : у 2 кн. / відп. ред. Ю. І. Римаренко, Я. Ю. Кондратьєв ; за ред. Ю. С. Шемшученка. Київ, 2001. Кн. 1.
4. Як Україна виконує план дій з візової лібералізації? : результати громад. моніторингу [Електронний ресурс] / І. Сушко [та інші.]. URL: http://www.novisa.org.ua/upload/Full%20monitoring_UKR.pdf (дата звернення: 26.01.2016).
5. Витяг із Доповіді Державного департаменту США про торгівлю людьми [Електронний ресурс]. URL: <http://olynpressclub.org.ua/.../Доповідь%20Держдепартаменту%20США> (дата звернення: 10.01.2016).

6. Офіційний веб-портал Міжнародної організації з міграції в Україні [Електронний ресурс]. URL: <http://www.stoptrafficking.org/view.statistics/> (дата звернення: 26.01.2016).

7. Засоби протидії торгівлі людьми : наук.-практ. посіб. / В. М. Куц, А. М. Орлеан ; за ред. Г. П. Середи. Київ : Варта, 2007. 168 с.

УДК 2(476)(043.3):321(476)

О. Н. Иванчина,

*кандидат философских наук, доцент
Учреждение образования «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», Брест*

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Введение. Современная цивилизация вынуждена считаться с таким фактором формирования сознания, как религия. Именно этот фактор продолжает оставаться одной из значимых причин военных, террористических, национальных столкновений, так как религия является почвой для взращивания культуры — системы ценностей, этики, права и т. д. Для обеспечения безопасности личности, общества и государства особенно важным является исследование феномена современной деструктивной религиозности, которая подталкивает человека к совершению преступлений. В настоящее время учёные знают о физиологии человека гораздо больше, чем о его психике, сознании и бессознательном. Поэтому манипуляции с сознанием человека, которые осуществляют деструктивные религиозные объединения, корректировать сложнее, чем процессы восстановления соматического здоровья. Это говорит о том, что решение вопроса религиозной безопасности — это, скорее, превентивные меры, так как после воздействия некоторых сект полная реабилитация психики человека невозможна на протяжении всей последующей жизни.

Исследования проблемы религиозной безопасности охватывают различные аспекты. Так, российский учёный В. Ю. Гадаев отмечает взаимосвязь национальной, духовной и религиозной безопасности [1]. Юридические аспекты реализации религиозной безопасности и пробелы российского законодательства в данной сфере исследовались в статьях и диссертациях С. В. Козлова [2], Ю. В. Сластилиной [3], Е. С. Суловой [4], И. А. Тарасевич [5], Е. М. Шевкопляс [6] и др. В Республике Беларусь политический аспект проблемы религиозной безопасности исследует А. В. Шерис [7], который подчёркивает, что в социальном пространстве религия является одним из факторов неопределённости и риска.

Значительное количество преступлений, совершаемых на религиозной почве, делает чрезвычайно актуальной проблему религиозной безопасности человека и общества. Большое число судебных процессов, связанных с деятельностью религиозных организаций и их адептами, также подтверждает необходимость выработки новых подходов к решению задачи обеспечения религиозной безопасности личности в эпоху глобализации.

Основная часть. В проблеме религиозной безопасности необходимо выделить ряд аспектов:

– проблема соблюдения прав человека как личности. Никакая религия не имеет права посягать на свободный выбор личности в рамках гражданской системы права, действующей в государстве. Свободный выбор личности зависит от свободы информационной, экономической и психологической. Только при соблюдении этих форм свободы человек может проявить подлинную свободу и гуманизм в отношении религии и атеизма;

– проблема свободы человека от общества и общества от человека. Сегодня уже развеян миф о «молодёжных религиях», «молодёжных сектах» [8]. Деструктивные тоталитарные секты многопланово представлены в возрастном и гендерном отношениях. Многие последователи имеют высшее образование, чаще техническое. И молодёжь пополняет новые религиозные общины не только путём вербовки, но и путём естественного прироста населения в семьях адептов. И в этом случае возникает проблема: возможно ли религиозное воспитание и образование вопреки желанию несовершеннолетнего? В каждой конфессии этот вопрос решается по-разному, и не всегда мирно;

– гуманитарное измерение любого мировоззрения в балльной классификации. Любое балльное измерение процессов, связанных духовно-гуманитарными процессами, несовершенно. Однако конкретные шкалы и индексы позволяют делать чёткие, неразмытые, формализованные выводы о вероучении и деятельности тех ли иных конфессий. Гуманитарное измерение мировоззрения независимо от конкретных религиозных вероучений необходимо, чтобы чётко определить статус и влияние конфессии (общины) на общество. Например, любое вероучение может быть подвергнуто анализу по классификации, и результаты этой классификации могут быть выражены в баллах (например, от 0 до 100).

В качестве показателей могут быть выдвинуты следующие: 1) степень агрессивности по отношению к представителям других конфессий; 2) степень открытости для внешнего мира; 3) методы рекрутирования adeptов (степень информирования новичка; степень использования базовых психологических потребностей человека; риск использования психотропных (наркотических) веществ; использование техник гипноза и внушения и др.); 4) статистика по совершению adeptами конкретных конфессий нарушений закона в административной, семейной, уголовной и других сферах; 5) индекс социальной напряжённости в отношениях паствы и руководителей, общины и государства; 6) число позитивных и негативных упоминаний о ценности человеческой жизни (ряд сект доводят человека до суицидального состояния путём целенаправленного воздействия); 7) индекс стереотипных поведенческих реакций для членов одной общины (в сектах вырабатывается одинаковый психотип, стираются личностные особенности); 8) уровень свободы передвижений рядового adeptа (часто свобода передвижения ограничивается местом дислокации конкретной общины); 9) степень свободы человека в сфере личной (интимной) жизни (от полного воздержания до ритуальной проституции и группового секса); 10) уровень возможности для adeptа подвергать критике деятельность руководства общины (степень соблюдения свободы слова).

В настоящее время принято считать, что самой главной опасностью для человека являются деструктивные тоталитарные секты. И это действительно справедливо. При этом существует достаточное количество конфессий, которые определяются как деструктивные на законодательном уровне в одной стране и одновременно свободно регистрируют свою деятельность в другом государстве.

Помимо разноречия в классификации религиозных объединений существует и проблема внутриконфессионального сектанства. Так, в Русской и Белорусской православных церквях появилось движение ИНН-истов; апокалиптические настроения псевдоправославной секты «Горный Иерусалим» (так назвали её журналисты) в 2007 г. привели людей в подземные сооружения, созданные ими искусственно. Adeptы были убеждены в необходимости спасения от скорого наступления конца света. Никакая традиционная религия не может застраховаться от фанатизма — потери человеколюбивого и терпимого отношения человека к человеку. Фанатизм и экстремизм в традиционных конфессиях возникают как уход от разума, уход от подлинной культуuroобразующей веры, научающей любви и созиданию.

В этой ситуации и необходимо гуманитарное измерение как универсальное мерило для определения свободы человека в какой-либо конфессии. Чем выше уровень духовной свободы, тем более способен человек к аналитическому и критическому мышлению, тем более высок уровень любви, доброжелательности, терпимости к другому.

Нынешнее религиоведение нередко просто описывает феномены религии, так как современная наука часто не может их эксплицировать. Наука не всесильна. Поэтому роль философии в формировании аналитического (критического), самостоятельного, подлинно гуманистического мировоззрения трудно переоценить. Система права, опираясь на исследования сектоведов и психологов, должна сформулировать правовое регулирование деятельности религиозных организаций, которое остаётся несовершенным. Так, в белорусском законодательстве никак не ограничивается деятельность многих организаций, скомпрометировавших себя в других странах мира. Это происходит вопреки тому, что сектоведы всячески подчёркивают: именно религиозность становится причиной совершения многих видов преступлений. Религия может выступать как источник рисков и угроз в любом государстве. Однако любой социальный процесс имеет свою историю. Для обеспечения безопасности личности и государства необходимо вовремя адекватно реагировать на возникающие сложные аспекты деятельности неокультов.

Заключение. Религиозное пространство представляет собой динамичную структуру, подвергающуюся быстрым изменениям. Религиозная безопасность является сегодня важным фактором не только личности, но и нации, государства. Гуманитарное измерение культуры должно быть воплощено в правовых нормах, позволяющих эффективно и своевременно проводить религиоведческую и правовую экспертизу любой конфессии, действующей в Республике Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Гадаев В. Ю. Религиозная безопасность в контексте духовной безопасности // Теория и практика обществ. развития. 2014. № 10. С. 13—16.
2. Козлов С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 138 с.
3. Сластилина Ю. В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. 215 с.
4. Сулова Е. С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе : дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 152 с.
5. Тарасевич И. А. Религиозная безопасность как ключевая сфера национальной безопасности Российской Федерации // Проблемы в рос. законодательстве. 2010. № 3. С. 10—14.
6. Шевкопляс Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. 194 с.
7. Шерис А. В. Религиозный фактор обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь : дисс. ... канд. политич. наук. Минск, 2014. 144 с.
8. Мартинович В. Секты и молодёжь [Электронный ресурс]. URL: http://www.k-istine.ru/sects/sects_martinovich-02.htm (дата обращения: 15.03.13).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Введение. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь одним из основных национальных интересов в политической сфере является соблюдение конституционных прав и свобод человека. К числу основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности в Концепции отнесено проявление религиозного и этнического экстремизма на территории Республики Беларусь. А к внутренним источникам угроз национальной безопасности отнесены формирование, проникновение либо распространение идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости, возникновение либо незаконная деятельность организаций, группировок, отдельных лиц, придерживающихся и распространяющих указанные взгляды, функционирование сектантских и псевдорелигиозных групп [1].

Ответственность за организацию деятельности либо участие в деятельности религиозной организации, не прошедшей в установленном порядке государственную регистрацию, предусмотрена нормой статьи 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь [2]. Указанная статья расположена в главе 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». На практике может возникнуть ситуация, когда официально зарегистрировать религиозную организацию невозможно.

Необходимость сохранения баланса между соблюдением конституционных прав и свобод человека и обеспечением национальной безопасности требует постоянного мониторинга и контроля ситуации со стороны правоохранительных органов.

Основная часть. Право на свободу совести относится к группе гражданских прав. Свобода совести — это право человека самостоятельно, без какого-либо принуждения решать вопрос, руководствоваться ли ему в оценках своих поступков и мыслей религиозными учениями или отказаться от них [3, с. 76].

Данный принцип воплощён в норме статьи 31 Конституции Республики Беларусь — «Каждый имеет право самостоятельно определять своё отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» [4].

Отмеченный конституционный принцип нашёл своё отражение и в статье 4 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (далее — Закон о свободе совести) [5].

Норма статьи 5 Закона о свободе совести устанавливает, что каждый имеет право свободно выбирать, иметь, менять, выражать и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещённых законом [6]. Обратим внимание, что каждый имеет право действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями.

При единоличном и самостоятельном определении отношения к религии, единоличном исповедании религии практических вопросов, в целом, не возникает. Такие вопросы возникают при совместном исповедании религии, которое подразумевает создание религиозной организации. Правовые основы создания и деятельности религиозных организаций в Республике Беларусь определяет Закон о свободе совести.

В Республике Беларусь религиозная организация (община) образуется по инициативе не менее двадцати граждан, являющихся приверженцами единого вероисповедания (статья 14 Закона о свободе совести). В результате, девятнадцать граждан, являющихся приверженцами единого вероисповедания, религиозную общину образовать не могут и не могут её зарегистрировать. Мало того, они не могут совместно исповедовать религию, так как формально все девятнадцать граждан подлежат уголовной ответственности на основании нормы статьи 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Санкция указанной статьи предусматривает за организацию деятельности либо участие в деятельности религиозной организации, не прошедшей в установленном порядке государственную регистрацию, наказание в виде штрафа или ареста на срок до шести месяцев или лишение свободы на срок до двух лет [7].

Таким образом, девятнадцать человек должны либо решить задачу по поиску ещё одного человека для получения возможности осуществить регистрацию религиозной общины, либо отказаться от совместного исповедания религии, что противоречит принципу, изложенному в статье 31 Конституции Республики Беларусь.

Для сравнения отметим, что норма статьи 28 Конституции Российской Федерации регламентирует: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать

индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [8].

Для реализации отмеченного принципа в Российской Федерации норма статьи 7 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» вводит понятие «религиозная группа». Религиозной группой признаётся добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. Помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляются в пользование группы её участниками [9].

Часть третья статьи 7 указанного Федерального закона устанавливает, что религиозные группы имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей [10].

Однако столь либеральный подход, по нашему мнению, нуждается в корректировке. Как отмечает В. И. Старостенко, «известны примеры, когда межконфессиональные конфликты внутри государства инспирируются либо поощряются другими странами, служат фоном и поводом межгосударственных конфликтов. Отсюда вытекает актуальная необходимость постоянного мониторинга состояния и динамики конфессиональной ситуации, межконфессиональных отношений в Беларуси» [11, с. 337].

Сравнивая процедуру регистрации религиозных организаций с порядком регистрации в Беларуси общественных объединений, отметим, что в соответствии со статьёй 8 Закона Республики Беларусь «Об общественных объединениях» для регистрации местного общественного объединения требуется не менее десяти учредителей (членов) от двух или более административно-территориальных единиц территории, на которую будет распространяться деятельность этого общественного объединения [12]. Таким образом, для регистрации местного общественного объединения требуется десять человек, а для регистрации религиозной общины потребуется вдвое больше — двадцать человек.

Кроме того, статья 16 Закона «Об общественных объединениях» предусматривает, что организационные структуры общественного объединения, наделённые правами юридического лица, подлежат государственной регистрации, а организационные структуры общественного объединения, не наделённые правами юридического лица, подлежат постановке на учёт.

Заключение. Полагаем необходимым учесть опыт Российской Федерации и внести изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь о свободе совести, предусмотрев в нём возможность исповедовать религию в религиозной группе без государственной регистрации. Однако принимая во внимание угрозы религиозного экстремизма, проявления деструктивных культов, учитывая опыт постановки на учёт организационных структур общественных объединений в целях мониторинга состояния и динамики конфессиональной ситуации, религиозные группы должны иметь возможность быть поставленными на учёт без государственной регистрации в качестве юридического лица.

Данные изменения позволят применять нормы статьи 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь лишь в исключительных случаях, не нарушая при этом конституционные права и свободы человека и гражданина.

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 24 янв. 2014 г., № 49. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
3. Котляр И. И. 12 лекций о правах человека : науч.-метод. материалы к курсу лекций. Барановичи : БарГУ, 2005. 344 с.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 11-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. 66 с.
5. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 дек. 2011 г., № 328-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
6. Там же.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь.
8. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. М. : Юрист, 2013. 56 с.
9. О свободе совести и религиозных объединениях [Электронный ресурс] : Федер. закон РФ, 26 сент. 1997 г., № 125-ФЗ : в ред. Федер. закона РФ, 5 дек. 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Там же.
11. Старостенко В. И. Стратегия устойчивого общественного развития и конфессиональная сфера Республики Беларусь // Респ. Беларусь. 20 год незалежнасці : зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Минск, 24—25 лістап. 2011 г. / рэд. кал. : А. А. Каваленя [і інш.]. Минск : Беларус. навука, 2012. С. 336—339.
12. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-ХП ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 нояб. 2013 г., № 71-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Введение. В настоящее время становится очевидным, что недостаточный уровень профилактической работы в сфере потребления алкоголя нанёс значительный ущерб здоровью и благополучию нации, обусловил возникновение серьёзной угрозы стабильности и развитию всего белорусского общества.

Основная часть. В конце 90-х гг. XX в. был принят комплекс мер, направленных на усиление контроля со стороны государства за алкогольным рынком. Например, Декретом Президента Республики Беларусь от 3 августа 1999 г. № 31 «О дополнительных мерах по государственному регулированию производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции, спирта этилового из непивного сырья и табачных изделий» (Декрет № 31) вводилась маркировка ликёроводочной продукции акцизными марками. Декрет Президента Республики Беларусь от 18 декабря 2002 г. № 30 «О государственном регулировании производства, оборота и рекламы алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и этилового спирта» был направлен на усиление государственного контроля за производством и оборотом алкогольной продукции и имел ряд отличий по сравнению с Декретом № 31.

В Республике Беларусь предъявляются специальные требования к рекламе алкогольной продукции и табачных изделий. Например, статьи 17—18 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 25-З «О рекламе» [1] содержат достаточно большое количество запретительных норм в отношении рекламы алкогольных напитков и табачных изделий, а также пива и слабоалкогольных напитков.

Стратегические направления деятельности государства по борьбе с распространением пьянства и алкоголизма были сформулированы в ряде нормативных документов, принятых в Республике Беларусь в новейшее время. Так, 6 января 2000 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 23 [2] была одобрена Концепция государственной антиалкогольной политики, в которой констатировалось, что пьянство и алкоголизм представляют серьёзную угрозу здоровью населения Беларуси. Впоследствии были разработаны и последовательно приняты к исполнению три государственные пятилетние программы национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма. Каждая программа предусматривала определённый комплекс мер для решения данной проблемы, определяла источники финансирования запланированных мероприятий, устанавливала сроки выполнения и ответственных за их реализацию. Например, в Государственной программе национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011—2015 гг., утверждённой постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 января 2011 г. № 27 [3], подготовленной в целях реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» (Директива № 1) [4], отмечено, что наблюдается распространение пьянства среди населения, особенно среди молодёжи, а также лиц, употребляющих алкоголь с вредными для здоровья последствиями, в том числе несовершеннолетних.

В отношении нарушителей антиалкогольного законодательства применяются меры дисциплинарной, административной и уголовной ответственности. Вышеперечисленные меры применяются в отношении лиц, деятельность которых связана с потреблением спиртных напитков, а также их распространением и производством.

Дисциплинарная ответственность регламентируется трудовым законодательством на производстве и мерами дисциплинарной ответственности по месту учёбы. С 14 октября 2015 г. действует новая редакция Директивы № 1. Так, согласно подпункту 1.4 пункта 1 Директивы № 1, руководителям государственных органов, иных организаций независимо от форм собственности предписано обеспечить безусловное привлечение работников организаций к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения за появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также распитие спиртных напитков, употребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических веществ в рабочее время или по месту работы [5].

Административная ответственность в виде штрафа или ареста, согласно статье 17.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, устанавливается за распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива в общественном месте или на работе в состоянии опьянения [6]. Совершеннолетние граждане, вовлекающие подростков в распитие слабоалкогольных напитков и пива, также привлекаются к административной ответственности. Штраф за данный вид правонарушения, согласно статье 17.4 КоАП, составляет от 10 до 30 базовых величин [7].

В соответствии с частью первой статьи 30 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. (УК) [8] лицо, совершившее преступления в состоянии алкогольного опьянения, подлежит уголовной ответственности. Совершение преступления в таком состоянии может признаваться судом отягчающим обстоятельством (пункт 17 статьи 64 УК). При совершении преступления лицом, страдающим хроническим алкоголизмом, в соответствии с частью второй статьи 30 УК суд при наличии медицинского заключения наряду с применением наказания и других мер уголовной ответственности может назначить принудительные меры безопасности и лечения в порядке статьи 107 УК. Согласно статье 317-1 УК уголовная ответственность наступает также за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования) [9]. С 24 октября 2013 г. за совершение преступления по данной статье предусмотрена специальная конфискация транспортного средства, которым управляли в состоянии опьянения, независимо от права собственности. Применение специальной конфискации не зависит от того, кому принадлежит транспортное средство на праве собственности: виновному физическому или юридическому лицу, где работает нарушитель. Однако статистика свидетельствует, что применение вышеуказанных мер ответственности не сказалось на уменьшении количества водителей, управляющих автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. В связи с этим полагаем, что специальная конфискация автотранспортного средства должна применяться в случае однократности управления автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Следует также отметить и социально-правовые последствия злоупотребления алкоголем. Так, в соответствии с частью первой статьи 80 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. [10] одним из оснований лишения родителей родительских прав является их аморальный образ жизни, оказывающий вредное воздействие на ребёнка. Под аморальным образом жизни родителей в качестве основания лишения их родительских прав понимается, как правило, хронический алкоголизм или наркомания родителей, занятие их проституцией, систематическое совершение ими преступлений и иное антиобщественное поведение.

Заключение. Изменения, происходящие в сфере антиалкогольного законодательства, смогут частично улучшить существующую ситуацию в стране, если будет обеспечена неотвратимость ответственности и наказания за совершённые правонарушения.

Список цитируемых источников

1. О рекламе : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 25-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 июля 2015 г., № 285-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
2. О Концепции государственной антиалкогольной политики: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 янв. 2000 г., № 23. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
3. Об утверждении Государственной программы национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011—2015 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 янв. 2011 г., № 27. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
4. О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины : Директива Президента Респ. Беларусь, 11 марта 2004 г., № 1. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
5. Там же.
6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
7. Там же.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
9. Там же.
10. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 дек. 2013 г., № 84-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

УДК 340.692

Е. В. Пилипенко

*Учреждение образования «Белорусский государственный
экономический университет», Минск*

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА: НОРМАТИВНОЕ И НАУЧНОЕ ПОНИМАНИЕ

Введение. Потребление спиртных напитков не только получило широкое распространение, но и превратилось в обычную, привычную составляющую досуга. Всё это обуславливает актуальность и социальную потребность в разработке и практической реализации научно обоснованной системы

социальной профилактики потребления алкоголя, одним из элементов которой является её определение. Многие авторы связывают обострение ситуации с потреблением алкоголя с низким уровнем профилактической работы. По мнению О. Г. Лукашовой, «недостаточный уровень профилактической работы в борьбе с пьянством нанёс значительный урон здоровью и благополучию нации, обусловил возникновение серьёзной угрозы стабильности и развитию всего белорусского общества» [1, с. 210—211].

Основная часть. Потребление спиртных напитков — это, прежде всего, междисциплинарная проблема, которая требует комплексного подхода к её решению — интеграции научного знания и практических действий экономического, социального, культурного, нравственно-воспитательного, правового и медицинского характера.

Если обратиться к известному словарю С. И. Ожегова, то понятие профилактики приобретает в первую очередь, медицинское значение: «Профилактика — совокупность мероприятий, предупреждающих заболевания или предохраняющих от чего-нибудь» [2, с. 930]. В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова «профилактика — это совокупность мероприятий, предупреждающих нежелательные, опасные заболевания, явления» [3, с. 627]. Объединяющим фактором вышеуказанных определений является комплексный характер профилактики, предусматривающий некоторую гамму мероприятий (мер), нейтрализующий определённые негативные последствия в какой-либо сфере.

Следует отметить, что доминирующий атрибутивный признак рассматриваемого явления есть её комплексный характер, предусматривающий некоторую гамму мероприятий (мер), нейтрализующий определённые негативные последствия в какой-либо сфере.

Так, на комплексную атрибутивность профилактики указывают З. В. Коробкина и В. А. Попова: «Профилактика — это система комплексных государственных и общественных, социально-экономических и медико-санитарных, психолого-педагогических и психогигиенических мероприятий, направленных на предупреждение заболеваний, на всемерное укрепление здоровья» [4, с. 139]. У Ю. С. Бородкина и Т. И. Грековой под профилактикой понимается «целая система комплексных государственных и общественных, социально-экономических и медико-санитарных, психолого-педагогических и психогигиенических мероприятий» [5, с. 142]. Л. В. Мадахаев определяет профилактику как «использование совокупности мер, разработанных для того, чтобы предотвратить возникновение и развитие каких-либо отклонений в развитии, обучении, воспитании» [6, с. 231].

Рассматриваемый термин в различных значениях активно используется белорусским законодателем. Например, в статье 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [7] используются следующие понятия: индивидуальная профилактика правонарушений (деятельность субъектов профилактики правонарушений по оказанию корректирующего воздействия на гражданина Республики Беларусь, иностранного гражданина и лица без гражданства в целях недопущения совершения правонарушений, осуществляемая в соответствии с данным Законом и другими актами законодательства); общая профилактика правонарушений (деятельность субъектов профилактики правонарушений по выявлению причин правонарушений и условий, способствующих их совершению, и принятию мер по их устранению, воздействию на социальные процессы и явления в целях недопущения противоправного поведения граждан, осуществляемая в соответствии с этим законом и другими актами законодательства); профилактика правонарушений (деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений в соответствии с рассматриваемым законом и другими актами законодательства).

Статья 1 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [8] закрепляет понятие профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как систему социальных, правовых и иных мер, которые направлены на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, совершению несовершеннолетними правонарушений, и осуществляющихся в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

По вопросу дефинирования социальной профилактики как разновидности профилактики сложилась соответствующая палитра научных воззрений. Это предопределено тем, что социальная профилактика характеризуется сложностью внутренней структуры и многоплановостью выражения в государственно-правовой и социальной сфере общества. Данным фактором и обусловлено разнообразие определений понятия «социальная профилактика». С. А. Ветошкин, моделируя понимание социальной профилактики посредством междисциплинарного признака комплексности, определяет её как «комплекс социально-педагогических, психологических, медицинских и иных мероприятий, направленных на предотвращение девиантного поведения подростков, считая, что сущность социальной профилактики заключается в адекватном реагировании общества и государства на проблему обеспечения благополучного развития ребенка, его воспитания, образования и социализации» [9, с. 309]. Д. К. Нечевин определяет социальную профилактику сквозь призму достаточно большого количества мер различного характера: «Социальная профилактика представляет собой систему мер экономического, социально-политического, правового, психолого-педагогического, воспитательного, организационного характера,

направленных на предупреждение преступлений и иных правонарушений» [10, с. 129]. Н. А. Барановский в контексте определения подсистем системы предупреждения преступности определяет социальную профилактику следующим образом: «Социальная профилактика — деятельность, направленная на устойчивое экономическое, политическое, социальное и культурное развитие общества социальных групп и личности, обеспечение их материального, социального и духовно-нравственного благополучия, а также создание социальных условий и формирование мотивации социально-позитивного и правомерного образа жизни граждан» [11, с. 52].

Заключение. С учётом обозначенных выше определений социальную профилактику можно определить как целенаправленную социально-регулируемую деятельность, осуществляемую на уровне государства через систему комплексных экономических, организационно-управленческих, социальных, культурных, правовых, медицинских и других мероприятий, направленных на повышение качества жизни, на ослабление факторов социального риска, а также на укрепление физического, психического и социального здоровья людей.

Список цитируемых источников

1. Лукашова О. Г. К вопросу о государственной антиалкогольной политике Беларуси // Здоровье населения: проблемы и пути решения : материалы II Междунар. науч.-практ. семинара, г. Минск, 19—21 мая 2011 г. / ред. кол. : Н. М. Римашевская [и др.] ; НАН Беларуси ; Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск : Право и экономика, 2011. С. 210—220.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеол. выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : Мир и образование, 2009. 1360 с.
3. Толковый словарь русского языка : ок. 30 000 слов / сост. В. В. Виноградов [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 910 с.
4. Коробкина З. В., Попов В. А. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи : учеб. пособие. М. : Акад., 2002. 192 с.
5. Бородин Ю. С., Грекова Т. И. Алкоголизм: причины, следствия, профилактика. Л. : Наука, 1987. 159 с.
6. Словарь по социальной педагогике : учеб. пособие / авт.-сост. Л. В. Мардахаев. М. : Акад., 2002. 368 с.
7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 дек. 2013 г., № 84-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
9. Ветошкин С. А. Ювенальное право. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 453 с.
10. Нечевин Д. К. Понятие социальной профилактики преступлений // Публич. и част. право. 2013. № 4. С. 127—140.
11. Барановский Н. А. Антиалкогольная политика в системе предупреждения преступности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 48—58.

УДК 343.9.01

Е. А. Попова,

кандидат юридических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация

ВЛИЯНИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ НА ВНУТРЕННЮЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Введение. Проблемы нелегальной миграции в последнее время достаточно часто обсуждаются в разных странах и на разных уровнях. Волна террористических актов, прокатившихся по всему миру, показывает, насколько опасными могут стать последствия неконтролируемых перемещений между государствами.

По данным агентства Frontex, с 1 января по 1 ноября 2015 года внешние границы Европейского союза пересекли 1,2 млн нелегальных мигрантов. Эта цифра более чем в четыре раза превышает показатель за весь прошлый год, когда было зарегистрировано порядка 282 тыс. случаев нарушений внешних границ Европейского союза [1].

Основная часть. Данные, характеризующие миграцию в Российской Федерации, говорят о снижении потока мигрантов за последние годы. По сведениям Федеральной миграционной службы России [2], в страну в 2013 г. въехало 17 млн 342 тыс. человек, в 2014 г. — 17 млн 281 тыс. человек. За 2015 г. данные составляют 17 млн 38 тыс. человек, из них 7 млн 868 тыс. поставлено Федеральной миграционной службы России на миграционный учёт. Официально на территории Российской Федерации находится 9 млн 948 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства. Как показывают данные

статистики, на протяжении последних лет странами-лидерами, поставляющими иностранных граждан на территорию России, являются Узбекистан, Украина, Армения и Азербайджан.

Согласно официальным данным, Россия становится не только страной въезда, но и транзита для мигрантов. Очевидной становится разница между въехавшими иностранными гражданами и лицами без гражданства, поставленными на учёт и законно находящимися на территории страны, — почти 10 млн человек. Из них, по данным первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации А. Э. Буксмана, на законных основаниях трудятся лишь 1,5 млн [3].

Понимая важность противодействия незаконных проявлений миграционных процессов, была принята Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В данном документе под незаконной миграцией понимается перемещение в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и (или) осуществления ими трудовой деятельности [4].

И. В. Никитенко обосновывает целесообразность выделения и включения в систему национальной безопасности нового звена — миграционной безопасности [5, с. 92]. Неконтролируемая миграция может привести к нарушению территориальной целостности страны, социальных и культурных устоев. Под влиянием миграционных процессов изменяются сложившиеся межэтнические отношения и возникают новые.

Неконтролируемые незаконные мигранты не только негативно влияют на социальную обстановку внутри страны. Неурегулированное правовое положение мигрантов приводит к тому, что они стараются свести свои контакты не только с государственными структурами, но и с населением к минимуму. В результате образуются национальные анклав, внутри которых выстраивается своя иерархия отношений. И часто эти отношения приобретают криминальный характер. Беспомощный в правовом положении человек легче поддаётся негативному влиянию и помимо своей воли оказывается втянутым в противоправную деятельность.

Организованные формы незаконной миграции являются одним из направлений деятельности организованной преступности. Они занимают третье место по количеству получаемой незаконной прибыли и общественной опасности, уступая только незаконному обороту наркотиков и оружия [6, с. 8].

Ежегодный доход от данного направления противоправной деятельности организованной преступности оценивается специалистами в 12 млрд дол. США в год [7, с. 57].

Известно, что незаконная миграция при определённых условиях может и сама содержать признаки некоторых составов преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации [8]. В этой связи именно криминальным аспектам незаконной миграции следует уделить особое внимание, учитывая их повышенную общественную опасность.

Наиболее распространёнными преступлениями в сфере экономической деятельности, совершаемыми мигрантами, являются незаконное предпринимательство и контрабанда. Нередко ими совершаются мошенничества, кражи, грабежи, разбои, изнасилования. Кроме того, незаконная миграция связана и с другими уголовными преступлениями, такими как торговля людьми, использование рабского труда, вовлечение в занятие проституцией, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и др.

Последние события показывают, что незаконные мигранты являются источниками распространения на территории нашей страны незаконной террористической деятельности. Они становятся проводниками идей запрещённой в России организации «Исламское государство».

Статистика преступлений, совершённых мигрантами, выделена отдельной статьёй. Как отмечается в краткой характеристике состояния преступности, представленной на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации [9], за 2014 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России совершено 44,4 тыс. преступлений, что на 5,4% меньше, чем за 2013 г., в том числе гражданами государств — участников СНГ — 38,4 тыс. преступлений (–4,7%), их удельный вес составил 86,4%. Удельный вес таких преступлений в 2014 г. составил 3,8%.

Основная миграционная нагрузка ложится на крупные города, и первый в этом списке — Москва. Московская область и Москва лидируют и по количеству преступлений, совершённых иностранными гражданами и лицами без гражданства. В 2014 г. иностранные граждане и лица без гражданства совершили в Москве более 9 тыс. преступлений, что на 15% меньше, чем в 2013 г. [10].

Руководитель Главного следственного управления Следственного комитета России по Москве В. Яковенко, выступая на коллегии Главного следственного управления, посвящённой итогам работы в 2013 г., признал, что реальный уровень преступности среди мигрантов в Москве значительно выше, чем показывает статистика, и может достигать 60—70% от общего числа преступлений [11].

По данным Информационного центра Управления Министерства внутренних дел России по Тамбовской области [12], на территории Тамбова и Тамбовской области в 2014 г. зарегистрировано 11 473 преступления, из них иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 134 преступления, что на 55,8% больше показателя прошлого года. Доля преступности иностранцев в общей структуре преступности по области составляет 1,2%. В целом преобладают преступления небольшой тяжести —

66, 31 преступление средней тяжести, 21 тяжкое преступление и 16 преступлений особой тяжести. Из проведенного анализа установлено, что по сравнению с 2013 г. на 100% возросло количество особо тяжких преступлений, на 60% увеличилось количество преступлений средней тяжести, на 26% увеличилось количество преступлений небольшой тяжести.

Причины преступности мигрантов лежат на поверхности: разница в социальном уровне, экономическом развитии и политической стабильности Российской Федерации и стран СНГ, откуда и направлен основной миграционный поток в Россию.

Заключение. Миграционные процессы требуют полноценного осуществления контрольно-надзорных функций со стороны правоохранительных органов и государственных структур, повышения эффективности проверочных мероприятий. Возросшая в последние годы интенсивность миграционных потоков требует серьезного внимания к контролю соблюдения требований миграционного законодательства. При решении задачи противодействия незаконной миграции чрезвычайно важно обеспечить неотвратимость наказания лиц, виновных в совершении правонарушений. Возможно, по отдельным категориям преступлений, представляющих наибольшую общественную опасность или получивших чрезвычайное распространение в последние годы, в том числе по преступлениям в сфере миграции, было бы целесообразно установить мораторий на объявление амнистии и совершение актов помилования к соответствующим лицам.

Список цитируемых источников

1. Нельзя смешивать проблемы терроризма и миграции [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.com/newswires/3090355-newswire/> (дата обращения: 15.12.2015)
2. Статистика [Электронный ресурс] // Федеральная миграционная служба России : офиц. сайт. URL: <http://www.fms.gov.ru/fms/activity/stats/Statistics> (дата обращения: 12.01.2016).
3. Нелегальная миграция в РФ [Электронный ресурс] // ТАСС: информ. агентство России. URL: <http://tass.ru/info/691935> (дата обращения: 11.01.2016)
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 14.01.2016).
5. Никитенко И. В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности государства в условиях либерализации миграционной политики современной России // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 24 июня 2011 г. Алматы : Алмат. акад. МВД Респ. Казахстан, 2011. С. 90—97.
6. Самойлюк Н. В. Уголовно-правовая характеристика организации незаконной миграции // Миграцион. право. 2009. № 4. С. 8.
7. Калашников О. Д. Незаконная миграция и организованная преступность: взаимосвязь и взаимозависимость // Следователь. 2006. № 6. С. 58.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Состояние преступности [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел РФ : офиц. сайт. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 11.01.2016).
10. Отчёты [Электронный ресурс] // Глав. упр. МВД России по г. Москве : офиц. сайт. URL: <http://petrovka38.ru/Dejatelnost/Statistika> (дата обращения: 21.12.2015).
11. Интервью руководителя Главного следственного управления по г. Москве В. В. Яковенко «Российской газете» [Электронный ресурс]. URL: <http://moscow.sledcom.ru/press/interview/item/605991> (дата обращения: 11.01.2016).
12. УМВД России по Тамбовской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://68.mvd.ru/Dejatelnost> (дата обращения: 11.01.2016).

УДК 340.5

О. Н. Резник,

кандидат юридических наук

Сумский государственный университет, Сумы, Украина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ ИНСПЕКЦИЯ КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Введение. Финансово-экономическая безопасность является важной составляющей национальной безопасности государства. Круг субъектов, обеспечивающих финансово-экономическую безопасность государства, является достаточно широким. Можно говорить, что экономическая безопасность обеспечивается деятельностью органов всех ветвей государственной власти, правоохранительной системой и соответствующими органами на местах. Как отмечает А. Н. Чечель, основной стратегической задачей государства в рамках обеспечения экономической безопасности является выработка курса на устранение и локализацию внутренних и внешних угроз. Управление процессом реализации данной задачи

должно базироваться на использовании методов регулятивного анализа и планирования процессов обеспечения экономической безопасности, координации усилий всех субъектов деятельности в сфере обеспечения экономической безопасности, направления государственных органов власти на реализацию их функций с учётом национальных экономических интересов, контроля за динамикой экономических процессов, целевого государственного финансирования посредством создания бюджетных фондов развития системы экономической безопасности [1, с. 343]. Проблемным моментом обеспечения экономической безопасности является сложность координации деятельности государственных органов в данной сфере, что связано с дублированием их полномочий.

Основная часть. Сегодня обеспечение экономической безопасности с одной стороны возложено на Государственную финансовую инспекцию (в части реализации финансовой безопасности и осуществления финансового контроля), Государственную фискальную службу (в части осуществления государством фискальной функции, реализации налоговой и таможенной политики), Государственную службу финансового мониторинга (обеспечение финансовой и инвестиционной безопасности), Национальную комиссию по государственному регулированию в сфере рынков финансовых услуг (обеспечение безопасности финансовых рынков), а с другой стороны — на специализированные структурные подразделения правоохранительных органов.

Государственная финансовая инспекция является основным субъектом, реализующим государственную политику в сфере финансового контроля и осуществляет государственный финансовый контроль за использованием и сохранностью государственных финансовых ресурсов, активов, определением потребности в бюджетных средствах.

Следующим органом обеспечения экономической безопасности является Государственная служба финансового мониторинга, которая обеспечивает государственную политику в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. В свою очередь осуществление мероприятий, направленных на предотвращение и противодействие легализации (отмыванию) доходов обеспечивает финансовую и инвестиционную безопасность как элемента экономической безопасности. Также, кроме указанных органов, в сфере обеспечения финансово-экономической безопасности можно выделить Национальную комиссию по осуществлению государственного регулирования в сфере рынков финансовых услуг. Согласно пункту 3 Положения о Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере рынков финансовых услуг, задачами Национальной комиссии в сфере регулирования рынков финансовых услуг являются формирование и обеспечение реализации политики государственного регулирования в сфере рынков финансовых услуг (кроме рынка банковских услуг и рынков ценных бумаг, производных ценных бумаг); разработка и реализация стратегии развития рынков финансовых услуг и решение системных вопросов их функционирования, осуществления в пределах своих полномочий государственного регулирования и надзора за предоставлением финансовых услуг и соблюдением законодательства в соответствующей сфере [2].

В структуре правоохранительных органов, осуществляющих деятельность в сфере обеспечения финансово-экономической безопасности, отдельно следует выделить прокуратуру, Службу безопасности Украины, органы внутренних дел и органы доходов и сборов. Важное место в обеспечении экономической безопасности занимает Государственная фискальная служба, на которую, согласно части первой пункта 3 Положения о Государственной фискальной службе, возлагается реализация государственной налоговой политики и политики в сфере государственного таможенного сектора, государственной политики в сфере борьбы с правонарушениями в сфере налогового и таможенного законодательства [3]. Таким образом, деятельность Государственной фискальной службы направлена на предотвращение и противодействие правонарушений в сфере реализации фискальной и таможенной политики государства, и, как следствие, обеспечение экономической безопасности. Для фактической реализации данных полномочий в составе Государственной фискальной службы существует специализированные подразделения налоговой милиции.

Следующим органом можно назвать прокуратуру, которая в соответствии с пунктом 3 части первой статьи 2 Закона Украины «О прокуратуре» осуществляет надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие [4]. В данном случае действует контрольная функция прокуратуры в отношении органов обеспечения финансово-экономической безопасности и как результат, гарантируется реализация функций органами при раскрытии преступлений, связанных с посягательством на финансово-экономическую безопасность.

Кроме того, обеспечение экономической безопасности в определённой мере возлагается на органы внутренних дел. Учитывая реформирование данной сферы, субъектом обеспечения экономической безопасности должны стать органы Национальной полиции. Согласно пунктам 2 и 3 части первой статьи 23 Закона Украины «О Национальной полиции» на данный орган возложены функции выявления причин и условий, способствующих совершению уголовных преступлений и административных правонарушений, принятие в пределах своей компетенции мер по выявлению уголовных преступлений, административных правонарушений, пресечению выявленных уголовных преступлений и административных правонарушений [5]. Специализированные структурные подразделения должны направлять свою

деятельность на противодействие экономическим преступлениям. Обеспечивать экономическую безопасность должен Департамент защиты экономики как межрегиональный территориальный орган Национальной полиции, призванный заменить Департамент противодействия преступности в сфере экономики, существовавший в структуре Министерства внутренних дел.

Ещё одним органом, деятельность которого направлена на защиту экономической безопасности страны, является Служба безопасности Украины, которая в соответствии с полномочиями обязана осуществлять меры контрразведывательного обеспечения дипломатических представительств и других государственных учреждений, а также принимать меры, направленные на охрану государственных интересов в сфере внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, обеспечение безопасности граждан Украины за рубежом, а также совершать другие действия согласно компетенции, закреплённой в нормативных актах.

Среди указанных субъектов обеспечения финансово-экономической безопасности именно Государственная финансовая инспекция (с декабря 2015 г. — Государственная аудиторская служба) занимает особое место и реализует государственный финансовый контроль с помощью таких инструментов, как инспектирование, финансовый аудит и проверка государственных закупок. Так, осуществляется контроль государственных финансовых ресурсов и активов, что ещё раз доказывает, что Государственная финансовая инспекция является специализированным субъектом, со сложной структурой (центральный офис и отделения на местах) и имеет определённые законодательством задачи и компетенцию.

Заключение. Государственная финансовая инспекция является специализированным субъектом обеспечения финансово-экономической безопасности, которая осуществляет государственный финансовый контроль. Правоохранительные органы осуществляют надзорную функцию и обеспечивают финансово-экономическую безопасность в аспекте реализации правоохранительной функции государства в целом и раскрытия преступлений, отнесённых к их компетенции. Другие субъекты финансово-экономической безопасности имеют более узкую специализацию, направленную на обеспечение финансовой и инвестиционной безопасности или на обеспечение финансовой безопасности в аспекте функционирования и регулирования рынков финансовых услуг в Украине.

Список цитируемых источников

1. Чечель А. Н. Экономическая безопасность в контексте государственной экономической политики Украины // Актуал. проблемы гос. упр. 2010. № 1. С. 341—351.
2. Положение о Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере рынков финансовых услуг [Электронный ресурс] : Указ Президента Украины, 23 ноябр. 2011 г., № 1070/2011. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1070/2011/conv> (дата обращения: 29.12.2015).
3. Положение о Государственной фискальной службе [Электронный ресурс] : постановление Каб. министров Украины, 21 мая 2014 г., № 236. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/236-2014-%D0%BF/conv> (дата обращения: 05.01.2016).
4. О прокуратуре [Электронный ресурс] : Закон Украины, 14 окт. 2014 г., № 1697-VII. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1697-18/para8#n8> (дата обращения: 05.01.2016).
5. О Национальной полиции [Электронный ресурс] : Закон Украины, 2 июля 2015 г., № 580-VIII. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/580-19/para162#n162> (дата обращения: 05.01.2016).

УДК 341.42

И. А. Рудоманенко

Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Познань, Республика Польша

ПРАВОСУДИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ СУДЕ

Введение. Правосудие характеризуется объективностью, беспристрастностью и целостностью. Правосудие должно быть честным и справедливым. Международный уголовный суд (далее — МУС) — это надгосударственный орган, обеспечивающий честность и беспристрастность суда как неотъемлемого фактора деятельности и независимость судей, которые в процессе осуществления своей профессиональной деятельности должны быть независимы. Под независимостью понимается полное отсутствие политического, экономического, морального давления на суд в процессе осуществления им своей профессиональной деятельности и вне её.

В истории создания МУС существуют факты, которые наводят на мысль, что сам процесс создания суда подобен по своей форме на цикл длиной в столетие. Начался этот цикл с начала прошлого века на Парижской мирной конференции 1919 г., когда проходили серьёзные дебаты о необходимости создания организации МУС. Позднее, в 1937 г., в Женеве Лигой Наций также была принята попытка

создания Международной юридической комиссии — прототипа МУС. Однако данная попытка не увенчалась успехом. В 1989 г. прозвучала идея создания межнационального органа по борьбе с оборотом наркотиков. Далее последовали события, которые поставили точку в дискуссии о необходимости создания компетентного органа по расследованию международных преступлений: войны в Югославии (1991—2001 гг.) и геноцид в Руанде (1994 г.), после чего с принятием Римского статута 17 июля 1998 г. и введением его в силу 1 июля 2002 г. был создан МУС.

Основная часть. При изучении работы суда возникают некоторые вопросы, которые предлагается рассмотреть. Стоит отметить, что эти вопросы во многом связаны, но относятся совершенно к разным правовым категориям — от процессуальной работы суда до международной политики и дипломатии: 1) эффективность и комплексность работы суда; 2) финансирование суда как один из основных атрибутов осуществления объективного и беспристрастного правосудия; 3) осуществление правосудия в основном в отношении стран третьего мира.

Вопрос эффективности и комплексности работы суда является открытым не только для отечественных исследователей. В частности, Ст. Форд в своей работе “Complexity and efficiency at International Criminal Courts” исследовал вопрос об эффективности деятельности международных судов, в котором место самого затратного и эффективно низкого занимает МУС, в отношении рассмотрения дела по Югославии [1]. Определённый интерес вызывает тот факт, что суд принимает дело только в том случае, если государство ратифицировало Римский статут [2] и действует только в случае, если государство, на территории которого совершено преступление или гражданином которого является преступник, не желает или фактически не может осуществить расследование и выдвинуть против него обвинение, тем самым подчёркивая, что МУС представляет собой орган, работающий по системе субсидиарности. Указанные факты свидетельствуют о том, что МУС только начал развиваться и проблемы есть. Однако положительным моментом этого вопроса является то, что осознают это и сами судьи суда, о чём свидетельствуют документы на официальном сайте МУС о независимом аудите своей деятельности и постановке вопроса об экономии денежных средств [3].

Основным фактором, порождающим независимость в компетенции органа юстиции или управления — это независимость, в том числе и финансовая. МУС является органом наднациональным, и его финансирование осуществляется исходя из возможностей бюджета стран — участниц Римского статута. Самый большой пай в расходы суда вносит США, Германия, Франция, Израиль, ОАЭ. Очевидно, что в данной ситуации правосудие может страдать, поскольку в будущем могут создаваться прецеденты, когда страна или коалиция из этих участников будет причастна к международному преступлению. Возможность подобного прецедента могла иметь место, когда МУС возбудил следствие в отношении Израиля за действия на территории Палестины. Тогда Израиль предложил урезать бюджет МУС, но союзники не дали согласие на это [4]. Экономическая независимость суда является очень важным фактором в процессе осуществления правосудия МУС, и на текущем этапе видится необходимым некоторым образом менять систему, например, во избежание подобных прецедентов в будущем временно исключать страны-участницы, в отношении которых возбуждены прокурорские проверки из финансирования суда. Это позволит, во-первых, повысить степень объективного правосудия, а во-вторых, мотивировать прокурора, который проводит проверку, осуществить её в сжатые сроки. Стоит заметить, что в таком случае могут иметь место прецеденты, когда прокурор может попытаться злоупотребить своими обязанностями и не проводить проверки, потому что в двухстороннем порядке проводить её невыгодно. Однако в данном случае вопрос может решить элемент социальной регуляции общества на резонансные события, в связи с которыми их сокрытие не представляется возможным.

Реальной проблемой работы суда видится определённая концентрация внимания на странах третьего мира или индустриально слабо развитых. Это можно объяснить рядом факторов, один из которых — финансирование, поступающее из благополучных стран. Вторым важным фактором является принцип субсидиарности, который видится преградой в работе МУС. Третий, вытекающий из принципа субсидиарности, — судебное разбирательство, которое проводится в тех странах, в которых государственный аппарат не может сам судить своих преступников, так как не имеет полного контроля юстиции на своей территории, что, очевидно, предоставляет широкое поле для деятельности и маневрирования более развитых стран, поскольку в рамках своей страны легче скрыть некоторые важные факты и тем самым уйти от ответственности. Представляется уместным привести пример убийства лидеров Ливии, Ирака и их несанкционированную казнь с учётом того, что они находились под следствием МУС. Это показывает, что на данном этапе существования МУС как органа юстиции он не имеет достаточной независимости и в экономическом, и политическом плане и в своём роде осуществляет «справедливость сильных», которая заключается в том, что страны третьего мира и развитые страны находятся в разных положениях, хотя это можно заметить не только в работе МУС, но и всех институтов современных экономических, политических и юридических систем [5].

Заключение. МУС — это орган, созданный относительно недавно, приобретающий политический вес. Он прошёл долгий процесс создания и становления, в котором существуют недостатки и достоинства, в частности, это первый наднациональный орган, который позволяет привлечь виновных к ответственности за международные преступления. Стоит также отметить, что МУС ещё развивается и может

быть преобразован в иной наднациональный орган международной компетенции по широкому кругу вопросов. Именно поэтому вопросы деятельности данного органа нуждаются в тщательном изучении исследователями и учёными. В данной статье представляется видение автора относительно проблем деятельности МУС и возможных путей их разрешения. Автор не претендует на то, что видение спорных моментов и их решения является единственно правильным. Предполагается, что утверждения, указанные в данной публикации, должны привести к дискуссии и возможному решению указанных спорных моментов. Вопрос о независимости и степени правосудия МУС представляется открытым и требующим дальнейшего изучения и исследования.

Список цитируемых источников

1. Ford, S. Complexity and efficiency at international criminal courts // Emory Law Library. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2370540 (date of access: 08.02.2016).
2. Римский статут. URL: <https://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/ADD16852-AEE9-4757-ABE7-9CDC7CF02886/283503/RomeStatutEng1.pdf> (дата обращения: 05.02.2016).
3. Постановление Международного Уголовного Суда о проведении независимой аудиторской деятельности. URL: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/ASP14/ASP14-PD-EFEC-Summary-ENG.pdf#search=efficiency (дата обращения: 06.02.2016).
4. Escritt, T., Williams D. Complexity and efficiency at international criminal courts // Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/us-icc-palestinians-israel-idUSKBN0KR06720150118> (date of access: 07.02.2016).
5. Финансовые операции и правила их проведения в Международном Уголовном Суде. URL: <https://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/D4B6E16A-BD66-46AF-BB43-8D4C3F069786/281202/FRRENG0705.pdf> (дата обращения: 05.02.2016).

УДК 349.3

В. В. Серeda

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. В соответствии с данными ООН, увеличение численности лиц старше трудоспособного возраста и повышение продолжительности жизни на фоне снижающихся показателей рождаемости являются общемировыми тенденциями в области демографии [1, с. 25].

Согласно данным ООН, к 2050 г. численность населения уменьшится в 33 государствах мира (Япония потеряет 12% жителей, Италия — 22%, а Болгария, Эстония, Грузия, Латвия и Россия — до 30—50%). С другой стороны, к 2045 г., по прогнозам, численность населения Земли возрастёт до 9 млрд человек [2].

Начиная с 1960 г., средняя продолжительность жизни в мире увеличилась более чем на 20 лет. Согласно статистическим данным, через 50 лет каждый пятый житель Земли будет старше 60 лет.

По общемировой классификации, население страны считается «старым», если количество граждан старше 65 лет превышает 7% от общего числа жителей страны. В Республике Беларусь данный показатель в 2015 г. достиг уровня 14,2% [3].

К 2025 г. на одного пенсионера будет приходиться 3,1 человека трудоспособного возраста, а к 2050 г. — 2,1 человека. В среднем за последние годы количество пожилых людей в мире увеличивается примерно на 870 тыс. каждый месяц [4].

Основная часть. Демографическая ситуация в Республике Беларусь характеризуется устойчивой тенденцией к депопуляции, обусловленной превышением смертности над рождаемостью, прогрессирующим старением, неблагоприятной структурой населения по полу и возрасту.

На протяжении послевоенных лет и до начала 1990-х гг. численность населения Беларуси постоянно росла, однако интенсивность указанного роста начала снижаться.

Отрицательный естественный прирост населения начался в 1993 г., когда численность умерших превысила численность родившихся на 11,2 тыс. человек, и увеличивался в последующие годы. В результате численность населения Республики Беларусь сократилась с 10 243 тыс. в 1994 г. до 9 498,7 тыс. человек на январь 2016 г. [5, с. 51], т. е. более чем на 745 тыс., что для Республики Беларусь представляется катастрофическим, однако положительный миграционный прирост за указанный период частично компенсировал естественную убыль населения.

В 2015 г. миграционный прирост населения составил 18 494 человека и по сравнению с 2014 г. увеличился на 2 772 человека (в 1,2 раза). Основной миграционный обмен Республики Беларусь происходил со странами СНГ: в Республику Беларусь прибыло 22 505 человек, из них из Украины, России

и Казахстана — 19 985 человек (88,8%), однако роль миграционного прироста в смягчении процесса депопуляции постоянно уменьшается [6, с. 80].

Согласно данным Национальной программы демографической безопасности на 2011—2015 гг., утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 357 [7], ключевой составляющей процесса депопуляции в Республике Беларусь является также высокий уровень смертности, в том числе среди граждан, находящихся в трудоспособном возрасте. При этом уровень смертности мужчин в 3 раза превышает уровень смертности женщин. По данным Всемирной организации здравоохранения, в Республике Беларусь смертность мужчин в возрасте 15—60 лет в 3—4,5 раза выше, чем в странах Европейского союза.

Возрастающие потери трудоспособной части населения сокращают среднюю продолжительность жизни в стране. Таким образом, Республика Беларусь отстаёт от развитых стран по показателю ожидаемой продолжительности жизни на 11—15 лет у мужчин (64,7 года) и на 5—10 лет у женщин (76,4 года).

Нельзя не отметить и низкий уровень рождаемости в Республике Беларусь. Согласно официальным статистическим данным, с 1959 по 2015 гг. доля детей (0—14 лет) уменьшилась с 30,1% до 16,0%, а удельный вес людей в возрасте 60 лет и старше увеличился с 10,7% до 20,2%. Возрастная структура населения Республики Беларусь, согласно классификации ООН, имеет регрессивный тип, что представляет угрозу сокращения в будущем численности населения. Вызывает опасения и то, что доля пожилых людей в общей структуре населения Республики Беларусь увеличивается быстрее, чем какой-либо другой возрастной группы. Согласно прогнозам, в 2025 г. доля лиц старше трудоспособного возраста составит более 28%, а доля детей — всего 17% [8].

Высокая смертность и низкая рождаемость увеличивают нагрузку на экономически активное население, систему здравоохранения и социальной защиты. По прогнозу, при существующих тенденциях к 2030 г. на 1 000 человек трудоспособного возраста будет приходиться 841 человек в нетрудоспособном возрасте [9].

По состоянию на конец 2015 г. численность получателей пенсий в Республике Беларусь составила 2,526 тыс. (26,9% от численности населения страны и 40,3% от численности трудоспособного населения). Согласно прогнозу, к 2030 г. доля пенсионеров составит 53,2% от трудоспособного населения [10].

Анализ динамики показателей старения населения (таблица 1) позволяет сделать вывод о том, что на временном отрезке периода 1959—2015 гг. в Республике Беларусь наблюдался рост всех показателей старения населения, что подтверждает наличие общей тенденции к старению населения.

Изменения в возрастной структуре населения отражаются на величине коэффициента демографической нагрузки: на 1 000 человек трудоспособного возраста приходится 705 человек младших и старших возрастов, в том числе 290 детей и 415 пенсионеров [11].

Старение населения протекает на фоне высоких показателей смертности. Например, отдельные исследователи отмечают сверхсмертность в Беларуси. В соответствии со стандартами Всемирной организации здравоохранения темпы смертности, превышающие 10 человек на 1 000, свидетельствуют о сверхсмертности. Согласно данным Национального статистического комитета, в Республике Беларусь в 2015 г. смертность составила 13,3 человека на 1 000 [12].

Как отмечено в части первой статьи 3 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [13], депопуляция является демографической угрозой — явлением, социально-экономические последствия которого оказывают отрицательное воздействие на развитие Республики Беларусь.

Т а б л и ц а 1 — Показатели старения населения Республики Беларусь за 1959—2015 гг.

Год	Коэффициент старости, %	Средний возраст населения, лет	Коэффициент потенциала старения, %	Коэффициент соотношения поколений, %
1959	10,7	29,3	18,7	35,5
1970	13,2	31,4	21,1	45,3
1979	14,0	34,1	25,8	60,3
1989	16,1	35,1	23,1	69,9
1999	18,9	36,6	24,4	96,8
2009	18,3	38,2	29,4	124,9
2012	19,6	38,7	29,3	127,3
2015	20,2	40,0	29,1	126,2

Примечание. Собственная разработка.

Справедливым считается мнение М. В. Андрияшко, которая выделяет среди наиболее значимых причин депопуляции следующие: 1) высокие показатели смертности среди граждан Республики Беларусь в целом, в том числе в трудоспособном возрасте и от внешних причин; 2) недостаточно высокие показатели воспроизводства населения; 3) высокий удельный вес детей с особенностями развития, хроническими заболеваниями, патологиями; 4) высокие показатели случаев искусственного прерывания беременности на ранних сроках беременности; 5) позднее диагностирование заболеваний, в том числе заболеваний, лидирующих в перечне причин смерти; 6) высокие показатели бесплодия у мужчин и женщин, а также латентное бесплодие; 7) высокие показатели разводимости среди граждан Республики Беларусь, в том числе в непродолжительных браках, а также потребительское отношение к институтам брака и семьи; 8) недостаточный миграционный прирост [14].

Заключение. Перечисленные демографические угрозы не являются исчерпывающими, однако представляют угрозу для социально-экономического развития Республики Беларусь.

Сложившаяся демографическая ситуация, представляющая угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, определила необходимость вмешательства государства в указанную проблему. В связи с указанным целесообразным представляется разработка и реализация программы демографической безопасности на 2016—2020 гг., учитывающей все основные причины депопуляции и негативные демографические тенденции в Республике Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Андрияшко М. В. Направления программы демографической безопасности 2016—2020 // Юстиция Беларуси. 2015 № 11. С. 25—30.
2. Старение населения мира в ближайшие десятилетия ускорится [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/barom02.php> (дата обращения: 18.05.2015).
3. О пенсионных реформах в странах СНГ: результаты и перспективы. Об итогах проведения в 2010—2011 гг. в государствах Содружества солидарной профсоюзной акции под девизом «За достойную пенсию» [Электронный ресурс]. URL: <http://pensionreform.ru/39246> (дата обращения: 07.01.2016).
4. Старение населения Беларуси как угроза экономической безопасности страны [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.bsblog.info/starenie-naseleniya-belarusi-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-strany/> (дата обращения: 15.01.2016).
5. Статистический ежегодник 2015. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. 582 с.
6. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / редкол. : В. И. Зиновский (пред.), И. А. Костевич [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. 449 с.
7. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 357 ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12 сент. 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. 1/13752.
8. Старение населения Беларуси как угроза экономической безопасности страны.
9. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы.
10. Статистический ежегодник 2015. С. 53.
11. Демографический ежегодник Республики Беларусь. С. 79.
12. Андрияшко М. В. Направления программы демографической безопасности 2016—2020. С. 25.
13. О демографической безопасности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 дек. 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 15. 2/1666.
14. Андрияшко М. В. Направления программы демографической безопасности 2016—2020. С. 26.

УДК 349.6

Е. Л. Серeda

*Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь, Минск*

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. Вопросы рационального использования и охраны вод регулируются многочисленными нормативными правовыми актами Республики Беларусь, основу которых составляет Водный кодекс Республики Беларусь [1].

Основная часть. В соответствии со статьёй 61 Водного кодекса Республики Беларусь нарушение законодательства Республики Беларусь об охране и использовании вод влечёт ответственность согласно законодательным актам Республики Беларусь [2]. Основанием ответственности является водное правонарушение.

Ответственность за нарушение водного законодательства является частью эколого-правовой ответственности в целом. Эколого-правовая ответственность выступает важным звеном правового

обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды. При этом для экологических правоотношений представляется важным рассмотрение юридической ответственности не только в традиционном (ретроспективном), но и в перспективном смысле [3, с. 310]. Существенный вклад в изучение вопросов об ответственности за нарушение водного законодательства внесли С. Б. Байсалова, О. Л. Дубовик, А. М. Каверина, О. С. Колбасова и др.

Особой подробностью отличается исследование данного вопроса С. Б. Байсаловым. Большой интерес представляет проведённое им выяснение причин и условий, способствующих совершению водных правонарушений, а также определение места норм ответственности за водные правонарушения в системе водного законодательства. Автор считает целесообразным, чтобы в Водном кодексе имелся специальный раздел или глава о водных правонарушениях и ответственности за них, где было бы конкретно указано понятие водного правонарушения, меры воздействия, подлежащие применению к правонарушителям, сделаны отсылки к соответствующим нормам и положениям административного, гражданского, уголовного законодательства и т. п.

О. С. Колбасова напротив, считает, что в Водном кодексе не должно быть норм уголовного права. По сложившейся системе права, по его мнению, такие нормы могут быть в конечном счёте закреплены в уголовном законодательстве, а порядок их применения — в процессуальных кодексах [4, с. 126].

За нарушение водного законодательства установлена административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность.

Административная ответственность, предусмотренная Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З (далее — КоАП), наступает как за правонарушения, связанные с посягательством на право государственной собственности на воды, так и за правонарушения, связанные с нарушением установленного порядка использования [5].

Административная ответственность является наиболее распространённым и широко применяемым на практике видом ответственности за нарушение правил использования и охраны вод. Глава 15 КоАП Республики Беларусь содержит административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования, в частности, административная ответственность наступает:

1) за нарушение права государственной собственности на воды, в том числе самовольный захват водных объектов или водопользование, а также самовольную переуступку права водопользования либо совершение других сделок, нарушающих право государственной собственности на воды (статья 10.2 КоАП). Данный состав относится к правонарушениям против собственности;

2) за правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования, включающие загрязнение либо засорение вод (статья 15.51 КоАП); нарушение правил водопользования (статья 15.52 КоАП), нарушение правил эксплуатации водохозяйственных сооружений и устройств (статья 15.53 КоАП); повреждение водохозяйственных сооружений и устройств либо самовольное подключение к ним (статья 15.54 КоАП);

3) за правонарушения против порядка управления, в частности купание в запрещённых местах (статья 23.63 КоАП), нарушающее требования, установленные Водным кодексом для общего водопользования [6].

Административная ответственность за эти правонарушения предусматривает применение таких взысканий, как предупреждение и штраф, которые налагаются в порядке, установленном Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь. В случае если лицом в течение года после наложения административного взыскания было совершено повторное административное правонарушение, то такое лицо привлекается к уголовной ответственности.

Уголовная ответственность за нарушение водного законодательства предусмотрена статьёй 272 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [7]:

1) загрязнение либо засорение вод (статья 272 УК Республики Беларусь). Этот родовой состав предусматривает следующие деяния: загрязнение либо засорение поверхностных или подземных вод, совершённые в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения (часть первая статьи 272 УК); загрязнение либо засорение вод, повлёкшие умышленное или по неосторожности причинение ущерба в крупном размере, либо умышленное загрязнение или засорение источников питьевого водоснабжения (часть вторая статьи 272 УК); загрязнение либо засорение вод, повлёкшие по неосторожности смерть человека либо заболевания людей (часть третья статьи 272 УК);

2) нарушение правил водопользования, повлёкшее по неосторожности истощение водного объекта (статья 273 УК Республики Беларусь) [8].

Обсудив практику рассмотрения судами дел об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 18 декабря 2003 г. № 13 обратил внимание судов на то, что строгое соблюдение законодательства об охране окружающей среды является условием обеспечения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов [9].

Гражданско-правовая ответственность наступает в виде возмещения вреда, причинённого водам, а в случае нарушения прав водопользователей — причинённого этим лицам. Согласно статье 101.1

Закона «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, определяется в соответствии с таксами для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, установленными Указом Президента Республики Беларусь, а при их отсутствии — по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды [10].

При этом ущерб будет определяться в соответствии с разработанными таксами. Указом Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 348 установлены таксы для определения размера возмещения вреда, причиненного водам сбросом загрязняющего вещества с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иного законодательства, а также повышающие коэффициенты при сбросе загрязняющего вещества в подземные воды и в водный объекты, которые относятся к рыболовным угодьям и (или) используются в целях рыбоводства, централизованного или нецентрализованного хозяйственно-питьевого водоснабжения населения, а также водоснабжения пищевых предприятий.

Заключение. Проанализировав ответственность в области нарушений водного законодательства, мы пришли к выводу о том, что в действующем водном законодательстве отсутствуют категории возмещения вреда, причиненного правомерными действиями. Исходя из того, что предусмотренное Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» понятие «такса» отнесено к охране окружающей среды в целом и применительно к водным отношениям, но не определено, предлагается включить в действующий Водный кодекс Республики Беларусь категорию «такса» как способ исчисления вреда, причиненного в результате нарушения водного законодательства.

Список цитируемых источников

1. Водный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 апр. 2014 г. : одобр. Советом Респ. 11 апр. 2014 г. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
2. Там же.
3. Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] : под ред. Т. М. Макаровой, В. Е. Лизгаро. Минск : БГУ, 2012. 452 с.
4. Ерофеев Б. В. Экологическое право: учеб. М. : ИД, 2006. 384 с.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
6. Там же.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
8. Там же.
9. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 18 дек. 2003 г., № 13 ; в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 сент. 2013 г., № 9. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
10. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г. № 341-3. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

УДК 343.97

И. А. Турчак,

кандидат юридических наук, доцент

Частное высшее учебное заведение «Ивано-Франковский университет права имени Короля Данила Галицкого», Ивано-Франковск, Украина

ПРИМЕНЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВСЛЕДСТВИЕ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение. Одним из важных элементов гармоничного развития общества является возможность осуществления хозяйственной, в том числе предпринимательской, деятельности, реализация права собственности во всех его проявлениях, повышение благосостояния отдельного гражданина и всего общества в целом в условиях законности и гарантированной защиты от возможных нарушений прав и интересов субъектов правоотношений. Современные общественно-политические и экономические отношения в Украине требуют реформирования всей системы правового регулирования в целях эффективной защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина в соответствии с положениями Конституции Украины. Особенность ситуации в Украине заключается в том, что на сферу предпринимательской деятельности существенно влияют государственные органы, в том числе правоохранительные структуры. Это проявляется в массовом возбуждении уголовных дел по формальным признакам,

стремлении криминализировать гражданско-правовые сделки. Поэтому, учитывая евроинтеграционный вектор движения Украины, медленную, но непрерывную демократизацию украинского общества, обострилась необходимость реформы уголовного законодательства в сфере хозяйственных правонарушений.

Таким образом, существует ряд факторов, которые создали предпосылки к разработке ряда нормативных актов, направленных на гуманизацию нормативно-правового регулирования ответственности в сфере осуществления хозяйственной, в том числе предпринимательской, деятельности. В частности, 17 января 2012 г. вступил в силу Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности» [1].

Основная часть. Одним из направлений осуществления уголовно-правовой политики в Украине в современный период развития и формирования правовой системы является декриминализация. В науке уголовного права под декриминализацией преступления (или декриминализацией деяния) понимается устранение преступности деяния, исключение его из числа преступлений, т. е. объявления его таким, которое не признаётся больше преступлением и не порождает у государства полномочия на уголовное преследование лица, его совершившего [2, с. 79]. Это означает переоценку степени общественной опасности деяния путём изменения уголовного закона, в результате чего действие или бездействие, которое ранее признавалось преступлением, переводится в категорию непроступного, т. е. признаётся правомерным или правонарушением другого вида (административным, гражданским и т. д.) [3]. Можем согласиться с обобщённым понятием, по которому декриминализацию можно определить как процесс выявления деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Украины, которые потеряли общественную опасность, фиксацию на государственном уровне, необходимость отказа от дальнейшего признания их как преступлений и отсутствие необходимости и целесообразности продолжения уголовно-правовой борьбы с ними, и вследствие этого, вывод их из круга преступлений [4, с. 248].

Защита своей свободы и собственности от чрезмерно агрессивных правоохранительных органов и тех, кто использует действующее законодательство Украины в рейдерских целях, заставляет бизнесменов прибегать к различным коррупционным схемам. Такие выводы подтверждаются данными судебной статистики. Так, в 2010 г. по статье 214 «Нарушение правил сдачи драгоценных металлов и драгоценных камней», статье 225 «Обман покупателей и заказчиков», статье 234 «Незаконные действия относительно приватизационных бумаг» Уголовного кодекса Украины судами не было принято ни одного приговора. По другим статьям Уголовного кодекса Украины количество осуждённых было небольшим (статье 205 «Фиктивное предпринимательство» — 91 человек; статье 202 «Нарушение порядка занятия хозяйственной деятельностью и деятельностью по предоставлению финансовых услуг» — 8 человек; статье 207 «Уклонение от возвращения выручки в иностранной валюте» — 5 человек; статье 208 «Незаконное открытие или использование за пределами Украины валютных счетов» — 3 человека).

Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности» отменена уголовная ответственность за те деяния в сфере хозяйственной деятельности, которые сегодня потеряли признаки повышенной общественной опасности, достаточной для преследования их в уголовном порядке. В частности, отменена уголовная ответственность за составы преступлений, предусмотренных статьёй 202 «Нарушение порядка занятия хозяйственной деятельностью и деятельностью по предоставлению финансовых услуг», статьёй 203 «Занятие запрещёнными видами хозяйственной деятельности», статьёй 207 «Уклонение от возвращения выручки в иностранной валюте», статьёй 208 «Незаконное открытие или использование за пределами Украины валютных счетов», статьёй 214 «Нарушение правил сдачи драгоценных металлов и драгоценных камней», статьёй 215 «Подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов», статьёй 217 «Незаконное изготовление, сбыт или использование государственного пробирного клейма», статьёй 218 «Фиктивное банкротство», статьёй 220 «Соккрытие устойчивой финансовой несостоятельности», статьёй 221 «Незаконные действия в случае банкротства», статьёй 223 «Размещение ценных бумаг без регистрации их выпуска», статьёй 225 «Обман покупателей и заказчиков», статьёй 226 «Фальсификация средств измерения», статьёй 228 «Принуждение к антиконкурентным согласованным действиям», статьёй 234 «Незаконные действия относительно приватизационных бумаг», статьёй 235 «Несоблюдение лицом обязательных условий по приватизации государственного, коммунального имущества или предприятий и их дальнейшего использования» Уголовного кодекса Украины. За совершение вышеназванных деяний устанавливается административная ответственность в виде наложения штрафа. При этом размер штрафа в Законе Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности» достаточно велик.

Выполняя основную задачу — поиск виновных в сфере осуществления хозяйственной (предпринимательской) деятельности, правоохранительные органы будут обеспечивать дополнительные источники наполнения государственного бюджета. При этом если у осуждённого нет необходимых средств, чтобы оплатить штраф, по отношению к нему будет применяться иное наказание. Так, например, при невозможности уплаты штрафа придётся работать на общественных или исправительных

работах. Если же денежное взыскание превышает указанную сумму, лицо может быть лишено свободы. Также расширяется пространство применения такой формы негативного воздействия имущественного характера, как залог (сейчас почти не используется). Его размер определяется судом в зависимости от тяжести преступления, в котором подозревается лицо. Вносится залог в течение пяти дней со дня вынесения соответствующего решения, если нет — лицо могут взять под стражу.

Заключение. Применение мер воздействия материального характера несомненно является эффективным инструментом не только в плоскости ответственности, но и носит сдерживающий превентивный характер. Потери имущественного содержания, в отличие от лишения свободы или других форм уголовно-правовой ответственности, которые являются следствием правонарушений, решают ряд вопросов. В частности, материальная ответственность не создаёт бремени общественного осуждения и морального давления на лицо, позволяет избежать проблем социализации лица, отбывшего наказание в виде лишения свободы, создаёт предпосылки ведения «чистого» бизнеса, который становится более защищённым и прибыльным, формирует дополнительные источники наполнения государственного бюджета и в целом приближает украинское национальное законодательство к европейским стандартам.

Наконец, декриминализация отдельных деяний по закону Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности» выводит ответственность за такие правонарушения в плоскость административной и материальной ответственности. Это отражает важные процессы, происходящие сейчас при реформировании системы правового регулирования приоритетных направлений развития украинского общества. Речь идёт о коренном изменении общественных отношений, которые до сих пор находились в сфере уголовно-правовой охраны, трансформации понимания степени общественной опасности и нравственной оценки деяния, уменьшении значения уголовно-правовых средств в борьбе с отдельными действиями с одновременным повышением эффективности мер имущественного характера, и, наконец, приведении национального законодательства в соответствие с требованиями европейских стандартов на выполнение Общегосударственной программы адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского союза.

Список цитируемых источников

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Украины, 15 дек. 2011 г. ; № 4025-VI. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/4025-17> (дата обращения: 13.01.2016).
2. Митрофанов А. А. Основные направления уголовно-правовой политики в Украине: формирование и реализация. Одесса : Изд-во Одес. юрид. ин-та НУВД, 2004. 132 с.
3. Заяц В. А. Декриминализация хозяйственных преступлений: возможности для предпринимательства и угрозы для общества [Электронный ресурс]. URL: http://3222.ua/article/criminal_and_commercial_law.htm (дата обращения: 13.01.2016).
4. Фрис П. Л. Уголовно-правовая политика украинского государства: теоретические, исторические и правовые проблемы. М. : Атика, 2005. 332 с.

УДК 341

Е. П. Ченкалди

Алматинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

О ПОИСКЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ УГОЛОВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Введение. Мировое сообщество осознало, что самой главной задачей для человечества в третьем тысячелетии является обеспечение национальной безопасности в отдельно взятом государстве и на всём мировом пространстве в целом.

Поэтому эффективная борьба с террористическими преступлениями напрямую способствует обеспечению национальной безопасности в стране.

Основная часть. В Казахстане проблеме терроризма со стороны государства уделяется достаточно внимания. Имеется правовая основа противодействия преступности, достаточно мобильная правоохранительная система, а самое главное — у большей части населения сформировано негативное отношение к криминальным проявлениям в обществе и особенно к проявлениям, связанным с терроризмом. Поэтому особое внимание следует обратить на проблему профилактики терроризма, поскольку данное направление имеет большое практическое значение для нашего общества.

Можно выделить следующие приоритеты в необходимости усиления предупреждения терроризма. Во-первых, упреждающий характер предупредительных мер терроризма позволяет не допустить возможных жертв посягательств (как и для общественного спокойствия и безопасности в целом).

Во-вторых, эффективность предупреждения терроризма: противодействуя совершению конкретных преступлений и их определённых групп (видов), государство и общество воздействуют на самую почву, на которой они возникают, следовательно, не дают и в дальнейшем возникнуть террористическим преступлениям.

В-третьих, огромная экономия ресурсов общества за счёт уменьшения его непроизводительных «издержек».

Несмотря на сложность современной ситуации в нашем обществе, наличие в нём кризисных явлений, продуцирующих причины и условия преступности, в том числе и терроризма, оно сохранило мощный антикриминогенный потенциал. Его реализация связана, в первую очередь, с предупреждением преступности в целом и терроризма в частности.

В статье 1 Конституции Республики Казахстан закреплена важная норма о том, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы [1, с. 4]. Для обеспечения исполнения данного положения Основного закона страны неактивизировать активизировать работу по предупреждению терроризма и связанных с ним процессов.

Современной теории уголовного права предстоит исследовать уголовно-правовое законодательство и правоприменительную практику, с тем чтобы установить, а затем и разрешить имеющиеся проблемы в области уголовного права, морали, разумности и справедливости.

Задачи правопонимания и правоприменения состоят в том, чтобы, с одной стороны, иметь правильное представление о сложившейся действительности, с другой — они помогают сориентировать теорию на нужды и потребности правоприменительной деятельности.

В современной концепции правопонимания должна быть предложена идея, позволяющая повысить эффективность и качество правоприменительной деятельности правоохранительных органов в решении вопросов противодействия преступности, а также преступлений террористической направленности в Казахстане.

В научной литературе и публицистике, в официальных документах и нормативных актах, посвящённых противостоянию преступности, используется разнообразный понятийный аппарат и терминология. Они заимствованы из различных областей научных знаний и призваны по возможности наиболее ёмко выразить сущность данной деятельности. Это и уголовная политика, и борьба (война) с преступностью (с её концепциями и стратегиями), и контроль над преступностью, реагирование, воздействие на неё, противодействие преступности и т. п.

В связи с вышесказанным в понятийно-терминологический аппарат юридической практики в сфере противодействия преступлениям террористической направленности следует ввести понятия, связанные с борьбой с терроризмом с позиций обеспечения национальной безопасности страны, т. е. у нас есть все правовые основания рассматривать в целом преступления террористической направленности как один из главных источников угрозы национальной безопасности страны, а процесс борьбы с терроризмом рассматривать как процесс обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан.

Что нам даёт такая трактовка процесса борьбы, противостояния преступлениям террористической направленности?

В международных соглашениях универсального характера (например, в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом), Организацией Объединённых Наций при проведении семинаров, конгрессов по борьбе с преступлениями и обращению с правонарушителями используется термин «борьба с преступностью» [2].

Представляется, что предлагаемый нами подход к оценке процесса противодействия терроризму с позиций обеспечения национальной безопасности даёт определённые преимущества.

Во-первых, в обществе изменится само отношение к борьбе с терроризмом, повысится значимость в глазах граждан процесса противодействия терроризму. Он будет рассматриваться не как обыденное явление, связанное с борьбой с конкретными видами преступлений террористической направленности и преступниками, а как процесс, направленный на обеспечение национальной безопасности всего государства. Каждый гражданин, участвующий в данном процессе или оказывающий содействие этой борьбе, будет осознавать, что борясь с терроризмом, он содействует выполнению важнейшей государственной задачи — обеспечению национальной безопасности всей страны.

Во-вторых, при таком рассмотрении процесса противодействия терроризму значительно повысится роль правоохранительных органов, призванных не только выполнять в пределах своих функций и полномочий борьбу с терроризмом, но и обеспечивать наряду со специальными органами Республики Казахстан сохранение национальной безопасности государства.

В-третьих, при таком подходе отдельные граждане, различные органы и учреждения, считающие не обязательным своё участие в процессе борьбы с преступлениями террористической направленности и с терроризмом, по различным причинам просто не будут иметь морального права не участвовать

в данном процессе противодействия терроризму, так как речь будет идти об обеспечении национальной безопасности государства, в котором они живут.

Как известно, противодействие терроризму осуществляют не только специализированные субъекты предупреждения терроризма, но и другие органы и организации, которые не обладают правоохранными функциями, а применяют иные меры, затрудняющие совершение преступлений или препятствующие ему.

С учётом вышеперечисленных обстоятельств можно констатировать, что предложенный подход к переосмыслению отдельных аспектов противодействия терроризму будет способствовать решению многих задач, стоящих перед правоохранными органами, и повышению эффективности их участия в данном процессе, а также активизации роли в данном процессе всего гражданского общества.

Как нам представляется, следовало бы обязать все органы, указанные в Законе «О профилактике правонарушений» [3] к неукоснительному исполнению всех его требований с истребованием ежегодных отчётов о его реализации.

Необходимо использовать возможности Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» для объединения усилий всех органов и общественности по формированию новой идеологии в обществе в сфере противодействия терроризму, разъяснить всему обществу, что противодействие терроризму — это задача всего общества, а не только правоохранных органов. Граждане должны понять, что борьба с преступлениями террористической направленности, в том числе и с терроризмом, направлена на обеспечение национальной безопасности государства, так как преступность и терроризм представляют собой один из источников угрозы национальной безопасности государства [4, с. 51—52].

Заключение. Правоохранный система Республики Казахстан своё внимание сконцентрировала лишь на той части населения, которая совершает преступления, т. е. потенциальных правонарушителей и преступников, а основная часть представителей общества, законопослушных граждан остаётся вне поля зрения.

Данный процесс, особенно в вопросах противодействия уголовным правонарушениям террористической направленности, должен предполагать более широкие и масштабные мероприятия, реализация которых способствовала бы не только ликвидации конкретных причин и условий терроризма, но и включала в себя воздействие на здоровую, законопослушную часть общества. Здесь нужна планомерная, научно обоснованная и экономически взвешенная работа со стороны государства. Но одной активной гражданской позиции для борьбы с экстремистскими и террористическими идеями недостаточно. Нужны знания, позволяющие оценить угрозу проявлений экстремизма и терроризма.

Учитывая указанное, представляется необходимым: 1) вовлечь в процесс противодействия терроризму более широкие массы общества, поскольку без участия всего гражданского общества в данном процессе правоохранным органам решить эту проблему в полном объёме будет очень затруднительно; 2) создать общественные организации по профилактике экстремизма и терроризма и организовать всеобщее среди всех возрастных категорий населения о противодействии терроризму; 3) обеспечить чёткий контроль государством за процессом выезда и обучения нашей молодёжи в теологических учебных заведениях за пределами Казахстана.

Должна быть взаимосвязь между государством и гражданским обществом. Потому каждый гражданин должен внести посильную лепту в предупреждение экстремизма и терроризма.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Казахстан. Алматы : ЮРИСТ, 2013. 4 с.
2. Основные направления борьбы с преступностью / под ред. И. М. Гальперина, В. И. Курляндского. М., 1975 ; Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М. : 1983 ; Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями : сб. док. / сост. А. Г. Волеводз. М. : 2001.
3. О профилактике правонарушений : Закон Респ. Казахстан. Алматы : ЮРИСТ, 2012.
4. Правоохранные органы : сб. законодат. актов. Алматы : ЮРИСТ, 2014.

УДК 344.3

Ю. В. Черняк,

кандидат исторических наук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ И СУДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Введение. Деятельность военных трибуналов и судов в годы Великой Отечественной войны — тема сложная, являющаяся белым пятном в истории. В советское время на эту тему было наложено табу, не позволялось проливать свет на «чёрный и грязный лик войны», а в наши дни сохранилось мало

источников по истории вопроса. Бывшие работники военной юстиции не публикуют свои воспоминания о работе в суде и трибунале в связи со спецификой деятельности судебных органов в годы войны.

Основная часть. С началом Великой Отечественной войны в армии были созданы дивизионные трибуналы, а до этого судебная деятельность базировалась на армейских и корпусных трибуналах. В дивизионный трибунал входил председатель и два заседателя — военюриста (в 1942 г. штатные должности заседателей на дивизионном уровне были отменены, их место при необходимости занимали офицеры из подразделений дивизии) [1]. Кроме этого, в трибунале дивизии штатной являлась должность судебного секретаря, в обязанности которого вменялось ведение протокола суда, оформление документов заседания трибунала. Прокурорских расследований или дознания судебного секретарь не имел права проводить. Каждая стрелковая дивизия в своём штате в 1941 г. имела прокурора и военного следователя. Трибуналу дивизии придавалось отделение или взвод солдат для охраны арестованных. Ординарцы-денщики работникам трибунала не полагались.

Война наложила свой отпечаток на особенности рассмотрения дел. В изъятие из действовавших правил о рассмотрении судами уголовных дел в местностях, объявленных на военном положении, дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов. К ним относились дела: 1) о государственных преступлениях; 2) о преступлениях, предусмотренных Законом «Об охране общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г.; 3) о преступлениях военнослужащих; 4) о разбое (статья 167 Уголовного кодекса РСФСР (далее — УК РСФСР) [2]; 5) об умышленных убийствах (статьи 136—138 УК РСФСР); 6) о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи (статья 81 УК РСФСР); 7) об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности (статья 68 УК РСФСР) и о сопротивлении представителям власти (статьи 73, 73.1 и 73.2 УК РСФСР); 8) о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также о хищении оружия (подпункт «а» статьи 164, подпункт «а» статьи 166, статья 182 УК РСФСР) [3].

На практике армейские трибуналы рассматривали дела, связанные с воинскими преступлениями, но следствие проводилось двумя разными организациями. Все дела, связанные с «изменой Родине», включая «переход на сторону врага, сдача в плен, контрреволюционная агитация, террор, пособничество врагу, пороченческие настроения, подозрения в шпионаже», предусмотренные статьями 58—59 УК РСФСР, расследовались непосредственно работниками особых отделов (впоследствии СМЕРШ), следственным аппаратом Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Армейская прокуратура занималась расследованием преступлений, предусмотренных статьёй 193 УК РСФСР: побег с поля боя; потеря управления войсками; дезертирство; мародёрство; невыполнение боевой задачи по необъективным причинам; невыполнение приказа; самовольный отход с позиций; воровство; превышение полномочий и самосуд и др.

Трибуналы рассматривали дела и по статьям 58, 193 УК РСФСР. Однако весной 1943 г. по приказу И. В. Сталина были организованы военно-полевые суды, которые занимались исключительно предателями Родины, немецкими преступниками и их пособниками, карателями из числа бывших советских граждан, а также военнослужащими вермахта и немецкой полиции, участие которых в расправах над гражданским советским населением было доказано на следствии [1]. Позже появились и отдельные трибуналы войск НКВД.

Кроме этого, рассмотрение дела зависело и от звания военнослужащего. По закону дивизионные трибуналы рассматривали дела красноармейцев и командиров в звании до капитана включительно. Если к суду привлекался командный состав, начиная от звания майора и выше или от командира батальона до офицера штаба полка или дивизии, то дела в отношении таких лиц находились на рассмотрении в трибунале армии.

Судебные дела старших офицеров и генералов поступали в трибунал фронта, однако такое разделение было условным. Если преступление было тяжким и резонансным, то в трибунале армии могли судить и старшину, и сержанта, и полковника. Все судебные заседания шли без участия защиты, согласно закону военного времени.

Основной статьёй, применяемой во время ведения боевых действий, была статья 193 УК РСФСР (1926 г.) [2].

Например, подпункт «б» пункта 17 статьи 193 («бездействие командира, преступная халатность при отягчающих обстоятельствах»), пункт 22 статьи 193 («самовольное оставление поля боя») — тяжелейшие «подрасстрельные» статьи, и если следствием изначально занялись особы, то эти статьи могли переквалифицироваться на подпункт «б» пункта 1 статьи 58 УК РСФСР, тем самым усугубив возможную участь обвинённого, пункт 12 статьи 193 («членовредительство»), пункты 7, 9, 10 статьи 193 («уклонение от призыва», «дезертирство»), пункт 21 статьи 193 («невыполнение приказа») [2]. Отдельный пункт был предусмотрен для мародёров и армейских бандитов [1].

Для насильников, аферистов-самозванцев и армейских казнокрадов могли использоваться обычные «мирные» статьи УК РСФСР.

Введение военного положения также расширило полномочия и командного состава Красной армии. Так, командующий фронтом получил по закону право отменить любой приговор, даже расстрельный. Решение о передаче офицера суду трибунала принимал Военный совет (ВС) армии.

Если ВС армии не соглашался с преданием суду, то наказание ограничивалось только дисциплинарными мерами согласно Уставу Красной армии. Кроме этого, член ВС армии имел право лично дать армейской прокуратуре указание начать расследование по тому или иному преступлению.

Каждый расстрельный приговор «на старших офицеров» утверждался только санкцией ВС фронта. Приговорённый к «высшей мере социальной защиты» имел право лично написать кассационную жалобу и просить изменения приговора [3, с. 213].

Рубежом в деятельности трибуналов стал 1942 г. До приказа № 227 «Ни шагу назад» и приказа наркома обороны И. В. Сталина № 298 «Положение о штрафных частях» военнослужащих, осуждённых за воинские преступления к различным срокам заключения, нередко отправляли в исправительные трудовые лагеря, но потом трибуналам разрешили более масштабно использовать примечание № 2 к статье 28 УК РСФСР, которое давало трибуналам право заменить меру наказания, указанную в статье, направлением на фронт, в штрафные подразделения, причём гибель в бою или ранение влекло за собой снятие судимости (что являлось стимулом для осуждённых). Для многих это примечание давало возможность не только остаться в живых, но и смыть с себя позор и клеймо преступника, ведь по существовавшему положению срок мог быть полностью аннулирован и судимость снята, если человек в последующем достойно проявил себя в боях с противником и был ранен.

Однако в 1941 г. поток дезертиров, паникёров, беглецов с поля боя был огромен, и примечание № 2 к статье 28 УК РСФСР в трибуналах редко применялось [2].

Со вступления в силу приказов И. В. Сталина № 227 и № 298 подавляющее число осуждённых по суду трибунала за воинские и уголовные преступления направлялось в штрафные части. Основными стали три варианта приговоров: штраф, расстрел, оправдание.

Представляется, главной в приказе № 227 была фраза о том, что «дальнейшее отступление является преступным» [1]. «Армия была поставлена перед чёткими гранями, всем объяснили “новый порядок”: отошёл с позиций без приказа — трус и предатель, сдался в плен целым и невредимым, бросил оружие и поднял руки вверх — изменник, геройски погиб в бою, сражаясь, как подобает настоящему солдату, — вечная память павшим в боях за Родину» [1].

Мог быть и оправдательный приговор. Следователь армейской прокуратуры, разобравшись с обстоятельствами дела, мог его закрыть и не передавать в трибунал ввиду отсутствия состава преступления. Если дело рассматривалось в суде трибунала, то начиная со второй половины 1942 г. все обстоятельства произошедшего преступления выяснялись досконально, и полное оправдание обвиняемого не являлось исключением из правил.

В подтверждение можно привести пример: «На Днепре, под Черкассами, сапёры не рассчитали прочность наведённой переправы. По ней пошла колонна артополка с пушками, и вся техника ушла под воду. Мост не выдержал. Да ещё как раз в этот момент плюхнулся в воду самолёт ПО-2, на котором прилетел осматривать переправу начальник артиллерии армии. Но прямой вины сапёров в случившейся трагедии на переправе не было, и командование, после расследования, приказало закрыть дело» [1].

Заключение. В деятельности военного трибунала в годы Великой Отечественной войны переломным стало принятие И. В. Сталиным приказов № 227 и № 298: подавляющее число осуждённых по суду трибунала за воинские и уголовные преступления направлялось в штрафные части, а не к отбыванию наказания в местах лишения свободы или высшей мере наказания. Даже в условиях военного времени соблюдение буквы закона являлось главным требованием Военной коллегии при Верховном суде СССР, несмотря на то, что по закону военного времени подсудимые не имели защитников в суде.

Список цитируемых источников

1. Драбкин А. В. Я дрался в штрафбате [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/ya-dralsya-v-shtrafbate-iskupit-krovuu-read-332113-2.html> (дата обращения: 16.01.2016).
2. Уголовный кодекс РСФСР, 1926 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 16.01.20016).
3. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956. С. 213—215.
4. Драбкин А. В. Я дрался в штрафбате.
5. Уголовный кодекс РСФСР, 1926.
6. Драбкин А. В. Я дрался в штрафбате.
7. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — 1956 г. С. 213.
8. Уголовный кодекс РСФСР, 1926.
9. Драбкин А. В. Я дрался в штрафбате.
10. Там же.
11. Там же.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 338.336

В. А. Безуглая,

кандидат экономических наук, доцент

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

МОНЕТАРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Введение. Деньги играют исключительно важную роль в рыночной экономике. Рынок не возможен без денег, денежного обращения. Денежное обращение — это движение денег, опосредствующее оборот товаров и услуг. Оно обслуживает реализацию товаров, а также движение финансового рынка.

Основная часть. Высокий спрос на иностранную валюту и инфляция в Беларуси тесно взаимосвязаны. Растущая долларизация автоматически ведёт к инфляции, поскольку желание увеличить капитал, измеряемый в долларах, ведёт к девальвации по причине недостаточного предложения иностранной валюты. Девальвация вызывает рост цен на импортируемую продукцию (как результат снижение импорта в 2015 г. на 25% по сравнению с 2014 г. [1]), снижает реальный располагаемый доход и создаёт предпосылки для повышения номинальной заработной платы (минимальная заработная плата с 1 ноября 2015 г. составляет 2 180 126 белорус. р., по сравнению с 1 466 230 белорус. р. на 1 ноября 2013 г. [2]), что необходимо для компенсации потерь реального дохода. На определённом этапе девальвация автоматически ведёт к росту номинальной заработной платы, поскольку в противном случае реальный доход сократится до недопустимо низкого уровня. Таким образом, девальвация и номинальный рост заработной платы стимулируют друг друга и приводят в действие инфляционную спираль «девальвация—зарплата—цены». В такой ситуации возникает проблема финансовой безопасности страны.

Какие же меры экономической политики могут привести к изменению сложившейся ситуации? Во-первых, для финансовой безопасности важным условием является ценовая стабильность. Она необходима для усиления роли национальной денежной единицы, без которой рыночная экономика как экономика денежная не может функционировать. Ценовая стабильность должна быть основана на фиксированном обменном курсе с привязкой к стабильным валютам и стабильной номинальной заработной плате. В целях обеспечения данных условий необходимо остановить долларизацию, поскольку именно она является главным источником инфляции и неустойчивости банковской системы.

Вторая задача — стабилизация денежной базы и более эффективное её использование.

С 12 ноября 2015 г. в Республике Беларусь изменяется классификация банковских вкладов (депозитов). Это предусмотрено Декретом Президента Республики Беларусь от 11 ноября 2015 г. № 7 «О привлечении денежных средств во вклады (депозиты)». Документ вступил в силу со дня его официального опубликования и распространяет своё действие только на вновь заключаемые договоры банковского вклада (депозита) [3].

В соответствии с данным документом, начиная с 12 ноября 2015 г., договоры срочного и условного банковского вклада будут подразделяться на безотзывные и отзывные. Главной отличительной особенностью этих двух видов договоров станут условия досрочного возврата вклада, что направлено на формирование банками Республики Беларусь долгосрочной ресурсной базы и более эффективное её использование.

Подобный механизм полностью соответствует международной практике. Во многих странах мира общим принципом является необходимость согласования возможностей и условий досрочного возврата вкладов между банком и вкладчиком. Как правило, вкладчик может забрать деньги до истечения срока вклада, но закон не обязывает банк возвращать вклад досрочно. Так, в Италии, Финляндии, Франции, Германии возможность досрочного возврата срочных вкладов определяется банком и вкладчиком самостоятельно в договоре. В Австрии досрочный возврат срочного банковского вклада рассматривается как кредит, за который уплачиваются проценты от досрочно возвращённой суммы за каждый полный месяц, недостающий до наступления срока возврата вклада. В Великобритании понятие «срочный банковский вклад» не используется, однако законодательство не препятствует договаривающимся сторонам согласовывать любые сроки и условия банковских вкладов, включая штрафы и т. д. Таким образом, все условия и правила должны быть определены и согласованы в каждом отдельном договоре между банком и вкладчиком.

Третья задача — наращивание золотовалютных резервов. В 2016 г. планируется нарастить золотовалютные резервы на 0,3 млрд дол. США. Поддержанию золотовалютных резервов будут способствовать поступление средств от продажи Министерством финансов Республики Беларусь и Национальным банком Республики Беларусь облигаций, номинированных в иностранной валюте, покупка Национальным банком иностранной валюты на торгах ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа», а также поступления от взимания экспортных пошлин на нефтепродукты.

Ориентиром ценовой стабильности должен быть уровень инфляции в доминирующих валютных зонах мира, т. е. в США или Европейском союзе. Если этого добиться, восстановится доверие к национальной денежной единице и удастся избежать девальвации. В противном случае девальвация будет происходить постоянно и вести к инфляции, увеличивать бремя внешнего долга иностранным кредиторам, создавать условия для повышения процентных ставок и порождать бегство к «лучшим» валютам внутри страны или же немедленный отток капитала в «лучшие» страны. Высокие процентные ставки не только снижают экономический рост, но и ведут к неравенству в распределении дохода, поскольку по мере роста реальных процентных ставок снижается доля заработной платы в совокупном доходе. Достижение ценовой стабильности должно стать самой важной задачей для того, чтобы деньги выполняли все присущие им функции.

В-четвёртых, стабилизация курса национальной валюты. В открытых экономиках с высоким соотношением объёма импорта к валовому внутреннему продукту и долларизацией ценовая стабильность, т. е. низкий уровень инфляции, требует «якоря» в виде обменного курса. Это обусловлено тем, что девальвация ведёт сначала к росту спроса на деньги, а затем к увеличению их предложения. Наилучшее решение в такой ситуации — резкий переход к системе фиксированных обменных курсов. Поддержание обменного курса на стабильном уровне может стать непростой задачей для Национального банка. В странах с низким доверием к собственной денежной единице даже высокие процентные ставки не достаточны для того, чтобы остановить отток капитала и стимулировать его импорт. Следовательно, спрос на твёрдую валюту по любой другой причине, кроме импорта товаров, должен сдерживаться, чтобы впоследствии счёт операций с капиталом не дестабилизировал обменный курс.

Выполнение данной задачи в 2016 г. предусматривается путём проведения гибкой курсовой политики, предусматривающей обеспечение динамики обменного курса на основе спроса и предложения на валютном рынке [4].

На достижение этих целей должны быть направлены все инструменты монетарной политики с учётом складывающихся внешних и внутренних условий.

Повышению спроса на деньги в 2016 г. будет способствовать снижение ставки рефинансирования до 21—24% годовых (25% по состоянию на 1 декабря 2015 г.), но это снизит интерес к депозитам [5].

В этом контексте интересным является опыт Европы, где население активно участвует в инвестировании ценных бумаг. Поэтому на сегодня для стабилизации ситуации на денежном рынке актуально ввести в оборот ценные бумаги таких крупных предприятий, как ОАО «Беларуськалий», ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод». До сих пор слова «акция» и «облигация» являются чем-то экзотическим для рядовых белорусов. Из огромного числа предприятий процедуру реального IPO провели считанные единицы. Валютно-фондовая биржа эффективно функционирует в направлении продажи валют, но слабо развивается торговля финансовыми инструментами (диревативами). А между тем, именно здесь существует огромный потенциал по неинфляционному использованию сбережений граждан в развитии экономики. И это будет эффективным рычагом увеличения предложения денег на денежном рынке со стороны населения, которое будет пытаться найти альтернативный источник вложения денег. Прямой же доступ на белорусский финансовый рынок для любых иностранных финансовых учреждений в перспективе мог бы значительно увеличить объём денег на этом рынке и понизить ставки по привлечению ресурсов.

Заключение. Основными направлениями совершенствования денежного рынка в Республике Беларусь должны стать защита и обеспечение устойчивости белорусского рубля, повышение предложения денег, способствуя ускорению социально-экономического развития страны, повышению её финансовой безопасности наряду с поддержанием инфляции на низком уровне.

Список цитируемых источников

1. Отчёт Национального банка Республики Беларусь. URL: <http://www.nbrb.by/publications/report/report2014.pdf> (дата обращения: 26.01.2016).
2. Там же.
3. О привлечении денежных средств во вклады (депозиты) : Декрет Президента Респ. Беларусь, 11 нояб. 2015 г., № 7. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
4. Там же.
5. Аналитическое обозрение «Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь». URL: http://www.nbrb.by/publications/ЕcTendencies/rep_2015_11_ot.pdf (дата обращения: 24.01.2016).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение. В современных условиях хозяйствования особую роль играет совершенствование методик, методов и алгоритмов экспресс-анализа финансового состояния предприятия. Для полного и своевременного обеспечения деятельности предприятие должно следить за выполнением всех требований к своим финансовым ресурсам и потокам. Прежде всего, финансовые ресурсы должны быть в наличии в требуемом объеме при возникновении потребности в них. Следующим важным требованием является надёжность источников их формирования. Для его соблюдения отслеживают все изменения на финансовых рынках, выбирают источники с минимальной стоимостью и минимальными рисками.

Ещё одно требование заключается в согласованности всех видов потоков на предприятии. Имеются в виду материальные, финансовые и информационных потоки. Выполнение этого требования будет способствовать повышению эффективности использования всех ресурсов и денежных средств [1].

Для того чтобы ресурсы и потоки соответствовали вышеперечисленным требованиям, необходимо совершенствовать методики управления ими на предприятии. Для взаимосвязанности информационных и финансовых потоков можно применять различные автоматизированные системы управления, использовать базы данных. Соблюдение всех этих требований при проведении экспресс-анализа финансового состояния предприятия позволит ему повысить свою экономическую безопасность.

Основная часть. В процессе экспресс-анализа и оценки общего финансового состояния считаем целесообразным выполнять следующие этапы: 1) рассчитывать все основные показатели рентабельности и проводить оценку оборачиваемости капитала предприятия; 2) осуществлять проверку денежных потоков предприятия на сбалансированность и эффективность; 3) проводить анализ эффективности использования заёмного капитала, для этого можно использовать эффект финансового рычага; 4) проводить оценку платёжеспособности и диагностику вероятности банкротства предприятия. Для оценки риска часто пользуются формулой Альтмана, адаптированной к нашей экономике [2]. Следует уточнить, что во время нестабильного состояния экономики в условиях кризиса можно снизить верхнюю границу «очень высокой» степени вероятности банкротства с 1,8 до 1; 5) формировать оптимальную структуру источников капитала предприятия исходя из полученных на предыдущих этапах результатов.

Остановимся подробнее на втором из предлагаемых этапов экспресс-анализа. Большое внимание уделяется управлению, анализу и оптимизации денежных потоков на предприятии. В Республике Беларусь категория «денежные потоки» также приобрела важное значение. Для обеспечения эффективного управления денежными потоками целесообразно осуществлять их классификацию по ряду признаков. Их можно разделить по направленности движения, т. е., может быть положительный денежный поток (приток денежных средств) и отрицательный денежный поток (отток денежных средств). Следует отметить их тесную взаимосвязь: сбой во времени или в объеме одного из них обуславливает сбой и другого потока.

Ещё может быть деление потоков на дефицитный денежный поток (при котором поступления денежных средств существенно ниже реальных потребностей предприятия в целенаправленном их расходовании) и избыточный денежный поток (при котором поступления денежных средств существенно превышают реальную потребность предприятия в целенаправленном их расходовании).

Можно также разделять денежные потоки и по методу исчисления объема, т. е. существует валовой денежный поток, характеризующий всю совокупность поступлений и расходований денежных средств предприятия в рассматриваемом периоде времени, и чистый денежный поток, представляющий собой разность между положительным и отрицательным потоками денежных средств в рассматриваемом периоде времени. При этом чистый денежный поток может быть как положительной, так и отрицательной величиной [3].

В первую очередь на втором этапе следует проводить стандартный горизонтальный анализ денежных потоков, когда изучается динамика объема формирования положительного, отрицательного и чистого денежного потока предприятия, рассчитываются темпы роста потоков, устанавливаются тенденции изменения их объема. Параллельно следует проводить и вертикальный (структурный) анализ положительного, отрицательного и чистого денежных потоков. Рассмотрим условный пример методики такого анализа для промышленного предприятия (таблицах 1, 2).

Из таблицы 1 видно, что структура положительного денежного потока в анализируемом периоде изменялась значительно. В отчётном году в связи с привлечением заёмных средств доля кредитов и займов в положительном денежном потоке составила 13,12 процентных пункта. Наибольший удельный вес в структуре составляет выручка от реализации товаров, продукции, работ и услуг, что естественно для промышленного предприятия. Доля прочих поступлений незначительна.

Т а б л и ц а 1 — Структура положительного денежного потока промышленного предприятия за прошлый и отчётный годы

Показатель	Прошлый год		Отчётный год	
	млн р.	%	млн р.	%
Выручка от реализации товаров, продукции, работ, услуг	7 673	99,48	11 521	86,85
Прочие доходы от операций с активами	1	0,01	4	0,03
Кредиты и займы	39	0,51	1 741	13,12
Прочие поступления	0	0,00	0	0,00
Приток денежных средств	7 713	100,00	13 266	100,00

Из таблицы 2 видно, что в прошлом и отчётном годах в оттоке денежных средств наибольший удельный вес занимали денежные средства, направленные на оплату приобретённых активов, а также уплату налогов и сборов. Сумма денежных средств, направленных на оплату приобретённых активов, выросла и в отчётном году составила 8 288 млн р. Доля налоговой нагрузки снизилась до 14,59%.

Т а б л и ц а 2 — Структура отрицательного денежного потока промышленного предприятия за прошлый и отчётный годы

Показатель	Прошлый год		Отчётный год	
	млн р.	%	млн р.	%
Расходы на оплату приобретённых активов	5 116	66,31	8 288	62,55
Расходы на расчёты с персоналом	871	11,29	1 282	9,67
Расходы на уплату налогов и сборов	1 701	22,05	1 933	14,59
Расходы на выдачу авансов	27	0,35	0	0,00
Расходы на погашение кредитов и займов	0	0,00	1 748	13,19
Прочие выплаты	0	0,00	0	0,00
Отток денежных средств	7 715	100,00	13 251	100,00

Следующим этапом анализа должно быть рассмотрение показателей сбалансированности денежного потока (таблица 3).

Коэффициент оседания денежного потока и коэффициент абсолютной ликвидности имеют значения значительно меньше единицы на протяжении всего анализируемого периода. Это свидетельствует о том, что чистого денежного потока недостаточно для покрытия краткосрочных обязательств. На протяжении всего анализируемого периода коэффициент абсолютной ликвидности снижается. Мы также можем видеть, что чистый денежный поток в прошлом году был отрицательным.

Из таблицы 3 видно, что коэффициент достаточности денежных средств в прошлом году был немного меньше единицы, что говорит о незначительном превышении выбытия денежных средств над их поступлением и недостаточной способности предприятия рассчитываться по своим обязательствам за счёт поступления денежных средств. В отчётном периоде значение данного показателя незначительно превышало единицу. Прирост коэффициента достаточности денежных средств составил 0,14%.

Т а б л и ц а 3 — Показатели сбалансированности денежного потока предприятия за прошлый и отчётный годы

Показатель	Прошлый год	Отчётный год	Темп роста, %
Коэффициент прилива денежного потока (отношение чистого денежного потока к остатку денежных средств на начало периода)	-0,2000	1,8750	—
Коэффициент оседания денежного потока (отношение чистого денежного потока к поступлению денежных средств)	-0,0003	0,0011	—
Коэффициент абсолютной ликвидности (отношение остатка денежных средств на конец периода к остатку краткосрочных обязательств)	0,0028	0,0015	53,57
Коэффициент покрытия оттока денежных средств (отношение суммы остатка денежных средств на начало периода и поступления денежных средств к выбытию денежных средств)	1,0010	1,0017	100,07
Коэффициент достаточности денежных средств (отношение суммы поступивших денежных средств к сумме выбывших)	0,9997	1,0011	100,14

Коэффициент покрытия оттока денежных средств был больше единицы, что свидетельствует о том, что предприятие было способно обеспечить требуемые выплаты за счёт остатков денежных средств на счетах, в кассе и их притоков за соответствующие периоды.

Заключение. Оптимизация денежных потоков на любом предприятии должна быть одним из этапов экспресс-анализа финансового состояния. Важнейшими задачами, решаемыми в процессе этого этапа, являются выявление и реализация резервов обеспечения более полной сбалансированности положительных и отрицательных денежных потоков во времени и по объёмам, обеспечение более тесной взаимосвязи денежных потоков по видам хозяйственной деятельности предприятия.

Основу оптимизации денежных потоков составляет обеспечение сбалансированности объёмов положительного и отрицательного их видов, поскольку и дефицит, и избыток денежных ресурсов отрицательно влияют на результаты хозяйственной деятельности. Всё это достигается с помощью применения описанной методики экспресс-анализа денежных потоков в рамках оценки общего финансового состояния предприятия в целях повышения экономической безопасности.

Список цитируемых источников

1. Леготина Ю. В., Бутрин А. Г. Проблемы финансовой логистики // Логистика: соврем. тенденции развития. 2008. С. 140—143.
2. Антикризисное управление : теория и практика для студентов вузов, обучающихся по спец. экономики и упр. / В. Я. Захаров [и др.] ; под ред. В. Я. Захарова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 304с.
3. Гутова А. В. Управление денежными потоками: теоретические аспекты // Финансовый менеджмент. 2004. № 4. С. 21—25.

УДК 336.7

Г. Я. Житкевич,

кандидат экономических наук, доцент

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ВИРТУАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ СДЕЛКАХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ И ИХ ПРАВОВЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Введение. Руководители государств, учёные, специалисты правоохранительных органов, экономисты отмечают, что финансовые риски стали глобальными и касаются не только субъектов хозяйствования, но и личности и её собственности. В настоящее время существует множество контрагентов, привлекающих людей инвестировать свои сбережения в целях получения доходов. Эти контрагенты выстраивают различные финансовые схемы и обещают быстрое обогащение участникам этих схем. В связи с этим необходимы общепризнанные принципы и стандарты в построении системы управления рисками как на национальном уровне, так и на уровне международного сотрудничества. При этом любая система управления рисками требует постоянного мониторинга всех их видов и объёма. Целью исследования является обозначение существующих в настоящее время рисков потери сбережений гражданами и проблемы, связанные с невозможностью защитить в судебном порядке их права и законные интересы.

При написании данной работы для наиболее полного и объективного рассмотрения исследуемого явления использовались следующие методы: логический, сравнительно-правовой, обобщения, изучение степени рассмотрения проблемы в литературе и официальных документах компетентных органов, междисциплинарный и комплексный подходы.

Основная часть. В 90-е гг. прошлого века благодаря широкой телевизионной рекламе многие граждане были вовлечены в качестве участников финансовой пирамиды «МММ». Пирамида потерпела крах, денежные вклады гражданам не были возвращены. Тем не менее, несмотря на это, такие финансовые схемы до сих пор существуют, но в других вариантах, а иногда и в аналогичных прежним. Например, в Российской Федерации появилась совсем недавно «МММ—2011». Поколение 1990-х гг., исходя из горького опыта, не рискует своими сбережениями, а вот современная молодёжь ещё верит в быстрые доходы от такого вложения средств. При этом, как отмечают участники современных финансовых пирамид, они на сайтах в сети Интернет предварительно знакомятся с так называемыми Правилами системы и знают, что средств на выплату процентов всем участникам может не хватить, так как система работает по принципу взаимопомощи, т. е. выплаты производятся за счёт поступающих от других лиц средств. В конечном счёте они действуют на свой страх и риск, так как перед ними отсутствуют какие-либо обязательства представителей пирамиды. При этом денежные средства предоставляются добровольно во исполнение не существующих обязательств в целях получения дохода.

В настоящее время популярными рискованными сделками являются сделки с использованием виртуальных валют, так называемых криптовалют. Наиболее распространённой виртуальной валютой является «Биткойн». Название происходит от двух английских слов: bit — единица информации и coin — монета. По виртуальным валютам отсутствует обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты, операции по ним носят спекулятивный характер, осуществляются на так называемых виртуальных биржах и несут высокий риск потери стоимости. В международной практике виртуальные валюты используют для легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, а также для финансирования террористических организаций. В связи с этим граждане могут быть непреднамеренно вовлечены в эту противоправную деятельность.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 года № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путём, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» определены правовые и организационные основы государственной политики в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путём, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [1].

По нашему мнению, это является серьёзным шагом со стороны государства на пути к предупреждению и предотвращению угроз со стороны виртуальных контрагентов.

В виртуальном пространстве существует ещё одна угроза гражданам — взаимодействие с системой онлайн-платежей “WebMoney Transfer”, которая является средой для ведения электронного бизнеса между её участниками. В данной системе в качестве расчётных средств используются титульные знаки типа “MWZ”, каждый из которых в системе “WebMoney Transfer” якобы эквивалентен 1 дол. США. Эти титульные знаки “MWZ” хранятся в электронных кошельках. Титульные знаки нельзя рассматривать в качестве средства платежа, так как в соответствии с законодательством средством платежа являются строго определённые единицы: белорусские рубли или иностранная валюта. Титульные знаки нельзя рассматривать и в качестве электронных денежных средств. Это связано с тем, что выпускающая данную электронную валюту организация не является оператором электронных денежных средств, который может осуществлять операции с электронными денежными средствами, так как в качестве данного оператора может выступать только кредитная организация, т. е. банк.

В Республике Беларусь разрабатываются и принимаются нормативные правовые акты в сфере экономической безопасности в целях предупреждения негативных последствий от участия в рискованных финансовых сделках.

Так, правлением Национального банка Республики Беларусь принято постановление от 30 апреля 2004 г. № 72 «Об утверждении Правил проведения валютных операций» [2].

Кроме этого, постановлением правления Национального банка Республики Беларусь от 26 февраля 2010 г. № 29 была принята Концепция развития платной системы Республики Беларусь на 2010—2015 годы [3]. Следует отметить, что платёжная система Республики Беларусь состоит из платёжной системы Национального банка Республики Беларусь, платёжных систем банков, расчётно-клиринговой системы по ценным бумагам и системы безналичных расчётов по различным платежам. Как отмечает А. В. Денисович, экономическая (финансовая) безопасность государства достигается через функционирование национальной платёжной системы. Характерной чертой современных платёжных систем является постоянно меняющаяся операционная среда, что затрудняет выявление, оценку и мониторинг рисков [4, с. 93, 95]. В связи с развитием сети Интернет, мобильной связи и других средств электронной коммуникации требуется точно определить понятие получивших широкое распространение в имущественном обороте электронных денежных средств и электронных средств платежа, устранить проблемы в регулировании расчётов при помощи платёжных карт и иных технических устройств [5].

Заключение. Отсутствие в системах криптовалют контролирующего центра влечёт за собой невозможность обжалования или отмены несанкционированной операции, а фактическое нахождение криптовалют вне правового поля не позволяет реализовать правовые механизмы обеспечения исполнения обязательств сторонами этих сомнительных сделок. Нам представляется, что необходимо вести разъяснительную работу в средствах массовой информации о подобного рода деятельности контрагентов, так как криптовалюты не признаются законным средством платежа, и их использование ведёт к риску утраты гражданами своих сбережений. При этом участники таких сделок не могут в судебном порядке защитить свои интересы.

Изучение правоприменительной практики Российской Федерации на сайте Росфинмониторинга по обращениям с исками в суды граждан, потерпевших от участия в названных выше рискованных финансовых сделках с использованием криптовалют, свидетельствует о том, что эти иски не были удовлетворены.

Не менее важным аспектом является информирование граждан о том, что в законодательстве страны содержатся меры по предупреждению данных негативных влияний.

В Республике Беларусь разработан Справочник признаков подозрительных финансовых операций, который является приложением 4 к Инструкции о порядке заполнения, передачи, регистрации, учёта

и хранения, специальных формуляров регистрации финансовых операций, подлежащих особому контролю (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2014 г. № 1289) [6].

Разъяснительные мероприятия позволят гражданам избежать негативных финансовых и правовых последствий от участия в сомнительных виртуальных финансовых сделках.

Список цитируемых источников

1. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путём, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г., № 165-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».
2. Об утверждении Правил проведения валютных операций [Электронный ресурс] : постановление правления Нац. банка Респ. Беларусь, 30 апр. 2004 г., № 72 : в ред. постановления правления Нац. Банка Респ. Беларусь от 26 авг. 2015 г., № 515. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь»
3. Об утверждении Концепции развития платёжной системы Республики Беларусь на 2010—2015 годы [Электронный ресурс] : постановление правления Нац. банка Респ. Беларусь, 26 февр. 2010 г., № 29. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
4. Денисович А. В. Стабильность национальной платёжной системы как условие экономической безопасности государства // Пром.-торговое право. 2015. № 11. С. 92—96.
5. Там же. С. 94.
6. Справочник признаков подозрительных финансовых операций. Приложение 4 к Инструкции о порядке заполнения передачи, регистрации, учёта и хранения специальных формуляров регистрации финансовых операций, подлежащих особому контролю [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2014 г., № 1289. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».

УДК 338.242

В. В. Климук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ И АПРОБАЦИЯ

Введение. Современная ситуация на мировом подиуме экономического дефила стран демонстрирует состояние спада динамичного развития в большинстве компонент структурного отраслевого механизма. Отмеченная тенденция снижения показателей объёмов производства, заработной платы, наряду с сокращением покупательной способности национальной денежной единицы, ростом инфляции, зависимостью от импортёров, формирует настоятельную необходимость выработки стратегии защиты и плавного развития страны. Данное требование возможно при условии создания безопасности функционирования каждой сферы деятельности на основе синергетического эффекта. Это достижимо при разработке инструментария оценки уровня безопасности страны, определения слабых мест в развитии в целях тотальной защиты отраслей хозяйствования страны и обеспечения благоприятных факторов стимулирования развития. Залогом безопасного государства является обеспечение стабильного развития по областям функционирования.

Исследования экономической безопасности представлены в работах И. Х. Еркеева [1], А. Ю. Кирьянова [2], Л. Г. Матвеевой, О. А. Черновой [3], И. С. Мирошниченко [4] и других учёных, отражающих методологический базис и практическое его использование для оценки безопасности и стратегирования развития страны.

Основная часть. Безопасность государства выступает интегральным индикатором эффективности фактической реализуемой стратегии развития и, по нашему мнению, должна определяться на базе следующих компонент: 1) экономической — характеризует финансовую защищённость страны, её потенциал развития; 2) социальной — формирует достигнутый уровень жизнедеятельности, возможности дифференцированного индивидуального роста; 3) экологической — отражает уровень атмосферного фона для развития личности и предпринимательского сектора; 4) инновационная — обеспечивает возможности функционального роста производств, ресурсосбережение в процессе деятельности; 5) геополитической — характеризует уровень защиты государства от военных действий, внешней экспансии, политической конфронтации.

Каждая из данных компонент включает расширенный набор количественных индикаторов, позволяющих формировать общее представление о выделенной сфере функционирования. В рамках соблюдения условий ограниченности объёма работы детально комплекс индикаторов представим относительно ведущей компоненты — экономической, включающей следующие показатели: валовой внутренний

продукт (ВВП), номинальная заработная плата, индекс экспорта к импорту, доля внешнего государственного долга в ВВП, золотовалютные резервы, чистая прибыль организаций, инфляция, инвестиции, доля убыточных организаций.

Уровень достижения безопасности относительно каждой компоненты (B_i) определяется как средневзвешенная величина на основе ранжирования системы выбранных показателей и соответствующих им весовых коэффициентов (определяемых методом ранжирования):

$$B_i = \sum_1^n p_s \cdot k_s,$$

где i — частная безопасность (экономическая, социальная, экологическая, инновационная, геополитическая); n — количество показателей системы относительно рассматриваемого уровня безопасности; p_s — значения темпа изменения s -го показателя системы; k_s — коэффициент значимости s -го показателя системы.

Соответственно можно сформировать интегральный уровень безопасности государства (K_B) на базе вышепредложенных её компонент:

$$K_B = \sqrt[3]{\mathcal{E} \cdot C \cdot И \cdot \mathcal{ЭГ} \cdot \text{ГП}},$$

где \mathcal{E} — уровень экономической безопасности; C — уровень социальной безопасности; $И$ — уровень инновационной безопасности; $\mathcal{ЭГ}$ — уровень экологической безопасности; ГП — уровень геополитической безопасности.

В целях дифференциации полученного результата и формирования общей картины и тенденции изменения уровня развития в качестве критерия отбора будет выступать динамический индекс (ДИ), отражающий темп изменения исследуемых показателей, касательно абсолютных показателей оценки, и идентифицируемый индекс (ИИ), отражающий отношение фактического значения с минимальным (максимальным) по стране, касательно относительных показателей. Динамический индекс определяется:

– для показателей, положительно влияющих на развитие страны:

$$ДИ^+ = \frac{p_{s \text{ тек}}}{p_{s \text{ прош}}};$$

– для показателей, негативно воздействующих на функционирование страны:

$$ДИ^- = \frac{p_{s \text{ прош}}}{p_{s \text{ тек}}},$$

где $p_{s \text{ прош}}$ — фактическое значение исследуемого показателя за прошлый (базовый) год; $p_{s \text{ тек}}$ — фактическое значение исследуемого показателя за текущий (последний) год.

Данный инструментарий применяется для динамических моделей.

Предложенная методика может быть использована как для количественной оценки и градации по уровням безопасности страны в целом, так и отдельных её регионов в целях отражения динамики развития в перспективном временном отрезке, а также межстрановых сопоставлений.

На основе критериального ранжирования (а также в количественном выражении) формируются уровни безопасности:

- высокий ($ДИ_{\text{ф}} > ДИ_{\text{пр}}$; $ДИ_{\text{ф}} > ИИ_{\text{макс}}$) или ($ДИ_{\text{ф}} > +10\%$);
- умеренный ($ДИ_{\text{ф}} > ДИ_{\text{пр}}$; $ИИ_{\text{мин}} < ДИ_{\text{ф}} < ИИ_{\text{макс}}$) или ($+10\% > ДИ_{\text{ф}} > 0$);
- деструктивный ($ДИ_{\text{ф}} < ДИ_{\text{пр}}$; $ДИ_{\text{ф}} > ИИ_{\text{мин}}$) или ($0 \geq ДИ_{\text{ф}} > -10\%$);
- критический ($ДИ_{\text{ф}} < ДИ_{\text{пр}}$; $ДИ_{\text{ф}} < ИИ_{\text{мин}}$) или ($ДИ_{\text{ф}} < -10\%$).

Предложенный инструментарий количественной оценки может применяться для динамических моделей. Для статичных же моделей (при ограниченности данных, выборе периода исследования) используется комплекс относительных показателей. Для количественной оценки экономической безопасности таковыми индикаторами выступают: импорто- и экспортоёмкость (удельный вес импорта, экспорта в ВВП); производительность труда; коэффициент обновления основных средств; инвестициоотдача (отношение объёма продукции к вложенным средствам в данный процесс); долговая зависимость (доля внешнего долга к валовому внутреннему продукту); зарплатоотдача (отношение выпуска продукции к величине затрат на оплату труда) и другие показатели, характеризующие состояние экономического фона в данный момент развития страны.

В рамках данного исследования с учётом детального изучения каждой из компонент тотальной безопасности государства апробирован инструментарий оценки по наиболее важной, определяющей вектор развития страны, компоненте — экономической безопасности. Для оценочно-аналитических процедур выбран шестилетний интервал оценки по Республике Беларусь (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Результаты оценки уровня экономической безопасности Республики Беларусь за 2010—2014 гг.

Показатель	Коэффициент весомости	2010	2011	2012	2013	2014
Внешнеэкономический вектор (экспорт/импорт)	0,178	0,174200	0,217629	0,192934	0,159586	0,185263
Вектор потенциала развития (уровень ВВП)	0,200	0,224030	0,192991	0,239077	0,228384	0,209719
Трудовой вектор (номинальная средне-месячная заработная плата)	0,067	0,077378	0,055566	0,086401	0,085641	0,069704
Долговой вектор (доля внешнего государственного долга в ВВП)	0,089	0,077481	0,071646	0,106885	0,086637	0,092046
Монетарный вектор (золотовалютные резервы)	0,156	0,138486	0,244930	0,158895	0,128059	0,118185
Вектор доходов (чистая прибыль организаций)	0,111	0,141198	0,170070	0,135424	0,068170	0,091931
Вектор денежного обесценивания (индекс цен)	0,022	0,022263	0,011702	0,038077	0,023233	0,022280
Инвестиционный вектор (инвестиции в экономику)	0,133	0,159364	0,126864	0,139788	0,168810	0,125529
Вектор убытков (доля убыточных организаций)	0,044	0,041905	0,045977	0,048507	0,040129	0,041616
ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	1,000	1,056300	1,137400	1,146000	0,98860	0,956300

Примечание. Собственная разработка на основе [5]

Весовой коэффициент выступает нормативом для оценки безопасности (превышение расчётного значения коэффициента весомости характеризует безопасность, а меньшее значение — опасность функционирования). Каждый индикатор охарактеризован как «вектор развития». По последнему году по монетарному, доходному, инвестиционному, вектору убытков отмечен небезопасный уровень функционирования, определяемый в целом неэффективным финансовым рычагом давления (рисунок 1).

В настоящее время по гиперболической форме темпов изменения можно судить о кризисной стадии, которая в ближайшей перспективе форсирует в растущую. По прогностической модели с 2017 г. начнётся экономический рост с пиковым отрывом к 2020 г., что позволит экономике страны осуществить ряд социально-экономических реформ и трансформацию стратегии развития.

Причинами данной динамики могут выступать: неэффективность внешнеэкономической деятельности, слабое развитие инновационного потенциала, слабый мотивационный механизм производительности, низкий уровень конкурентоспособности продукции и др.

В качестве предлагаемых направлений усиления экономической безопасности страны можно выделить: 1) создание производственных альянсов вертикальной и горизонтальной интеграции; 2) комплексное сбережение стратегических ресурсов (нефть, газ, уголь), переориентация на использование альтернативных источников энергии; 3) рациональное импорто- и экспортзамещение продукции; 4) рост уровня индустриализации экономики; 5) развитие периферийных регионов страны с целью нивелирования социально-экономической дифференциации.

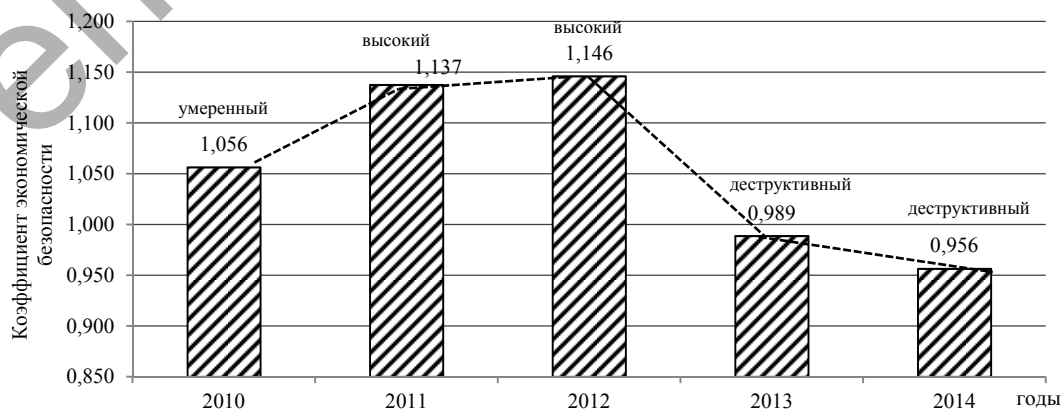

Рисунок 1 — Динамика уровня экономической безопасности Республики Беларусь за 2010—2014 гг.

Заключение. Предложенный методический инструментарий обеспечивает возможность оценки уровня экономической безопасности страны, межстрановых сопоставлений, критериальной градации уровней безопасности — на основе выбранного комплекса унифицированных индикаторов, что позволяет определить сильные и слабые стороны реализуемого вектора экономического развития, выступающего в качестве базового концепта тотальной безопасности государства.

Список цитируемых источников

1. Еркеев И. Х. Экономическая безопасность государства как часть национальной экономической безопасности и безопасности государства // Чёр. дыры в Рос. законодательстве. 2014. № 2. С. 36—40.
2. Кирьянов А. Ю. Экономическая безопасность как особое направление обеспечения региональной безопасности в современном российском государстве // Адвокат. практика. 2006. № 1. С. 37—41.
3. Матвеева Л. Г., Чернова О. А., Климук В. В. Оценка эффективности политики импортозамещения в промышленности: методический инструментарий // Изв. Дальневост. федер. ун-та. Экономика и упр. 2015. № 3 (75). С. 3—14.
4. Мирошниченко И. С. Внешняя задолженность как фактор влияния на экономическую безопасность государства в условиях глобализации // Облік і фінанси. 2014. № 3 (65). С. 102—109.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2015. Минск, 2015. 524 с.

УДК 338.48

В. Н. Кременевская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

БЕЗОПАСНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА КАК ФАКТОР ЕГО ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Введение. Туристическая индустрия является, пожалуй, наиболее динамично развивающейся отраслью, которая по праву заслуживает самого пристального внимания. Ускоренное развитие нематериальных сфер экономики ставит международный туризм в число крупнейших экспортных отраслей. По данным Всемирной туристской организации (UNWTO), в 2015 г. международный поток туристов составил 1,18 млрд человек, что на 4,4% выше по сравнению с 2014 г. [1]. Однако такое стремительное развитие международного туризма повлекло за собой ряд проблем, среди которых наиболее актуальной является проблема обеспечения безопасности туристов. Поэтому этот факт требует более детальных исследований и изучения взаимосвязи между вопросами безопасности международного туризма и эффективного его развития.

Основная часть. Турист, совершая туристическое путешествие, меняет своё обычное место пребывания на абсолютно отличное от привычного ему, что влечёт за собой возникновение всевозможных опасных обстоятельств. Различия в культуре, традициях, климате нередко негативно сказываются на безопасности туристов. Также негативно на здоровье человека могут отразиться перегруженные экскурсионные программы, неверно составленные маршруты. Нередко туристы могут оказаться в самом центре внутривосточных конфликтов, терроризма, уголовных преступлений и т. п.

Соответственно, безопасность является одним из основных факторов развития международного туризма, и это неоспоримый факт. Дело в том, что вопросы безопасности возникали всегда, однако наибольшую актуальность стали приобретать в последние два десятилетия. Данные изменения, в первую очередь, связаны с участвовавшими случаями террористических актов, локальных войн, стихийных бедствий, эпидемий и пандемий. Индустрия туризма не в состоянии сгладить последствия негативных событий, что отражается на статистике её развития.

Для примера рассмотрим основные международные регионы, для которых в последние годы характерна политическая нестабильность, межрегиональные конфликты, присутствие террористических группировок, — Центральная и Восточная Европа (Украина), а также Северная Африка.

На основе сведений Всемирной туристской организации представим данные по туристским посещениям основных международных туристических регионов (таблица 1).

Необходимо отметить, что на фоне стабильного роста туристских посещений во всём мире в Северной Африке наблюдается отрицательная динамика. Так, темпы прироста туристских посещений в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составили –7,8%. Негативные тенденции в значительном снижении туристских посещений можно связать с политической нестабильностью и участвовавшими случаями террористических актов в таких странах, как Египет и Ливия. Также в Центральной и Восточной Европе в 2014 г. по сравнению с 2013 г. показатель темпа прироста значительно снизился, что можно связать с обострившимся внутривосточным конфликтом в Украине.

Т а б л и ц а 1 — Перечень международных туристических регионов по туристским посещениям, млн человек [2]

Международный туристский регион	Год				Темпы прироста 2015-го к 2014-му, %
	2010	2013	2014	2015	
Все регионы мира	950,0	1,1	1,1	1,2	4,4
Северная Европа	62,8	67,2	70,8	75,3	6,3
Западная Европа	154,4	170,8	174,5	180,9	3,7
Центральная и Восточная Европа	98,9	127,8	120,1	127,8	6,4
Южная Европа и Средиземноморье	173,3	201,0	217,9	225,1	4,8
Северная Африка	19,7	20,7	20,4	18,8	-7,8
Центральная и Южная Африка	30,8	34,0	34,4	34,2	-0,6

Можно сделать вывод, что уровень безопасности в туризме и показатель количества туристских посещений имеют прямую зависимость: чем более безопасно пребывание туристов в международном туристическом регионе, тем большее количество туристских посещений в данный регион наблюдается и наоборот.

Организация туристического путешествия в обязательном порядке должна сопровождаться обеспечением безопасности жизни и здоровья самих туристов. Опасности физического и социального характера должны приниматься в расчёт системой безопасности туризма, которой следует минимизировать и предотвращать разнообразные угрозы безопасности туристской деятельности.

Система безопасности туризма включает в себя: 1) субъекты обеспечения безопасности туризма; 2) целевые установки и принципы обеспечения безопасности туризма; 3) государственную политику в области обеспечения безопасности в сфере туризма; 4) систему правовых норм, регулирующих отношения в сфере безопасности туризма (законодательство в области безопасности туризма); 5) различные виды юридической и иной деятельности по обеспечению безопасности; 6) меры и требования безопасности туризма; 7) культуру безопасности и правовую культуру в сфере безопасности туризма [3].

Для эффективного функционирования системы безопасности туризма необходимо обеспечить её независимостью и минимизировать влияние внешних и внутренних угроз и воздействий.

Международный опыт по разработке мер безопасности туризма исследуется и обобщается Всемирной туристской организации. Безопасность путешествий декларировалась в Хартии туризма, согласно которой государствам следует обеспечивать безопасность посетителей и их имущества посредством превентивных мер и мер защиты [4].

Как отмечалось в докладе генерального секретаря Всемирной туристской организации, перед туризмом стоят две масштабные задачи: первая связана с текущим моментом, т. е. обеспечением безопасности путешествий и преодолением кризисов; вторая задача вписывается в более долгосрочную перспективу, касается выбора пути развития туризма, способного снизить его уязвимость [5, с. 12].

Необходимо отметить, что безопасность в туризме претерпела значительные изменения: от более или менее пассивного фактора. Сейчас она является одним из активных элементов туризма.

Обеспечение безопасности в туризме имеет свои особенности, так как благополучие туристов, предоставление им качественного продукта также необходимо рассматривать в разрезе общественных и национальных интересов принимающей страны, а также состояния окружающей среды и туристских ресурсов. Соответственно, система безопасности международного туризма представлена интересами трёх сторон: личная безопасность туриста; безопасность общественных и национальных интересов принимающего государства; безопасность окружающей среды.

Соответственно, можно выделить основные направления вопросов обеспечения безопасности в туризме: 1) личная безопасность туристов и их имущества, обеспечение которой является важнейшей задачей национального развития туризма и международного сотрудничества; 2) безопасность окружающей среды в местах массового пребывания туристов, безопасность туристских маршрутов и других туристских объектов; 3) безопасность национальных интересов принимающих государств [6, с. 67].

Обеспечение безопасности по вышеуказанным направлениям является первоочередной задачей всех структур, вовлечённых в туристскую деятельность: туристские предприятия; администрации туристских центров; местные власти; национальные органы по туризму и центральные власти государств; международные организации и межгосударственные органы. Соответственно, обеспечение безопасности в туризме необходимо рассматривать как многоуровневый процесс, при котором только лишь хорошо налаженное взаимодействие всех уровней приведёт к положительным результатам.

Заключение. Обеспечение безопасности международного туризма является одним из основных факторов его эффективного развития. Уровень безопасности в туризме и показатель количества туристских посещений имеют прямую зависимость. Вопросы безопасности туризма необходимо рассматривать как одну из важнейших составляющих туризма в целом. Система безопасности международного туризма представлена интересами трёх сторон: личной безопасности туриста; безопасности общественных и национальных интересов принимающего государства; безопасности окружающей среды. Соответственно, удовлетворение интересов всех участников позволит создать эффективную систему безопасности и, как результат, положительно отразится на эффективности развития международного туризма.

Список цитируемых источников

1. Press Release [Электронный ресурс] // World Tourism Organization UNWTO. URL: <http://media.unwto.org/ru/press-release/2016-01-19/chislo-mezhdunarodnykh-turistskikh-pribytii-v-2015-godu-vozroslo-na-4-i-dos> (дата доступа: 01.02.2016).
2. UNWTO World Tourism Barometer [Электронный ресурс] // World Tourism Organization UNWTO. URL: <http://mkt.unwto.org/barometer> (дата доступа: 01.02.2016).
3. Писаревский Е. Л. Система обеспечения безопасности туризма и государственная политика в области безопасности туризма. Правовой аспект [Электронный ресурс] // Туризм: право и экономика : Рос. изд. URL: <http://www.center-bereg.ru/f1597.html> (дата доступа: 01.02.2016).
4. Хартия туризма [Электронный ресурс] // Студопедия. URL: http://studopedia.ru/12_57140_hartiya-turizma-i-kodeks-turista.html (дата доступа: 01.02.2016).
5. Бобкова А. Г., Кудреватых С. А., Писаревский Е. Л. Безопасность туризма : учеб. / под общ. ред. Е. Л. Писаревского. М. : Федер. агентство по туризму, 2014. 272 с.
6. Малашенко В. И., Сергеева Т. М. Организация туризма и туроперейтинг : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-25 01 13 Экономика и упр. турист. индустрий. Минск : БГЭУ, 2014. 118 с.

УДК 314.48

О. А. Лабейко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

МОНИТОРИНГ УРОВНЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Введение. Важнейшей составной частью общей системы национальной безопасности является экономическая безопасность, которая затрагивает практически все стороны жизни государства, общества, человека. Существует тесная взаимосвязь экономической безопасности с системой национальных государственных интересов, которые заключаются в укреплении независимости и суверенитета Республики Беларусь, обеспечении нерушимости границ и территориальной целостности, создании условий для полноценного духовного и физического развития человека, сохранении культурного наследия, укреплении традиций и ценностей белорусского народа. Рассмотрение экономической безопасности как важнейшего блока в системе национальной безопасности обусловлено тем, что экономика является основой жизнедеятельности общества и человека, фундаментом устойчивого развития страны [1, с. 624].

Экономическая безопасность государства определяется имеющимся экономическим потенциалом, его спецификой. В связи с этим представляется актуальным проведение мониторинга демографических угроз, позволяющего оценить масштаб и характер влияния демографических процессов на составляющие компоненты экономической безопасности общества и государства.

Негативная динамика демографического развития Беларуси обусловила повышенное внимание современных отечественных учёных, практиков и демографов к условиям воспроизводства населения, особенностям его влияния на различные сферы жизнедеятельности общества. Существенный вклад в исследование проблемы внесли Л. С. Боровик, Н. Н. Морозова, М. П. Пилуй, Н. П. Привалова, А. А. Раков, Л. Е. Тихонова, Г. Н. Тыбердай, Л. П. Шахотько, П. Е. Шевчук, В. Н. Шимов.

Основная часть. Согласно статье 3 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-3 «О демографической безопасности Республики Беларусь» демографическими угрозами являются: депопуляция; старение населения; нерегулируемые миграционные процессы; деградация института семьи [2]. Демографические угрозы определяются следующими показателями: нетто-коэффициентом воспроизводства населения; коэффициентом депопуляции; суммарным коэффициентом рождаемости; коэффициентами смертности населения трудоспособного возраста, в том числе коэффициентами смертности мужчин и женщин трудоспособного возраста; ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни; коэффициентом старения населения; сальдо миграционного обмена между городской и сельской местностью, в том числе по полу, возрасту, уровню образования; численностью нелегальных мигрантов; коэффициентами брачности и разводимости.

Задачей настоящего анализа является оценка коэффициента смертности населения трудоспособного возраста, степени влияния уровня смертности на формирование трудового потенциала страны.

За 2011—2014 гг. общие потери населения трудоспособного возраста составили 109 377 человек. В 2011 г. число умерших составило 32 440 человек, или 0,5% от численности всего трудоспособного населения, в 2014 г. показатель снизил своё значение до уровня 24 367 человек. Положительная динамика сокращения общего уровня смертности населения в республике определила сокращение смертности населения в трудоспособном возрасте на 24%. В структуре смертности населения трудоспособного возраста отмечается высокий уровень смертности мужчин — 19 870 человек (81,5%), что в 4,4 раза больше, чем уровень смертности женщин соответствующего возраста — 4 497 человек (18,5%) (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Динамика смертности населения трудоспособного возраста в Республике Беларусь за 2011—2014 гг., человек [3]

Показатель	2011	2012	2013	2014
Смертность населения трудоспособного возраста	32 440	26 992	25 578	24 367
В том числе:				
мужчин	26 634	22 028	20 877	19 870
женщин	5 806	4 964	4 701	4 498
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста	561,6	472,0	452,3	435,8
Коэффициент смертности мужчин трудоспособного возраста	891,0	742,6	709,1	680,0
Коэффициент смертности женщин трудоспособного возраста	208,3	180,4	173,4	168,4

Динамика коэффициента смертности населения трудоспособного возраста, рассчитанного на 100 000 человек соответствующего возраста, имеет тенденцию к уменьшению. В 2014 г. показатель сократился на 22,4% по отношению к 2011 г. За последние четыре года коэффициент смертности мужчин уменьшился. Несмотря на это, сохраняется существенное превалирование мужской смертности над женской в трудоспособном возрасте. Таким образом, структура смертности в Беларуси дифференцирована по полу.

Возрастные показатели смертности имеют наибольшее значение у мужчин в возрасте от 55 до 59 лет и у женщин от 50 до 54 лет. Среди основных классов причин смерти трудоспособного населения в 2014 г. первое место занимали болезни системы кровообращения (33,7%), второе и третье место — внешние причины и новообразования (27,7% и 19,6% соответственно) [4].

Уровень смертности населения трудоспособного возраста непосредственно влияет на количество трудовых ресурсов страны. В соответствии с Методикой по формированию и расчёту баланса трудовых ресурсов, утверждённой постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь от 8 сентября 2013 г. № 28 [5], к трудовым ресурсам относится население, занятое в экономике или способное трудиться, но не работающее по тем или иным причинам. В состав трудовых ресурсов включается трудоспособное население в трудоспособном возрасте, а также работающие лица старше и младше трудоспособного возраста. Представим уровень трудового потенциала страны (таблица 2).

Т а б л и ц а 2 — Динамика трудового потенциала Республики Беларусь за 2011—2014 гг. [6]

Показатель	2011	2012	2013	2014
Численность населения, тыс. человек	9 481,2	9 465,2	9 463,8	9 468,2
Трудовые ресурсы, тыс. человек	6 031,4	6 030,0	5 989,1	6 005,5
Удельный вес в численности населения, %	63,6	63,7	63,7	63,3
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте, тыс. человек	5 694,9	5 637,4	5 587,1	5 582,2
Удельный вес в численности трудовых ресурсов, %	94,4	93,5	93,3	93,0
Лица младше трудоспособного возраста, занятые в экономике, тыс. человек	0,1	0,1	0,1	0,1
Удельный вес в численности трудовых ресурсов, %	0,001	0,001	0,001	0,001
Лица старше трудоспособного возраста, занятые в экономике, тыс. человек	336,4	392,5	401,9	423,3
Удельный вес в численности трудовых ресурсов, %	5,6	6,5	6,7	7,0

Уровень трудового потенциала, выражающегося через численность трудовых ресурсов страны, уменьшился за анализируемый период на 73 тыс. человек. Такие изменения происходят на фоне сокращения численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте на 160 тыс. человек, а также роста удельного веса лиц старше трудоспособного возраста, занятых в экономике (+86,9 тыс. человек). Потери трудового потенциала, обусловленные смертностью населения трудоспособного возраста, составили 109 377 человек (рисунок 1).

За анализируемый период трудоспособное население сокращалось в среднем на 28,2 тыс. человек в год. Анализ половозрастной структуры трудового потенциала Республики Беларусь, а также половозрастных коэффициентов смертности населения трудоспособного возраста даёт основания полагать, что до 2020 г. существенного снижения уровня смертности данной группы населения не предвидится. Это связано с тем, что в ближайшие пять лет в возрастную группу мужчин с самым высоким уровнем смертности в возрасте 55—59 лет будет входить когорта, по численности большая предыдущей на 25 тыс. человек. В месте с тем возрастную группу женщин от 50 до 54 лет заменит когорта населения численностью, меньшей на 61 тыс. человек. Данные демографические процессы будут определять рост уровня смертности мужчин трудоспособного возраста и снижение количества женской смертности.

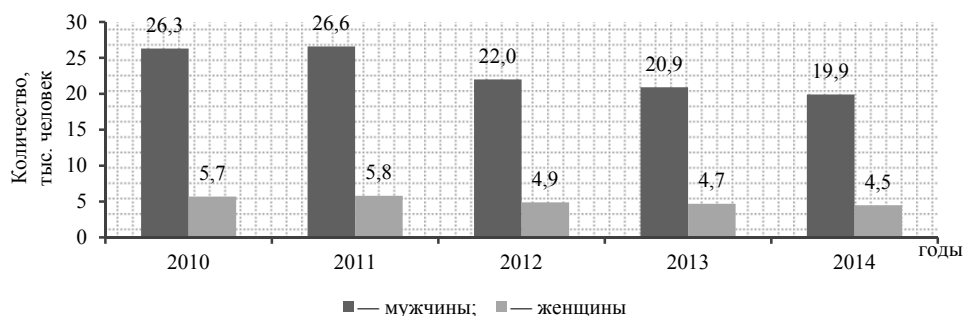

Рисунок 1 — Потери трудового потенциала по причине смертности населения трудоспособного возраста в 2010—2014 гг. [7]

Заключение. В 2011—2014 гг. формирование трудового потенциала Республики Беларусь происходило в неблагоприятных демографических условиях. Сложившийся уровень смертности населения в трудоспособном возрасте определил сокращение трудового потенциала на 109 377 человек, особенно большие потери несли мужчины, на долю которых пришлось 81,5% от числа наступивших смертей. Видится, что мониторинг показателя уровня смертности населения трудоспособного возраста как одного из показателей существующих демографических угроз общества является весьма актуальным для разработки, реализации и оценки демографической, социальной и экономической политики государства.

Список цитируемых источников

1. Национальная экономика Беларуси : учеб. / В. Н. Шимов [и др.] ; под ред. В. Н. Шимова. Минск : БГЭУ, 2006. 751 с.
2. О демографической безопасности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 дек. 2009 г., № 114-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 15. 2/1666.
3. Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2015 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2015. 448 с. ; Труд и занятость в Республике Беларусь, 2014 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2014. 321 с.
4. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2015 г. и среднегодовая численность населения за 2014 г. : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2015. 183 с.
5. Об утверждении Методики по формированию и расчёту баланса трудовых ресурсов : постановление Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 8 мая 2013 г., № 28 ; в ред. постановления Нац. Стат. ком. Респ. Беларусь от 13 апр. 2015 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2015. № 18. 7/3092.
6. Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2015 ; Труд и занятость в Республике Беларусь, 2014.
7. Труд и занятость в Республике Беларусь, 2014..

УДК 657.1

В. Н. Познякевич,

кандидат экономических наук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ БУХГАЛТЕРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОЙ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЁТНОСТИ

Введение. Экономическая безопасность организации, её финансовая устойчивость всё более зависят от качества управления и принимаемых управленческих решений, информационной базой которых являются, прежде всего, данные, формируемые в системе учёта и отчётности. В условиях повышения требований к системе учёта и отчётности возрастает роль профессионального суждения бухгалтера, которое может рассматриваться как инструмент формирования методологии бухгалтерского учёта, применяемой в организации, и достоверной финансовой информации о результатах деятельности организации.

Действовавшая ранее в Республике Беларусь система регулирования бухгалтерского учёта носила жёсткий нормативный характер, в ней не было места профессиональному суждению. В настоящее время недостаточно регламентировать учёт законодательно, поэтому сосуществуют две системы регулирования бухгалтерского учёта: нормативное и профессиональное регулирование. При этом роль и значение профессионального суждения в системе регулирования бухгалтерского учёта постоянно расширяются.

Следует отметить, что в специальной экономической литературе, среди научного сообщества, а также специалистов-практиков нет единого мнения о сущности и содержании понятия «профессиональное суждение». Недостаточная проработанность вопросов применения профессионального суждения бухгалтера в Республике Беларусь определяет значимость и актуальность исследования данной проблематики.

Основная часть. В Республике Беларусь в настоящее время ведётся активная работа по реформированию системы бухгалтерского учёта и отчётности и её приведению в соответствие с Международными стандартами финансовой отчётности (далее — МСФО), одним из важнейших принципов которых является применение профессионального суждения бухгалтера.

Профессиональное суждение — новое понятие в отечественной системе бухгалтерского учёта и отчётности, от которого зависит качество постановки и ведения учёта, составления финансовой отчётности.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-З «О бухгалтерском учёте и отчётности» одной из задач, которая решается в настоящее время, является проведение аттестации на право получения сертификата профессионального бухгалтера. С 1 января 2017 г. главные бухгалтеры общественно значимых организаций (за исключением банков) должны иметь сертификаты профессионального бухгалтера, выданные Министерством финансов. Процесс аттестации начался в 2016 г. [1]. Вышесказанное подтверждает следующее: в Республике Беларусь изменился статус профессии бухгалтера, осуществляется формирование правовых условий для развития профессионального суждения как инструмента формирования достоверной финансовой отчётности, в том числе в формате МСФО.

В Законе «О бухгалтерском учёте и отчётности» приведено понятие профессионального суждения. «Профессиональное суждение — точка зрения и действие главного бухгалтера организации, руководителя организации ... организации или индивидуального предпринимателя, оказывающих услуги по ведению бухгалтерского учёта и составлению отчётности, принятые организацией при ведении бухгалтерского учёта и составлении отчётности, которые излагаются организацией в положении об учётной политике и примечаниях к отчётности» [2]. Из этого следует, что достоверность финансовой отчётности организации зависит от компетентности профессионального суждения бухгалтера.

Дополнительная информация в бухгалтерской отчётности, трактовка фактов хозяйственной деятельности организации, отличная от заложенной в нормативных правовых актах, раскрываются в примечаниях к отчётности, что придаёт им особое значение в выражении профессионального суждения бухгалтера.

Развитию профессионального суждения в Республике Беларусь, по нашему мнению, способствовало принятие Национального стандарта бухгалтерского учёта и отчётности от 10 декабря 2013 г. № 80 «Учётная политика организации, изменения в учётных оценках, ошибки», поскольку выбор способа ведения бухгалтерского учёта, а также его обоснование, по сути, являются профессиональным суждением. Таким образом, учётная политика представляет собой совокупность профессиональных суждений бухгалтера. Выбранный вариант учётной политики зависит от уровня компетенций бухгалтера, его знаний нормативных правовых актов. От профессионального суждения бухгалтера, формируемого в процессе выработки учётной политики, а также в процессе её творческого применения, зависят показатели финансового состояния организации.

Исследование показало, что учёные-экономисты, специалисты-практики выделяют следующие основные предпосылки необходимости применения профессионального суждения: 1) возможность выбора альтернативных вариантов учётных процедур, регламентированная нормативными правовыми актами; 2) неопределённость некоторых нормативных правовых актов в области бухгалтерского учёта и отчётности; 3) ограниченный набор ситуаций финансово-хозяйственной деятельности, регулируемых законодательством по бухгалтерскому учёту и отчётности; 4) структура и конкретные индивидуальные особенности деятельности отдельных организаций; 5) внедрение в отечественную систему бухгалтерского учёта и отчётности терминологии, используемой в МСФО [3].

Профессиональное регулирование отличается многовариантностью в условиях отсутствия жёсткого нормативного регулирования, когда у бухгалтера есть свобода выбора учётных процедур. Особое значение профессиональное суждение бухгалтера проявляется, когда нормативные правовые акты противоречат друг другу или не раскрывают, какие учётные процедуры следует совершить.

Приведём примеры применения профессионального суждения бухгалтера: 1) выбор учётной политики в части оценки активов и обязательств; 2) выбор способа начисления амортизации основных средств и нематериальных активов; 3) соотнесение общехозяйственных затрат с отчётными периодами; 4) порядок признания выручки; 5) порядок распределения доходов и расходов между отчётными периодами; 6) определение, достаточно ли оснований для признания в отчётности доходов, расходов, активов и обязательств [4].

Профессиональное суждение является неотъемлемой частью процесса подготовки финансовой отчётности в формате МСФО. Для профессионального суждения на основе МСФО характерно преобладание экономического содержания хозяйственной операции над формой. Особенно данный принцип проявляется в операциях, которые не регламентированы МСФО и поэтому требуют глубокого

анализа экономической сущности конкретного факта хозяйственной деятельности для правильного его отражения в учёте. Конкретным применением профессионального суждения на основе МСФО являются: 1) формирование информации об обесценении активов (в случае наличия признаков обесценения), вознаграждениях работникам; 2) разработка методологии отражения отдельных операций в учёте и отчётности; 3) определение справедливой стоимости финансовых активов, приведённой стоимости ликвидационных обязательств по поисковым активам; 4) признание отложенных налоговых активов в отношении поисковых активов, связанных с разведкой и оценкой запасов полезных ископаемых; 5) применение ставки дисконта и способа дисконтирования стоимости активов и обязательств; 6) признание выручки по договорам комиссионной продажи билетов; 7) приобретение бизнеса или приобретение актива; 8) определение того, является ли изменение данных учёта предшествующего отчётного периода изменением бухгалтерских оценок или бухгалтерской ошибкой [5].

Заключение. Научная новизна проведённого исследования состоит в обосновании необходимости развивать не только нормативное, но и профессиональное регулирование бухгалтерского учёта для формирования достоверной финансовой отчётности.

Анализ профессионального суждения бухгалтера как инструмента в современном бухгалтерском учёте для целей повышения качества учётно-аналитической информации позволил сделать определённые выводы: 1) профессиональное суждение является новым явлением в теории и практике отечественного учёта, предполагающим умение бухгалтера принимать и обосновывать свои решения; 2) создание условий для развития института профессионального суждения бухгалтера как инструмента формирования достоверной информации является неотъемлемой частью реформирования бухгалтерского учёта и отчётности в Республике Беларусь и её приведения в соответствие с МСФО и требованиями рыночной экономики; 3) дальнейшее развитие института профессионального суждения бухгалтера, по нашему мнению, должно предполагать обучение бухгалтеров навыкам выработки профессионального суждения, а также оценки его эффективности; 4) профессиональное суждение постепенно становится важнейшим принципом бухгалтерского учёта; 5) особая роль в развитии профессионального суждения бухгалтера и становлении бухгалтерской профессии в Республике Беларусь принадлежит общественному объединению «Белорусская ассоциация бухгалтеров» и учреждениям, осуществляющим подготовку бухгалтеров.

Список цитируемых источников

1. О бухгалтерском учёте и отчётности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-3. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс: Беларусь».
2. Там же.
3. Казанникова Е. В. Профессиональное суждение бухгалтера в условиях стандартизации учёта : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2007. С. 7, 10 ; Остренко Е. В. Формирование профессионального суждения // Бухгалт. учёт. 2015. № 3. С. 21.
4. Губайдулина А. Р. Профессиональное суждение бухгалтера как инструмент формирования бухгалтерской (финансовой) отчётности : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2014. С. 20—21 ; Остренко Е. В. Формирование профессионального суждения. С. 18.
5. Губайдулина А. Р. Профессиональное суждение бухгалтера как инструмент формирования бухгалтерской (финансовой) отчётности. С. 7 ; Остренко Е. В. Формирование профессионального суждения. С. 18—21.

УДК 379.85

Е. Н. Трус

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Введение. В настоящее время сфера туризма динамично развивается и получает всё более широкое распространение. Туризм способствует созданию новых рабочих мест и обеспечению занятости населения, привлечению дополнительных средств в государственный бюджет, повышает инвестиционную привлекательность страны.

Вместе с тем с увеличением потока туристов всё более важным становится вопрос обеспечения безопасности туристов. В связи с этим одним из приоритетных направлений туристической политики в Республики Беларусь является обеспечение безопасности. Обеспечение безопасности в области туризма подразумевает использование комплекса мер экономического, политического, военного, организационного и иного характера.

Основная часть. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О туризме» под безопасностью в сфере туризма понимается личная безопасность туристов, сохранность их имущества, нанесение ущерба окружающей среде при совершении путешествий [1].

Так как безопасность туризма — один из элементов национальной безопасности Республики Беларусь, то деятельность по её обеспечению осуществляет Президент Республики Беларусь, Совет безопасности, Национальное собрание, Совет Министров Республики Беларусь, а также органы местного самоуправления.

Президент Республики Беларусь в области обеспечения безопасности в туризме формирует и руководит деятельностью Совета Безопасности Республики Беларусь; определяет стратегии обеспечения внутренней и внешней безопасности; организует деятельность по защите национальной безопасности, территориальной целостности Республики Беларусь; контролирует и координирует деятельность государственных органов по обеспечению безопасности в сфере туризма.

Основной функцией Национального собрания Республики Беларусь в области безопасности в туризме является разработка системы правового регулирования отношений.

Совет Министров Республики Беларусь руководит системой подчинённых ему органов государственного управления и других органов исполнительной власти по обеспечению безопасности в туризме Республики Беларусь, а также контролирует подготовку и исполнение мероприятий по обеспечению безопасности министерствами, государственными комитетами, иными подведомственными ему органами Республики Беларусь.

Совет безопасности Республики Беларусь — орган, который в соответствии с законодательством координирует деятельность всех субъектов по обеспечению национальной безопасности.

Анализ задач, функций и полномочий Совета безопасности свидетельствует о том, что в его деятельности вопросы безопасности туризма могут рассматриваться в контексте более общих проблем обеспечения национальной безопасности в экономической и социальной сферах, а также информационной и общественной безопасности. Вместе с тем целесообразно рассмотреть некоторые актуальных вопросов обеспечения безопасности туризма: 1) разработка и уточнение критериев и показателей обеспечения национальной безопасности; 2) анализ состояния и перспектив развития социально-экономической ситуации в стране с точки зрения обеспечения национальной безопасности в экономической и социальной сферах; 3) выявление внутренних и внешних угроз устойчивому развитию Республики Беларусь, реализация стратегических национальных приоритетов в экономической и социальной сферах; 4) подготовка предложений и рекомендаций Совету безопасности по координации деятельности органов исполнительной власти при решении оперативных, среднесрочных и долгосрочных задач обеспечения национальной безопасности в экономической и социальной сферах, а также разработка и реализация концептуальных и доктринальных документов в этой сфере, применение специальных экономических мер в целях обеспечения национальной безопасности; 5) оценка и прогнозирование развития ситуации в области обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью, в том числе в сфере туризма; 6) организация работы по выявлению внутренних и внешних угроз национальной безопасности, связанных с террористической и экстремистской деятельностью, незаконной миграцией, преступными посягательствами, направленными против личности, собственности, государственной власти и общественной безопасности.

Министерство спорта и туризма Республики Беларусь проводит государственную политику в сфере безопасности туризма, осуществляет координацию деятельности в сфере туризма других республиканских органов государственного управления.

Министерство спорта и туризма Республики Беларусь информирует туроператоров и общественность о странах (регионах, местностях), посещение которых в данное время представляет угрозу безопасности туристов.

Следует отметить, что в соответствии с Законом Республики Беларусь «О туризме» в случае возникновения чрезвычайных ситуаций в пределах территории Республики Беларусь государство принимает меры по охране жизни, здоровья и имущества туристов, экскурсантов.

В случае возникновения чрезвычайных ситуаций за пределами территории Республики Беларусь при международном выездном туризме государство принимает меры по охране жизни, здоровья и имущества туристов, экскурсантов, в том числе меры по их эвакуации из страны (места) временного пребывания.

Законом «О туризме» также установлена обязанность государства в случае возникновения чрезвычайных ситуаций в пределах территории Республики Беларусь принимать меры по охране жизни, здоровья и имущества туристов, экскурсантов. В случае возникновения чрезвычайных ситуаций за пределами территории Республики Беларусь при международном выездном туризме государство принимает меры по охране жизни, здоровья и имущества туристов, экскурсантов, в том числе меры по их эвакуации из страны (места) временного пребывания [2].

Межведомственный экспертно-координационный совет по туризму при Совете Министров Республики Беларусь создаётся в целях совершенствования взаимодействия государственных органов, общественных объединений, участников туристической деятельности и субъектов туристической

индустрии по вопросам создания благоприятных условий для устойчивого развития туризма в Республике Беларусь, повышения его экономической эффективности, формирования конкурентной среды, защиты внутреннего рынка туристических услуг, а также для выработки рекомендаций по обеспечению безопасности.

Департамент по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь с правами юридического лица является структурным подразделением центрального аппарата Министерства спорта и туризма и осуществляет организационно-управленческие функции в сфере туризма [3]. Его основными задачами являются обеспечение всесторонней государственной поддержки развития туризма; формирование и реализация туризма в республике; реализация международных договоров Республики Беларусь и международных программ по вопросам поддержки и развития туризма; обеспечение соответствия качества туристических услуг международным требованиям и нормам; обеспечение и защита интересов участников туристической деятельности и субъектов туристической индустрии в сфере туризма [4].

Основным направлением деятельности Национального агентства по туризму является реализация мероприятий государственной программы развития туризма в Республике Беларусь на определённый период. Для достижения своих уставных целей Национальное агентство по туризму осуществляет некоторые виды деятельности. Так, основными задачами Программы развития туризма на 2016—2020 гг. являются: 1) рекламно-информационное продвижение Беларуси как страны, благоприятной для туризма, на мировом и внутреннем туристических рынках; 2) улучшение доступности, в том числе упрощение условий въезда туристов из стран, безопасных в миграционном отношении; 3) обеспечение межкультурных коммуникаций и международного сотрудничества в сфере туризма; 4) обеспечение условий для личной безопасности туристов.

Заключение. На основании изложенного можно констатировать, что основа государственного управления безопасностью туризма в Республике Беларусь представляет собой совокупность органов, обладающих соответствующей структурой, наделённых необходимой компетенцией, государственно-властными полномочиями в области обеспечения безопасности туризма и располагающих для этого силами, ресурсами и технологиями, необходимыми для обеспечения безопасности туризма. Организационная основа государственного управления безопасностью туризма требует дальнейшей модернизации. Модернизация предполагает оптимизацию структуры органов управления, уточнение их сфер деятельности, задач, функций и полномочий, увеличение бюджета на проведение мероприятий в области безопасности туризма и принятие других неотложных политико-правовых и организационных решений.

Список цитируемых источников

1. О туризме : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 дек. 2011 г., № 326-3. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс: Беларусь».
2. Там же.
3. Туристическая деятельность // Нац. агентство по туризму : офиц. сайт. URL: <http://belarustourism.by/catalog/> (дата обращения: 20.10.2015).
4. Там же.

УДК 657.1

И. А. Хитрова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЁТНОСТИ КАК ФАКТОРА, ПОВЫШАЮЩЕГО КАЧЕСТВО И ДОСТОВЕРНОСТЬ БУХГАЛТЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Введение. Современный период развития Республики Беларусь характеризуется значительными переменами в экономической, социальной, правовой сферах. Они обусловлены реформами в базисных общественных отношениях, а также необходимостью закрепления экономических преобразований на законодательном уровне.

Развитие системы бухгалтерского учёта и отчётности в Республике Беларусь состоит в дальнейшем использовании рекомендаций Международных стандартов финансовой отчётности (далее — МСФО).

Реформирование отечественного бухгалтерского учёта в целях приближения национальной системы учёта и отчётности к международным стандартам увеличивает требования, предъявляемые

к качеству информации, представляемой в финансовой отчётности, что вызывает необходимость переосмысления подходов к регулированию системы бухгалтерского учёта и отчётности; определяет необходимость использования преимуществ международных стандартов в национальной системе бухгалтерского учёта.

Основная часть. Развитие отечественного бухгалтерского учёта связано с новыми экономическими условиями, внедрением в учётную практику международных стандартов, динамичным изменением технологий, возникновением новых видов деятельности и форм расчётов. Общемировые процессы глобализации и информатизации изменяют традиционное представление о бухгалтерском учёте. Современный специалист в области бухгалтерского учёта должен учитывать особенности и использовать возможности как нормативного, так и профессионального регулирования для формирования достоверной информации, на основании которой пользователи смогут принимать обоснованные экономические решения. Возникает необходимость в применении профессионального суждения бухгалтера.

В МСФО впервые словосочетание «профессиональное суждение» встречается в Принципах составления и представления финансовой отчётности, в пункте 45 которых отмечено: «На практике часто необходимо равновесие или компромисс между качественными характеристиками. В общем, цель состоит в том, чтобы достичь соответствующего соотношения между характеристиками для выполнения основного предназначения финансовой отчётности. Относительная важность характеристик в различных случаях — это дело профессионального суждения» [1].

Детализирована сфера применения профессионального суждения в МСФО (IAS) 8 «Учётная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки», в пункте 10 которого указывается: «В отсутствие конкретного МСФО (IFRS), применимых к операции, прочему событию или условию, руководство должно использовать собственное суждение в разработке и применении учётной политики для формирования информации, которая уместна для пользователей при принятии экономических решений; и надёжна в том, что финансовая отчётность достоверно представляет финансовое положение, финансовые результаты и движение денежных средств предприятия; отражает экономическое содержание операций, прочих событий и условий, а не только их юридическую форму; является нейтральной, т. е. свободной от предвзятости; является консервативной; и является полной во всех существенных отношениях» [2].

Анализ положений международных стандартов финансовой отчётности указывает на достаточно частое упоминание понятия «профессиональное суждение». Так, МСФО (IAS) 1 «Представление финансовой отчётности» рассматривает требование применения профессионального суждения для наилучшего способа представления отчётной информации [3]. Пункты 10—12 МСФО (IAS) 8 «Учётная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки» определяют и рекомендуют руководству организации «использовать собственное суждение для формирования информации, которая уместна для пользователей при принятии экономических решений» [4].

Рекомендации использования профессионального суждения имеются и в других стандартах. Представим перечень международных стандартов, указывающих на необходимость применения профессионального суждения (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Перечень международных стандартов, указывающих на необходимость применения профессионального суждения

Наименование стандарта	Область применения профессионального суждения
МСФО (IAS) 1 «Представление финансовой отчётности»	При определении способа представления отчётной информации
МСФО (IAS) 8 «Учётная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки»	При формировании информации, которая уместна для пользователей при принятии экономических решений
МСФО (IAS) 16 «Основные средства»	При отнесении объекта к основным средствам, определении срока полезного использования, метода амортизации
МСФО (IAS) 24 «Раскрытие информации о связанных сторонах»	В отношении детализации информации о связанных сторонах
МСФО (IAS) 34 «Промежуточная финансовая отчётность»	При подготовке промежуточной отчётности
МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы»	При признании нематериального актива, срока полезного использования
МСФО (IAS) 39 «Финансовые инструменты: признание и оценка»	Для определения обесценения финансового актива
МСФО (IAS) 40 «Инвестиционное имущество»	При признании инвестиционного актива
МСФО (IFRS) 7 «Финансовые инструменты: раскрытие информации»	Для раскрытия информации о финансовых инструментах и связанных с ними рисках
МСФО (IFRS) 11 «Совместная деятельность»	Для определения вида совместной деятельности
МСФО (IFRS) 13 «Оценка по справедливой стоимости»	Для оценки справедливой стоимости

Своевременным и важным стало закрепление понятия профессионального суждения бухгалтера на законодательном уровне.

В Законе Республики Беларусь «О бухгалтерском учёте и отчётности» дано определение профессионального суждения бухгалтера. «Профессиональное суждение — точка зрения и действие главного бухгалтера организации, руководителя организации, организации или индивидуального предпринимателя, оказывающих услуги по ведению бухгалтерского учёта и составлению отчётности, принятые организацией при ведении бухгалтерского учёта и составлении отчётности, которые излагаются организацией в положении об учётной политике и примечаниях к отчётности» [5].

Учитывая современные требования к качеству бухгалтерской информации, можно указать следующие факторы, обуславливающие необходимость его применения: возможность выбора альтернативных способов ведения бухгалтерского учёта, закреплённых в нормативных актах; неопределённость отдельных нормативных правовых актов, определяющих порядок ведения бухгалтерского учёта; ограниченность ситуаций финансово-хозяйственной деятельности, регулируемых законодательством по бухгалтерскому учёту; отраслевые и другие специфические особенности отдельных организаций; внедрение в белорусскую систему учёта понятий и категорий, используемых в МСФО.

Поэтому применение профессионального суждения бухгалтера при формировании бухгалтерской информации в настоящее время в действующей системе учёта и отчётности можно рассматривать по трём основным направлениям: 1) в условиях выбора альтернативных вариантов ведения бухгалтерского учёта, регламентируемых нормативными актами; 2) в условиях неопределённости законодательства и нормативных актов; 3) формирование профессионального суждения, ориентированного на МСФО.

Заключение. Ведение учёта в соответствии с МСФО позволяет формировать систему достоверной и полезной информации о финансовом состоянии организации для её пользователей, прежде всего инвесторов, заинтересованных в результатах её деятельности. В связи с реформированием системы бухгалтерского учёта и отчётности в Республике Беларусь и её сближением с МСФО возникает вопрос о роли профессионального суждения бухгалтера в формировании бухгалтерской информации.

В результате проведённого исследования необходимости и возможности использования МСФО в целях повышения качества и достоверности бухгалтерской информации можно сделать следующие выводы и сформулировать предложения.

Мировые интеграционные процессы оказывают существенное влияние на формирование достоверной качественной информации, на основании которой пользователи могут принимать обоснованные экономические решения. В связи с этим повышается роль и возрастает значение профессионального суждения бухгалтера, о чём свидетельствует определение данного термина на законодательном уровне.

Проведённый анализ действующей нормативной правовой базы определил факторы, обуславливающие необходимость применения профессионального суждения бухгалтера: возможность выбора альтернативных вариантов ведения бухгалтерского учёта, регламентированная нормативными актами; неопределённость некоторых нормативных правовых актов в области бухгалтерского учёта; индивидуальные особенности отдельных организаций; применение МСФО в национальной системе бухгалтерского учёта и отчётности.

Поэтому в настоящее время имеется необходимость усиления роли профессионального суждения бухгалтера по следующим направлениям: законодательное обеспечение и нормативное регулирование; формирование нормативной базы; методическое обеспечение; кадровое обеспечение; применение МСФО и развитие международного сотрудничества.

Список цитируемых источников

1. Международные стандарты финансовой отчётности 2009 : русск. изд. М. : Аскери-АССА, 2009.
2. Международный стандарт финансовой отчётности (IAS) 8 «Учётная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки» [Электронный ресурс] // Тексты МСФО на рус. яз. URL: http://dipifr.info/lib_files/standards/rus2012/ias8.pdf (дата обращения : 02.02.2016).
3. Международный стандарт финансовой отчётности (IAS) 1 «Представление финансовой отчётности» [Электронный ресурс] // Тексты МСФО на рус. яз. URL: http://dipifr.info/lib_files/standards/rus2012/ias1.pdf (дата обращения: 02.02.2016).
4. Международный стандарт финансовой отчётности (IAS) 8 «Учётная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки».
5. О бухгалтерском учёте и отчётности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».

Примечание. Ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономических данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ
И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Сборник материалов
II Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 12—13 мая 2016 года)

Ответственный за выпуск Е. Г. Хохол
Технический редактор Е. П. Юзефович
Компьютерная вёрстка Е. П. Юзефович
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 25.04.2016. Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 26,50. Уч.-изд. л. 25,00. Тираж 115 экз. Заказ 903.

(Выпущено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда
фундаментальных исследований.)

Учреждение образования «Барановичский государственный университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/424 от 02.09.2014.

Ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи. Тел. 8 (0163) 45 46 28, e-mail: rio@barsu.by .
Открытое акционерное общество «Красная звезда».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/7 от 28.10.2013.

Ул. Советская, 80, 225409 г. Барановичи. Тел. 8 (0163) 42 51 58, e-mail: tpgrbar@gmail.com .